

Борис Тучин

ВЕРНУТЬ ЛАБРАДОРА

роман – антитриллер*

издание второе, исправленное и дополненное

*Примечание. Триллер – (от англ. *thrill* - трепет, волнение) - жанр произведений литературы и кино, нацеленный вызвать у зрителя или читателя чувства тревожного ожидания, волнения или страха. **Википедия**.

Антитриллер – наоборот, спокойный, умиротворяющий жанр, не нацеленный на вызывание подобных душераздирающих эффектов. **Автор**.

Новосибирск 2014 -2019

События, описанные в книге, происходили в напряженный период смены тысячелетий. Идея неотвратимого конца света волновала, пугала, тревожила. Повседневная жизнь напоминала триллер, запечатленный на экране или преподнесенный в виде какой-нибудь книги, само прочтение которой уже способно вызвать нешуточное волнение, тревогу и страх. И кажется не случайным, что поиски пропавшей собаки вели к непредсказуемым, нередко опасным приключениям.

Куда семимильными шагами проносится наша эпоха? Ответ кажется очевидным: вперёд, конечно, к расширению возможностей жизни. Но чем дольше живут герои романа, тем труднее им в это поверить. Однако в преодолении сомнений – путь миссионера.

Читатель, желающий отыскать среди персонажей романа конкретные, тем более знакомые, узнаваемые прототипы, употребит время без всякой пользы..

Всякому овоцу свое время.

Из присказок дяди Юры.
Народная мудрость

Беда, барин, буран.

Из любимых выражений тети Лизы.
Текст по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина

- Не буди лиxo, пока oно тихo.

Из рекомендаций брата Федосея.
Фольклор. Сленг

Часть первая. Искать лабрадора**Глава первая. Точка зрения вдовы**

Эмма Прохоровна

- Я вот ещё что скажу тебе, между прочим, Виталий Францевич: мы никогда друг друга не обманывали, потому и прожили все наши годы в мире и согласии. И сейчас говорю истинную правду: Диночка – мы ее так любили, как если бы у нас был ребёночек, но Бог не дал нам этого счастья, - захворала и стала чахнуть с того дня, когда мы с ней совершенно неожиданно, прогуливаясь в дальнем конце двора, наткнулись на человека, погребенного под кучей свеженарезанных сучьев.

Диночка – йоркширский сеттер, мохнатенькая, большеухая, словом, всё та же прелесть, что была и при твоей жизни.

Собственно, сначала мы увидели башмаки, торчащие над землёй, носками вверх, задранные штанины открывали голые лодыжки, мне показалось – синюшные, мертвые.

Это произошло поблизости от свалки мусора, что образуется после того, как мы выносим из квартир скопившиеся отбросы. Нет, чтобы домоуправлению сделать, как в Германии (пусть хоть бы телевизор посмотрят!) – там ставят специальные, маркированные баки, куда жители могут, рассортировав отходы, выкинуть отдельно стекло, в другое вместелище бросить бумагу, в третье металл, в четвёртое объедки. Баки нарядно, ярко покрашены и снабжены специальными табличками-указателями – не хочешь, так воспользуешься. Ладно, мы ещё не доросли, так поставьте нам хотя бы по одной ёмкости, единственной на все нужды. Да что вы, как можно, об этом ещё догадаться надо, и деньги найти и не присвоить... Хорошо, хоть теперь у всех появились полиэтиленовые, магазинные пакеты, а то бы прямо из ведер всё и вываливали...

Диночка обычно тянется к этим неприятным помойкам – вынюхивает, не завалялось ли что-нибудь мясное, какая-то косточка. В таких случаях беру её на ручки и отхожу с ней далеко в сторону.

А тут спохватилась, да поздно.

Кто-то же не поленился закидать тело, перетащив на лежащего человека чуть не всю гору сучьев и веток. Весной, это было и при тебе, по улицам ездят рабочие и обрезают лишние, как им кажется, сучья с деревьев. Наши добросовестные дворники целую неделю старались, наконец сгребли всё в одно место, получился высоченный курган. Теперь бы ещё попросить природу, чтобы не разметало ветром, да грузовую машину дождаться - для вывоза. И вот опять всё разбросано, дворнице усердные труды пошли на смарку...

Что это мёртвое тело, у меня почти не возникло сомнений. Во-первых, реакция Дины: она испугалась. Во-вторых, очень уж неподвижно лежали синие лодыжки над башмаками.. Дежурный в милиции меня потом спросил: не путаю ли я лежащего с пьяным.

- Нет, не путаю, - уверенно ответила ей.

Сегодня утром, собирая на прогулку себя и Дину, я, как всегда, сначала поприветствовала моего дорогого Виталия Францевича. Ты строго смотрел на меня с портрета, как будто предупреждал, чтобы я, выходя из дома, опять ничего не забыла взять с собой. Ты и живой всегда не упускал случая напомнить, чтобы я была внимательнее, но я и так всё помнила, а вот у тебя, не в упрёк будь сказано, иногда случались моменты забывчивости: бывало, то расческу засунешь куда-нибудь подальше, то ключи, то тёмные очки от солнца, а иной раз о деньгах или документах спохватываешься в последнюю минуту. Но мой характер остался прежним, и делаю, как ты учил, то есть не спешу вступать в препирательства по пустякам.

Боже мой, как давно это было, - будто и не я тогда выслушивала заботливые упрёки моего мужа...

Теперь меня от вечной тоски только Диночка и отводит.

На улице прохладно, прогноз по телевизору даже на дождь, и ветер западный с переходом на северо-западный. Такое состояние природы мы с моей деточкой недолюбливаем. Чтобы подружка моя не замёрзла, не дай Бог, не простудилась, я собралась надеть на неё один из наших теплых жилетиков. Вернее сказать, обрядила её в костюмчик, сшитый из старой стёганки Виталия Францевича. Костюмчик однотонный, не такой красивый, как летние, пестренькие жилетики с блестящими перламутровыми пуговицами. Зато темносинего цвета, так любимого когда-то Виталием Францевичем. И будет во время прогулки лишний раз напоминать о нём нам обеим.

В этот ранний час мы не одни в нашем скверике. Проходит молодая дама с коричневой масти компаньоном. Далее с юной хозяйкой движется красивая кавказская овчарка – по белому гладкому телу разбросаны круглые черные пятна...

Что-то давно не видать очень вежливого мужчина средних лет, выведившего своего огромного лабрадора... Человек этот выглядит моложавым, особенность его лица запоминается – волосы ещё не седые, только виски абсолютно белые, не красит же он их специально, я думаю. Пёс тоже не простой, левое ухо короче правого – верхушка, точно бритвой отрезана. Увижу их обоих в следующий раз, спрошу, когда получена травма, и какая...

Если на горизонте нашего парка появляются большие собаки, я от греха подальше опять-таки беру Диночку на ручки, а, как только эти встречные проходят мимо, вновь опускаю на землю.

С кем она считает нужным обязательно поздороваться, так это с маленьким, престарелым мопсом – он на два года моложе Дины, однако одряхлел сильнее, ходит вперевалочку, как старые матросы из советских кинофильмов, пузат и одышлив.

Мопсик – плоская морда, вся в тяжелых складках, - послушно семенит за хозяином, косолапо переваливается с боку на бок.

Случайный прохожий спрашивает у хозяина:

- Раскормили?

- Старый.

- Сколько же ему?

- Десять лет. У него уже хвост закручивается, и зубки стали выпадывать.

И слегка потряхивает головкой. Они с Диночкой, издалека завидев друг дружку, начинают повизгивать и делают вид, что требуют отпустить поводки, дабы приблизить свидание. На самом деле им это не нужно, и мы мирно проходим, иногда останавливаемся с хозяином, чтобы о чем-нибудь посудачить. Собачки наши стоят смирно, и миролюбиво обнюхивают мордашки одна другому.

Так и на сей раз Диночка вежливо поприветствовала своего приятеля, мы с её владельцем потолковали на животрепещущую тему об очередном повышении тарифов ЖКХ, разошлись.

Потом встретилась нам женщина, которая на очень длинном поводке водит молодого боксёра, собаке всего год. Они с готовностью останавливаются. Мы с той хозяйкой тоже вежливо здороваемся и не без интереса наблюдаем, как наши подопечные приоравливаются - огромный, весь гладкий, коричневый пес и моя крохотулечка, одетая в костюмчик, пошитый из старой стёганки.

Но дальнейших событий мы с той женщиной не допускаем.

Расходимся, и в общем все довольны.

Каждый потихоньку двинулся по своему маршруту, и вот мы наткнулись на эти несчастные ботинки. На человека, лежащего навзничь под грудой свежесрезанных сучьев и веток.

Бедная моя девочка отпрянула, взвизгнула. Тут же отвернулась и потребовала скорее уйти отсюда. Что я и выполнила.

Дома я решилась позвонить куда надо. Посоветовавшись мысленно с Виталием Францевичем и получив одобрение, набрала 02.

- Запишите сигнал, - предложила я тому, кто поднял трубку. - У нас мёртвого человека притащили к мусору и для маскировки забросали свежесрезанными сучьями и ветками. – Назвала улицу, номера домов, между которыми увидела то, что увидела, и описала место во дворе. И не упустила возможности высказать представителю власти о том, что я думаю по поводу неразворотливости нашего местного руководства. - Может быть, хоть этот случай заставит власти подумать, что делать с мусором. Если начали уже умерших людей подбрасывать туда, где накапливаются всякие отходы...

- Может, и заставит, - заметил дежурный со вздохом, переспросил улицу и квартал, поинтересовался моей фамилией и тем, по какому адресу прописана. Называть это всё я отказалась наотрез – ещё станут таскать в свидетели, что мне с моим сердцем и гипертонией совершенно излишне.

- С чего вы взяли, будто он мёртвый? - переспросил дежурный. – А не пьяный? В лицо не посмотрели?

- Что вы? Зачем?

- Некоторые разглядывают из любопытства.

- У меня такой любознательности нет и быть не может. Я высказала мою точку зрения, и с меня достаточно. А вы разбирайтесь. На то вы и милиция.

- Рубчика на лице не видели? На правой щеке, посередине, например? А волосы... а шапка... случайно, не вязаная, синяя, с ярлычком под вид кокарды?

- О чём вы говорите – какой рубчик? Какие волосы? Какая шапка?... Там же всё скрыто под кучей древесных обрезков!..

- А во что этот человек был обут, не заметили случайно? Не армейские ли ботинки были на нем? С высокой шнурковкой?

- Знаете, я гуляла с моей собачкой. Тут она сильно занервничала. Из-за неё мне нужно было поскорее уйти с нехорошего участка...

- Или стоптанные туфли? – настойчиво спрашивал дежурный. – Мешки при нём были, пакеты, чемодан?

- Нет. Не заметила.

– Зимние ботинки были на нем - бесформенные, грязные, со спущенными завязками, словом, какие обычно носят бродяги во все сезоны? Нет?

- Точно нет.

- Или сандалии?

- Нет.

- Сапоги?

- Не похоже.

А когда он спросил про *б'ерцы* на синей подошве с красной искрой, - тут я решила, что его безумный допрос надо заканчивать. Я же не знаю, что такое *берцы*, да еще на синей подошве с красной искрой.

Бывает, говорят про белые тапочки, мне еще понятно, циничная острота, так я же ему про покойника и рассказывала.

Но было уже не до шуток, и я, Виталий Францевич, признаюсь тебе, брякнула первое, что пришло в голову, и, возможно, попала в точку:

- По-моему, не ботинки вообще, а кроссовки на плотной подошве. Знаете, теперь такие носят не только молодые люди... Потому что дешёвые. Не так, чтобы сильно потёртые, но и не совсем новые.

Видимо, мои подробности его наконец удовлетворили.

- Так не подскажете ваши фамилию, имя, отчество? И адрес?

- Я же объяснила... Только сигнал!..

- Хорошо. Понято. Анонимный звонок, - констатировал он. И сказал напоследок: - Спасибо, будем разбираться. У вас к нам всё?

Тем и кончилось моё сообщение. Совсем промолчать я не могла, совесть бы не дала успокоиться. Но и идти к ним в свидетели себе дороже. Может, возле мусорной свалки и правда валяется пьяный, но я исполнила свой долг, и тем довольна.

Хорошо, а пьяный – разве не человек?

Ты, Виталий Францевич, наверняка одобрил бы меня в том, что позвонила, и в том, что не навязалась им в свидетели.

Быть может, для них важно, во что был обут мертвец. А я не криминалист, работала по другой специальности. Что заметила, то и рассказала...

Ночью Диночка плохо спала, повизгивала, фыркала и кряхтела.

А я все думаю: всё-таки там лежал не пьяный человек, а мертвый. Ноги-то совсем синюшные...

И почему владелец со своим престарелым мопсом - оба - не обратили на него внимание, вот вопрос...

Или та женщина с боксёром – вопрос еще один...

И не позвонили, куда надо, а всё на меня переложили...

Глава вторая. Профессор и его собака

Куприянов

День поначалу складывался удачно. Мы с Барри наведались в ближайший магазин ZOO. Намордник – неприятная, хотя и, к сожалению, потребовавшаяся нам вещица – предлагался только в унизительном матерчатом варианте, чему я даже вчуже порадовался, как отсрочке, будем искать ещё, но не сегодня. А пёс, полагаю, и вовсе возликовал.

Самое главное – я успел перехватить ректора. Секретарь Марианна Юрьевна была в настроении, встретила широкой улыбкой:

- Проходите, Лев Александрович. Ваши бумаги лежат на столе у ректора в папке первой очереди, я положила поверх всех остальных. Записку он уже просмотрел.

- И?..

- Сказал, что смета чувствительная для нашего бюджета, но министр утвердил, Поэтому ректору сказано задать вам последние вопросы, - прежде, чем всё подпишет. Хорошо, что вы не опоздали, ректор буквально уже как бы под парами. Ночью самолет в Америку, командировка долгая, а без его визы никто во всём университете подписи поставить не посмеет.

- Как вас благодарить, Марианна Юрьевна!

- Не стоит благодарности. Я на посту. Так что – вперёд!

Вопросы у ректора, как и предполагалось, не оказались тяжелыми. Кораблики в кабинете по-прежнему располагались на месте: шхуна Норденшельда «Вега» литографированным эскизом на стене, наш с ним парусник на тумбочке. Павел только вздохнул и развел руками: мол, погоди, ещё поплаваем, но не сейчас, не сейчас...

- Всё висело на ниточке. Наверху, знаешь, асы какие... Но обошлось без откатов. Смета состоялась, министр не подкачал. Двигай, давай, Лев Куприянов!.. Теперь опять заживём, как большие...

Я поехал в кондитерскую, на счастье с выбором повезло: без долгих поисков купил изящную коробку конфет, изготовленных в Бельгии. Хорошо всё-таки, что удалось дождаться времени, когда зашёл в магазин, и взял то, что греет сердце, а не выискивал, высунув язык, то, что припрятано и выдается только по блату.

Таким образом, по выходе из магазина у меня в портфеле оказалась подлинная новинка – реальная, не просроченная.

И Марианна Юрьевна благосклонно приняла сей скромный дар.

Вечер высвободился, я и Барри вдосталь набегались в парке, пора было домой. Видя, что ему не хочется уходить с улицы, я отстегнул поводок и более не удерживал Барри.

Мой друг меня и подвёл.

Я проутюжил колёсами всю округу, заезжал во дворы, дошёл до того, что спрашивал у встречных, не видел ли кто одинокого лабрадора в ошейнике, но без поводка, и с повреждённым ушком. Напрасно терял время.

Эх, не столько намордник надо было искать, а скорее такую штуку, как радиоошейник. Наверняка новинка до нас дошла, и где-то теплится. Заполучив её и употребив по назначению, я мог бы по мобильному телефону связаться с Барри, где бы он ни находился.

Знал бы, где упасть, соломки подстелил бы.

Сон за всю ночь не снизошёл ко мне ни на миг. Ночью мысль свербила одна и та же: радиоошейник. В следующий раз, хоть завтра с утра, всё бросив, искать, искать, интернетить, звонить, спрашивать, ездить – разыскивать чудесную радиоигрушку...

И прочая чушь собачья лезла в голову.

Но утром воленс-ноленс опять влез в упряжку с макушкой: лекции, консультации, семинарские занятия, зачётные хвостисты... Весенняя страда во всей красе.

Урвал полчасика, смотался домой. Слабую теплил надежду: вдруг Барри самостоятельно добрался до нашей квартиры, сидит у порога, мешая соседям громким воем и самым своим присутствием. Естественно, предстоял бы скандал, очередное настойчивое напоминание о ненадетом наморднике и прочей гадости, но я всегда находил компромиссы, дело привычное. И опять бы, думаю, все уладил.

Но дома ждала пустота.

Думалось о самом страшном.

На переходе между двумя корпусами вальяжно прохаживался профессор и свеженоминированный в РАЕН* действительный член ея (академии) некто Вадим Р. Крайнев. Мои поздравления ранее уже отзвучали.

* Российская академия естественных наук.

Славнейший Вадим Р. по обыкновению подлавливал на живца собеседников.

- Носится упорный слух, будто ректор наконец подписал тебе смету? - в тональности вопроса сквозила скорее зависть, нежели радость чужому успеху.

- Слух из неопровергаемых.

- Провалившись, всех собак на тебя повесят.

- Пусть вешают всех, но вернут мне только одного Барри.

- Куда же опять девался твой ласковый зверь Барри?

- Пропал. Где он, что с ним, - можно строить только догадки..

- Кстати, надеюсь, ты нашу маленькую церберинхен Марианночку не обездолил подарком?

- Ей досталась бельгийская новинка. Конфеты свеженькие, по-видимому, - на слогане еще бронзовая краска не остыла.

- Встретила с пониманием?

- Ей понравилось.

Для В. Р. имело значение узнать, во что обошёлся подарок ректорской секретарше. Я назвал стоимость конфет с некоторым превышением, потому что, как обычно, с точностью до единого рубля не дал себе труда запомнить.

- Кстати, Марианна сама конфеты не ест. У неё диабет, живёт без сладкого. А подношения скармливает троим внукам.

Размер затраченной суммы больше не обсуждался.

- Слушай, В. Р., - сказал я, - Ты, когда бреешься, глядишь в зеркало?

- Хочешь сказать, будто бреюсь наощупь, и лицо не выбрито?

- Выбрито, выбрито. До синевы, не беспокойся!... Другое. Не замечаешь, что в твоём орлином облике появляются странные изменения, которые можно прочесть по глазам?

- А что такое?

- Был молодой мужчина, стал молодящийся.

- Существует еще определение «моложавый».

Находчивый В. Р. забеспокоился. Быстро соображает, в чём подвох. Не намекаю ли на какие-то, одному мне известные признаки глазных болезней. На катаракту, не дай бог? На глаукому, ещё не лучше?

- Похоже, например, что ты наконец перестаёшь смотреть на меня свысока. Или я выдаю желаемое за действительное?

- В твоих мечтаниях о несбыточном проявляется заурядность личности.

- Нет, правда, как у тебя с позвоночником?

- Если ты продолжаешь смотреть на меня снизу вверх, значит, мой позвоночник безупречен. А вот ты всё тощаешь и бледнеешь. Ректор не завалил смету, так чего худеть-то?

- Причин более, чем достаточно. Смета подобна твоему позвоночнику – стойко выдерживает все испытания. Я же стараюсь достучаться до тебя с жалобой на свою очередное горе: у меня пропал Барри.

- Жду, когда наконец ты перейдёшь к подробностям.

Я принялся рассказывать.

Дослушав и поигрывая тростью, он тотчас приступил к информационному обмену. Дело в том, что, как выясняется, В. Р. смертельно устал от собственной жены, - как только один человек может уставать от другого...

- Из её уст можно услышать то же самое. Она от тебя устала не меньше. Процесс обоюдный.

- Устала ли жена – подробность её биографии.

Он продолжал - всё о том же, что я слышал уже не в первый раз, далеко не во второй, но и, разумеется, не в последний. В. Р. с удовольствием хоть сейчас бы расстался с женой, да не хочет затевать заведомо скандальную возню с процедурой развода.

Я слушал вполслуха, имея в мыслях пропавшего Барри.

У Крайневых в семье застарелые распри, и, насколько можно заключить из обоюдных признаний, именно В. Р. держит жену в напряжении, тиранит, находя тому оправданье в её будто бы полной житейской несостоительности. Хотя оба - профессора. Или, как любит выражаться В. Р. : проф`ессоры. Никак не наоборот. Между прочим, никогда не называет её по имени. Тем более, с отчеством – ещё чего не хватало!.. «Жена», и все.

Изложив дежурные претензии к Зое Порфириевне, Крайнев опять последовательно занялся мною.

- Видишь, что значит быть машиновладельцем, - назидательно заметил В. Р. - Жена погибла, теперь и собака пропала.

- Хотелось бы знать, причем здесь машина? Где мельница, а где вода...

- Так говорят в Одессе, - отзывчиво согласился Крайнев. - Конечно, вода без мельницы - чистой воды совпадение. Всё могло произойти и без машины.

- Ты, между прочим, однажды говорил, что тоже собираешься покупать автомобиль. Купил или раздумал?

- Раздумал. От автомобиля забот и расходов больше, чем пользы и радости. К тому же Ст`эфен меня не поймёт. Зачем куда-то ездить, скажет, - лучше, хозяин, давай-ка, придумаем чего-нибудь попроще!.. Надо открыться тебе, как другу, не для передачи посторонним, - хорошо? - мы со Стэфеном оба изрядно поизносился. Кот совсем обленился, облюбовал себе место на шкафу, день и ночь там валяется. Ради туалета спустится вниз, сделает одолжение. Сходит в ящик, попьёт тёпленького молочка, что я ему наливаю в отдельную хорошеньюкую мисочку, - и запрыгивает обратно на верхотуру. Вот и все усилия – этот прыжок. На большее не хватает - мышцы, должно быть, атрофируются. Заляжет на боковую, и может, не просыпаясь, дрыхнуть без перерыва целые сутки, паршивец!..

- Мне бы твои несчастья...

- Верно, тебе не позавидуешь, - признал В. Р. – Вроде бы не лысеешь, но уже серебришься, виски полностью обесцветились. Особая примета – радость криминалистов: белые виски при относительно тёмной шевелюре... Ничего не остается, как запастись мужеством и пережить напасти, - утешал Крайнев. - К тебе вплотную приединулась знаковая полоса, наваливается бремя плохих событий. Не что иное, как поворот судьбы... Теперь только держись. Все посыпается. Находи утешение в осознании закономерности: нынешняя действительность не стабильна, однако не вечна, неизбежны флюктуации в лучшую сторону..

Так В. Р. Крайнев продолжал разглагольствовать в своём излюбленном ключе и в том смысле, что рано или поздно всё плохое на земле кончается, текущее безвыходное положение обязательно перейдёт в позитив – плавно или скачкообразно, не предсказуемо, потому что неизбежно так происходит, ты же знаешь...

Я мог предъявить лишь одно возражение.

- К твоим рассуждениям трудно придаться. Разве что в предлагаемой концепции упускается весьма важное обстоятельство: до следующего благоприятного периода нужно ещё дожить.

- Отчего бы нет? Ты крепкий. В отличие от меня, спортом не пренебрегаешь...

- Но ты философичней, что признано на всей Земле и в ее ближайших окрестностях.

- Если ты говоришь о Петровской академии наук и искусств, то да, ценю твои поздравления, сделанные, как только оттуда пришел билет действительного члена, и ты осчастливили посещением банкета..

- Так, в свете нового статуса, не обойди советами меня, грешного. Если сизойдёшь с академического Олимпа, то скажи что-то особое, важное, редкое, мудрое...и так далее...

- Редкое, мудрое говорят нобелевские лауреаты. Кто-то, - не помню фамилию, может быть, подскажешь, - часто цитируемый - осчастливили нас афоризмом: открытие – это то, что видят все, а замечают немногие.

- Так порекомендуй, к чему в нынешней, по твоему определению тягостной, полосе следует готовиться?

- Даю совет совершенно бесплатно...

- В. Р., я всегда по достоинству ценил ваше бескорыстие.

- И продолжай ценить. Требуется иметь в виду банальные вещи: при всяком надвигающемся бедствии прежде всего необходимо позаботиться, чтобы мошна не пустовала.

- А здоровье?- спросил я.

- Какой-то провокатор, чье имя с презрением позабыла история, в глубокой древности запустил в обращение максиму, заявив: здоровье за деньги не купишь, – и тысячу лет все, кому не лень, повторяют. Купишь. Еще как купишь!.. Заболеешь, пойдёшь лечиться – куда направишься? Если по старинке в обычное медицинское заведение, только сильнее захвораешь. Как раз и новые несчастья накличешь. Не говоря уж об отсутствии лифтов, некомпетентности врачей, диких очередях и прочих неудобствах, идущих от нищеты и неудачной организации здравоохранения...

- Ближе к теме...

- Вот, совсем рядышком. Здоровье покупается только за деньги, исключительно за деньги. И стоит дорого. Ныне у нас частники появились легально, а то бы мы совсем пропали... Меня пользует известный уролог. - В. Р. назвал фамилию, я не запомнил. - Естественно, приходится платить. Немало. Но это по крайней мере оправдано. Запиши адрес.

- По этой части , слава богу, проблем нету.

- Нет, так будут. Пиши адрес. Вбивай в телефон.

Я вбил.

- Кстати, как твоя миловидная ассистентка? Делает успехи? Тебя утешает? Если не справляется, передай её мне на первый случай.

- Она не кукла, сама выбирает, чему учиться, с кем работать и под чьим руководством готовиться к защите...

- Ладно, дальше – тишина... Тематическая тишина... Спрашиваю исключительно для расширения нашего общего кругозора. Яркая женщина – украшение на любой кафедре. У меня молодые хорошо защищаются – не вопрос...

Осознав, что развивающая тема собеседнику не совсем приятна, чуткий В. Р. Крайнев оставил мою запоминающуюся ассистентку в покое, и, как заведено, перешёл на

последние новости из университетской жизни, немного поразвлекал меня сообщениями про умопомрачительные дрязги в ректорате и на кафедрах, небезразличных нам обоим. Не преминул упомянуть о завистниках, которые, возможно, попробуют ставить палки в колёса в процессе реализации моей сметы, при намечающемся уходе ректора наверх, в правительство, после возвращения его из Стенфордского университета в Америке.

Лучше В. Р. никто не знает нынешних претендентов на должность ректора и двух проректоров, а также никто полнее, чем он, не владеет источниками и по более глубинным вещам: у кого, например, и на каком уровне рука в министерстве, и каковы шансы каждого желающего захватить предполагаемую вакансию.

Настроение мое, и так испорченное дальше некуда, не поднялось ни на градус. Внутренне мобилизовываться в кошмарных обстоятельствах я и без ВээРовских пугалок пока не разучился.

Впрочем, поскольку крайневская осведомлённость всегда безупречна, то и речи его с благодатных студенческих пор привычны и не раздражительны для моего восприятия.

В принципе я не лишен понимания того очевидного факта, что поступающая ко мне, свежевыпеченная информация про хорошо известных особ, в быту называется сплетнями и по большей части осуждается за спиной её носителей.

Но, если сплетничают человек, которому я доверяю, то мое сознание не травмируется, а даже каким-то непостижимым образом умиротворяется. Болтовня В. Р., стало быть, способствует переключению мыслей с негативного регистра на что-то более удобоваримое. По-видимому задействован психотерапевтический эффект, из тех, в которых учиняют свои разбирательства мои друзья психологи-энэллисты.

Ежели не двигать всю эту дребедень дальше в массы, то в обсуждениях по поводу новостей о близких знакомых ничего предосудительного я во всяком случае не нахожу.

Другие находят, я - нет.

Интересно, если сказать самодостаточному Крайневу, что он похож скорее на дилетанта, чем на подготовленного энэллиста,* - будет уязвлен?

*НЛП (энэлпи, NLP, англ.) – нейро-лингвистическое программирование. Популярный психотерапевтический метод. Энэллист – специалист по НЛП.

- У вас в собачьем мире, Барри, не сплетничают, а у людей очень многие этим активно занимаются, и получают удовольствие...

Как бы там ни было, приключенческие новеллы В. Р. Крайнева сработали. Тяжкие мысли меня отпустили - по меньшей мере на то время, что мы с ним поговорили, и чуточку позже. Знаю, что отвлекаюсь ненадолго, потом опять все вернется. Сейчас-то полегчало, и хорошо. И вот для чего в трудный час бывает необходим сей муж благородный.

Далее он последовательно и небезинтересно остановился на женском вопросе, и, с определенной мужской спецификой, но всё же не слишком опускаясь в трясины пошлости, выложил набор анекдотов – появившихся недавно, и не совсем свежих. Этого добра у него всегда в избытке: коллекционер...

Говоря о пострадавшем позвоночнике Крайнева, я подспудно стремился предотвратить очередные колкости в мой адрес. И тут вполне осознанно без всякой пощады мною – встречно, встречно! - задеваются тонко звучащие струны.

После микроинсульта В. Р. ссгустился, оттого сделался ниже ростом, что, видимо, переживает, как поражение на жизненном марше, заипохондрил, и, определенно

утрируя, стал имитировать потяжелевшую походку. Слегка прихрамывает, особенно, если знает, что на него кто-то смотрит. Как-то раз похвастал, что вот, даже специально заказал оригинальную трость из материала под красное дерево, с замысловатой рукояткой, - конечно же, имеющей облик соблазнительной женской фигурки.

- Да здравствует античность! - сказал я.

- Хочешь, дам адрес специалиста по изготовлению тростей? - отозвался В. Р. и добавил: - *Тростяник* - единственный специалист на весь город.

- Иначе и быть не может. В твоей обслуге все спецы - уникальные: что уролог, что тростяник...

- На том стоим.

- Но я до запросов к обоим этим спецам пока не дозрел. Тяжелая штука-то?

- Возьми, подержи.

Не берусь утверждать на сто процентов, но по-моему такая, довольно увесистая дубина понадобилась её владельцу скорее для антуража, нежели для устойчивости и облегчения в передвижениях.

Так ведь и право на какие-то льготы профессору, пострадавшему от осложненного недуга, бывает отнюдь не лишне подкрепить соответствующей случаю вещественной инструментовкой: пусть тот, кому предназначено, узрит последствия тяжкой болезни, и лишний раз проникнется сочувственным порывом...

А на кого расчет? На профсоюз и на ректора.

На то он и В. Р. - этот предусмотрительный Крайнев.

- Твоя подсказка насчет до синевы выбритого лица побуждает к действиям.

- Каким же именно?

- Восстановлю-ка я период благолепия, утраченного не безвозвратно, - заметил В. Р.

- Какого? Неужто опять бородка?

- Ну, не окладистый же бородень культивировать, - сказал Крайнев и хмыкнул.

Пора было расставаться.

- Увидимся, - сказал Крайнев. - Заходи.

И с тяжеловесной слоновьей грацией пошел себе дальше, опираясь на трость.

Я невольно поглядел ему вслед.

Крайнев не служил в армии, но, по его словам, в далекие школьные годы занимался конным спортом, и на этом основании всегда бравировал усами и ростом, и выпрской.

Шуточки, хохмочки:

- Высокорослость нужна хотя бы затем, чтобы смотреть на тебя сверху вниз..

Однако *sic transit gloria mundi*...*

* Так проходит слава мирская (лат.).

Крайнев говорил о той способной ученице, что вне всяких оговорок является лучшим за последние годы моим профессиональным приобретением. И, без дураков, - укращением кафедры.

Ко мне часто благоволят студентки, и, полагаю, есть за что. Я никого из них – как, впрочем, и мальчиков – не обижаю придирками, не скруплюсь на отметки, при надобности могу результативно защитить в деканате.

И вот одна из девиц проявила особенное внимание к моей персоне еще в ту пору, когда она, перейдя на четвертый курс ест. фака, только что записалась на мой, «куприяновский» факультатив.

Она всегда раньше других оказывалась на занятиях, дабы никто не успел занять её место на первой парте. Была внимательна, сосредоточена, и никогда не демонстрировала той скуки, что откровенно сквозила у некоторых, не обязательно самых ленивых ребят, приходивших ради зачета или отработки пропущенных часов. В

дискуссиях задавала осмысленные вопросы, хотя не злоупотребляла их количеством. Подготовила не так уж много докладов, но составляла их основательно, не ленилась искать и обрабатывать источники. Сразу усвоила мои рекомендации не прибегать к пиратству в пучинах интернета, а делать обязательные ссылки на авторов, названия, страницы и сайты, и посты, и блоги, - и была скрупулёзна. Говорила гладко, избегая эканий и мычанья. Умела быть лаконичной, так что группа её хорошо слушала.

Однажды, когда занятия затянулись допоздна, она как будто специально осталась после ухода остальных студентов, дав понять, что якобы для обсуждения темы ей не хватило времени. Она вызвалась проводить меня за порог университета, причем из-за очереди в гардеробной выскочила на ходу без верхней одежды, с непокрытой головой, в одной очень короткой куртке и джинсовых брюках. И вот в таком-то виде девушка, похоже, была готова идти куда угодно, лишь бы рядом со мной, однако я пожалел её, да, надо сказать, и себя тоже.

Мы лишь завернули за угол главного корпуса, подальше от толпы, и там остановились.

Фонари временили зажечься. Нагая полоска между короткой курткой и джинсовыми брюками нежно сквозила в густеющих сумерках, резкими, обжигающими порывами налетал ветер, разноцветные листья опадали с берёз и осин, замысловатыми траекториями бороздили пространство, едва не задевая щеки острыми гранями. Ледяная изморось тоже вряд ли кому-то могла приглянуться.

Однако у меня в моем возрасте хватило благоразумия и выдержки отстраниться и не снять с рук перчатки, чтобы согреть её своим теплом. Она всё поняла правильно, и вскоре мы распорошились.

В наших отношениях это был первый и последний эпизод такого рода.

Возможно, она и вправду испытывает искренний интерес к моему предмету, в смысле не хобби, но профессионального выбора. Реализм Вселенной кого-то влечёт, иных отталкивает. При близком знакомстве с темой моих исследований первоначальный мистический настрой, если он есть (у большинства поначалу имеется), быстро исчезает сам по себе, заменяется волшебством расчётов и формул, а также поисков среди лингвистических групп и артефактов археологии в привязке к геологическим реалиям. Зарплаты же, как у всех.

Опять же – по моей программе предусмотрены экспедиции с неизбежной оторванностью от благ цивилизации. Казалось бы, спеши за романтикой и за запахом тайги. Однако пять лет не давали денег, и всё уже замирало...

Словом, дело на любителя.

Я на свой счёт не заблуждаюсь, ибо профессиональный академический авторитет создавал не болтовней, а длительной работой над собой и своим имиджем. Сейчас мало кто ценит ярких собеседников, и до трагедий последнего лета, пока я был не один на свете, а с Леонтиной и с тобой, Барри, я всячески старался поддерживать свою, «куприяновскую» репутацию: серьезно готовился к каждому рабочему дню, постоянно освежал информацию, трудился над техникой преподнесения материала, дабы всякий раз иметь и по возможности занимательно выкладывать что-нибудь новое, не замыкаясь только в пределах своей дисциплины.

Это всё не блажь. У нас надобно постоянно держать ушки на макушке: нынешнее студенчество нахватывается из интернета всякой всячины, как правило, никогда не ссылаясь на авторов. Высказываются поверхностно, часто хаотично, зато многие выбирают из новостей то, что звучит актуально. И, если не выловил или не успел прочесть тот материал, на котором тебя испытывают, легко попадаешь впросак.

Не исключены и заведомые провокации. Попадаются умники, которые откровенно прощупывают преподавателя, на что годится. И в любой момент, случается, так

блеснут эрудицией перед группой, что естественная самонадеянность преподавателя может сыграть с тобой злую шутку: раз упадешь в их глазах, потом из расставленной западни не вдруг выкарабкаешься.

Сплетничают все: складываются, в основном, женские коллективы - и среди студенчества, и в преподавательском составе. И мужики тоже не отстают, иные не прочь при случае крепко помять кости ближнему. Все всё друг о друге знают, обсуждаются, например, не без сmakования, малейшие перемены в чём-нибудь семейственном положении.

Ассистентка слышала о моих утратах, и по поводу Барри тут же села за комп, вышла на соответствующие сайты с призывом о помощи. Авось, отзовутся... Затем большими буквами набрала и напечатала трогательное объявление о пропаже, и с пачкой экземпляров, со скотчем отправилась развешивать или расклеивать.

Гоню от себя мысль: я сентиментален, - стало быть, уже и старомоден. Неужто? Так не хотелось бы. И думаю, что не могу соответствовать ничьим ожиданиям, не важно подлинным или мнимым, но всегда – иллюзорным!.. И раньше-то избегал тех романтических, по облику весенних связей, в которые впадали некоторые мои сотоварищи и знакомые, а нынче тем более - где взять столько энергии?...

Меня, одинокого волка, блуждающего в недружественных дебрях, на каждом шагу подстерегают коварные ловушки, именно потому одна из моих главных задач – избегать расставленных капканов.

Первый брак, распадаясь, агонизировал достаточно долго, меня дёргали, специально дразнили, я остро, до сердечной боли чувствовал себя оплётанным, униженным, совсем разбитым, но всё равно не искал утешений на стороне.

- Столько шансов, а ты упускаешь, и всё безвозвратно, - подталкивал Крайнев. – Бредешь в полной тьме, и так тебе и надо, беспутнику!..

Действительно, всё было рядом, всё горячо, соблазн на соблазне. Стоило только руку протянуть и сорвать яблоко с ветки...

Но я так и переболел в одиночестве.

И не впадал в прострацию, как сейчас.

В ту пору и разница в возрасте со студентками ещё не выглядела катастрофичной. И, если бы тогда на меня хоть одна из них настойчиво надавила, то не уверен, смог ли бы я устоять... Но дело - прежде всего, и дни летели за днями, работы всё прибавлялись, карьерный эскалатор возносился вверх, зарубежные деловые связи правительством перестали пресекаться, а скорее в чём-то и поощрялись, - время таким образом насыпалось до предела, вечная занятость ненасытно пожирала месяцы и годы.

Искушения, разумеется, случались, - как иначе? - но совсем бледные, эфемерные, потому что я сам не хотел раздувать огонёк до масштабов костра или пожара.

Агрессивных же покушений на мою свободу, пожалуй, и вовсе не было.

Каков я есть, со стороны виднее.

Позапрошлой зимой случайно пересеклись на лыжной трассе с бывшей однокурсницей Люсей Сангайловой. Скуластое лицо нисколько не изморщнилось, глаза всё так же черными миндалинами блестели в узких, продолговатых разрезах. Веселая, раскрасневшаяся, в толстом, расшитом свитере, алых рукавичках и нарядной белой шапочке с помпончиком и цветочком, - Люся Сангайлова, однокурсница, лидер тренировок, звезда соревнований, остановилась, сошла с лыжни, и я последовал за нею.

Посторонились, чтобы не мешать другим.

- Часто катаешься здесь, Лёвик?

- Не в системе. А ты, Люсьена?

- А я в системе.
  - А время откуда?
  - Времени дополна. Тебе уделить – легко.
  - Как понимать?
  - А вот... Я опять одна. Со вторым мужем расстались – была без радости любовь, разлука, значит, без печали. Детей нет. Свободна. С тобой могла бы сойтись, но это в прошлом, а сейчас опоздали.
  - Оба?
  - Прежде всего ты: занят, и настолько прочно, что свою несравненную Леонтину ни на кого не променяешь, ага?
  - Хорошо, допустим. Ещё какие препятствия?
  - Но нельзя просто так – надо влюбиться!.. Наверное, я бы и смогла влюбиться, но возле тебя возвышается какой-то плотный ментальный барьер, знаешь, вот такой кокон, – она показала, крест на крест обернув себя руками с лыжными палками. – Либо, хуже того, стена с вышками и проволокой, по которой пущен электрический ток. Я провела детство в тех краях, где подобного добра было не мерено... Ты вроде человек интересный, порядочный и, надо полагать, не бедный, потому что состоявшийся и перспективный ученый. Знаменит. А вокруг столько одиноких женщин: мигни, и любая бросится на шею.
  - Не бросаются.
  - Должно быть, боятся, что ли...
  - А ты боишься?
  - Я боюсь. Не соответствовать.
  - Зря.
  - Не зря. Ты весь в колючках. Сам не замечаешь. Вот и всё... Рванули!...

Взметнулись палки, засверкали на солнце поднявшиеся вороха снежинок, и Люся Сангайлова, чудо тренировок и гонок, вошла в колею и тут же растворилась на спуске в морозном голубом воздухе, вместе с лыжами, палками, а также толстым, расшитым свитером, алыми рукавичками и нарядной белой шапочкой с помпончиком и цветочком.

Словно и не стояла только что вот тут рядом.

И лёгкий пар её дыхания растаял.

Милая, обаятельная снежная королева Люся Сангайлова! Тебе, слава Богу, не дано понять, что на свете нет ничего более непрочного, чем человеческое благополучие. Ветер чуть посильнее дунул, молния ближе сверкнула, ливни пролились – и всё разлетелось вдребезги, остались только боль и слёзы...

И, как в старину говорилось: да минует нас чаша сия.

Тебя хотя бы пусть чаша сия минует...

... А эта ассистентка еще не родилась в мучительную пору моего развода. Возможно, уже была платонически запроектирована родителями, но, точно, свет ещё не увидела. Нынче вот явилась, а разница бог весть во сколько лет, даже называть не хочется. Скоро я одряхлею, подобно Крайневу и его замечательному коту Стэфену, она же вступит в пору зрелости, и что мы в результате получим?

Раньше власти пытались отстаивать принцип супружеской верности, вообще единобрачия, разборками на партийных собраниях, однако плотина по большинству ситуаций оказывалась непрочной, потом и эти допотопные кары перестали хоть как-то работать. Однако в известные годы, допустим, имелась материальная сторона, маленькие хищницы розовыми, лакированными коготками ухватывали седовласых ученых, а этим последним, - кто хотел, - подобные связи добавляли престижа. Хватало денег и темперамента на семью, на алименты, да ещё и на любовниц.

Сегодня же, когда нас так опустили, - лишней пары брюк не купишь, не то что крутить роман со студенткой или кафедральной сотрудницей.

Тогда, после её четвёртого курса, всё рассосалось само собой.

Я был доволен жизнью с Леонтиной, и, - права Люся Сангайлова, - вовсе не помышлял об иной участии.

С разницей в годах у меня и у Леонтины всё было в порядке, никаких натяжек. Беглое знакомство внезапно продолжилось водоворотом, нас обоих затягивало, как смерч, и строки романа почти мгновенно заполнились целиком и полностью, от буквы до буквы. Один знаменательный вечер многое расставил по местам, и в нашем союзе всё сцепилось с неодолимой прочностью. Назавтра Леонтина без колебаний ушла от опостылевшего мужа ко мне и нерасторжимому со мной Барри.

Ты, Барри, стал ей не менее близок, чем был мне. Я это оценил по достоинству: будь по-другому, наверное, и мой союз с Леонтиной мог не выдержать испытаний бытом и службой. И я хорошо понимаю, как тебе больно, и отчего в недавнем прошлом на стоянках ты часто занимал своё излюбленное положение у левого заднего колеса: я помещался за рулем, а Леонтина в салоне всегда садилась на заднем сидении наискосок от меня, и ты запрыгивал туда же, размещаясь на сиденье слева от Леонтины, у дверцы.

Сегодня мне открывается истина: ты будто улавливал чутким обонянием эманацию гранитного столба, открывавшего каменистый разлом, возле которого десятилетиями всей мощью горной природы выстраивался ствол роковой сосны.

Гранитные скалы и мощные, мрачные сосны – вот сочетание, которое тебя тревожило. Возможно, из-за того следа, что остается и закрепляется в генетической, родовой памяти домашних животных - существ, чьи предки когда-то были вывезены из далеких, экзотических стран, и куда ни им, ни потомкам их заведомо нет и не будет возврата.

Но ты не человек, а всего лишь добрый, замечательный компаньон людям, и ты, зверь, не можешь знать того, что на земле дано знать только нам, людям.

Оттуда, куда ушла Леонтина, никто и никогда не возвращается.

Годы пролетели, как один день. И, если б не её экстремальные наклонности, помноженные на мое тупоумие и, пожалуй, на твою, Барри, неодолимую страсть к водяной стихии, жить бы да жить...

Механизм катастрофы, как представляется, достаточно прост. Ну, элементарная же, совершенно детская ошибка – при наступлении грозы не укрываться в палатке, а вылезти наружу, дабы получать удовольствие от стояния в укрытии под вековым деревом! За ней такие странности водились...

В горах, где разрежённый воздух невесом и прозрачен, гроза иногда собирается долго, а налетает внезапно и оглушительно, проносится бурей, раскалывает небо огнем, сотрясает округу громовыми раскатами, и, единым махом обрушивая наземь стены воды, снова уступает место безветренной ясности. Вот как раз такое безудержное возбуждение природы и случилось на нашу погибель.

Не предчувствуя беды, я вознамерился скорым колесом смотаться в село за продуктами, позвал с собой вас обоих, но тебя, собачий сын, никак нельзя было вытащить из речки, и Леонтина тоже не пожелала прекратить купание.

Ладно, я человек не гордый, справлюсь один.

- Поезжай спокойно. Мы подождём тебя, - последние слова Леонтины.

Я был за тех двоих в общем спокоен: во-первых, полагал, что, если и разразится ненастье, то до начала грозы успею вернуться, во-вторых, был уверен в надёжности палатки. Нам втроем не раз приходилось отсиживаться в непогоду под брезентовым

кровом, и никогда не возникало ничего плохого. И последнее: я всецело полагался на чутьё и безупречную преданность компаньона, оттого и не испытывал тревоги за безопасность Леонтины, в случае непредвиденного нападения лесного зверя или хищника в образе какой-нибудь разбойной человеческой нечисти.

Гроза застала меня в обратной дороге. Наверное, следовало остановиться, вылезти и укрыться в какой-либо канавке, и там дождаться прекращения грозовых разрядов. Но я не посчитался с хорошо известным правилом выживания, гнал в дождь и в бурю, об одном помышляя: не заглох бы мотор.

Мотор не заглох.

Молния сделала своё дело безошибочно. Я увидел лежащее, неестественно скрюченное тело, лохмотья, обгорелые плечо, часть щеки и шеи. Барри с окровавленной мордой лизал другую, неповреждённую щеку Леонтины, отрывался, и, задрав голову, кричал от телесной и душевной боли, и твой, дружок, нескончаемый вой оглушительным эхом отражался среди скал и тайги.

По моему ощущению, отзвуки твоего плача и по сей день таятся где-нибудь в гранитных расщелинах той роковой местности, и, стоит нам с тобой там появиться вновь, они оживут, и смертной хваткой сожмут моё сердце.

Дальнейшее помнится неотчетливо: как я упал рядом с нею, как попытался рот в рот разышать, – безумец, ещё на что-то надеялся. А Барри всё подывал, и слёзы скатывались по лицу моего чудесного друга...

Ему было больно не только душевно: молния, слегка скользнув, отрубила Барри всего только кусочек уха, но страдание причинила тоже нешуточное.

Я обработал рану, и вскоре она зарубцевалась.

- Тебя опять ополовинили, - оценил происшедшее мой Крайнев. – На этот раз потрудились не злые люди, а недобрые стихии.

- Не ополовинили - четвертовали, - уточнил я.

- Небо разгневалось.

- Да было б за что...

- А там нас не спрашивают, - прорезонерствовал Крайнев.

Теперь я стал уже не соломенным, а настоящим вдовцом, и потому впал в черное рабство непроходящей депрессии.

Похороны - Леонтина в закрытом гробу...

На поминках женщины многозначительно судачили: судьба - от своей участи не уйдешь... знать бы, где упасть... и прочие штуки, обычные для похорон тех, кто погибают насильственной смертью...

Себя, мол, не ругай: знал бы где упасть, подостлал бы вехотку.

И ты, Барри, всё видел: и Леонтину, под ливнем, ещё живую, и дерево в полтора обхвата, выросшее среди гранитных скал, и грандиозный огненный зигзаг, безжалостным копьём пронзивший, испепеливший и вмиг уничтоживший мою любовь и радость...

Я думаю, что наши гранитные скалы подобны тем, что возвышаются на побережье каменистого острова в устье залива Святого Лаврентия, откуда бессчёто лет тому назад доставили на чужбину твоих далёких предков, звавшихся ньюфаундлендскими собаками, и впоследствии, проведя селективный отбор, сделали из предшествующего тебе материала таких великолепных компаньонов, каким был нам с Леонтиной ты, Барри...

... Но как ты скулил, Барри, как выл неумолчно, как ты страдал и отчаявался!..

Всё же ты, мой пёс, оставался со мной и, как умел, старательно скрашивал моё одиночество, но вот уже не вернется Леонтина, и снова я в бедствии, потеряв тебя, Барри...

Жениться на ассистентке? Вряд ли ей это нужно. Не станем обольщаться: её интерес ко мне - чистая прагматика. Имеется возможность выудить максимум знаний из содержательного препода и получить раннее кандидатство, так почему бы этим не воспользоваться? И ничего больше.

Способностями Бог не обидел. Кандидатский минимум сдала, как из пушки. Начитанность выше всех мер, статьи пишет скорой рукою и четко, английский освоен, с компом – как родилась...

Другой вопрос: зачем и ради чего старается?

Нынешние ребята воспринимают мир исключительно в категориях полезности и выгоды для себя. Оно и во времена нашей молодости доступ к вузовской преподавательской карьере у некоторых проходил через всякие махинации, но всё-таки молодым и упорным удавалось и со стороны прописнуться в кафту: я, например, или та же Леонтина, да и Крайнев, если разобраться, тоже один пробивался...

Нынче же и стимулов нет – ни доброй зарплаты, ни авторитета, ни даже минимальной власти над собственной кафедрой.

Было бы порядочно с моей стороны предупредить её о бесперспективности в сегодняшней обстановке хоть какой-то научной карьеры. И не денежно, и не престижно, и от интриганов ещё менее защищен, чем прежде.

Но разве она сама не разбирается?

Да, вот уж кто никак не выглядит невинной порхающей птичкой.

- Не институтка, нет, - оценил Крайнев.

Здоровая, сильная молодая женщина. Привлекательная, на нее заглядываются. При том нисколько не кукольная. Спортивная. Никакой манерности. Минимум косметики, разве иной раз к губам чуть-чуть притронется помадой, и то скорее для проформы, чем ради привлечения взглядов, которые и так привлекаются...

Да, знаешь, что, любезный друг Куприянов, не лучше ли тебе попридержать воображение?.. И любой мужчина, мысленно представляющий себя наедине с женщиной, но не желающий скорых решений, здесь должен – ради собственного благополучия – даже и в мыслях остановиться. Небезопасно задерживаться на обдумывании ситуации, которая по самим условиям задачи требует отказа от скоропалительных решений.

Не разрисовывать портрет в красках... А иметь в виду объективную реальность: пропастина лет разницы.

Абстрактная, бестелесная истина: три десятка лет, целая жизнь... Какой-нибудь человек успел родиться, окончить университет и, скажем, защититься и получить доцентуру, а между тем его профессор всё ещё раздумывает над очередным жениховством...

Допустим, новый брак всё же случится. Стали бы жить в расчёте на его устойчивость, по принципу: Москва – третий Рим, четвертому не бывать.

Не те мы с тобой, Барри, персоны... не осилим...

Я, Барри, кажется, повторяюсь, но это же факт, и болезненный: считанные годы спустя, возможно, я понемногу начну превращаться в развалину, болеть и горбиться. Не дай бог, обзаведусь палочкой. Она же войдёт в самую уверенную женскую форму, когда ей новые впечатления подавай, как топливо на лопате в печку Бабушки Яги...

Не хочу быть горючим в чужом очаге!..

Читайте классиков: они учили разбираться в том, что есть на уме у женщин бальзаковского возраста. Даже и многих лет не нужно дожидаться, чтобы начала

сказываться жестокая разница в подходах к жизни. Нелепая старая образина – и, смотрите-ка, движется об руку с цветущей, жизнерадостной красоткой!.. Содружество на смех курам. Что надо сделать? Ясное дело: отнять, оторвать, отбить, увести, да еще и поиздеваться...

И ты опускаешь руки и глотаешь свои обиды до самой смерти. Осёл ослом, и ничего больше...

...И вот она задумала поступить в аспирантуру, и я не счел возможным встать поперёк пути.

Ей предлагали учиться у них ещё двое, перспектива защиты была, по крайней мере в случае В. Р., более надежная. А вот я, наоборот, - с моим независимым нравом, не очень пробивной, и во взаимоотношениях с начальниками скорее отстранённый, чем непокладистый, могу, если заглянуть вперед, - не по своей воле, естественно, а по складывающимся обстоятельствам - задержать ей защиту.

Сочувствует моим потерям, да и просто-напросто добрая душа. Отзывчивая...

Будем хоть немного самокритичны: никаких матримониальных планов никто не затевает, видов на мою персону не строит. И общая ситуация нынче не та, и я совсем не подходящая фактура для того, чтобы молодая женщина из карьерных соображений зацепилась за овдовевшего провинциального профессора. К тому же утратившего единственную отраду - лучшего друга и верного пса Барри.

- Будете искать? – спросила она.

- Конечно. Как же без поисков?

А сам предчувствую: Барри удалился (или насильственно удалён) из моей жизни по-видимому навсегда.

О том, чтобы заводить новую собаку, нечего и думать.

Тоже и о следующем браке.

Опять всё сначала – а где настрой?...

Глава третья. В новой каф`ешке

В этом году в городе почему-то бесследно исчезало особенно много собак.

Все бы ничего тому, кто нейтрален. Зато, если самого коснется, или, когда речь заходит о четвероногом друге известного и небезразличного тебе человека, то такое событие невольно воспринимаешь, как собственную утрату.

Так, по свежему следу, сопереживала Виктория Ступицына, креативная ассистентка известного профессора Куприянова, когда остановила недавнего знакомца, креативного же студента-заочника с юрфака Максима Березина, на универовском сленге Стюарда, случайно повстречав его в перерыве между двумя парами.

Как-то раз она, по старой памяти, зашла узнать, всё ли ещё можно покачаться на тренажёрах в клуб, что пока теплился в лесопарковой зоне, в старом общежитии, или уже всё доброе ушло, забыто и быльем поросло.

Двери в полуподвал и, далее, в спортзал были открыты. Высокий, коротко стриженный шатен в спортивных доспехах активно трудился на велотренажёре. Спросила, здесь ли сейчас находится тренер Рудольф Иванович.

- Он у нас больше не работает.

- А где работает?

- Он уезжает за границу. Насовсем.

- А вы его сменили?

- Может быть, и так. Я старший по Клубу. Максим Березин. А ты?

- Я Виктория.

- Позанимаешься на тренажерах?
- Да нет, пожалуй. Треники не с собой.
- А то оставайся.
- Спасибо. Он когда уедет?
- Со дня на день. Но пока здесь, в городе. Успевай увидеть, если хочешь. Позвони, и сама всё узнаешь.
- Позвоню. Телефон у меня записан.
- Давай, уточним.
- Сверили телефон.
- Она огорчилась.

Ну, что же. Всем неприятно. И Стюард ведь тоже сильно расстроился поводу ухода Рудольфа Крюгера.

Пересекались в университетских коридорах, здоровались, перекидывались парой слов и бежали дальше. И вот сейчас в кафешке она по сути второй раз его разглядела. И захотела удержать, чтобы рассмотреть поближе.

- Куда помчался, Макс? Не беги! Опомнись!
- Окей. Остановился. Опоминаюсь.
- Постой со мной. Поди, голодный?
- Вроде того.
- Вместе и перекусим.
- Есть что сказать?
- Найдётся.

Встали в очередь у стойки буфета, на днях оборудованного новым замом по АХЧ Пастушковым и торжественно открытого лично ректором в почти укромном уголке под лестницей главного корпуса. Всё устройство здесь модерновое, вместе с тем и недорогое: миниатюрный уголок почти что в центре университетского водоворота, вклинившийся сюда в расчете на уютные посиделки, но и, чтобы студенты слишком долго не прохлаждались: прилавок с буфетчицей, три легких столика, и с ними дюжина стульев, тоже немассивных, две высокие стойки для тех, кто предпочитает закусывать, не присаживаясь. Каким чудесным произволением всё разместилось на столь ограниченном пространстве, не совсем понятно, но разместилось.

В тот раз привезли новый продукт в ассортименте – пончики по-берлински. Стюард захотел попробовать, взятое питание тут же быстро, с аппетитом умял, но разочаровался:

- Доложу тебе, - говорил, дожевывая пухленькую пампушку.
- Доложи.
- Да. Так вот. Это что угодно, только не пончики.
- А ты-то как знаешь, *что из ху?*
- Моя мама выпекает по-другому: жарит в кипящем масле, они у неё идеально круглые такие шарики, бутузы, внутри повидло или джем – и не капля, как здесь, а положит сладости щедро. И слепит прочно, чтобы не вытекло... Аромат стоит по целой Азии!.. Ешь горячими, обжигаешься, конечно, но проглотишь с десяток, и сам не заметишь, как...
- Ого! - удивилась Виктория. - Вот уж не думала, что ты, Макс, такой гурман.
- Да, такой. Но больше сентиментальный: про маму...Она далеко...
- Давай не о жратве?
- Хорошо - не о ней. Как-то на дежурстве от нечего делать смотрел американский фильм. Там главный герой спросил партнёршу: что вы делаете сегодня вечером?
- Очень оригинально... И у нас в картинах так тоже часто спрашивают. Шаблон кинематографа, независимо от страны производства...
- Можно, и я спрошу?

- Спроси.
- У тебя когда хоть один вечер освободится? Случайно, не сегодня? А то всё на бегу, да на бегу.
- А надо?
- Хотелось бы.
- Разве что послезавтра... Сегодня некогда, завтра молодёжный парламент. Начало в восемнадцать, а когда закончится, - не прогнозируемо. Новое дело, регламент не устоялся.
- И что, пропустить совсем нельзя?
- На данный момент – в самом начале - манкировать не желательно. Посмотрим, что получится.
- Ты ещё веришь, будто такие сбираша не только для галочки?
- Все может быть – потому что все быть может. Общественная инициатива – не баран чихнул...
- Ты нахваталась от старших, что ли?
- Возможно... Вот мы сидим с тобой здесь, за столиком, пьем кофе, поругиваем изготовленные где-то на фабрике пирожочки. А, между прочим, так называемые общественники первыми заговорили о том, что ещё один буфет в главном корпусе университету не помешал бы. И ректор, как видишь, прислушался. Завтра у нас вопрос о вашей дружине... Тебя не звали?
- Никто не удосужился.
- Так пошли? Я приглашаю. Вот тебе и вечер свободный. Начало в шесть.
- Увы, в шесть никак не могу. Позарез нужно быть в «Решете», - там, где ты меня прошлый раз настигла, - с дядькой порешать насчет аренды, не то загребущий Пастушков из клуба выгонит. А потом был бы свободен, как птица. Зайти за тобой?
- Не стоит. Хорошо – давай, послезавтра.
- Опять - облом. Планировал побывать в трезвяке.
- Это что ещё такое?
- Медицинский вытрезвитель. У меня там дежурства.
- Любопытно!... Ты там – как? Совсем прописался или только на время?
- Не совсем, но мне по профилю. У них завал. Там некомплект. Старший сержант по прозванию Федосей, ветеран, - знаешь, бывают такие, что для всех и дядька, и нянька, - взял и ушёл. Как назло, перед самой пенсиею крепко загулял, и в трезвяке больше не появлялся. В прошлом ребята его, сильно пьющего, сколько могли, прятали от начальства, но правда просочилась, и за него никто не стал держаться. Наконец Федосея потихоньку спровадили на так называемый заслуженный отдых, а вакансия не заполняется. Люди идут неохотно: не Куршевель всё-таки...
- И не армия. По призыву не берут, да? Комсомола нынче тоже нет. Чтобы набор...
- Вот именно. Получилось, что я, как дружинник, в трезвяке по определению нужнее, чем на твоём парламенте... Потому что у вас опять будут переливать из пустого в порожнее, а из порожнего обратно в пустое. Сколько можно? Общественные посиделки – настоящая безнадёга... Сегодня бы, Вика? Нет? Еще раз : перехвачу тебя после завтрашних бдений ?

Прозвенел звонок. В момент кафе и коридоры сделались пусты. Но она и не подумала вставать, а продолжала гнуть своё. Ладно, и без меня пары начнется, подумал Стюард.

- Нет, Максимчик. Посиделки мне комкать не хочется. А то буду сидеть, как на иголках, вдруг ты осчастливишь и зайдёшь, а мы там не наговорились и не наслушалась... Потом как-нибудь. Созвонимся.

- Раз иначе нельзя, то созвонимся.
- Вы, дружинники, всё ропщете, и всё вам мало. Вот дали помещение от универа – подвал в Четвёрке. Плохо?

- Нет, зачем же, хорошо, но ведь не по воле твоего демократического органа. Ректор, только ректор. Закона же насчет народных дружин, как не было, так и нет, и не предвидится... Дружина работает на свой страх и риск. На износ!..

- Слушай, успокойся, а? Не заводись. Всему своё время... Доживешь ты и до закона. Если жизнь потребует, то и закон примут... Другая тема: Слава Востротин затевает Фонд молодёжных программ. Может, наберет денег, и вашей дружине что-нибудь перепадет. Говорит – нашлись инвесторы. Ищет название. Он так сказал: как корабль назовёшь, так он и поплынет. У вас название вроде ничего: добровольная народная дружина.

- ДНД, - по Евтушенко, был такой поэт: последний *пережиток нового*, из тех, что задействованы при блаженно почивающем в истории социалистическом режиме...

- Куприянов как-то сострил: *торопляемость рождает потопляемость*. К тебе относится. Напрямую.

- Ладно, пусть. Тогда поехали дальше: насчет дальнейших вечеров - что?- настаивал Стюард.

- А твои варианты? В твой бильярдный приют девушки до сих пор не пускают, как я понимаю.

- Девушки сами не рвутся.

- Меня эта игра не греет.

- Интеллектуальная игра, кстати...

- Все равно не привлекает.

- А ты попробуй. Тебя пустят.

Мимо шли разные люди, не у всех же занятия. Менялся и состав сидящих за столами. Отвлекали, приходилось здороваться то ему, то ей.

- Тебе в похвалу, - сказал Стюард, - умело отбиваешься от желающих задержаться, потрепаться за жизнь.

- Помимо клуба есть куда пойти, - напомнила Виктория. - Но дальнейшие дни – если и будет праздник, то далёкий. Заранее трудно планировать. Сказать по правде, боюсь, что я буду сильно занята, и, наверное, попрошу у тебя помощи.

- Только скажи!.. Что случилось? Большая беда?

- Маленькой беды не бывает. Что-то у нас нехорошее творится с профессорами.

- С кем конкретно?

- Мой почтенный шеф Куприянов ходит сам не свой. Вялый, взгляд отсутствующий, погасший. Похудел. Раньше бывало – всякий раз какую-нибудь хохму непременно выдаст. А тут – ни одного острого словца, тускло всё как-то. И взгляд – будто погруженный в себя. Тоскует по исчезнувшей собачке. Кто поленившей, на семинары к нему уже перестают ходить.

- А ты ходишь?

- Я всегда пойду, Макс... Это же Куприянов!.. И потом – я на работе.

- Как случилось, что собака исчезла? Я не в теме.

- Ходил покупать собаке намордник...

- Купил?

- Нужного не оказалось. Только матерчатые. По размеру годится, троечка, но по материалу – нет. И не хотелось ему покупать намордник лучшему другу, но заставляют. Угрожают штрафом, если на собаке не будет намордника.

- Полно собак без намордников.

- А Куприянов законопослушен. Ему было бы неприятно, если бы наказали из-за друга Барри. Вернее, не хочет терять время на мелкие дрязги. Лучше уступить, как им надо, и забыть.

- Нашёл намордник?

- В главном магазине *ZOO* нужного не оказалось. Ещё собирался поездить, поискать. Да не в том дело... Вечером гулял с Барри, отпустил его побегать без поводка. Тот разом исчез, не прибегал к хозяину, представляешь? И нет его, и нет ... и по сей час нету.

- Жалко. И что же, из-за собаки такое горе? Мир кончился?

- Похоже, да. Сто бед, один ответ. Во-первых, прошлым летом у него жена утонула. Или убита молнией. Рассказывают разное, сам помалкивает. Есть две версии, но хрен редьки не слаще... И вот сейчас новое горе свалилось: любимый пес ушёл и не вернулся. Или увели...

Стюард нахмурился.

- Скорее всего украли. Может быть, высматривали. Собака породистая?

- Там родословная, как у дворян...

- Жаль Куприянова. Дельный мужик. Чем я могу помочь?

- Очень немногим. Разве что подключить твоих дружинников к расклейке объявлений?

- Не вопрос. Давай текст с фотографией.

- Фотографию сделаем - у него на стене в кабинете большое фото Барри. Текст попрошу надиктовать Льва Александровича.

- Сколько копий, как думаешь? Полсотни хватит?

- Не хватит, добавим. Расклеите, помимо Студгородка, у магазинов, на автобусных остановках, и везде, где можно, внутри микрорайонов.

- Вечером перед заседанием твоего парламента передашь заготовку, и через час весь район будет украшен объявлениями.

- Слушай, а всё-таки что будет с твоей дружиной? - вернулась к прежней теме Виктория. - Уцелеете?

- Пока вроде живём. Хотя Пастушков - наш недруг. Новая метла чище метет. Установка: всех общественников, имеющих помещения, выдворить и на освободившиеся площади пустить коммерсантов.

- Насыщана о Пастушкове. Общее мнение: базарник, и большой жлобина.

- Ну, с нами не дружит. Обещает в будущем учебном году выселить из нашего подвала в Четвёрке, но ректор как будто против.

- Вот и взялись бы найти собаку любимому профессору. Знаешь, как обрадуется!.. Это же был бы результат, и не стандартный... Благотворительный такой поступок, тимуровский ... Если, конечно, пес ещё живой, на что мало надежды...

- Ага, только пса и не хватало. Женьку Сухарева по судам таскают за превышение необходимой обороны: руку одному обалдью вывернул не так аккуратно, как бы следовало. Полез на Женьку с кулаками, получил своё, как положено. А обалдуй, возьми, да окажись племянником прокурора. Это раз. Два: Рудольф, тренер по единоборствам, сваливает за бугор. Внезапно, никого не предупредил. И опять же - милиция: третий участковый за полгода сменился.

Стюард редко так откровенничал. Тем более с человеком, которого видел по сути едва ли не впервые в жизни. Но как-то она умела расположить к себе. И за язык не тянула, а самому хотелось выкладывать всё, что заботило.

И сидеть бы с ней, рассиживать, и чтобы никуда не торопиться...

- Рудольф Крюгер, да? - сказала Виктория. - Жалеешь, что его не будет?

- Потеря... Ты его откуда знаешь?

- Можно сказать, первый тренер. Первый учитель. Ладно, замнём... Я про ваш клуб «Решето» кое-что узнала. И хочу спросить: как вам удаётся сохранять некое сообщество, играть на бильярде? Или правильно говорить - в бильярд?

- В бильярд.

- Так среди ваших бильярдщиков неужто другого тренера не найдётся? И никто не возмётся с вами работать – из-за чего? Плохо просите?

- Там – другое. Наших бильярдистов осталось не так уж много, и они в клуб приходят лишь отдохнуть. На огонёк, потрепаться, да халевно покатать шарики на бильярдном столе. А так – и молодые, и старые разобраны по местам, каждый при деле. И при заработке, между прочим. А мы – общественная организация. Университетская. У нас денег – шиш да маленько.

- Все беды рассказал? Или есть ещё что-нибудь?

- Состав дружины существенно обновился, ребята, которые выпустились из университета, дружины покинули естественным образом. Пополнение – почти сплошь первокурсники, зеленые, их надо учить и учить. Кое у кого, кстати или некстати, хвосты наросли. По учебе. Эти в дружине не появляются, что я, понятно, по умолчанию должен приветствовать. Возможно, по окончании семестра некоторых выпрут за ворота. Боятся, что будут отчислены. Значит, даже ради красивых глаз твоего пропадающего от тоски профессора бросать их на поиски сворованного – или убитого – пса просто не получится. И потом – с какого бодуна принялись бы мы искать собаку? Наше ли это дело? Пёс же – не ребенок, заблудившийся в лесу, чтобы на него поиски поднимать пол-города.

- Кто бы тебе сказал, чьё дело, Максик. Сам догадайся… Под крышу залезьте.

- Какая крыша! Можно подумать!.. Какая к чёрту крыша, я тебя спрашиваю! Сказал же про чехарду с участковыми, и это только часть неблагополучия… Вот ты… У тебя вся жизнь скорее всего разложена по полочкам… А здесь, в правопорядке свои заморочки. Насколько я знаю, у нашей крыши своих забот выше крыши. Прости за невольный каламбур. Иначе бы участковый был постоянный. Еще не возникало precedента, чтобы милиция искала пропавших собак.

- Так создайте precedент!

- Будем думать.

- Так думайте же скорее!

- А насчет вечера – когда?

- Созвонимся.

К сожалению, столь содержательную беседу прервал звонок на очередную пару, которую пропускать было, ну, никак нельзя. Ни ему, ни ей.

И они разбежались.

Не было precedента, думала Виктория Ступицына, креативная ассистентка профессора Куприянова, – а вот это сторона неизученная, поглядим, посмотрим, кто на что годится, Максуля, лапочка, шатенчик…

Ибо precedенты создают люди.

А в жизни, если не решиться на эксперимент, можно пропустить немало интересного. Потом не наверстаешь.

Глава четвертая. Участковый Пшеничный

Виктория не очень поверила Стюарду.

Час просидела с ним, а не заметила, как время пролетело. Интересный всё-таки парень, хотя как будто склонен к нервозности. Но это, будем думать, поправимо…

В сущности, ей бы ничего не стоило сходу разделить его скепсис по отношению к нынешнему состоянию российской милиции: слишком уж многие считают – оно плачевно. Если бы не одно «но». Виктория предпочитала оценивать людей и события, исходя прежде всего из личного опыта. Поэтому она ничего личного до сих пор не имела против службы стражей порядка, номинальных покровителей университетских

дружинников (так называемая *крыша*), просто потому, что сама ни разу ни от кого из милицейских обиды не претерпела.

И вот она вечерним часом задолго до конца заседания покинула 118-ую аудиторию, где собирается молодёжный парламент, чтобы успеть захватить участкового на опорном пункте.

Не доходя сотни шагов до цели, присела на лавочку во дворе, почти машинально проделала ритуал: вынула из косметички зеркальце, помаду, чуть подвела губы, лишний раз оглянула всё лицо – ресницы, брови – сама себе понравилась, придраться не к чему.

В конце концов там тоже человек не каменный и очевидно не старый...

Пошла.

Опорный пункт занимал трёхкомнатную *упэшиную** квартиру на первом этаже жилой

*УП-квартира, упэшка – квартира улучшенной планировки. Сленг.

девятиэтажки. Отчего-то без вывески, полно, не ошиблась ли я? Нет, пришла туда, куда нужно: на двери вместо вывески укреплен под прозрачным полиэтиленом лишь лист бумаги размера А4, извещающий о графике приёма участковых на опорном пункте по дням недели и часам. Сегодня приёмный день и приёмный час, и полный порядок.

Участковые названы по фамилиям. Мой – Пшеничный. Уже неплохо.

Решётки на окнах показались ей вполне обычными, какие сегодня многие ставят у себя в квартирах, если живут на первом этаже, а иногда и на втором. Войдя в помещение, сразу наткнулась на внушительную клетку в торце коридора. Дверь клетки украшал висячий замок амбарного типа. Внутри на жёсткой скамейке без спинки, согнувшись, уютно дремал мужичонка неопределенного возраста и непрезентабельной внешности. Одежда замызганная, грязная, физиономия небритая, заспанная, да при дыхании соответствующие облику специфические пары, исходящие из его утробы, густо насыщали атмосферу. Во время пребывания Виктории на опорном пункте за этим человеком из клетки приехал милицейский фургон, оттуда вышли люди в форме, ловко открыли амбарный замок, деловито надели задержанному наручники, и мужичонка, видимо, в чём-то провинившийся перед обществом, без сопротивления флегматично последовал за ними.

Мебель на опорном, насколько она могла судить по первому приближению, – уместная, но довольно скромная: купленные в ближайшем мебельном недорогие, топорного вида столы и стулья. Очевидно запараллеленные, по комнатам, как же иначе, кнопочные телефоны старой конструкции. На стенах какие-то отпечатанные на ротапринте циркуляры, в коридоре доска информации с размещенными на ней аналогичными листами формата А4.

Ей пришлось посидеть в очереди.

Зато услышала, как участковый оформляет жалобы посетительниц, пришедших прежде неё. Из-за приоткрытой двери доносились обрывки разговора, и можно было понять, что жалобщница возмущалась поведением соседа – алкоголика, избивающего жену и детей и шумно ведущего себя по ночам.

- Весь дом будоражит. Тут спать надо, а он скандалит.

Что же ещё и разбирать участковому, как не бытовые свары и склоки...

Затем другая женщина многословно, бессчётно раз повторяя одно и то же, требовала от милиции решительных действий. Судя по её рассказу, ранее она пробилась даже к главе района, все равно дело замкнулось на участковом.

- Отсюда бы и начинали.

- Сын Сергей Олегович, 29 лет... Отец был пьяница, не работал, меня бросил с животом. 3 года бегал от алиментов. Сын не знал отца. Не учился... Гулял по ночам: «Ночью людей нет»...

- Боится людей?
- Как-то опасается.
- В армии был?

- Мне ваш вопрос понятен... Но признали здоровым, в армию взяли, восемь месяцев был в Чечне, легко ранен, и, должно быть, контужен. Про то, что пережил на Кавказе, не говорит... На него находит обида, что живём в маленькой комнатке в общежитии. Ругает, конечно, мать, но я не виновата. Переезжала из Челябинской области, там продала квартиру дёшево, здесь за эти деньги не могла купить такую же, деньги истратила. Случилось восемнадцать лет назад. Вот он и помнит... У него запахи от одежды – возможно, из-за конопли.

- Психиатру его показывали?
- Была я у психиатра, говорят, пусть сам обратится.
- В чём собственно состоит ваша жалоба?
- В угрозе убийством. У него глаза сумасшедшие... Я его боюсь. Угрожает, что сделает плохое и со мной, и с собой. Наркотики чего только не навеивают...
- Курит коноплю? Вы последить можете, а потом нам сказать? В своих же интересах.
- Вы тоже говорите, с вас начинать? Вы же мне квартиру не дадите.
- Глава пообещал?
- У него в кармане тоже нет квартиры. Просто сын зарежет или меня, или себя, или кого-нибудь из прохожих...

... Виктории понравилось, как участковый терпеливо слушал, и, умело перебивая, направлял беседу к окончанию, обещал обязательно принять меры.

В третьем случае разбиралась и вовсе ужасная ситуация: сын против матери поднял топор потому, что не дала денег на пиво... Правда, не опустил топор-то, но это пока... Жаловалась не сама мать, а какая-то дальняя родственница.

- Мы реагируем на состоявшееся происшествие...
- Значит, когда он мать зарубит, милиция отреагирует, а пока пусть измывается, как хочет...
- Логика другая. Вы оставьте заявление.
- А без заявления нельзя? Напишу, а вы ему скажете. Он вместо матери на меня топор поднимет.

Дверь была приоткрыта, и Виктории припомнился стишок Маяковского: у меня секретов нет, слушайте, детишки... Действительно, о соблюдении служебной тайны здесь не слишком заботятся.

Наконец последняя посетительница удалилась, по-видимому, насколько возможно успокоенная.

- Входите, - громко пригласил майор хрипловатым голосом, не поднимаясь со стула. Наговорился уже, поняла Виктория, и собралась особенно не рассусоливать, а только спросить, могут ли помочь, и удалиться с достоинством. Переступив здешний порог, она уже ощущала некоторую обеспокоенность, как будто виновата в чём-то, о чём и сама не могла догадаться.

Здешние стены, казалось ей, насыщены тревогой.

Бывает, говорят, нам `оленное место, а здесь – натревоженное...

Она поздоровалась. Ей сухо ответили.

Начало особой надежды не внушало. Её беду будет разбирать мужчина лет под сорок, в форме с майорскими погонами. Он смотрел выжидающе, не то, чтобы недружелюбно, но как-то по-казенному. Короткая, с проблесками седины стрижка,

бледноват, - видимо, курильщик. Веки у ресниц красноватые. Наверняка много читает бумаг, при этом спит мало. Глаза серые, вид усталый.

Что ж, какова мебель, таков и её пользователь...

- Я вас слушаю с большим вниманием.
  - Скажите, вы добный человек? – вдруг, неожиданно для самой себя спросила Виктория.
  - В милиции доброта не всё решает. Вы же ко мне, должно быть, тоже не с приятной вестью пришли.
  - Само собой, что не с приятной.
  - Пожалуйста, говорите о ваших проблемах. Я вас внимательно слушаю, - повторил участковый.
  - Пропала собака.
  - Это плохо. Без комментариев.
  - Хозяин очень дорожит псом, и после пропажи от переживаний стал совсем больным.
  - Давайте уточним. У вас пропала собака?
  - Не совсем у меня. Пёс потерялся у профессора, на кафедре которого я работаю.
  - Почему же ваш шеф сам не обращается к нам?
  - Он занят, и, видимо, не очень полагается на милицию.
  - Вот как...
  - Исчез любимый пёс. Многолетний спутник...
  - Понятненько. Посоветуйте вашему профессору написать заявление на имя начальника районного отдела милиции об исчезновении имущества.
  - Причем здесь имущество? Собака – имущество? Она живая!
  - Все правильно. Но в УК покуда нет статьи о пропаже животных. Повреждение или кража домашнего имущества предусмотрены статьей. И, как следствие, - наказанием преступникам в случае их поимки. И есть ещё одна статья – наказание за жестокое обращение с животными. Больше ничего на эту тему уголовный кодекс не содержит.
  - Вы хотя бы одного негодяя по ним, по двум статьям поймали и наказали?
  - Так ведь не жалуются.
  - Кто? Собаки?
  - Шутите. Очевидцы не идут в свидетели. Просто не идут, сознательности нет... Так что остается – имущество...
  - И любое животное сюда относится? Попугай? Кошка?
  - И бык. И курица. А недавно в одном городе от частного лица сбежал крокодил. Так ловило МЧС и вся милиция.
- Задумался:
- Разве что особо ценная собака, породистая... Нет. Всё равно – имущество.
  - Кажется, по телевизору показывали. Насчет ловли крокодила.
  - Ну, вот видите.

Участковый Пшеничный старался не показать этой красивой молодой женщине тоскливого чувства беспомощности. Собачья проблема возникала в его практике не так редко, как может показаться некоторым равнодушным к ней людям. Приходили с жалобами чаще соседи владельцев животных, изнемогающие от собачьего лая и грязи, да покусанные страдальцы, бывали дети и взрослые, потерявшие собак, – и никому из обращающихся он, участковый уполномоченный милиции, не был в состоянии сказать ничего обнадеживающего.

Одна немолодая особа повадилась по его душу. Приходит то и дело, и отнимает всякий раз не меньше, чем по часу времени. Дама – из тех, кто выступают за наведение порядка всюду, куда достает их внимательный взор, - в настоящий момент

более всего обеспокоена выгулом собак на полузаброшенном школьном стадионе. В её наблюдениях всё верно: бесхозный стадион, нужный детям, но опять же детский спорт у нас нынче в загоне, все бросились на добычу денег, властям не до детского спорта, и вот, куда она ни ходила, нигде в инстанциях не встречала сочувствия.

Его резон: с другой стороны – где же им выгуливать собак? Не на улице же, в самом деле – там ещё хуже. И не во дворах, где из-за машин едва-едва остается место лишь для детских площадок, тесных парковок и прохода граждан впритирку друг к другу.

Она и слышит, и не слышит. Так что скорее всего следующие разборки предстоят у его начальства: вот она ходит, сигнализирует, а ни ответа, ни привета, - кого порвать? Участкового!...

Виктории вдруг тоже захотелось поделиться воспоминанием:

- А вот у меня в детстве жил чижик. Жил, жил, потом взял, и куда-то делся.

Насторожённость его покинула. Эта посетительница пришла не для того, чтобы сводить с кем-то счеты. Тем более с ним, участковым, ей заведомо не причинившим никакого зла. Добра от меня тоже с гулькин нос, но хоть интересным разговором побалуемся...

- И куда делся ваш чижик?

- Хотите знать?

- Хочу знать, куда деваются чижики.

Он уже вызывал у нее сочувствие – работник, очень утомленный разбором всяких, видимо, в основном повторяющихся, трудно разрешимых конфликтов, услышал что-то неожиданное для себя, и оживился, и так по-хорошему...

- Мама разомкнула клетку, чтобы почистить, а форточка в комнате была открыта. Чижик упорхнул, и мы больше никогда его не видели.

- Жалко птичку, - участковый, притворно всхлипнув, изобразил плачущего артиста Демьяненко из картины «Кавказская пленница». Слегка ухмыльнулся. Лицо оживилось, глаза повеселили.

И тут же опять посерёзней.

- Так что посоветуйте господину профессору написать заявление. Можно в произвольной форме: так, мол, и так, исчез пёс такой-то породы, возраст, окрас, наверное, был ошейник, жетончик с именем, пусть опишет и ошейник, и жетончик... А статьи в уголовном кодексе звучат так, - он назвал номера обеих статей и на память процитировал обе, – видимо, с текстуальным совпадением.

Нет, сочувствовать ему расхотелось. Казённость перекрывает всё остальное.

- Разрешите идти? – спросила не самым дружелюбным тоном.

- Что уж вы так строго? Или я вас чем-то обидел?

- Вы – нет. Но я от вас не услышала, как нам быть?

- Можно обратиться в Общество собаководов.

- Адрес дадите?

Майор записал телефон в блокноте, вырвал листок и передал ей.

- Спасибо.

- Если не секрет, по какой специальности работает ваш профессор?

- Трудно объяснить двумя словами. Он палеоантрополог, формально у нас факультет географический, кафедра – палеоэтнология и палеогеография, то-есть география в представлениях древних людей... Собака – лабрадор, бывает в экспедициях...

- Пёс - большой такой.

- Порода, тренированная на поводырство для слабовидящих.

- Короче, для слепых.

- Так, если угодно.

- Не будете возражать, что на всякий случай запишу в журнал ваши ФИО, год рождения, адрес и цель обращения? – задал он ритуальный вопрос.

Она ответила по всем пунктам.

- И данные профессора, пожалуйста..

- Куприянов. Лев Александрович Куприянов.

- Фамилия на слуху. По телевизору о ситуациях на других планетах часто рассказывает. Также о контакте земных цивилизаций. Тот самый?

- Да. И много ли толку быть знаменитым в таких обстоятельствах, когда любая, даже самая породистая и дорогая хозяйину собака – не более, чем имущество?

- Если нам что-нибудь станет известно, мы обязательно сообщим. У вас есть мобильный телефон?

- Конечно.

- Назовите номер.

Она сказала, он записал.

- Так я пошла? Спасибо, что не прогнали. До свиданья.

- Всего хорошего.

Чего-то в этом опорном все-таки не хватало. Внезапно ее осенило: работают без компьютера. Бумажное делопроизводство. По старинке.

Нет, не может быть. Наверное, комп у них есть, но сейчас на ремонте.

А, собственно говоря, зачем им компьютер, когда для клиентов и клетки достаточно. У чижика хоть крыльшки были...

Итак, что же дальше?

О чем, например, при встрече стоит рассказать Максиму? Как её грамотно и корректно отфутболили на опорном - об этом?

Идя туда, особенно в успех она, конечно, не верила. Посетила участок для порядка - просто, чтобы успокоить совесть. И результатом в общем, пожалуй, скорее осталась довольна. Появилась хоть какая-то определённость, а также и зацепка насчет Общества собаководов.

Милиция нынче не в чести. По телику показывают, какие они грубые, - ругаются, дерутся, нередко кого-то бьют, причем не понарошке, а лупят во всю ивановскую. Целый сериал напролёт пьют водку... Однако представитель профессии, не одобряемой потребителями телевизионной продукции, со мною разговаривал вполне по-человечески, и не видно было, что вот-вот потянемся за бутылкой... Разъяснял подробно, почему розыск исчезнувшей собаки в компетенцию его учреждения не входит. Сожалел, кажется, искренне, что в уголовном кодексе есть только статья о наказании за жестокое обращение с животными, и, значит, можно говорить лишь о пропаже имущества. Всё равно, что кто-то убил вашего быка. Или поймал и съел вашу курицу. Посягательство на имущество, не больше того.

Или присвоил чужого чижика...

Тем не менее, с этой стороны при всём доброжелательном участии отзывчивого майора помочь ждать не приходится. И вообще – изменилось ли моё отношение к милиции после незапланированной встречи на опорном пункте? Пожалуй, нет, - ни в ту, ни в другую сторону. Как было нейтральным, так и осталось. Если милиция – власть, то у нас и власть, как власть. Торжественности нет, а человек вроде бы приличный.

Однако тревожащее чувство оставалось. Максим тяготеет к милиции, учится на юрфаке, и какое будущее планирует, на сей счет ещё предстоит приглядеться.

И хорошо подумать...

Но почему мне нужно думать и за себя, и за какого-то, там, Максима? Кто он мне в конце концов?

Не нужно мне думать ни хорошо, ни плохо. Тем и без того достаточно.

Он меня спросил: тебя как в детстве звали? А звали меня Вики-Вики. А почему так, он, когда мы стояли в коридоре, не успел узнать, - прозвенел звонок, и мы разбежались...

Ну, так пойдём наконец дальше.

И она набрала номер на сотовом телефоне. Занято. Потом снова и снова. И занято, занято.

А поеду-ка я без звонка, решила Виктория. Раз телефон занят, значит, там кто-то есть. Лишь бы не ушли, пока буду добираться.

Глава пятая. Защитница животных

Во дворе, перед входом в подвал, на берёзе неподвижно, будто в нирване, застыла необыкновенно красивая сорока. Вся ярко раскрашенная, словно ненатуральная, а прямо сейчас прилетела с какой-нибудь иллюстрации в журнале «Мурзилка». Или с экрана знаменитой передачи Николая Дроздова «В мире животных». Пёстренькие такие хвост и крылья, а нежносерые бока занимают лишь небольшую часть её тела. Цвета, почти как у попугая, или у того петуха, что постоянно важничает, красуясь перед курами у нас на посёлке в частном секторе.

Им хорошо, птицам: летай, куда хочешь, и никого не спрашивай! Сороку вот никто не подстрелит, не отравит и в клетку не спрячет...

Общество собаководов – название слишком громкое, и, судя по логотипу на вывеске, мало соответствующее тому учреждению, в которое ей посоветовали обратиться.

Впрочем, если по духу, то даже приятней.

Вывеска небольшая, зато яркая, запоминающаяся, ни с чем не спутаешь: по синему полю белыми буквами обозначалось:

«Клуб любителей животных ФЕНИКС»,

в одном из верхних углов нарисована мохнатая собачья морда с повисшими, ненатурально большими ушами, в противоположном – голова черного кота – зеленые, широко раскрытые, круглые глаза в половину мордочки и длиннющие усы. Оба животных, обычно недружелюбные между собой, тут смотрят приятственно, даже вроде улыбчиво.

Шаржировано неплохо.

Она спустилась вниз по довольно крутым ступеням. Вдоль коридора виднелись несколько дверей, в первой по порядку и располагался «Феникс». Здесь вывеска была аналогичной по сюжету и содержанию, но заметно меньше, чем снаружи дома.

Она постучалась, никто не ответил. Но помещение явно не пустовало. За дверью шел чей-то громкий разговор, похоже, что по телефону.

Она вошла.

Так и есть – женщина в яркокрасной ветровке и джинсах с кем-то напористо разговаривала, да не по одному телефону, а сразу по двум. Правой рукой управлялась с трубкой настольного аппарата, в левой держала сотовый..

В отличие от милиции, здесь уже успели приобрести (или отремонтировать) компьютер. И вот женщина в красной куртке успевала что-то видеть на экране и разговаривать сразу с двумя собеседниками.

Любят у нас общественность держать в подвалах: максимкина дружина, его же клуб «Решето», теперь вот это Общество...

Клуб «Феникс» занимал закуток, значительно меньший, чем подвал у дружинников, и, как близнецы, мебель та же, что и в милиции, и в дружине, только всего два стула, а стол один. Все стены увешаны напечатанными или написанными от руки

календарями, рисунками, плакатами с изображениями животных и соответствующими лозунгами.

Женщина была чуть старше Виктории, года на три, пожалуй. Очень, очень бледная, худая, скорее всего не слишком здоровая, но большие голубые глаза горели.

Отключилась от телефонов. Заговорила.

- Опять живодёры нападают на приют. Мало того, что дважды поджигали, пишут кляузы во все инстанции, - сразу пожаловалась она. И, сходу, не давая передохнуть, озадачила вопросом: - Вы хотите вступить в наш клуб?

- Пока не знаю.

- Посмотрим? Хорошо... Я Татьяна Вольнаренко.

Протянула руку. Ладонь шершавая, крепкая.

Виктория назвала себя.

- Так что скажете?

- У меня горе. Вернее, у моего профессора. Пропал любимый пес.

- Какая порода?

- Лабрадор.

- Кто посоветовал к нам прийти?

- В милиции. И там отказались что-либо предпринимать..

- Нашла, куда обращаться - в *ментовку!* Ну, убедилась, что они ничего не могут?

Искать пропавшую собаку в миллионном городе - то же самое, что гоняться за иголкой в стоге сена.

- А куда надо идти?

- Только к знакомым. К таким же собачникам, патриотам, как твой профессор. Если успеешь. Но скорее всего нет. Который день, вы говорите, с момента пропажи?

- Кончается неделя.

- Посмотрим у нас в приюте. Но это вряд ли. Лабрадор – слишком крупный пёс, о его появлении я бы знала...

- Почему же не успеем?

- Причины есть. И довольно веские. О *догхантерах* что-нибудь слышала?

- Нет. А кто такие?

- Объясняю. Сейчас среди нас, собачников, обсуждается история некоего Короткопальцева. Тоже не знаешь? Объясняю. Личность сомнительная. Этот мужчина враз стал знаменитостью. Не слышала? По телевизору звучало.

- Я мало смотрю телевизор.

- Короткопальцев на своей машине разъезжал по окраинам мегаполиса с духовым ружьем и отстреливал всех собак и кошек, которые имели несчастье попадаться ему под руку. Его вскоре остановили, отдали под суд, а предъявить попытались лишь незаконное хранение оружия, но у него оказалось разрешение, причем не липовое, а всамделишное. Обвинение расширили: определили, что всё же делать выстрелы на улицах мегаполиса не совсем правильно. Опять же расстреливал он собак и кошек, трупы никто не подбирал, а вдруг среди убитых животных были бешеные?

- Логично для оправдания.

- Как бы не так! У нас, собачников, своё лобби. Он варвар и подлежит наказанию. Ну, вот и тянется: суд, пересуд – так всё и топчется на одном месте.

- Мне участковый объяснил – в уголовном кодексе соответствующей статьи нет.

- Есть! Жестокое обращение с животными! Смотри Уголовный Кодекс, статья 245, по ней можно сесть на полгода, а при групповухе до двух лет. Или заплатить штраф, тоже немаленький.

- И кто-то уже сел?

- Ага, держи карман шире, посадят тебе. Нет. Только мы, экологи, защитники животных, не даём этим убийцам совсем распоясаться. Единственный барьер, понимаешь?

- Понятно.

- Но много ли нас? Вопрос риторический. А так - сочувствие истребителям животных выражается почти полное, везде и повсюду. Они – санитары экологии, почти признанные. Вот так. И ничего никому не докажешь... Появилось - ты только представь! – целое общество собачьих убийц, сами себя они называют *догхантерами* – охотниками на собак, но мы, собаководы прозвали их *киллерами* – убийцами, *догкиллерами*. Убийцы, они натуральные убийцы, а никакие не охотники. За собаками. Они нас как только не обзывают. А мы в свою очередь их правильно зовем живодёрами. Усыпляют, травят лекарством от туберкулёза. Они нас – вредителями. Представляете? Мы – вредители!... Сберегаем живую природу - вредители, как вам это понравится?

- Травят наркотиком?

- Никаким не наркотиком, а вполне обычным лекарством.

- Хочу понять.

- На первый взгляд как будто вовсе не яд, не думайте. Вполне себе лекарство. Средство для лечения туберкулёза. Людям назначается в специально рассчитанных, сравнительно небольших дозах. Для умерщвления собаки и этого достаточно. А *догхантеры*, то есть *догкиллеры*, начиняют этой гадостью ливерную колбаску или конфетку и разбрасывают в тех местах, где люди проводят выгул собак. Собачка проглотит и заболеет, а через некоторое время погибнет в мучениях. Настоящие садисты, одним словом.

- А если ребёнок случайно соблазнится? А мать зазевается? Дети всё тащат в рот...

- Вот и нам оппоненты постоянно тычут в лицо с этим предполагаемым ребёнком. Покажите мне дитя, которое хватает с земли какие-то обедки и тащит в рот! Да такую мать расстрелять мало!.. В наше-то время!... Слава Богу, даже у совсем опущенных пьяниц, и то дети не голодают. Так что нечего придумывать ужасы, которых нет. Ещё раз: людям смертельная опасность от препарата практически не угрожает. Во всяком разе не более, чем от передозы любого лекарства. Избирательно для убийства собак найденное средство. Можешь себе представить: специальные лаборатории трудятся. Ищут, деньги за это имеют. Так же, как в каком-нибудь Афганистане существуют же лаборатории, где изготавливается героин, а после засыпается к нам через границы. Приплыли, что называется...

- Но ведь, и правда, среди собак попадаются бешеные. И людей кусают. Как быть с этим?

- Во-первых, не мазать всё на свете чёрной краской. Если говорить серьёзно, то угроза есть, но она преувеличена. Кого-то когда-то где-то укусила бешеная собака, так это было при царе Горохе.

- Есть же и теперь случаи...

- Встречаются. Будешь идти мимо стройки, случайно с лесов кирпич упадет на голову – так что, остановить строительство? Никто же не требует. Так и тут. Не значит, что нужно убивать любое животное. Вот и ваш с профессором пёс ведь был домашний, и ни с какой стороны не бешеный.

- Да, здоровый, отличная порода, лабrador.

- Слушай, если ты так заинтересована в поисках чужой собаки, значит, неравнодушна к животным. Сейчас у тебя у самой собаки нет, по-видимому.

Она незаметно для обеих плавно так, с пятого на десятое перешла на «ты». Перешла, чтобы там остаться...

- Сейчас нет.

- Ничего, вступишь к нам в клуб, так заведёшь. Я чувствую, ты наша по духу.

- Посмотрим, быть может, и вступлю к вам. Я животных люблю и жалею.

- Знаешь, я для начала покажу тебе наш приют для брошенных животных. У нас, как везде, свои проблемы, неравнодушные союзники очень требуются.

- Согласна. Хоть сейчас
- Сейчас не получится. И поздно, темно, и не на чем ехать.
- Тогда завтра?
- В четыре часа.
- Да, в четыре.
- Позвони предварительно. Хорошо?
- Да. Какова вероятность обнаружить пропажу?
- Шанс есть всегда, - загадочно ответила защитница животных.

Глава шестая. Парламент и вопросы к Виктории

-Тебе бы не в археологи идти, Виктория, - сказал математик Славик Востротин, председатель молодёжного парламента. - Ты - *стихийный социолог*. Таких, как ты, влекут живые люди, а не мертвые артефакты.

- А всё совмещается. Мне Куприянов и тему для диссертации подобрал - и по своему вкусу, и в полном эксклюзиве: социология архетипов на примере отношения первобытных к загадочным явлениям природы...

Она же избрала в научные руководители романтического Куприянова, одного из основателей мирового научного направления (тренда), именуемого так: палеоантропология (палеоэтнология). Дело на грани фантастики: никаких письменных свидетельств, факты из древних исторических манускриптов, да надписей на камне – отсюда извлечь историческую достоверность: авторы пишут не о настоящем для них, а про то, что узнавали о прошлом, отсекая ложь и вымысел. Энциклопедичность, за которую Куприянов многое выдержал, и, если б не нынешний ректор, могли и забить. Или, изменив одну букву, – забыть...что, впрочем, не намного лучше...

Другие сколько-нибудь значимые исследователи живут в Канаде, в Штатах и в Индии. И всего таких специалистов на земле не более, чем египтологов, которых, по крайней мере у нас в России, можно пересчитать по пальцам.

Виктория никогда никому не признается, почему считает целесообразным сполна использовать общественные посиделки. А для неё это законная возможность практиковаться в проведении семинаров. Ей нравится обсуждать на них всё, что угодно.

Всё, что участникам в голову приходит.

Брайншторминг, мозговой штурм, имеет ограничительные правила: нельзя переходить на личности, нельзя чуждаться никаких тем, нельзя перебивать говорящего – нельзя и нельзя... но, если принять сию регламентацию, то можно выбрать оптимальное решение не решаемой по-иному задачи, можно по завершении семинара остаться довольными собой и партнёрами, можно пожелать продолжить дальнейшие результативные прения, можно, можно и можно...

Постепенно, властно овладевать канвой разговора, развивать идею и форму преподнесения.

Практика, дорогие сестрицы и братики ...

В аудитории тоже не дураки сидят. Каждый имеет что-то за душой. Тот же председатель Владислав Востротин, мало что в двадцать пять кандидатскую защитил, он еще издает специальную газету спортивной тематики, за что имеет уже и закономерные неприятности. Как-то высказал в статье своё мнение, герою материала, обладающему некоторым влиянием, не понравилось, теперь не здоровается, и, кажется, устраивает какие-то мелкие пакости.

Почему Слава теряет драгоценное время на эту формальную, практически игровую штуку - молодёжный парламент? А он ещё у нас и *стихийный* идеалист. Его утопичная идея: хоть как-то через общественность повлиять на нравственное состояние общества. Объясняет:

- Заботит будущее сына. Ему пять месяцев. Каким вырастет, отцу пора задуматься. Жена преподаватель, талантливый, в школе «Интерленг». Они провели социологическое исследование старшеклассников – как проводят время. От чтения анкет волосы дыбом встают.

- Что имеется ввиду? – спрашивает Виктория.

- Утром поднялся, посмотрел телевизор, пошёл в школу, пришёл, пообедал, смотрел телевизор, делал уроки, смотрел телевизор. И тэ дэ. Весь кругозор.

- От родителей зависит, какие книги читать. А выбирают фэнтэзи.

- Пустышки эти фэнтэзи, Виктория. Я их не читаю.

- Я тоже. Но как относиться?

- Уже с нами дети тринадцати-четырнадцати лет говорят на разных языках. У них есть всё, что мы не имели или имели не в таком виде, как они: телевизор, интернет, диски, английский. Кроме книг. И родители сами отталкивают... Я слышал, что одна мамаша даже отбирала у сына приключенческую литературу, те же фэнтэзи. Очень противоречиво: независимо от содержания, это же хорошо – человек листает страницы, поглощает глазами буквы, оттиснутые на бумаге. Скоро и этого не станет. Электроника всё сметет.

- Сначала пустота, потом наркота, - вставил кто-то из присутствующих.

- Вместе всё идет. Неразрывно, - солидно разъясняет Корницкий. Он всегда разъясняет, и всегда солидно. Лишь бы что-нибудь сказать, оставить за собой последнее слово.

Сегодня обсуждают именно ту статью устава за номером 14, где сказано о преследовании неадекватных участников - депутатов-парламентариев (не забываем, что мы большие!) или гостей.

Порядок заседания таков: сначала надо ещё раз пройтись по всему уставу с приложениями, отшлифовать, что называется. Только затем осуществить переход к текущим делам. Корницкого такая жёсткая процедура не устраивает.

- Ты, Владислав, сваливаешь всё в кучу. Если мы поступим по-твоему, то все устанут, и для устава не будет столько времени, сколько необходимо. А все понимают, что без надлежащим образом подготовленной документации никакой деятельности вести мы просто не сможем.

- Юристы всё подготовили. Нам остается только согласиться...

- А надо – по пунктам.

Голоса разделились поровну. Слава просит зачитать отшлифованную на его взгляд эту вот четырнадцатую статью *«Обеспечение порядка в ходе сессии и во время заседания»*. Когда добираются к 6-му пункту статьи, до Виктории вдруг доходит, что она правильно сделала, отпустив на сегодня Максима..

Вот как звучит статья:

«Парламент обязан лишить депутата сл`ова на период сессии, а к иному лицу, присутствующему на заседании, вынести требование покинуть заседание, в случае если депутат или иное лицо, присутствующее на заседании, оскорбляют честь и унижают человеческое достоинство, не подчиняются требованиям председательствующего, а также используют в своей речи нецензурные выражения или демонстрируют нецензурные жесты».

- Не отсебятина, а заимствование из документов руководящих органов – апробировано в инстанциях, не должны придираться, - сообщает Востротин.

- Вряд ли тамошние специалисты выражаются столь коряво и не вполне грамотно, - заявляет Корницкий. Виктория тоже так думает, но вместо грамматической коррекции Артём начинает вспоминать университетские события с проявленными одним нахальным матерщинником безобразиями.

Того ханыгу в конечном счете из вуза исключили за пьянство, но где гарантия от попадания в университет других таких же?..

Время вечернее, люди хотят домой, они заслужили. Востротин готов остановить Артёма, но тут выясняется, что этот член молодёжного парламента выступает против ограничений в принципе, как таковых, ибо именно с этого и начинается зажим демократии.

- Ты говоришь нелепости, - упрекает его председатель.

- Вот видишь, - огрызается Корницкий, - ты и есть первый зажимщик демократии.

Похоже, готовы рассориться. И парламент, едва начавшись, грозит сдуться. Виктории было бы жаль. Просит их:

- Дети, не будьте наивными, не ребячьтесь.

На этом месте Максим плонул бы на все посиделки, и ушел. Не хлопнув дверью, а с демонстративной осторожностью прикрыл её за собой. Корницкий не из таковских. Лезет на председателя, как танк, и его надо остановить. И она, кажется, нащупывает выход из ситуации:

- Ребят, а что если... - и каким-то неожиданным пустяком гасит страсти. И возникает нормальная университетская дискуссия. Если не ограничивать выступающих во времени, какова (регламент) мировая практика, то можно залезть в такие дебри, из которых не выберешься до утра, и парализуется любая работа.

Происходящее интересовало Викторию. Да, она правильно сделала, что с Максимом не договорилась о сегодняшнем вечере. Уходить раньше было бы обидно. Деловые вопросы, как и следовало ожидать, порешались быстро. Собственно, и решать нечего: насчет дружины ушли с тем же, с чем и приходили. Затеялся же посторонний разговор. На общие темы.

Все помаленьку расходились. Оставались самые заядлые – в конце концов, двое – она и Владислав Востротин. Но ей пришлось защищать своего профессора.

Ребята разошлись, и Слава Востротин спросил:

- Чем занята, Виктория? Какую задачу решаешь? Или не в ладах с начальством? Как раз в университетской газете напечатан анекдот. *Жили-были три свиньи: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Зав. каф.*

- Не про нас, Владислав. Куприянов – персонаж, который не принадлежит к семье «Трёх поросенков», он из другой сказки. Не тянет на свинство. Как и твой научный руководитель, между прочим.

- Давно хочу тебя расспросить по моей теме.

- Какая же у тебя теперь тема, сугубый математик Слава Востротин, в которой я, гуманитарка, была бы в состоянии разобраться?

- В самой общей форме звучит это так: *Грядущая ледниковая эпоха*, которая наступит через 120 – 130, максимум 150 лет.

- Чистая публицистика. Очередное хобби?

- Математическая прогностика. Развитие одной из гипотез нашего будущего. Одной из нескольких – почему нет?...

- Прежде всего – твой слоган никуда не годится. Эпоха не наступает с точностью в десять или двадцать лет. Ее отдалённые, едва уловимые, скорее сомнительные признаки могут просматриваться, куда ни шло, но...

- Сказано для простоты изложения. В слововом выражении, естественно, звучит иначе. Что по этому поводу думаете вы с твоим профессором?

- Куприянов – оптимист. Он полагает, что алармические разговоры о грядущих природных катаклизмах – чистая публицистика, и в СМИ затеваются для слабонервных, а направлены к одной цели: будить недовольство масс...

- Резонно. Скажи – зачем?

- Чтобы тем самым для начала повысить тираж, с этого старта вселять и возбуждать алармические настроения, дабы опять же снова и снова раздувать, наращивать тираж. Сказка про белого бычка - чёрного бочка. Оледенение – эпоха, длившаяся миллионы лет, а нам предлагают готовиться на протяжении короткого периода в одну-две человеческие жизни – логика спекулятивного барышничества.

- Вы с Куприяновым разве не видите, что творится вокруг? Наши с тобой родители еще на лошадях ездили. Мои во всяком случае. В колхозе была одна полуторка, и то вечно сломанная. Ни единой котельной. Электрический движок, вот вся механизация. А сегодня – поезжай в Кемерово, в Новокузнецк, Прокопьевск, в любой шахтерский город – задохнешься от дыма предприятий. Тогда одни печи зимой пускали дым, и то древесный, мягкий. А летом и печи топились не для обогрева, а только для приготовления пищи. И что – атмосфера безразлична к нынешнему чудовищному разогреву? Озоновые дыры – тоже, по-вашему, спекуляция?

- Да, спекуляция, – невозмутимо парирует она. – Могу доказать.

- Оставим до другого раза, – успокаивается Востротин.

Владислав знает, что ей нравится вызывать на спор и находить аргументы – короткие, хлесткие, обескураживающие собеседника.

Но он же, как председатель, отлично соображает, когда надо оборвать на полуслове себя, дабы вернуться к заботам собеседника.

- Какие-то вопросы помимо наших тематических решашь, Виктория? Значительные?

- По мне заметно, что решают?

- Заметно. И вроде с университетом напрямую не связано. Может быть, нужна помочь?

- Ты проницателен, Слава, спасибо, но вряд ли ты сможешь помочь. И почему ты решил, что проблема, с университетом мало связана? Косвенно – университетская... Ищу лабрадора, – ответила она.

- Хотела бы купить щенка лабрадора? Так покликай информацию на сайте, чего проще?..

- Купить? Нет. Пока нет... У моего профессора Льва Александровича Куприянова пропала собака.

- И что из этого следует для тебя лично, Виктория? Для университета? И для Совета научной молодежи, для молодёжного парламента?

- Я должна выяснить, где она. Вернее, не она, а он. Пёс по кличке Барри. Лабрадор, кобель – мужчина, уже и мальчиком звать не приходится: шестой год собаке.

- Кому должна? Льву Александровичу?

- И ему тоже.

- А ещё кому?

- Себе самой. Насчёт сайтов – спасибо за совет. Уже прошарила все, какие имеются. Пусто.

- Наверное, украли? Или убили?

- Я тоже так думаю, и все, с кем об этом разговариваю, выдвигают только один из этих двух вариантов.

- Тогда зачем тратить время на пустые хлопоты?

- Льва Александровича жалко. Очень переживает. Я в детстве так жалела чижика, когда мама не закрыла клетку, и он упорхнул в форточку, и я его больше не видела...

- Я понимаю. То чижик, давняя беда. А тут собака – взрослому человеку утрата причиняет не меньшее горе, чем ребенку..
- Да, Слава. Да. Пусть хоть какую-никакую заботу почувствует. А вдруг найдётся лабрадор...
- А если не найдётся?
- Буду по крайней мере знать, куда собаки пропадают у нас в городе. Куда улетел чижик, не знаю. Зато поищу собаку Барри.
- Уверена, что доберёшься до истины?
- Я, как и ты, Слава, исследователь, не забудь. Ты же сказал: стихийный социолог...
- Ну, что ж, искать тебе, не переискать!..
- Я тоже так думаю.

Виктория увлечена парламентскими дебатами, и она решает поделиться переполняющей её информацией со Стюардом.

Дабы ход обсуждений укладывался в регламент, предложено записать в устав особый пункт о поведении во время самих встреч, будь то рутинные сессионные заседания, пленумы, конференции, либо общие или (как у больших!) фракционные совещания. До этого, впрочем, парламенту еще дожить надо.

Однако не обнимешь необъятного. Председатель Востротин, положением обязанный наблюдать за регламентом, неизбежно направляет разговор к бюрократическим процедурам. Владислав хочет свести к минимуму посторонние темы, то, что называет художественной самодеятельностью. Антиподом сухощавому Славе выступает довольно упитанный очкарик Артём Корницкий. Тот весь в темах, и активно провоцирует полемики по любым поводам.

Всё это рассказывается Стюарду.

- А ты здесь причем? - спрашивает он.
- Я вижу свою роль в том, чтобы гласно и негласно противостоять интеллектуальному давлению их обоих.

Его улыбка показалась ей скептической.

- Ты далеко, далеко, Стюардик. О чём задумался?
- Ты кто, Виктория? – спросил Максим. - Ты педагог, или кто?
- Тоже мне - разбирается.
- Дед Пихто. Вот кто.

И она продолжала искать лабрадора. Поиски, начатые не слишком удачно, следовало продолжить до их логического завершения.

Глава седьмая. Дядя Юра и бильярд

Стюард

Невдалеке от входа в клуб стояла хонда Юлия Августовича. Больше ничьих машин не было.

Белая хонда. На самом деле кремового цвета. Лучше сказать: белая хонда кремового цвета. А стекла черные, снаружи непрозрачные – тонированные.

Шеф одиноко гонял бильярдные, меченные цифрами шары, ублажал сам себя.

Шеф не из тех, кто скучает в одиночестве. Хоть и один, не терял даром времени. Он вообще немало чего умеет. Больше, чем обычные люди – те, кто на войне не побывали. А он побывал. Да еще не в простых войсках, а в разведке. И не на одной войне, а на нескольких.

Так называемые локальные войны – знаете?..

Дядя Юра ставил руку, пытался разыгрывать комбинации. Надо его гладить по шёрстке. Никогда не знаешь, в какой момент начнёт сердиться, хмуриться.

- Кого-то ждёшь, дядь Юр? Теряешь свое драгоценное время. Не зря же.
- Не зря. Должен подойти один человечек. Возможно, вдвоём – два человечка. Предварительно позвонив. А время, дорогой Стюард, действительно самое драгоценное наше достояние, чтобы ты ни с каким другим не путал. Остап Бендер по этому поводу определённо высказывался: время, которое мы имеем, это деньги, которых у нас нет.
- Время – решающий фактор...
- Так писали в былое время на рекламных плакатах Аэрофлота, самого быстроходного из воздушных флотов земного шара. Ты не помнишь, а плакаты висели на самых, самых заметных в городе местах.

Интересно, каких – таких человечков ждёт фактический хозяин клуба? Как-то связано с приватизацией, что ли? Оформление бумаг давно назрело, но старший не может собраться с деньгами. Всё на что-то неожиданно требуется: на расширение его производства – новые станки, зарплата работягам, и мне тоже, и уборщице, сторожу опять же, а с таким дохлым бильярдным столом, как у нас, тоже погоды не сделаешь. Шеф ищет партнёра, но весьма недоверчив, потому что случалось ему неоднократно обжечься

Сонмище недоумений. Однако я ещё в самом начале знакомства был предупрежден, что лишние вопросы никогда не найдут от Юлия Августовича должного разрешения.

- Берите лучше кий, коллега, – предложил старший.
- С удовольствием. Сразиться с вами, маэстро, – большая честь.
- Вот и ладненько. И сразимся. Американочка?
- Почему нет?
- Выстраивай пирамиду.

Дядя Юра в первый же час знакомства устранил из их общения натянутость и напряжённость. Просил:

- Ты меня не навеличивай. Зови, как принято в больших домах Лонд`она.
- Как именно?
- Я тебе кто? Дядя. Я Юлий? Да. Имя отдает женским статусом? Ещё как. Оно нам надо? Пустой вопрос... А как надо? Зови Юрой, не ошибешься. Мы родня же всё-таки. И на «ты». Разрешаю.
- Уговорил, дядь Юр.

Так и повелось: дядя Юра и «ты».

- Что нового, Стюард? Не знаешь, с чего начинать, приступай сразу к основному.
- Одна моя знакомая взялась искать потерявшуюся собаку.
- У тебя есть знакомые, содержащие собак? Зачем им это?
- Она-то как раз не собачница. И пёс был не её, а её начальника. Она собирается искать. Загорелась всерьёз.
- Влюблена в шефа?
- Навряд ли. Он уже старый.
- Значит, в тебя. Или ты в неё. Жениться собрался?
- Делаешь далеко идущие выводы, дядь Юр. Торопишь события.
- Тогда что? Фанатка?
- Энтузиастка, да, – этого не отнимешь.
- Мы все такие. И ты, и я, и, видимо, твоя знакомая. На энтузиастах мир держится. – И, после паузы, занятой комбинацией с рассылкой шаров по лузам: - И от энтузиастов гибнет.
- Наверное, потому, что все мы берёмся решать неподъёмные задачи.

- Бывает... Бывает, что медведь летает.
- Как это?
- А с ветки, куда его загнали охотники. Стал мишка нервничать, заёрзal, ветка под его тяжестью, возьми, да и обломись. Он и полетел. Вниз.
- И убился?
- Чего бы он убивался, скажи на милость?.. Не для того падал... Нет, буром попёр на охотников, они сбежали. Одна версия...
- А другие версии?
- Когда-нибудь, Стюард, узнаешь. Собака профессора – это ведь не пуп вселенной.

Замолк наконец. И будто ничего особенного не прояснял.

- Действительно важное, но не пуп вселенной, - согласился Стюард. - Пр'игоршнева требует плату за аренду.

- Не ждёт, а? Ишь ведь какая...

- Разговаривала строго. Криком. Даже с визгом, можно сказать. Угрожает: прогоним! Будто у неё бизнесмены в очередь стоят на помещение.

- Врёт, поди. Какая очередь? Зачем очередь? Сейчас уже все по местам притулились. Либо строят себе офисы, либо арендуют в новопостроенных комфортабельных зданиях.

Дядя Юра, шеф по существу, старший, выговаривает как бы про себя, умолкает надолго, чтобы послать удар, хорошо бьёт. Шары падают в лузы, как спелые яблоки на землю.

Притворяется дилетантом, а на самом деле заткнёт за пояс любого мастера.

- Понимаешь, Стюард, она, стерва, добра не помнит. Возможно, кто-то пообещал ей больше, чем я – через тебя - плачу поверх официальной аренды. Не исключаю. Однако, веди же ты себя порядочно. Не бери за гlandы!..

Шеф повторил то, что Стюард и раньше слышал от него насчет сиюминутных денежных затруднений: расширяется производство, заказаны новые станки, также и новый бильярдный стол из Германии...

- И твою деликатность ценю за то, что четвёртый месяц остаёшься без жалованья, а ты молчишь, не требуешь..

- Я могу ждать. А она не может. Или не хочет.

Человечки не подошли, ни один, ни вдвоём.

Дядя Юра звонить никому не стал.

Видимо, не счёл нужным.

Глава восьмая. Приют «Верный пёс»

Нужно встретить кого-то, приспичило тебе, так постой вблизи нашей забегаловки-кафешки минуток пять, много десять, – и пожалуйста, нужный человечек бежит себе мимо. Мысленно, виртуально сделай подножку, а в натуре попросту окликни, и всё, и он или она уже твои, веди к стойке, покупай кофе, чай, там, пончики, пирожки, или, там, коржик и булочки..

По крайней мере, так представляется Стюарду. И так оно и есть.

Он и говорит Виктории:

- Звонил тебе, телефон не отзыается. Думаю, не больна ли?
- В`овремя платить надо. А то предупреждают, а закружишься, некогда, некогда, и в итоге остаёшься без связи.

- Давай, я сбегаю заплачу.

- Лучше поехали со мной в приют. Договорилась о встрече с тамошней хозяйкой. Зовут Татьяна Вольнаренкова, тоже из наших, университетских, но я её раньше не знала... Но с ней сегодня не срослось. Занята. Объяснила, как добираться. Достаточно сложно, ни автобуса, ни маршрутки. Кусок дороги идти пешком. У меня окно на две

пары. Поди, за четыре часа управимся. А у тебя? Как твой *трезвяк*, держит за штанину? Или на сегодня антракт?

- На сегодня – да, нет дежурства. И, пожалуйста, не говори «трезвяк».
 - А как надо?
 - Уважительно: медицинский вытрезвитель. Что соответствует официальному названию.

- Так-таки медицинский? Слушай, ты что, всерьёз?
 - Шутка. Но *медицинский вытрезвитель* всё-таки звучит лучше, грамотнее.
 - Я учту. На всякий случай. Так решили – ты со мной?
 - Когда двинемся?
 - Прямо сейчас.
 - Позволь, я переговорю с одним хорошим человеком? Он нас туда отвезёт, и, быть может, заберёт обратно.

- Звони.
 - Дядь Юр, - обращается Стюард. - Надо добежать до одного уголочка. Почти за городом. Поможешь? Спасибо. Мы-то? В университете. Будем тебя ждать у главного входа. Хорошо, до связи.
 - Быть может, успею дойти до Четвёрки, чтобы мне заплатить за телефон в автомате, как думаешь?- спросила Виктория.

- Возможно, да, но...
 Хонда подкатила, как только они вышли за турникеты у поста охраны.
 - Ты, дядь Юр, как бог из машины. У меня еще трубка после звонка не остыла, а ты уже здесь.
 - Пробка на твоё счастье рассосалась, Стюардик. Вы вдвоём? Садитесь в машину.
 - Это Виктория. А здесь дядя Юра.
 - Юлий Августович, - дядя Юра протянул руку к заднему сиденью, куда поместилась Виктория. – Вам надо забежать ещё кое-куда, как я понимаю?

- Как вы догадались?
 - У вас на лице написано.
 Пока она ходила к банкомату, который недавно был установлен в вестибюле Четвёрки, Максим с доступной степенью подробности рассказывал Юлию Августовичу про исчезнувшую собаку и про то, как это событие обеспокоило Викторию.

Дядя Юра похмыкал, но не нашёлся высказать ничего путного.

В пути Юлий Августович заявил:

- Собаки часто теряются. Люди тоже.

И замолчал.

- Знаешь, Максим, - заговорила Виктория, - в прошлом году мы с мамой купались на нашем пляже. Увидели: кокер-спаниель плывёт, туда, сюда, и всё время палку выносит, а никто не забирает. Его, видимо, послали и забыли, вот и плавает, может утонуть. Понимаешь? Светлокоричневый такой, шелковистый, уши – две, едва не до пола опущенные, широкие, волосатые пластины.

Пришли два алкаша, принялись раскладывать на бетонной плите выпивку и закуску. Вытащили собаку, сняли ошейник, стали разглядывать надписи, - может быть, кто-нибудь найдётся, кто потерял. Наш родственник Вениамин взял пса с собой. Мы там разместились под навесом. В четыре часа раздались крики: «Кто нашел кокер-спаниеля?»

- Вернули? - спросил Юлий Августович, полуобернувшись от руля, однако не отрывая взгляда от дороги.

- Пришлось возвратить.

- Преданность собак безгранична. Чтобы сам удалился от хозяина и не искал пути назад, – что-то несбыточное, - заметил дядя Юра.

В дороге он позвонил кому-то:

- Валерий Александрович, у себя?... Хорошо... Надо срочно увидеться... Желательно в районе трех часов дня. Где?... Хорошо, я подъеду к трем.

Чтобы попасть к *собачнику*, пришлось забираться в самый конец улицы Заозёрной, и дальше, километра три. Трущобное местечко, конечно, однако в непосредственной близости отсюда уже и возведены, и продолжаются постройкой несколько коттеджей.

Остановились у магазина.

Юлий Августович не стал задерживаться, хотел подбросить их к воротам приюта, Максим сказал, мы осмотримся, а ты езжай, он и развернулся, и стремительно умчался прочь: два деловых свидания. Обещал забрать их по звонку, но не прежде, чем через пару часиков.

В это не занятное послеобеденное время, ресторан практически пустовал.

Валерий Александрович уже одиноко сидел за столиком на двоих в самом дальнем углу зала. У входа примостился блондинистый парень, стриженный под бобрик, прямая, широкая спина не опиралась на спинку кресла. Перед ним на небольшом подносе стояли бутылка с водой и хрустальный бокал на тонкой ножке, наполовину полный. Особенно на дверь вроде бы не посматривал, так же и на Валерия Александровича. Но мы же соображаем, что к чему. Парень пребывал в должной готовности к любому моменту, когда понадобилось бы, вскочить и броситься, куда надо, закрыть собой, если что. Штуки-то нам знакомые.

И было легко сопоставить: поодаль от ресторанных крыльца припаркован черный лексус, в нем водитель, тоже не расслабленный, а за его спиной – хлопец, как две капли воды похожий на этого амбала.

Да и Валера мало чем от них отличался. Разве что галстук подороже, да костюм поизысканней, ну и за то время, что мы не виделись, неизбежных рытвинок на лице тоже прибавилось. Но последнее – ежели шибко вглядываться.

Валера привстал передо мной, заключил в объятья.

- Ты, Юзик, не меняешься.

- И ты, Валера, вроде бы тоже. И плечи - во! И шея накачанная, недряблая, – во! ... Ездишь не один, и в зале сидишь в классном сопровождении. По всем командирским правилам.

- Как учили, Юзик. Как учили...

- Спишь без сноторвного?

- Без него, Юзик. Чего и тебе желал бы.

-Благодарю. И я обхожусь, хотя иной раз рука и сама тянется, но я её, руку, отдёргиваю, и баюкаю: не тянись, рука, за таблеткою... Так пропоёшь, и засыпаешь...И ты, слава богу, выглядишь лет на тридцать. Ну, на тридцать пять, с натяжкой.

- Пет' ушка хвалит кука^ка, за то, что хвалит он петушку. Скажи хоть – на сорок...С давлением-то как у тебя, Юзик?

- Пока норма. А ты что, неужто уже гипертоник? Было бы обидно...

- Врач говорит, надо ежедневно глотать таблетки. Прописал пожизненно.

- Принимаешь?

- Считаю преждевременным.

- Тренируешься?

- Стараюсь. Со спарринг-партнерами, иначе как?...

- Вот и я, но работаю без спаррингиста, подкачиваюсь на тренажёрах, сколько удаётся. Собираюсь бильярдную открыть – живые деньги... В третий раз после Афгана и Степанакерта начинаю фактически с нуля. Так получилось. Заводишко тут один

присмотрел, имелся цех, нацеленный на торговое оборудование, считаю, не беспersпективно...

- Знаю, о чём ты. И как там сложилось после приватизации?

- Пока что ничего путного. Прежний хозяин не платил рабочим. В результате почти все разбежались, приходится набирать новых. Деньги изымались из основного капитала. Долги... Грязь, запустение, мастерские заросли паутиной и плесенью.

- Ясненько. Поработай, Юзик. Помучайся.

- Я солдатик молодой, оберну ноги рогожкой, и пошёл домой.

- Ха, узнаю нашу учебку и Папу Королёва!.. Вообще заниматься реальным производством нынче не слишком выгодно. Любой товар можно запросто купить за кордоном, и у нас на рынке реализовать с прибылью.

- Это понятно. Но, если не возродим собственную промышленность, от России мало что останется.

- На кону торговля и посредничество. Или ты оцениваешь конъюнктуру по-иному?

- Как поставить...

- Да, да, конечно, конечно... У меня по большому счету удачно складывается коммерция. Связанная с нефтянкой... Для души прихватываю парочку ресторанов. Этот вот – мой. У тебя, как можно понять нашу встречу, возникли какие-то заморочки?

- Племянник заарендовал один хорошенъкий, оборудованный подвалчик, предлагает для начального этапа нашей с ним бильярдной. Там раньше размещался антиалкогольный благотворительный клуб для подростков. После социализма филантропическая затея, само собой разумеется, лопнула, как тому и быть предназначено. Мой пацан не дал помещению погибнуть, но дело едва теплится. Отношения испортились, когда университет стал требовать денег. На благородный вуз я, упаси бог, не обижаюсь, обойдусь своими силами. Но, как заявил мальчик Петенька нянечке, когда она попробовала пересадить крошку с чужого горшочка на его собственный: где справедливость, Ксана Митна?

- Действительно, была справедливость у Оксаны Дмитриевны, и однажды вот испарились.

Посмеялись.

- Парнишка-то твой - как, ничего, сдюжит? Пока у тебя наладится, он потянет?

- Моих кровей. Юрфак одолевает, придумал себе практику в милиции, сам напросился. Армейской подготовкой Бог не наделил, так парень сам ищет, где в жизни угол потемнее, позаброшенней. Руку набивает на будущее. Мотив к борьбе основательный: перво-наперво вызволить родителей из наших бывших азиатских владений. Словом, я за него спокоен.

- Это хорошо. Держись, Юзик. Устоять бы тебе именно сейчас, в третий раз, как говоришь. Четвёртого может не быть.

- Я и держусь, Валера. С бывшим руководством связь ты не утратил?

- В руководстве таких, как мы с тобой, по-прежнему ценят. Кругом вон какая напряжёнка. Эпоха взрывников и сапёров... Мы, старые кони, востребованы: в деньгах вся сила. На капитале государство поднимется, как на опаре. Ежели и государство к нам лицом, а не другим местом, то и мы с тобой разве не подсобим России в трудный час?..

- Ежели только лицом...

- Процесс обойдный. Ты - молоток, что не сдался и нащупываешь пути непроторённые...

- Подзадержался малость. Возраст – он с нами...

- Наверстыvай, Юзик. Не спи. На том свете отоспимся.

- Вот и я так думаю.

- А я тебе зачем?

- Просто повидаться.

- Добре..А, коли надо будет обеспечить защиту в твоих заведениях, - скажешь, поможем. Насчет аренды тоже, скажи, я как-нибудь разберусь. А вот заводские долги - тебе испытание. Сам погашай, тут моей заботы нету. Назвался груздём, полезай в куз'ов.

- Ты прав. Мне в интерес...

- Коньяка выпьешь, Юзик?

- Когда-нибудь после. Я за рулем.

- А я с шофером. Поэтому приму. За встречу.

Подозвал официанта, стоявшего наготове:

- Сашок, подсуетись.

- Слушаю, Валерий Александрович.

- Один хеннеси, на весь стол - фирменный коктейль, лимон, оливки.

- Будет, Валерий Александрович.

Принёс. Расставил, разложил. И растворился, как не был.

- Обслуга на большой с присыпкой. Будем у тебя учиться, как вышколить команду...

- Наливай себе, Юзик. Напиток фирменный, без капли алкоголя – киви, ананас, манго, банан, с добавкой кардамона и корицы, все ингредиенты в определенной пропорции – экзотика, республика Эквадор. Рецептуру сам составлял, ноу-хау в порядке хобби... Попробуешь, будешь всегда требовать... У тебя, Юзик, видимо, появилась какая-то к нам особенная нужда, кроме сказанного? Наверняка есть? – спросил наконец Валерий Александрович.

- С охраной так или иначе обходимся сами. В университете ещё теплятся дружинники, ничего на первый случай дополнять не требуется. И аренда подвала - ладно, дело житейское, утрясу. Мелочами я бы не стал тебя утруждать, Валера. Тут другое беспокоит. Испечь Володьку Корнельев.

- Что это – исчез? Куда исчез??

- Как провалился. Я только что отвёз племянника в собачник. У начальника его девчонки пропал пёсик, разыскивают вдвоём, с ног сбились. Аналогично со мной. Только я ишу не пса, как они, а человека. Нашего с тобой друга. Приехал, хотел встретить Володьку. Позвонил ему на хату, отвечают, что второй месяц не видели, вроде забомжевал окончательно... Связался с одной подругой, с другой и с третьей.

- Всех знаешь?

- Три раза был у него по разным хатам, находил, знакомился, всякий раз другая женщина. И всё ниже и ниже. И хаты всё плоше, и бабы – одна другой страшнее. Зато обувка одна и та же, что зимой, что летом, на какой-то немыслимой попугайской подошве...

- Пил сильно, сходился с кем попало...

- С кем удобно пьяствовать...

- Заурядная история. Старо, как мир. Обидно, что с Володькой.

- Теперь пропал совсем. Не погиб ли?.. Я в городе недавно, так что серьезными контактами только обрастаю. К тебе вот...

- Правильно, что ко мне. Контакты наладятся. Насчет Корнельева пробьём по разным каналам. И дам знать ребятам в группе поиска, в параллельной, не у нас. Будут составлять повторную ориентировку – расширим: что захочешь, добавишь. Телефон записывай. Передаю тебе и надежный контакт на первое приближение. С этим же человеком обсуди все свои вопросы. Всё, всё, Юзик, не стесняйся и не таись. Как нас наставлял в учебке Папа Королёв: мелочами поступаться нельзя, потому что мелочь маленькая не бывает, чем кажется меньше мелочь, тем из нее поганей беда вырастает.

- Из мелких гадостей по условиям задачи складывается самое большое кровопийство на свете, - тоже Папа Королёв....

- Вот, вот... Царствие ему небесное, славный был человек, добрую смену готовил... И знаешь, что, Юзик? Прямо сейчас и начинай. Сбегай-ка на базу стеклотары для почина. Посети свалку. Железнодорожные станции - само собой, автовокзал... Сохранились ещё в каждом квартале по несколько подвалов, обжитых маргинальным народцем. Смотри карту.

И Валерий Александрович показал на портативном экране названные точки, и слегка прихвастнул:

- Таких приборов в городе на сегодняшний момент, как я знаю, всего два: у губернатора, и вот у меня. Мэр пока не обзавёлся. Тридцатого у него день рождения, подарю ему, достал через наших. У тебя такого нет?

- Завёл бы...

- Тебе, как бизнесмену, необходимо. Сию минуту у меня встреча с итальянцами, рассчитываю часа на полтора-два, документы подписываем о сотрудничестве. В восемнадцать ноль-ноль сможешь заехать ко мне в офис? За смартиком...

- А мэр?

- Мэр подождёт. Тридцатое число ещё не завтра. Будет и у него смартик, не переживай.

- Отработаю на бильярде.

- На том свете угольками.

- Добро.

- Рад был тебя видеть, Юзик.

- И я рад, Валера.

- Так до шести часов вечера. Жду.

... А те двое, что остались на время без дяди Юры, осмотрелись и поняли, что попали в самую, какая ни на есть, городскую глушь.

Виктория

Субботнее утро, час дня. Не вполне проснувшийся мужик ковыляет нетвёрдой походкой, несёт пиво в полуторалитровой бутыли. Спросили у него дорогу, показал – метров двести от магазина в другую сторону. Метров было даже меньше. Пошли, и сразу услышали многоголосый лай. Остановились у забора, собранного из всякого строительного хлама – доски, штакетины, обломки кирпичной кладки и куски разломанного шифера. У калитки – фанерка, на ней, на листочках, кое-как наклеенных, кустарные надписи: «Вызовите нас!» «Без сопровождающего не входить». Звоним. Выходит служительница. Открыла калитку. Внутри территории, вдалеке виден одноэтажный небольшой домишко. Вылезшие из будок собаки рвутся с длинных цепей. Вольеры размещены у наружной ограды, с двух сторон – с улицы и переулка. Морды свирепо оскалены, невыносимым воем стимулируют друг дружку, пена и слюна из пасти. Жутковато с непривычки.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, как вас зовут?

- Наташа.

- Правда, что вас закрывают?

- Это ещё вилами на воде писано. Вы забирать кого-то?

- Нет, мы из общественности. Быть может, защитим вас.

- Это хорошо бы.

Подъехала дама на такси, Наташа прервалась:

- Она всегда на такси приезжает. Своя машина сломалась. Заводчица... Вы к нам?

- К вам, как видите. Здравствуйте. Что нового? Есть что-нибудь интересное?

- Всегда есть. Будете забирать?

- Давайте посмотрим.

Я спросила про лабрадора. Нет, не забирали, был ответ, даже не видела. Если собака достаточно молодая, тогда интерес к ней имеется. Пожилое животное не заслуживает внимания.

Наташа занималась с новой гостью, а к нам со всех сторон рвались лающие, визжащие, орущие животные. Цепи опасно натягивались, бренчали, едва удерживали. Казалось, где-нибудь сначала одна из них от собачьих порывов лопнет, или разом не выдержат несколько, и вся освобождённая свора бросится, и в мгновение ока от нас ничего не останется.

Наташа, привычная, не пыталась погасить собачью вакханалию.

Но цепи выдерживали.

– Бывали случаи, что срываются?

– Цепи прочные. Хотя вот в прошлом году одна собачка прыгнула и покусала девушку. К счастью, не сильно. Но лечиться пришлось. Девушка сама виновата, подошла слишком близко. Я не успела предупредить.

- И что, та девушка, с тех пор обходит вас стороной?

- Наоборот, стала нам помогать.

Я заметила, что мы как-то быстро стали привыкать к собачьим неистовствам, да и животные мало-помалу успокаивались, им тоже надоедало лаять и рваться. Тут приступили к кормежке, и последовала чуть ли не идиллия спокойствия. И мы могли уже без особой опаски присматриваться к взбаламученным нашим визитом обитателям вольеров. Того, кого искали, мы не встретили.

Ни одного лабрадора ритрейвера здесь не было.

- Искать иголку в стоге сена, - ворчал Стюард.

Татьяна позвонила:

- Дико извиняюсь, что не встретила. Идут разборки в администрации района. После обскажу с подробностями. Ещё раз, прости, Виктория.

- Окей. Простила. Успеха.

- Пойдём на улицу. А то здесь чего-то невесело, - попросил Стюарт.

- Твой дядя Юра случайно не из органов?- спросила Виктория.

- С чего ты взяла?

- Взгляд у него такой внимательный. Коротко мазнул, опять спрятался.

- Неприятный взгляд?

- Я бы не сказала. Но какой-то такой... профессиональный. Запоминающий.

- Дядя Юра – наследственный военный, и так же наследственный бизнесмен. Долго рассказывать, но прими на веру.

- А почему он представляется, как Юлий Августович, а ты его зовёшь дядя Юра?

- Отец у него был Август, как я слышал, человек с особенностями. Сына назвал Юлием. Чтобы ни одной буквы «р» в позывных не было. Где-то на службе, как водится, имя переинчили. Лакомое для дразнилки - сразу два римских императора: Юлий Цезарь и Октавиан Август. Скомбинировали: Юлий плюс Август - равно Цезарь, получилось слишком громко, тогда смягчили – Цезий. К тому же такой элемент значится в таблице Менделеева. Юзик – того же корня.

- Странно: Цезик, Юзик... Солидный человек, а игры мальчишеские.

- Для ближнего круга. Он не щепетильничает.

- А ты?

- Что - я ?

- Он для тебя дядя Юра, а ты для него Стюард? Почему? Ходишь в прислугах?

- Никому не служил и служить не собираюсь.

- А со мной поехал.

- С тобой – другое дело.

- Почему, Стюард?
- Потому, что ты - это ты.

Прозвище Стюард* неожиданно ей понравилось.

**Steward /stjuəd/ (англ.)* - управляющий (имением и т.п.); заведующий хозяйством; эконом (клуба и т.п.); офицант на пароходе; распорядитель (на скачках, балах и т.п.); лорд-распорядитель на коронации; председатель суда пэров. Словарь.

Виктория по праву считала себя человеком университета. От подготовительных курсов для абитуриенты до нынешней аспирантуры и работы ассистентом вся сознательная (то же – и деловая) жизнь прошла и продолжает проходить здесь.

Потому она без труда потихоньку навела справки относительно Максима Березина. Узнала, что командир дружины за три года пребывания в университете сделался фигурой заметной. К нему обращаются при разных неприятностях – и студенты приходят, и даже преподаватели. Большинство ситуаций умеет как-то разруливать. Во всяком случае, недовольных от разговора с ним не случается.

Многие зовут его Стюардом. Он отзыается.

Кличка, данная в «Решете» Юлием Августовичем, проникла в стены вуза, прижилась.

- А меня в детстве звали Вики-Вики, - простодушно сообщила ему. - Сама изобрела прозвище. Вернее, сама напросилась... Гуляли с мамой. Увидела цыплят. Мама мне показала: «Смотри, Вика, позови их: цыпи, цыпи, цыпи. Зови, Вика!.. Вика, говори: цып-цып, цып-цып». Я и собрала все вместе, стала звать: вики-вики-вики. Мама, когда хотела посюсюокать, то звала: Вики-Вики, иди сюда, и обнимала, и целовала... А ты вот - Стюард...

- Мама обнимала и целовала? А ещё кто?

- И ещё кто-то...

- Я Стюард, а ты Вики-Вики. Я твой король, а ты моя королева, да?

- Не знаю. Помни: торопляесть рождает потопляесть. Так говорит Куприянов.

- Так говорил Заратустра.

- Ты и Ницше знаешь?

- Читаем.

Обещанных двух часов не прошло после того, как аккуратный *Дядя Цезий* оставил своих, а он позвонил, предупредил: «еду, ожидайте», и приехал забирать как раз в тот момент, когда Виктория со Стюардом, все взбудораженные, с тяжёлым чувством вышли за калитку.

И они уехали.

Никак приюту не помогли, разумеется.

На данный момент приют вне нашей досягаемости.

Потом узналось: Татьяна, как только пришла директорствовать, так всех сотрудников уволила. Иначе не могла. Они, едва появились, сразу стали воровать. Тащили всё, что придётся: стиральные порошки, шампуни, колбасу, тазики. Она им платила столько, сколько могла - белую зарплату по 7 тысяч. «Мне, говорит, неудобно столько платить», втёмную доплачивала ещё по восемь. Пятнадцать – это вообще неплохо, но они не оценили. Сейчас подали заявление о возвращении на работу сами. Набегались, нигде больше не платят...

Та неприятельница, что препятствует выделению территории для Приюта, носит некрасивую и уязвимую для насмешек фамилию Сероштанова. Противники зовут ее -

г-жа Сероштанник, Сероштанишкина, просто Серая Штанина – Штанина Серая – по сходству с названием фильма «Калина Красная».

И добавляют: не поймёшь, что из чего переиначено: то ли Серое из Штанов, то ли Штаны из Серого.

«Рваная Штанина», – так скажете, тоже поймут...

Город всё ближе подступает к окраинной пустоши. Там, глядишь, коттеджик выскоцил среди приземистых старообразных хижин, трехэтажненький такой, нарядненький, там, за кустами, другой, всего лишь о паре этажиков, зато массивный, что тебе монумент, подавляющий прежнее всё хозяйство.

Здешняя застройка вроде бесплановая, но это пока, а скоро новостройщики, как пить дать, непременно захотят какого-то регламентированного порядка – улиц, желательно прямых, пошире, чтобы двумя машинами разъехаться, да с пешеходными тротуарами, а так же и дороги, асфальтированной, а лучше бетонной, магазинов, а там и детсад, и школу затребуют. И получат: деньги всё купят.

У вертепа денег нет, и вряд ли будут. Власть считается с теми, у кого деньги, а не с голыми, нищими энтузиастами, любителями животных, к тому же чья защитительная идеология не бесспорна, – как теперь говорят, с зоозащитниками.

- Защитников у нас вообще не любят, – сказала Татьяна Вольнаренкова. - Посмотрите хотя бы на положение адвокатов по судам... Человека-то не защитишь как следует, если его решили угробить. А вы про животных...

Собачник пообещали перенести на безлюдную и совсем пустую территорию за дачами, на которую пока никто как будто не претендует.

История у приюта есть. История древняя. Татьяна Вольнаренкова ею не пренебрегает, а в меру сил и терпения формирует продолжение.

Татьяна

- Приют для собак открыли здесь уже больше 20 лет назад. Был заброшенный частный сектор, жители непрятательные, терпели кое-как. Жаловались, бывало, но от них власть легко могла отмотаться, отговориться – отмахивалась от жалобщиков, проще сказать. Временщики во власти – связываться с кляузой никому не хотелось.

Но вот появились *новые русские*, прежний народ слегка разбавили, начали возводить хоромы.

- Обитатели коттеджей совсем другие, чем эти пенсионеры, бывшие работяги. Нынешние не церемонятся. Стали на нас нападать. Сначала словесно: «Убирайтесь на живодёрню, чтоб духу вашего здесь не осталось!»

Взялись собирать подписи. Быстренько насобирали, сколько хотели. И прежних соседей подговорили. Кому и заплатили, но это утверждать не берёмся, возможно, сплетня.

Мы в пикетах стояли, с плакатами, нарисованными на полотенечной ткани. «Собака – ваш друг», «Собака хочет жить», «Без животных наш мир обеднеет и пропадёт». Такие тексты.

Жители к нам подступали, вот-вот станут драться.

Орут, из себя выходят:

- Сами бы вы первые прогоняли, если бы у вас такое было под боком!

А мы отвечаем:

- Если бы у нас такое было под боком, мы бы первые добивались перевода в другое место. Но уж никак не требовали бы ликвидации приюта для бездомных, брошенных животных. Вам их не жалко..

У них есть что ответить:

- Людей надо жалеть, а не собак... Человека, и то не всякого надо жалеть... Переводите, пожалуйста, куда-нибудь, от нас подальше. У вас же не получается, раз не можете, то уходите.

- Куда?

- Да хоть по своим квартирам разбирайте вашу нечисть, и там с ними обнимайтесь, целуйтесь, ложитесь на боковую. А мы хотим жить в тишине и спокойствии, как в конституции сказано...

- В конституции так напрямую не говорится.
- Значит, надо вписать.
- Попробуйте вписать, тогда и говорите.
- Кто у нас конституцию пишет? Народ.
- Я тоже народ...
- А собаки ваши – не народ.

Глава девятая. Бедный, бедный дядя Цезий

За игрой Юлий Августович рассказывал про внука кого-то из своих небедных друзей:

- Учится в элитной гимназии. В классе всего шесть человек.
- В каком уже классе?
- Во втором. Ему восьмой год.
- И как учится?
- На пятёрки. Там в классе всего два мальчика и четыре девочки. Так что сачковать нельзя. Учительница с каждым занимается индивидуально. Имеет возможность. А тут позвонил и говорит: «Дед, у меня двойка». «Как двойка? По какому предмету?» «По поведению». «Что же такого натворил?» «Обнимал и целовал девочку».
- Ну, это копировал картинку из телевизора.
- Телевизор, больше ничего. Хотя они теперь и интернет смотрят. Там - всё.
- А что смотришь в телевизоре ты, дядь Юр, какие программы?
- На новости времени иногда хватает, когда бреюсь утром, краем глаза заглядываю. Футбол-хоккей – я не болельщик. Но знаю, что вкусы у всех разные. Кому «Дом-2», кому «Звезда» по душе. У меня 57 каналов, а в доме согласие только на «Энимэл плэнет». Канал для отдыха, пробуждает добрые чувства. Наладилась бы у нас такая культура в обращении с животными, никому бы в голову не пришло травить их противотуберкулёзными зельями или, там, крысиным ядом, то есть мышьяком.
- А ты бы взялся налаживать такую службу?
- Не задавай глупых вопросов, сказала в детском садике няничка Оксана Дмитриевна Петеньке, когда он спросил, почему его пересаживают с ванечкиного горшочка на его собственный, законный горшочек.
- Уже раскаиваюсь, что спросил глупость, дядь Юр.

Стюард, как мог, поддерживал беседу, а мыслями был далеко.

- Телевизор смотрят сегодня более всего старики и дети, - пояснял между тем Юлий Августович. - Парадоксально, но факт: дети через телевизор узнают окружающий мир, старые люди через телевизор от личного мира отказываются.

А в «Решете» обсуждение телепередач - тема постоянная, дежурная. Когда нечего говорить, сами не замечают, как переходят на критику ТВ. А уж там-то повод всегда найдётся.

Дядя Юра часто напевает за игрой, гоняя шары по зелёному полю. Делает между фраз большие перерывы, что составляет Стюарду некоторую докуку: нить разговора постоянно рвётся, а информация, которую нужно сообщить, важная.

*- Сидели два медведя
 на ветке золотой.
 Один сидел, как следует,
 другой качал ногой.*

- Собачару-то нашли? – любезно справился Юлий Августович.
  - Ничуть не бывало.
  - То, что ты сообщил насчёт твоей знакомой, её профессора и собаки профессора – это конечно, важно. И у тебя на этом всё, Стюард?
  - Не, не всё, дядь Юр.
  - Что ешё?
  - Пригоршнева утром снова звонила.
  - Что ты ей ответил?
  - Опять пообещал скоро рассчитаться. Попросил войти в положение.
  - А она?
  - Слова сказать не даёт – выступает. С визгом...
  - Мы ей задолжали много?
  - За полгода. Сумма не так уж большая, но для меня фантастическая.
  - Нехорошо - за шесть месяцев. Слушай, время-то как бежит, а?
  - Чем дальше, тем быстрее.
  - Точно. И что ей вдруг так приспичило? Ждала, ждала, и вот на тебе...
  - Приспичило, верно.
  - Ты бы сказал – подождите ещё, мы же люди обязательные, не хухры-мухры какие-то с бульвара Капуцинов...
  - Платите, кричит, немедленно, иначе выгоню. Опять грозится, повторяет, будто бы у неё выстроилась целая очередь на наше место.
  - Врёт. Поверь моему слову: брешет, бессовестная тётка. Кому это такой непрезентабельный угол в подземелье в кои веки понадобился? Нет, явно тут что-то не так. Темнит госпожа.
  - Мы же ей приплачивали. Я сам передавал.
  - Маленько золотили ручку. Да. Без этого никак. И ешё помажу, если вести себя будет, соблюдая этикет. Но это разовые взносы.
  - Она другого мнения.
  - И она была терпелива насчет аренды. Чего это с ней случилось? Какая муха укусила?
  - А тут задолжали. И не предупредили, не расшаркались, лапки не позолотили... Обидели тем, что оставили без внимания. А женщинам такое пренебрежение не всегда нравится.
  - И то правда. Дошлый ты у меня, Стюард, понимающий. Женщины, они, да, внимание любят. Пуще того деньги. ...Что ж, будем разбираться с Пригоршневой. Как-нибудь договоримся. Если не получится по-хорошему, попробуем по-другому. А так, поверишь ли, свободной копейки нет. И съезжать нам отсюда некуда. Пока что будем держаться за эту берлогу. И за брендик клубный опять-таки. Дальше видно будет.
- И запел, забормотал себе под нос :

*- Слетели два медведя
 с той ветки золотой.
 Один летел как следует,
 другой качал ногой.*

- Я-то поверю, дядь Юр. Ведь будут же и копеечки..

- Ещё какие, Стюард, ещё какие копеечки появятся! А насчёт собачек... Так трогательно! Так благородно - искать пропавшего пёсика!.. А ведь какая мысль – каков сюжет: собаченции! Прямо-таки находка в трудных обстоятельствах... Некоторые люди ищут конфликтов – такие натуры. Или наоборот – конфликты отчего-то находят именно этих людей. За пушку берутся тоже – вот дураки-то, верно? А мы не таким путём пойдём, как нас на политинформациях учили, мы другим путём двигаемся... Жизнь ведь как устроена? И сложно, и просто. Один и тот же человек бывает, когда конфликтен, когда не конфликтен... Нам психолог в армии пояснял: проверить человека на конфликтность лучше всего в боевых обстоятельствах.

- А про то, что в боевых обстоятельствах можно неизлечимо по башке получить, после чего конфликты сами собой разрешаются, – вам про такое психолог не рассказывал?

- Всё рассказывал нам психолог, Стюардик. И кстати о психологии. Я служил срочную в Астрахани, ещё до училища. И прибрался к нам пёс. Здоровенный, но непородистый. Нам давали колбасу без ограничения. Как в армии бывает: ешь, не хочу, – но очень солёная. Кидали ему. Пожрёт, бежит пить к Волге, попьёт, опять жрёт. Пузо наел огромное. Лежит утром на боку, на дороге. Обязательно подходили, сапоги чистили о шерсть на животе.

Делаем вывод: собака в бытовых затруднениях приходит человеку на выручку.

- Темно говоришь, дядь Юр. Посвети фонариком.

- Посветил бы, да батарейки сели. Потерпи, и всё разъяснится с Пригоршневой. К обоюдному удовольствию. Всякому овошу своё время.

Так заинтриговал Юлий Августович племянника своего Максима Березина, по прозвищу Стюард.

Которое – прозвище – сам же ему и приклеил.

Приобнял Стюарда, успокоительно бормотнул:

- Ты не журись, хлопче! С домоуправлением будет уложено. Причём, красиво, со всем изяществом.

И не запел, а проговорил нараспев, негромко, но воспитывающе:

*-Супчик жиденъкий,
но питательный.
Будешь маленький,
но старательный.*

- Знаешь о таком питании? Нет, не знаешь. И не надо тебе. И век бы его не знать.

Несколько минутами позже отъезда дяди Юры начали собираться обычные посетители бильярдной.

Два, три человека приходят – это как правило. В выходные бывают и четверо, и пять посетителей.

Когда дядя Юра только прибыл в наши края, ему надо было срочно за что-то зацепиться.

Юлий Августович заинтересовался клубом «Решето», как вскоре выяснилось, не случайно, а имея далеко идущие виды и планы – приватизировать помещение с оборудованием, из которого только рудольфовы тренажёры да бильярдный стол можно было использовать, и то, если уж сильно захочется покачать мускулы да покидать шарики.

Бильярдный стол, оставленный в наследство прежде находившимися здесь благотворителями, да эти, даром достающиеся в связи с отъездом хозяина тренажёры – вот на сегодняшний день и всё производственное имущество. Есть ещё мебелишка сиротская – несколько столов и стульчиков, в советское время списанных и

перенесённых сюда из соседней столовой, да старый-престарый телевизор, кем-то пожертвованный антиалкогольному клубу «Решето».

Сильно привлекали дядю Юрь отличные немецкие тренажёры, купленные Рудольфом Крюгером в бывшем советском городе Риге. И больше ничего сюда не тянуло.

Но разве ж этого мало?..

- На самом деле у нас как-то сузили представление о стюарде, - рассуждал Юлий Августович, – Обабили, если угодно. Стюардесса – женского рода, хотя нынче и мальчики летают на самолетах в экипажах на должностях бортпроводников, то есть официантов, obsługi.

Берём шире.

Помните, как у Высоцкого: « *проходит стюардесса, как принцесса, надёжная, как весь гражданский флот* ». Раньше подбирали девушек, исключительно очень красивых. Сейчас тоже идут не последние, за романтикой и заработком. Но попадают и по блату. Красотки, если и случаются, то долго не задерживаются – высекают замуж, часто за богатых пассажиров. Или за иностранцев.

Теперь фактор женской привлекательности перестал быть составляющей того, что называют имиджем, а раньше красивые бортпроводницы из самолётов Аэрофлота были чуть ли не лицом страны.

Авиацию, знаешь, как ценили?!

- Нынче летать скорее боятся, чем стремятся её использовать, - заметил Стюард. - Мало того, что аварии, еще и цены заоблачные. Из моих приятельниц ни одна в стюардессы идти не хочет.

- Плохо, друг мой, очень плохо. Бывало, поднимешься метров этак на тысячу, и заскучаешь, Выйдет она, в миниюбочке небесного цвета, и сразу любить захочется. Платонически любить, Стюардик, чисто платонически...

И опять шары катятся от лузы к лузе. .

- Ты, Стюардик, не подкинешь ли маленько нищему дядюшке на бензинчик?

- Ну, ты даёшь, дядь Юр! У бедного студента стреляешь. Где стыд?

- Ничего, дружок, скоро всё переменится. Бедноту победим, и погоним в хвост и в гриву!... И будут нам Канары, Багамы, Каймановы острова, Лазурный бережочек – белый песочек...

- Нью-Васюки опять же.

- И это тоже.

- Бери, дядь Юр, чего уж, бери, пока я добрый...

Глава десятая. Трезвятские будни

Не так давно Стюард напросился на аудиенцию к ректору, дабы похлопотать у него о поддержке в отношениях дружины с районным отделом внутренних дел.

Максим намеревался получить беспрепятственное содействие в личной нестандартной стажировке на всех допустимых акциях милиции в районе – поимке преступников, выдворении из потаенных мест опасного беспаспортного люда, локализации вооружённых конфликтов, поимке распространителей наркотиков, реакции на факты стрельбы и поножовщины.

В кабинете ректора Стюард был впервые. Взгляд остановился на большой фотографии старинного парохода на стене и макете парусной яхты на тумбочке в левом углу большого помещения. Возле макета стояла ваза со свежими астрами.

Выслушав посетителя, ректор пустился в рассуждения:

- Могут дать добро фрагментарно на какие-нибудь операции. В том, что вы запрашиваете в полном объёме, скорее откажут. Гражданский человек, пояснят, не

должен быть посвящён во все профессиональные секреты. Давайте для начала просить о том, что попроще. Вы же знаете, какие двери вам и без моего ходатайства открываются. Речь пойдёт об усилении позиций..

- Медицинский вытрезвитель. Там секреты совсем невеликие. По закону о персональных данных нельзя обнародовать фамилии туда доставляемых. Пожалуй, вот и всё.

- Возможно, первый такой эксперимент в нашей стране, - подытожил ректор. - Неаттестованный дружинник, волонтёр, студент будет работать в штате медицинского вытрезвителя. Учится на юрфаке, заочник, должен справиться. Так и будем обосновывать перед инстанцией. Начните, а там уж и сами разберётесь, какую работу просить в милиции.

Ректор не отпустил его сразу.

- Вы на каком курсе, Максим Олегович?

- На четвертом.

- Вы, сколько я знаю, начинали у нас учиться на механико-математическом факультете. Не справились? Программа была тяжелая, или почувствовали призвание к другому?

- Второй вариант, Павел Савельевич.

- Собираетесь ли оставаться в университете после окончания учёбы? – поинтересовался ректор.

- Хотелось бы. Пока не ясно, в каком качестве. Аспирантура не привлекает.

- И переменять амплуа командирства в дружине не собираетесь?

- Гадать трудно. Я верю, что дружина университету нужна, и хочу свою работу делать профессионально.

- Спрашиваю, потому что считаю охрану порядка в университете и особенно в Студгородке важным делом, и хотел бы заручиться сотрудничеством на долгое время.

- Меня никто не принуждал.

- Вам ведома такая категория, как брезгливость? О страхе не будем говорить. Но вот окунуться в такие сферы, где непременно присутствуют кровь, рвота, другая грязь, где вы столкнетесь и со зверствами всякого рода, и с клеветой, с предательством – какие нервы надо иметь! Выносливости хватит? Не спасуете?

- Быстро наступает привычка, и многое зависит от тренировки. Милиция же не пугается всего этого. По-моему, и дружинники должны быть натренированными, чтобы уметь правильно вести себя в сложной обстановке. Тем более, что я юрист, практика необходима. И дружине нужен компетентный руководитель, а не какая-то фитилька...

- Ваше рвение нельзя не одобрить, - продолжал испытывать его ректор. - Но полномочия у вас довольно маленькие. Тогда как соблазны приложить силу, где не надо, очень велики. Имейте в виду, что моя защита, как администратора, не всегда будет результативной. Если проштрафитесь, пеняйте на себя. Университет так или иначе должен остаться в стороне. Скандал для нас был бы обременителен.

- Мы постараемся не подвести.

- Хорошо. Моя цель, как ректора: хочу, чтобы дружина смогла хоть как-то обуздить пьянство в Студгородке. Кроме того необходимо пресекать проникновение на нашу территорию преступников из других мест. Специально приезжают сюда хулиганить, пристают к девушкам, воруют из общежитий, в тёмное время суток грабят прохожих. Вот в чём моя обеспокоенность.

- Моя тоже.

- Думаю, правоохранительные органы в этом заинтересованы не меньше, чем мы с вами. А спрашиваю о ваших дальнейших планах потому, что выход вижу в организации собственной службы безопасности. Можно, разумеется, заключить договор с частной охранной фирмой. Но я был бы спокоен, если бы имел собственную

службу безопасности и во главе её человека, связавшего с университетом своё будущее. Университетские янычары этакие – я даю вам возможность проявить себя. Проявляйте!...

- Интересная идея...
- Итак, звоним?
- Хотелось бы, Павел Савельевич.

Ректор снял трубку и попросил соединить его с начальником районного отдела внутренних дел. Передал запрос Березина в полном объёме.

- Надо обмозговать, – сказали на другом конце провода. – Вашему товарищу по всем заявленным вопросам действительно лучше было бы пройти первоначальную стажировку в качестве дежурanta в медицинском вытрезвителе. Помощником дежурного в принципе можно было бы оформить вольнонаёмного. Но – случай не стандартный. Человек же будет расти. Поэтому единственное, о чём попрошу, – не смогли бы вы договориться с моим начальством? Принципиальное согласие чтобы...

- Полагаю, что мне это удастся.

И ректор позвонил генералу.

Отказа не было.

Начальник райотдела полковник милиции Дроздов принял без проволочек. Также, как ректор, назвал по имени-отчеству, встал навстречу из-за стола, подошёл, пожал руку. Невысокого роста блондин. Форменный китель на многих сидит мешковато, и нивелирует, скрадывает фигуру, но крепкую шею, широкие плечи никуда не денешь. Левая, совсем белесая бровь расположена чуть выше правой, при разговоре иногда приподнимается.

Сразу перестал «выкать».

- Ты руководитель дружины. Хотя и общественная организация, но, как ни крути, тоже в системе правоохранительных органов. Для нас – почти что свой. Я – за народные дружины, напрасно их позакрывали, рано или поздно придётся возвращать обратно. Поэтому скажу откровенно: в милиции сейчас люди нужны почти во всех службах. Понравится – станешь в МВД штатным, аттестуешься... Стажёровать могу определить по твоему выбору. Можно пойти и в розыск, и в дознание, но вот где постоянный завал, так это в медицинском вытрезвителе, – хронический дефицит людей.

- Давайте – туда.

- Практикантов нам в милицию посылают редко, ведь и сами ребята желают стажироваться, где престижней: устраиваются не к нам, но в прокуратуру, в арбитраж, скажем.

- Чтобы идти в прокуратуру или в арбитраж, нужно сначала в милиции «на земле» потрудиться.

- Золотые слова, вовремя сказанные. Кто к нам попадает, стажёры, те просятся или в розыск, или на участок, там в принципе, при желании посаживать можно. А ты вот желаешь в трезвяке понюхать нашего воздуха, – что, пьяных не видел?

- Видел, конечно. А как с ними по-настоящему работать, – тоже, если сказать на честность, – не знаю.

- А как ты до сих пор с ними работал? В своей дружине? Методом спарринг-партиёрства?

- Если ничто другое не берёт...

- Сила должна опираться на закон.

- Это вы так думаете, или такая у нас в стране сейчас политика?

- Такая политика, Максим, у нас всегда была. Отклонения не в счет. Мы с тобой отклоняться не будем, и всё, и точка. Мы с тобой и есть политика. Оттого, как мы

поставим дело и себя в деле, в конце концов будет зависеть и политика во всём государстве.

- Хотелось бы...

- Если попроще, то мы же взрослые люди. Вот и подумай, до каких пор всё на кулаках-то будем решать?

- А что же делать, если, скажем, пьяный не подчиняется и драться лезет? А то ещё и ножиком норовит помахаться?

- До просто: приводить в чувство, и точка. Почаще заглядывай в инструкцию. Там нужное всё сказано.

- Один из моих дружиных привёл такого дебошира в чувство. Приём применил обычный, банальщина. Но в результате рука у пьяного немного пострадала.

- С кем не бывает...

Левая бровь полезла вверх, и, прежде чем опуститься, немного постояла в приподнятом положении.

- А там – нарисовалась влиятельная родня, - продолжал описывать Максим. - Теперь из судов не выходим.

- Понятненько - на кого нарвёшься. Осторожность никогда не мешает. Приём приёму разница. И опять-таки – смотря, кто берётся применять приёмы. Соответствие ситуации, опытность, хладнокровие, чувство меры... Не умеешь, не берись, вот и все дела. Так, не так?

- Не спорю..

- Ладно. Пошлём туда, куда просишь. А дальше уже сам разберёшься, если сумеешь.

- Я особенно не прошу. На ваше усмотрение.

- На мое, так на мое. В медицинском вытрезвителе, как я уже сказал, постоянный недокомплект из-за некоторых бытовых особенностей... Там увидишь, - с долей таинственности заключил начальник отдела полковник милиции Дроздов. – Вот направление, подписываю, Максим Олегович. Только так на работе - с отчеством. Держи. Завтра к восьми ноль-ноль, чтоб, как штык. Знаешь, куда идти, не заблудишься?

- Ну, как? Возил туда алкоголиков. Знаю.

- Считай, что приказ о твоём назначении уже подписан. Возьмёшь в кадрах. Оформим без волокиты. Бывай здоров.

Левая, совсем белёсая бровь поднялась и снова встала на место.

Пожатие крепкое. Видно, человек не от бумаг, что говорить...

Стажёр без звания не имел никакого права тянуть за язык полковника. И так о многом потолковали. Быть может, даже и слишком о многом. Хотя вопрос напрашивался: разве в том же трезвяке нельзя посачковать? Наверное, как везде, - кто хочет, найдёт лазейку, где угодно.

А я не хочу искать лазейку. Зачем?

Увидеть самому, поработать с антиалкогольными профи – это меня устраивало.

И разобраться в проблеме...

Медицинский вытрезвитель занимал небольшое одноэтажное здание во дворе гаража Стройтреста. Там же располагался флигелёк, еще меньший, скорее похожий на сарайчик, где размещались бухгалтерия и большой чулан со всяким инвентарем для уборки дворового пространства: мётлы, лопаты, совки, ведёрки, да в разносках, для мелкого ремонта – два топора, ножовка, молотки, набор отвёрток, гвозди ... В разное время всем этим снабжались *указники**, отправляемые в наряд убирать территорию райотдела.

* Правонарушители, получившие назначенное судом наказание в виде нескольких суток ареста в соответствии с одним из указов ещё Советского правительства.

Особенно актуальной, надо понимать, является борьба за чистоту и порядок перед приездом проверяющих.

Здесь же, во дворе, между двумя строениями высилась перекладина – турник.

Максим явился на службу, разумеется, не ровно к восьми, а пораньше, понимая, что, если рабочий день начинается в восемь, то начальник по-хорошему должен появиться на своем месте по меньшей мере за десять-пятнадцать минут до того. И неловко будет начинающему стажёру являться на планёрку тютерька в тютерьку и отвлекать занятых людей своей персоной.

Пришёл без пятнадцати. И не ошибся.

На небольшой асфальтовой площадке накачанный мужчина лет сорока в майке и форменных брюках упражнялся с гилями – пудовой и двухпудовой. Тут же стояло ведро с ледяной водой – облиться после занятий.

- Здравствуйте. Не подскажете, где мне найти начальника медицинского вытрезвителя майора Угланова Александра Петровича?

- Уже нашёл. Я майор Угланов.

- Меня к вам на стажировку направили.

- Предупреждён. Жду тебя. Форму наденешь без погон. Сейчас будешь мерить, подгонять по росту? Тогда – в отдел.

- Можно, я побуду на планёрке - в своём?

- Хорошо. Сегодня готов дежурить?

- Хоть сейчас.

- Дежурство тебе поставим все ж таки на завтра. Успеешь переодеться. Сегодня войдёшь в курс дела, и – айда, пошёл! Ага?

- Конечно.

- Зарядку по утрам делаешь? Сегодня сделал?

- Пробежку, и потом к вам пешком из общаги, четыре километра.

- Молодец, не забывай про это. При случае можешь здесь во дворе гирькой побаловаться. Сейчас не предлагаю, потому что уже поздно.

- Федякин! – позвал. Из флигеля вышел старший сержант, на взгляд Максима довольно пожилой дяденька. – Полей-ка мне, пожалуйста.

Федякин полил ему из ковша на руки, на голову, на шею. Майор испытывал процедуру с явным удовольствием. Обтёрся твердым полотенцем.

Довольный, пригласил:

- Пошли на пересмену.

Вскоре накачанного атлета Угланова след прости, пробыл у нас в медвытрезвителе не свыше месяца. Его готовили к сильному повышению, а, как забрали в управление, так и началась чехарда с начальством.

Последним получил приказ о назначении и. о. начальника бессменный дежурный Свиридов. Сейчас он сидел на телефоне по ту сторону барьера. Стол перед Свиридовым был покрыт листом ватмана, сплошь изрисованным рожицами, автографами, какими-то словами и цифрами. Телефон неизвестно старый, с допотопной, полустёртой пальцами цифирью на вертушке. На тумбочке за спиной дежурного – телевизор, тоже не последних моделей. Когда нет вызовов, то дежурный поворачивается в крутящемся кресле лицом к экрану и старается не пропустить ни кадра в забористом сериале, то ли мексиканском, то ли бразильском, какая разница... Вместе с дежурным сериал смотрят милиционер-водитель, помощник дежурного и фельдшерица-врач.

Порядок такой: доставленное *лицо* осматривается врачом. И, если принимается, то раздевается, как правило, при посредстве персонала, укладывается в палату без постановки перед барьером, бывает, что и фиксируется ремнями на топчане в коридоре, а в палате оказывается лишь после обздания...

А вот утром он или она уже одетыми стоят перед дежурным, и барьер их разъединяет. Вытрезвленного клиента руки на доску барьера просят не укладывать. Стоять желательно прямо, не наваливаясь грудью. С ним говорит начальник райотдела милиции (чаще замы, но не ниже должностю), возвращает паспорт и деньги, ещё какие-то вещи, отобранные при задержании и спрятанные в несгораемый шкаф, делает воспитательное внушение, чаще стыдит, иногда - ругает...

Отказов помешать доставленное *лицо* в медицинский вытрезвитель почти не происходит, - если уж дежурный медик признает человека абсолютно трезвым или, наоборот, считает необходимым направить в больницу по жизненным показаниям.

И то, и другое погоды не делает, потому что встречается достаточно редко.

Резкий звонок прервал лицезрение экрана с выкрутасами прелестниц и прелестников, предающихся бурным страстям среди солнечных красот латиноамериканской природы.

- Медвытрезвитель номер один. Свиридов.

- Отдел, дежурный Петраков. Записывай вызов. На Стойплощадку. Между домов, где там мусор навален.

Дежурный по отделу долго что-то говорил. Видно, что разъяснял подробности происшествия.

- Принял. Свиридов.

Потом Свиридов прошёл в бытовку - помещение позади того, где барьер с рабочим столом, телефоном и листом ватмана, изрисованным рожицами и прочей дребеденью. Там стоял стандартный несгораемый шкаф для хранения печати учреждения, а также служебной документации, подлежащей обязательному хранению в сейфе, а кроме того документов и денег, изымаемых у пьяниц на время вытрезвления. Как и в любых бытовках на свете, здесь есть ещё и шкафчики для личных вещей персонала, тумбочка с чайной посудой, стол, покрытый потёртой клеёнкой, пара стульев, лежак. На тумбочке стоят микроволновая печь и чайник.

На лежаке иной раз по старой памяти отдыхает Федякин, брат Федосей, давно уж покинувший работу. Стюард впервые узнал, кто это такой, при обстоятельствах, едва ли не курьёзных. Он еще был дружинником и доставил из Студгородка пьяного дебошира. Не спешил уезжать.

Свиридов показал ему отдыхающего в бытовке пожилого сержанта.

Раскрыта книжка про Атлантиду обложкой вверх лежала на лице спящего на топчане в бытовке. Свиридов, не меняясь в лице, книжку приподнял, отодвинул. Обнаружился массивный полукруглый нос, чёрные, крупные ноздри которого шумно втягивали воздух, при этом издавались то сопение, то храп, - впрочем, не слишком громкий, спокойный такой, без задыханий и затягивания воздуха, размеренный, монотонный храп человека, не держащего на совести никакой крамолы.

- Брат Федосей, - представил Свиридов.

Стюард попросил уточнить:

- Брат? Он что, в секту ходит?

- Точно - не сектант. Мы бы знали. Церковь, да, посещает. Свечку за своих покойников ставит. Какой сектант так будет делать? Что *брат*, - неудивительно: и у меня, и у тебя крыша поедет от здешней работы.

После того, как Федякин уволился, он долго не появлялся здесь. Но скучал, сильно скучал по родному крову брат Федосей!... А ежели заходил, то как-то из-за работы с алкашами не до праздных разговоров было, и Федякин, не стесняясь, иной раз укладывался на отдых в бытовке. А чаще помаячит, как неприкаянный, видит, все заняты, и тихо, тихо слиняет, никто и не заметит...

И сейчас высып`ался на лежаке после долгого перерыва.

В тот день Свиридов задал вопрос, который послужил последним побудительным толчком для визита Стюарда к ректору:

- Макс, ты видишь, у меня какой некомплект. Федякина не сегодня, так завтра не будет. Ты прямо - как здесь и нарисовался. Может, оформишься к нам насовсем? Федякин загулял. Перед пенсиеей - как сбесился. Потом пьянку забросил, но время ушло...

- Жалко Федякина...

- Спать стал здоров, - посетовал Свиридов на старого товарища. - Как выпивать бросил, так отсыпается за всю жизнь. На нашей работе не больно-то выспишься. Теперь добирает *недоспатое*. На Атлантиде помешался. Однажды ему приснилось, будто мы все потомки жителей утонувшего материка. Хочешь быть атлантом? Поговори с братом Федосеем – станешь. Одним словом, крыша у мужика поехала.

Свиридов вытащил из пластмассового набора сувенирное гусиное перо, белой бахромочкой легонько поводил по лицу Федосея. Эффекта не последовало. Поводил опять. Спящий помычал, перевернулся на другой бок, снова захрапел.

- Макс, дай-ка чайник.

Максим подал Свиридову чайник. Холодный. Думал, будет включать. Но некогда же – вызов...

- Дрыхнет. Попробую добудиться.

И Свиридов стал потихоньку поливать Федосею лицо и голову. Федякин отмахивался, постанывал, серым языком слизывал с губ воду. Глаза однако не открывал. В конце концов Свиридов отступил, оставил его с небольшой лужицей у головы.

И попросил медика:

- Захаровна, вы за ним приглядывайте. Как бы не захлебнулся.

Оба внимательны: пьяные иногда захлебываются. Если не доглядишь за ними, и рвотными массами подавиться могут, и в припадке язык западает. Оттого у персонала насторожённость въедается в душу, как татуировка в кожу.

Федосей теперь трезвый, но спит всё равно больно крепко.

С того дня много утекло и воды, и водки с бормотухой, и пива, разбавленного и целого...

- Первый вызов с начала смены, а уже другой час разменяли, - сказал Свиридов. И удивился: - То ли люди бухать перестали?

- Пощёл заводить машину, - сказал шофер Геннадий. Но с места не сдвинулся. Свиридов тоже от стула не оторвался.

- Давай. Ты, Максентий, не забудь проверить ориентировку на Корнельева. Геннадий, ты все изучил? – спросил шофера.

- Не царское дело ориентировку изучать.

- А какое царское?

- Крутить баранку.

- Ты только дуру не гони. Погляди бумагу. Фоторобот, установочные данные, особые приметы... Вторая и третья ориентировки пришли вдогонку первой. Или важная птица разыскивается, или натворил чего-то страшного. Скорее то и другое разом, только не уточнили. Так что все должны знать задачу.

- Горазд же ты пугать, Свиридыч! А где они, ориентировки-то?
- Как же ты не удосужился посмотреть? На, гляди.
- Ориентировка зацепилась за то, что пропавший, по биографическим данным, был когда-то гаишником, но давно, - значит, бывший мент, но бывших оперов не бывает. Жмурик – он? Точнее нельзя? Кто сообщил-то? - допытывался Геннадий.
- Как всегда, какая-то неизвестная бабуленция. Просигналила и умолкла.
- Сигнальщица-барабанщица.
- Пионерка – ровесница века, - как бы автоматически подтвердил Свиридов. И потребовал: - Хватит надсмехаться над бедной женщиной, Гена! Поехали, давай.
- Да я уже одной ногой в машине. Не видишь, чи шо?
- Ага. Оторвись от телика-то. Хватит диван давить.
- Барышня-крестьянка – фильм такой показывали... Старый, старый. В детстве смотрел.
- Ты в детствешибко грамотный был.
- На безрыбье и рак рыба... Два человека в деревнешибко грамотные были: бабка Французиха, колдунья, да я. Учительница жила не у нас, а при школе за десять километров. Попов большевики еще когда порешили...
- А председатель что, неграмотный? А счетовод?
- Те далеко, а я да бабка рядом. К нам и ходили – письма чтобы мы читали. У председателя четыре группы было законченных.
- На двоих с приятелем?
- Не. Больше. На каждого по четыре группы.

- Должно быть, здесь, - предположил Свиридов.
  - Максим первым выскочил из машины, и сразу – к *объекту*. Свиридов с Геннадием тоже покинули спецавтомобиль и увидели того, по чью душу, живую или мертвую, были посланы, - неподвижное тело, прикрытое настилом из веток и сучьев.
  - Настил зловеще шевелился, шуршал, но не от дыхания человека, а от ветра, силы которого не хватало для того, чтобы хоть один сучок поднялся и слетел со своего места.
  - Вот он, тут как тут, объект, и валяется, - оповестил Свиридов. – Давай, Максентий, дорогуша, убирай мусор с личика ненаглядного..
  - Уже начал убирать, - сообщил Стюард. - Гляди на него. Любуйся.
  - На морде, как черти горох молотили, - сказал Геннадий.
  - Правда, будто совсем уж мертвяк, - признал Свиридов. - *Жмур* вроде бы ... Убили, и мусором присыпали. Зачем, спрашивается.
  - Конспирация, - с пониманием отозвался Геннадий. Пощупал шею лежащего и обнадёжил: - Все ж таки пульс-то бьётся, Свиридыч. Не совсем пропал ещё *жмурик*-то.
  - Похоже, что напоили и поизгалялись, как хотели, - предположил Свиридов.
  - Напоили - через воронку в рот налили, - съязвил Геннадий.
  - А прёт водяной, как из живого, - отметил Свиридов.
  - Водочкой, да с пивасиком, - подтвердил Геннадий..
  - Все бы *жмуры* такие были – нас бы давно разогнали к чертям собачьим, - предположил Свиридов, между тем как Максим продолжал отодвигать сучья с головы и тела мертвяка пьяного человека.
  - Не боись, - успокоил Геннадий. - Разгонят, когда надо будет..
  - Когда вся Россия разом пить бросит?
  - Ты первый пример покажешь, Свиридыч. Федосей уже бросил, за тобой очередь. Чтоб России жилось легче.
- Свиридов пропустил обидное мимо ушей.

- Алкашня, мать его так-перетак, - бранился Геннадий. - Таскаем ихнюю породу, таскаем, и всё перетаскать не можем.

- Вот когда ориентировка-то и подсказала бы – тот иль не тот. А ты, Гена, зря ориентировки не смотришь...

- Да смотрю, смотрю, что ты вяжешься, как маленький? – огрызнулся Геннадий.

- Ладно. Чо, перекурили? Тогда айда, пошёл. Кладём на носилки его, сердечного. Берись-ка, Макс! И ты, Геннадий. Поднимай, давай, после наговоришься. Дома. В трезвяке.

- Тяжёлый, гад. И грязный, спасу нет.

- Они все гады. И все тяжёлые. И все в грязи, как свиньи...

- Вот уж чего не знал, того не знал, Свиридыч, - сказал Геннадий...

- Чего не знал?

- Что они - как свиньи.

Стюард

Ориентировка дальше конкретных данных идти не может. Косвенные характеристики ещё допускаются. Но рассуждения и намеки, и общие слова, сбивающие с толку, - как правило, остаются за кадром.

Один человек из инициаторов поиска и составителей ориентировок, должно быть, всё же имел основания предполагать, что *Корнельев*, обозначенный, как безработный, повидимому, добрался до каких-то истин в поимке организаторов и хозяев наркотрафика. Тут его скорее всего подкараулили и свалили. Сведение об этом вытекало из текста бумаги.

Ориентировки разосланы по всей стране. Потом повторно. Причина прямо не называется, но наши, милицейские, и так догадываются. Дело, скорее всего, касается вип-персоны, находится на особом контроле у начальников отделов...

И вот тут-то дежурному нашего РОВД поступил анонимный звонок. О подошвах на обуви можно было только строить догадки. Рассмотреть подробно обувь, тем более физиономию звонившая не удосужилась – синие ли подошвы с красной искоркой, как дотошно указывала ориентировка, либо иные, осталось неведомо. Есть ли шрам на правой щеке, тем более другой на спине, сигналистка тоже не распознала.

Ничего, привычно решают в дежурке райотдела, - вытрезвительские разберутся...

Отправили наряд предположительно забирать пьяного, но, возможно, что обнаружится труп. Мертвецки пьяные тоже, бывает, что невольно симулируют покойника. Так рассудил дежурный по отделу. Вытрезвительские – брать такого их прямая обязанность.

У дежурного в отделе сейчас под руками нет ни одной бригады, все в разъезде: законченное убийство, драка с поножовщиной, опять же рутина - передачу наркоты застукали...

Пьяного, но пока живого, доставили в медвытрезвитель.

- Принимайте, Антонина Захаровна.

Врач, коротко осмотрев, определила:

- Не будем брать. Сильно побит, кровопотеря, давление почти на нуле. Поедете с ним в больницу, в травматологию.

- Как скажете, Захаровна. - Свиридов легко согласился: - Лишняя смертность нам не к чему. Оно и козе понятно.

Травматолог был занят на операции, долго не приходил. Стюард, помощник, Свиридова с Геннадием отпустил на другие вызовы. Сам терпеливо высиживал время в приёмном покое. Пьяный лежал на кушетке в коридоре.

Наконец появился травматолог, высокий, жилистый, весь в зеленом (шапочка, халат, брюки), был неприветлив, не глядя, только и буркнул, что сухое «здравствуй». Сходу споро стащил с пьяного куртку, расстегнул рубаху, посгибал руки, задрал штанины, посгибал ноги, всё целое, не сломанное, и никакой реакции на боль, приложил трубку к груди, послушал, установил: сердце работает.

- Дай нашатыря, Марта.

Сестра провела ваткой под носом у пьяного. Когда тот, громко чихнув, дёрнулся головой, привычно увернулась, чтоб не быть забрызганной слюной и соплями..

- Пошел я, - сказал доктор. И снизошел до пояснений: - У меня там двое тяжёлых во второй терапии: старушка только что упала и разбила лицо о железную штангу, в отделении две гнойных перевязки. Так что адье, ребята. И предложил: - А вы либо своего анонимного клиента берите к себе...

- Либо? – с надеждой перебил Стюард, помощник.

- Либо здесь, в приёмнике оставляйте, - уже, повернувшись спиной, закончил: - Как вам совесть позволяет.

И убежал, столь же стремительно, как появился.

- Весь в делах, - вяло заметил Максим, и самому не понять было, сказано в осуждение или в похвалу травматологу.

Марта не отозвалась ни звуком, ни гримасой.

- Будете забирать своего беспаспортного?

- Кажется, врач разрешил оставить, – сказал помощник. – Если что, - где нас найти, вы знаете. Так что звоните.

- Хорошо.

У крыльца приёмника тормознула скорая.

Выпрыгнули санитар и фельдшер, открыли заднюю дверь, взялись за носилки.

Марта не позвонила. Из чего в медвытрезвителе сделали правильный вывод, что пьяный пролежал до утра на кушетке в коридоре приёмного покоя, переночевал таким образом в тепле, а потом исчез в неизвестном направлении, но навряд ли ут`опал куда-то далеко. Скорее всего нужно ждать его в гости к нам, в трезвячок. Возможно, не далее, как сегодня. Но раз это не Корнельев, то и искать его никто не станет.

Кому он вообще нужен, бродяга?..

Происшествие, не вызвавшее озабоченности, легко забылось.

Тем более, что ночь выдалась не из лёгких. Заняты были без промежутка.

Стюард

- Найдётся обязательно твой *виповский*, Максим, чует моё сердце, - успокоил проспавшийся многоопытный брат Федосей. И заговорил пафосно. В том смысле, что когда-нибудь всплынет на поверхность и этот утонувший (или утопленный) Корнельев.

Если просчитать расстояние, то мёртвое тело Ледовитого океана навряд ли достигнет, нечего и думать. Скорее всего обнаружится на гребешках бушующих волн полноводной реки Оби, одной из самых длинных рек Земного шара, среди ошмёток сплавного леса где-нибудь в недалёком расстоянии от нашего города. Однако не всегда прибрежные жители успевают заметить и вытащить *жмура* из текущих вод. Сам посуди, до того ли им? У людей по берегам другие заботы, чем следить, не проплыёт ли где затерявшийся и совершающий самостоятельное путешествие мертвяк.

- А рыбачок заядлый?

- Ну, и что? И пусть себе заметит. Но никому не скажет.

Потому что возиться с похоронами чужого покойника никому неохота, пусть себе уплывает подальше. Или пропадает где-нибудь на пустынном берегу, прибитый туда неумолимою волной.

- Так вот и исчезают люди, - закончил свое философическое рассуждение брат Федосей.

А Макс посетовал:

- Начал за здоровье, дескать, найдётся, а кончил за упокой: всплыёт, и, никем не замеченный, потащится дальше...

Свиридов поинтересовался, с невозмутимым видом:

- Ты, Федосей, случайно стишки куда-нибудь в газетку не посыпал? Что-то раньше за тобой такого сочинительства не замечалось.

- Стихи – зачем? Напишу, так для себя разве что.

Глава одиннадцатая. Пропавший Корнельев

- А мы не очень-то и расстроились той пропажей, - рассказывал в бильярдной Стюард своему дяде Юлию Августовичу. - Одним алкашом больше, одним меньше... Нереализованная ориентировка в статистику не идёт.

- Статистика – закон. Закон же у нас, что дышло, - куда ни повернёшь, туда и вышло. Искусство начальника в чем? Чтобы видеть в статистике себя, как в зеркале.

- Говоришь загадками, дядь Юр.

- Никаких загадок. В милиции как поставлено дело? Много палок в отчёте нарисуется, поправлять не станут, а, если наверху сочтут несоответствием, то и влепят по матушке за очковтирательство. А, коли не доберёшь количества, тоже влупят по первое число: дескать, плохо работаешь, худо считаешь. Ставь серединку на половинку, и будешь кум королю, сват министру.

- Знаю, как дело поставлено. У твоих друзей всё склеивалось, дядь Юр?

- По всякому бывало, дорогой, раз на раз и у волка не срастается задрать козлёнка. Как ты сказал, фамилия этого дохлого?

- Документов нет.

- А по ориентировке, говоришь, как?

- Корнельев. Имя такое - редкое в сочетании: Альфред Евдокимович.

- Я для тебя тоже не Силуян Самойлович.

- У тебя, дядь Юр, сочетание красивое.

- Так вы не огорчились, что бродяга пропал у вас из вида?

- Нет, не расстроились.

- А вот я расстроился, представь.

- То-есть, как расстроился? Тебе-то что до того?

- Думаю, вы ищете моего друга, Стюард. Другого такого вряд ли можно себе представить. Двойники бывают только у самых высоких товарищней. И то не у всех. У товарища Сталина не известно, чтобы имелись.

- Гитлер имел.

- Да, у Гитлера, говорят, были дублёры. Вселенский сукин сын, а за шкуру свою дрожал, как цуцик... А у простых смертных вроде нас с тобой всё в единственном числе, без копий. Так что мой корефан Корнельев один на свете такой. Альфред Евдокимович, число и месяц, и год, и место рождения – всё сходится. В доскональные совпадения я не очень-то верю. В этом смысле я и мистик, и педант одновременно. А в ориентировке не сказано, что за Альфреда Евдокимовича его мало кто знает? А знают, как Владимира.

- Псевдоним? Вроде бы сказано и это.

- Да? Ладненько.

- Так мотивирай меня на поиски. Чем он тебе близок?

- Ха, чем!.. Корней Корнеич – мой кореш ещё с Афгана и Степанакерта. Вместе с ним и третий у нас был, Валера, - так втроем в укромном месте отсиживались от боевиков. Сарай там был каменный, стены толстые, крепкие, прям-таки крепостные, но - без крыши. Духи знали, что мы там в засаде. Примостили снайперов нас окрауливать... Высунешь нос – чик, чик, стрелок – тебя и подцепит. Нашим удалось только блокировать снайперов, чтоб тоже не выглядывали из укрытия. Но нейтрализовали много позже. И нам трое суток пришлось отсиживаться, пока наши до снайперов добирались.

- Почему так долго, дядь Юр?

- А надо было живыми взять, вот и подбирались и так, и этак.

- А вы всё сидите взаперти, и сидите, это ваших не колышет, что ли?

- Колышет, да, сильно колышет. Но на войне боевая задача впереди сантиментов. Окопная правда...

- Взяли хоть того снайпера, как хотели?

- Долго рассказывать. Валера за другим снайпером охотился - так мы на троих распределились, по ситуации. Мы же с Корнеичем своего и взяли в конечном итоге. Комбат на наше усмотрение его оставил, надо было идти дальше, вот мы с Корнеичем ближе к снайперу оказались на момент нейтрализации. Знаешь, трое суток выдержать без сна - не всякий справится. Нас хоть было двое, по очереди могли покимарить. А снайпер, позже выяснилось, один куковал. Всё остальное – ловкость рук и никакого мошенства. В ловкости рук ты мне не откажешь, верно? Сам хвалишь мою игру на бильярде.

- Догадываюсь, что и другие приключения вместе с Корнельевым пережили.

- Много чего было. Однажды у него при ранении из поврежденной артерии кровь чуть не вся вышла, от смертинки три чертинки оставались... или две чертинки... Хирурги откачали всё же... В тот раз, когда со снайпером соревновались, кто без сна дольше пробудет, Корней Корнеич, как рванулся вперед, так не заметил, что из стены гвоздь торчит, в щёку и воткнулся. Корнеич едва без глаза не остался. Глаз не задело, а рубцом пометило.

- В ориентировке шрам указан, как особая примета.

- Как не указать? Надо... У меня крови тоже немало проливалось. На крови и поклялись – уцелеем на войне, так и будем стоять друг за друга. Трое: Корнеич, Валера и я, грешный. Разъехались, поженились и обзавелись семействами, у Володьки не всё ладом склеилось. Я тоже на гражданке не вдруг освоился. В общем, потеряли друг друга из виду.

- Не насовсем же. Раз кровью скрепили...

- Именно, не насовсем. Потому теперь мне Корнеич только живой нужен. А не *жмур*, как у тебя обозначено. *Жмур* пусть похоронит погребальная контора «Милости просим».

- Да поищем его, дядь Юр. Тебе нужно - из-под земли достанем.

- Опять же – из-под земли не надо, Максим

- Ну, на тебя не угодишь, дядь Юр.

- А ты не старайся. Все равно проиграешь.

- Подкинуть на бензин?

- Маленько б не помешало.

Глава двенадцатая. Бесспортивный и безымянный Лёха

С его слов:

- Ночью был на опознании трупа.

Человека забили и бросили на площадке у церкви на Воронцова.
Побили до безсознания, и подожгли.

Жильцы девятиэтажки увидели, вызвали милицию. Новый дознаватель Толик, старший лейтенант, занимался. Думали, что Антон Беспалов, но это не Антон. У этого телефон. Его не ограбили. Чистый, одет хорошо. Антон с бородой, я без бороды Антона не видел. Этот бритый.

Там наркоманы собираются. Этот раньше с ними не тусовался.
Я всех бродяг знаю. Случайный оказался.

Опознание закончилось, подписывать документы не просили - у меня паспорта нет, в свидетели не гожусь. Дали два бутерброда, кофе из термоса налили в бумажный стаканчик. Толик, старший лейтенант спрашивает:

- Тебя куда подбросить?
- Не надо. Тут недалеко, дойду пешком.
А Толик, старший лейтенант, не отстает, цепляется:
- Куда пойдёшь пить спирт *Рояль*, туда и подброшу.
- Раньше пил. Сейчас Рояля не продают. Всякий другой спирт появился...
- Видать, не в коня овес.
- От Рояля много народа поумирало, а от костьки спирта голова не болит.
- Не нужен мне этот Костька, не боись. Будет нужен, за тобой приеду. Лады?
- Лады, лады...

Только где ты меня найдёшь-то? В трезвяке, как вчера, я редко ночую.

- Ты погромче. Так лады, что ли?

Пристал. Пристаёт, и возле себя держит, не отпускает. Зачем-то нужно не отпускать.

- Лады, - повторяю. Громко повторяю: - Лады!

А сам думаю: если отпустит, куда податься – в трезвяке бывает перегрузка, могут не принять. Пойти в подвал дома двадцать седьмого, который менты на замок ещё не поставили? Но туда идти дальше, и там бомжи закрываются изнутри - станешь стучать, долбиться, жители с этажей услышат, вызовут ментов, или сами пендал`ей могут отвесить...

Неохота с пендал`ями ходить...

В трезвяке есть будка, где хранят лопаты, топоры, выдергу, гвозди, пилы и мётлы. Там ночую. Сплю на ящиках. Если в палатах есть свободные места, меня запускают в помещение. Моё в палате место у батареи, хорошее, теплое. Я ночью постучу - курить. Потихоньку выпускают.

У Костьки на станции, в девятнадцатом гараже – там принимают металл – сутыги добрая, а на Васнецова, 14, квартира 8, - плохая, от нее прыщи – следы на лице, за ушами.

Одежду находить надо, зима скоро. Буду по мусору шариться, подбирать по себе. Выбрасывают и старое, и совсем новое. А то джинсы зимние отдал одному бродяге на сохранение, трусы сменные – в пакете тоже с ними. А сохранитель взял *тройного* в киоске на Васнецова, у Костьки в гараже добавил *сутыги*, пакет потерял.

- А что с тобой случилось всё-таки? – спросил Стюард. – Хворостом забросали.
- Кто бил, кто хворостинами закрыл, - не помню, затёрлось в голове, будто не со мной было.

Толик, дознаватель, старший лейтенант, меня отпустил.

- Ладно, говорит, ты легкий на ноги, беги на все четыре стороны.

Иду по улице, темно, народу нет, окошки в домах не светятся.

Соображаю, куда приткнусь на ночь. В трезвяке после того, как на заводе выдали аванс, все места по три дня бывают заполнены под завязку.

На заводе аванс дали, не задерживали.

Кладовку Свиридов мне не открывает из-за того, что я вместо его дачи в гаражах сутыги напился, и он меня ждал, чтобы увезти на дачу, а я потерялся. Свиридов меня так наказывает за *султыгу* – в кладовку не пускает, ночуй, где хочешь. У Костьки в гараже менты шмон устраивали, всё перевернули. Костька машину ремонтировал, инструменты исчезли, в общем плохо, меня напинали.

Я инструменты не брал. Я не дурак: инструменты Костьке нужны, - возьмешь, *султыги* больше никогда не получишь.

Знаю, что на гараже после шмона навешен амбарный замок.

Во всем районе единственный подвал, ещё открытый, если изнутри бомжи не заперлись, думаю, хоть туда пойти, - тут и отрубился.

Видать, сзади подобрались и тюкнули по темечку...

- Следили? – спросил Стюард.

- Так бывает: следят.

- А куда в последние дни подался? Из больницы удрал, в медвытрезвителе не появлялся. Где тебя черти носили?

- В Ивэесе* отсиживался.

* Ивэес – ИВС (бывшая КПЗ – камера предварительного заключения) – изолятор временного содержания - обычно подвальное помещение в здании отдела внутренних дел, куда на срок от нескольких часов до нескольких суток помещают задержанных правонарушителей.

Потому что Толик меня всегда найдёт.

В этот раз выпускать раздумал. Ему ориентировка покоя не давала.

Толик, дознаватель, старший лейтенант, меня спросил:

- Слушай, откуда у тебя ботинки – берцы – на синей подошве с красной искоркой? Снял, что ли? Тогда скажи, с кого?

- Я не снимал. Может быть, сняли те, кто меня искалечили. Я не знаю. А на меня надели, чтобы повесить чужое преступление. Так делается.

- Так делается. Но я тебе не верю. Докажешь, что не виноват, тогда поверю.

- Как мне доказывать?

- Подумай. Пока в подвале посидишь. Мысли в голову там разные приходят. Иногда полезные. И к тебе придут мысли. Если в голове кроме мякины еще немного мозгов остается.

- У меня остается. Посижу. Там кормят.

- Пожрать дают. Жирок не завяжется, но и с голодухи не помрешь. Пузик не вырастет, тоже и к спине не прилипнет. Одним словом, жить будешь.

- Мне до фонаря – жить или не жить.

- Не ври. На том свете побывал, а небось вернулся-то сюда, обратно.

- Хорошо жить без документов. Без имени: кем хочешь, тем и назовёшься.

- Под тем, кем назовёшься, тебя и закроют.

- В крытке тоже люди живут, куда денешься.

- Какие твои годы – побываешь и в крытой. Сначала мне всё, как есть, расскажешь, потом, если заслужишь, то и в крытку запрыгнешь. Судья подсобит: найдёт, где бродяге бесспаспортному перекантоваться годик, другой. Там тоже чего-нибудь пожевать находится.

- Лучше песок с хлебом здесь, чем хлеб с песком там.

- Всё правильно. Лучше холодная вода здесь, чем горячий чай там. А, для примера сказать, на суде-то кем назовёшься?

- Ванькой Непомнящим – пойдёт?

- Ладно, называйся Ванькой. Только не забывай, как тебя звать, а то судья переспросит, начнёшь путать, судья огорчится, расстроится, и что тут случится, что содеется, - ни в сказке сказать, ни пером описать...

- Я энергичный. Буду умирать, всё равно ногой дрыгну.

- Ты чего-то, энергичный, смотрю, раззевался тут у меня. На дворе уже утро раннее. Петушок пропел, детки в школу собрались. А тебя зевота одолела. С чего бы вдруг?

- Кончай, Толик, базарить. Спать хочу.

- А по отчеству - как? Надо по отчеству.

- Иван Иванович. Пойдёт?

- Не напутаешь в другой раз, так пойдёт. Иди, спи. Да запоминай, как зовут. Тут меня и сопроводили. В подвал. В ИВС.

С Толиком, дознавателем, старшим лейтенантом, интересно разговаривать.

Толик меня крыткой зря пугает.

Он меня из Ивэеса выпустить захочет, никуда не денется.

Держать долго в Ивэесе никого нельзя по закону.

И ни в какой суд не пошлёт. Зачем?

Я ему в тюрьме не нужен, а здесь, на воле, ещё не один раз понадоблюсь.

Я всех бомжей знаю.

Толик ко мне приткнётся, куда денется.

- Ты, Лёха, мне на даче поможешь, - сказал Свиридов, временно исполняющий обязанности начальника медвытрезвителя: - Прибраться надо, огород вскопать на зиму, кусты подбелить... Я тебя накормлю. Я тебе денег дам.

- Денег дашь? Не обманешь?

- Ты, что ли, мне не веришь?

- Никому не верю. Тебе, себе, ему, тому, этому, другому... Никому.

Он сразу Гену позвал.

- Вези, говорит, Геннадий, Лёху на дачу, а то он опять уйдёт пить *султыгу*. Накуролесит, и дачу бросит бесхозную. А так, пока трезвый, его и брать тёпленьким.

- Я трезвый. Поработаю у тебя. Не обманешь, что дашь деньги, хорошо поработаю.

- Дам денег, дам тебе. На много не рассчитывай, но на *султыгу* хватит. И на беляши останется. И на винегрет... Вскопаешь, уберёшь мусор. Навоз надо переложить, куда покажу. Приеду, заберу обратно, отпушу с деньгами. На беляши горячие запросто хватит.

- И на винегрет.

- И на винегрет хватит.

Гена меня на вытрезвительской спецмашине отвёз на дачу. В кабине, как важного...

Говорят, бензина вечно не хватает, двадцать литров дают на смену, и всё такое. Прибедняются. Свиридов, чтобы жил без горючки для своей машины, – такого нет. Лучше удавится. Они от клиентов всегда разживутся.

Так вот Свиридов меня покупает. Я, правда, копал, убирал мусор, навоз перекладывал. Трезвый был. Я, когда работаю и ем досыта, то работаю хорошо.

Денег сколько-то Свиридов дал.

Рассчитался по-честному.

Много он не даёт. Но деньги от него я вижу.

Страницы лёхиной судьбы

- Был бы октябрёнком, может быть, другим вырос. Не пустили. Звёздочку с Лениным не дали. Поведение не такое. Мамка пьющая, учительницу обругала... И я обругал... Учительница - я, говорит, пока живая, из-за такой мамки и за то, что ты

ругаешься, не пропущу в октябрьта, так что не надейся, звёздочку с Лениным тебе не видать, как своих ушей.

В пионеры сам не захотел. Галстук завязывать квадратиком научился, пионерам завязывал. За яичко, за яблоко. Также и копейки платили.

В детдомах попадались и комсомольцы. Но ко мне близко не стояли.

В детдоме аминазин давали, чтобы дети спокойными были. И галоперидол. Если хлеб с маслом и с яйцом, то порошок подсыпят, если компот – туда. Борщ принесут, два бака – лили туда аминазинку, встаёшь сонным, шею ведёт, дадут таблетку от судорог. 300 человек – все с аминазинкой.

Побеги были. Жили на третьем этаже. Воспитатель Бахтиар Бахтиарович, казах, сильно дрался.

Как он войдёт, мы на окно:

- Шаг сделаешь, прыгнем вниз, там снега нет, лёд, разобьёмся – на тебя убийство повесят.

Он сделал шаг, мы прыгнули, не разбились. Надо уметь прыгать, приземляться на всю ступню.

В Караганде ходил в самбо. Товарищ мой в детдоме Агальцов, мастер спорта по самбо. Разбежался, разбил стекло головой, прыгнул. Меня когда сильно прижимают, я его фамилию называю.

Будто я – это он.

Федякин жалостливый. Всех жалеет, со всеми добрый. Ему в трезвяке трудно. Там пьяных через одного жалеть надо. А мы не должны пьяным потворствовать – такая есть присказка.

Федякин на меня удивляется :

- Ты, Лёха, здоровый. Все яды употребляешь, а ещё живой.
- А ты ему как поясняешь?- спросил Максим.
- Болеть стал. Печень за горло берёт.
- А пить надо?
- Понемногу надо.

Вообще-то я не Лёха, а Федя. Фёдор. У меня друг был – мастер спорта по самбо, звали Алексеем. Я, когда документы потерял, решил называться Алексеем. А я кому нужен, – хоть с тем именем, хоть и с этим?

- Горшком назовись, только в печку не лезь, такое понятие? – сказал Максим.
- Вроде того.

Глава тринадцатая. Ищу лабрадора!

Утром на самую раннюю электричку Дим Димыч, не до конца трезвый, только едва впадающий в похмелье, и оттого ешё сохраняя приветливость, провожает ночную подружку. На вокзале обнимает её.

Не сильно, без прижиманий, а бережно, ласково обнимает.

- Ладно, Ольга, я тебе расскажу, кто ты есть. Ты мне нравишься, как женщина, но я тебя провожу. Оставить не могу, - знаешь, из-за чего. Потом когда-нибудь, может быть, и оставлю. Когда обстоятельства прояснятся.

Потом он идет к Пункту приёмки стеклопосуды, открывает ключами, растворяет калитку и скрипучие ворота. И по выпотаптанному, каменнотвердому двору удаляется к себе в контору поспать часок, другой, пока во дворе помаленьку набирается бригада из постоянных наследников Пункта.

- Ищу лабрадора, - мысленно поощрил себя Юлий Августович. - Такая легенда.

И, облезкая злачные места, сначала забежал, как ему присоветовали, на районный Пункт приёмки стеклопосуды.

Есть у нас и такое учреждение. Ближе, чем свалка, потому здесь и стартуем в поиске.

Пункт располагается на берегу загаженной, погубленной речки, в каменном одноэтажном бараке, над ней нависшем, и окружен высоким, сплошным, каменным же забором.

За сарайками, полупровалившимися в землю от старости, дряхлые собаченции, едва ли не ровесницы стройки, втроём, утайкой пытаются организовать своего рода подобие свадьбы. Покуда вялый кобелек бездвижно и почти безжизненно, висит над партнёршей, другой присел рядом, он философски спокоен, stoически терпелив, не то что в прежние, добрые – молодые – годы...

Голод не тётка, а подкрепиться нечем – до помоек отсюда кажется им, что не близко, тащиться туда – лень обуяла...

Юлий Августович не знает, но догадывается, что было время, когда в сарайах по склону над берегом жители двухэтажных бараков держали свиней. И действительно животным разрешали валяться в заболоченной неширокой пойме речушки, куда ещё только начали активно скидывать мусор. Так разворачивалась экологическая драма, которая с дальнейшим наступлением урбанистики усилилась и видоизменилась, однако первоначальное реальное свинство всё же утратила.

Свиньи в теперешних городских условиях к числу живности, законно или наоборот нелигитимно, втихаря обитающей в городе, по-любому не относятся.

Хорошо жилось первостроителям! Славно, привольно!..

Юнгородок, одно слово.

Что ж, Юлию Августовичу не известно и не очень нужно знать то, что уже довелось услышать его племяннику Максиму Березину, помощнику дежурного из районного медвытрезвителя № 1.

Фельдшер Антонина Захаровна прибыла в район по распределению после медучилища, когда на месте будущей грандиозной стройки коммунизма в экстренном порядке сводили тайгу, и строительные войска забивали колышки под первые бараки юнстроевцев.

В начальные годы Юнгородка в том доме, где ныне принимают стеклопосуду, была прачечная. Коммунизм уже просматривался, почти что рукой подать, – подпрыгнем, достанем. Практиковались коллективные формы быта – всё быстрее движение, прыжки всё выше и длиннее... Жители могли или сдать бельё в стирку за небольшую плату, или сами прийти и бесплатно постирать, что надо, на машинке. Антонине Захаровне платить и тогда было нечем. Она стирала сама в свободное от дежурства время.

Времени было мало, а дежурств много, ходить грязной она не умела и держать необстиранными своего Лукояна и сына Лёньку тоже не мыслила. Поэтому не спала по двое, трое суток. Благо, двери прачечной не закрывались для желающих ни днём, ни ночью, и никакого разбоя или, там, варварства, не говоря уж о вандализме с повреждением оборудования в помине не было.

Правда, что коммунизм...

Ныне пункт приёмки – для кого-нибудь негласный центр микрорайона, а может быть и всей бывшей юнгородковской территории – переживает не лучшие времена. По одной, довольно основательной причине отсюда чуть ли не на полгода в лакуну местного бюджета перестал притекать маленький но, если по-хорошему, то неиссякаемый финансовый ручеёк.

Не сглазить бы, но дело, кажется, начало поправляться.

На данный текущий момент к руководству предприятием опять допущен Дмитрий Васильков, работник с червоточинкой, но для районной администрации свой, проверенный,

После лечения Васильков уверил начальство, что пить окончательно бросил, и потому намерен никогда не возобновлять пьянку, от которой одни только беды.

Оформлен Дим Димыч, как и прежде, по всем правилам, чин-чинарём, зарплату получает чистыми, по ведомости, от райжилкомхоза, и ещё грязными в конверте, от частника. Две машины собранного сырья на завод по путёвке, одна налево, к хозяину. Всё по-честному.

Юлий Августович зれнию своему не поверил.

Стал столбом, глаза вытаращил.

Поблизости от мусорки, на ветке старого, разлапистого клёна кто-то пристроил аккуратно вывешенный на плечиках военный мундир обычного офицерского образца, с лейтенантскими погонами.

Дядя Юра делился потом со Стюардом:

- Подхожу ближе, чтобы лучше рассмотреть, и что же – вижу китель и лейтенантские погоны. Обычные, на своем месте. Признаюсь, мне стало неприятно. Что бы ни говорили о деградации армии, о недовольствах по её адресу от населения и самих служивых, но чтобы докатились до такого – зачем же? И чт`о бы это значило: суицид, и родственники поспешили избавиться от мундира самоубийцы? Или разгневанная изменой женщина отомстила, или воришко хотел поживиться, но не переварил украденное? Что из этого набора сработало, скажите?!

В некотором отдалении от ворот Пункта, возле курганов с мусором присели на корточках два бомжа, все в чёрном, замусоленном, стриженные под ноль, и, видимо, совсем недавно. Надо понимать так, что в бомжатнике у них имеются стригательные машинки и даже бритвенные приборы. Не в парикмахерскую же они ходят, на самом деле...

Кур`очат кем-то выброшенную старенькую электропечь, отбивают от коробки стенки.

- У вас же в Чеминдяевке приёмка идет, - говорит местный иногороднему. - Сюда зачем приехал?

- Наодалживался у Самог`о. Приду пустой – зубов не досчитаюсь.

- Сам аккумуляторы берёт?

- За долг взял бы, наверное. Да не попадаются аккумуляторы.

- Пойдём, заберём. У Перхушина в 115-ом гараже на станции есть лишний. У него замок простой. Ключи в легкую подбираются.

- До ночи перекантуемся на Пункте, а ночью и сходим. Привезу, - и Сам драться не будет.

- Сходим, - соглашается товарищ. – Ночью. Днём не пойдём. Надо ходить ночью.

К военной форме парочка не притронулась: значит, российскую армию у нас кое-где ещё уважают.

Юлий Августович крякнул перед входом в пункт приёмки, передохнул, унял негодование.

Сказал себе: в наше время всё бывает. И так бывает, что медведь летает...

Со слов Лёхи

Калиновский на Базе только калымит, а числится в штате у Дим Димыча. Вместе с Бакуленкой и Зарембой.

- Ты, Лёха, - говорит Калина, - будешь на подхвате вместо Бакулы. Смотри внимательно, не пропусти бутылку с боем или с царапиной. Не то я на тебе отосплюся.

- Ну, ладно. Я, когда трезвый и ем досыта, то всегда внимательный.

Калина меня проверяет, но придирается редко. Я насчет боя посуды - с понятием.

У Калины хата - когда есть, когда нету. Как баба распорядится.

Машины приедут, и, если никого из сдатчиков посуды не окажется в наличии, то мы с Калиной или с Бакулой, или с Зарембистиком загружаем. А так свое барахло алкаши пропитые и барахольщики, которые непьющие, а богатеют с бутылкой, - сами из мешков и сумок переставляют в ящики. Потому что приученные к самообслуживанию.

Калина с Бакулой только указывают, куда чего распихивать, да следят, чтобы не приносили битой посуды. А то человек, сдающий посуду, он же хитрый, так и норовит подсунуть браковину.

Бакула - он мирный, шума не поднимает. Калина - вспыльчивый, с похмелом злой, ему не надо перечить. Ежели бомж начнет возникать и спорить, то может и бутылкой по башке схлопотать. Случаи были. Поэтому авторитет у Калины среди публики больший, чем у Бакулы. Но сдатчики предпочитают иметь дело с Бакулой, от него обиды не видят.

Бакулы сейчас на пункте нету. Кирял вчера, отсыпается на хате. Хата есть всегда.

Они с Калиной ходят на Базу. Бакула такой: заработает на Базе денег - сразу сигареты или пиво не купит, вытерпит. А покупает ребятишкам мороженое или конфеты. Поэтому Бакулу с хаты баба не гонит. Пусть отсыпается. За занавеской, на ящиках спит у неё Бакула.

Грузили мешки с луком. Пришли чумазые, заработали по 300 рублей.

Заремба пришел весь в опилках - плотничал, столярничал на даче у кого-то.

- Ты бы, Лёха, воды принес горячей. Я тут помоюсь за углом конторы. И одежду обтрясу. Я тебе пирожок дам.

Я принёс из конторы ведро горячей воды, налил в рукомойник.

- Мойся, Зарембистый. Давай пирожок. Лучше пару.

Рукомойник Дим Димыч специально для бомжей завёл. Чтоб имели человеческий облик. До него рукомойника для бомжей здесь не было, а мылись, как попало. А чаще не мылись. Сейчас - моются. Когда сильно засвербит. Или когда в опилках.

И мыла кусок лежит на полочке при рукомойнике.

Мыло лежит. Хозяйственное. Пожалуйста, намыливайся - без ограничения.

И полотенце, настоящее, не тряпка какая-то. Иной раз и стиранное. Попадается стиранное, куда денешься...

Я на Базу давно не хожу. Меня там могут вычислить. И пендалей накидают.

На Базе стали лучше платить, и расчет сразу, без оформления, настоящие бомжи там почти не водятся. Подшипных* много. Которые проторзели, не бухают, - на меня

*Алкоголиков, получивших лечение эспералем методом «подшивки» (подсадки) – введением препарата в организм через хирургическую операцию.

зуб точат. Будто я их раньше где надо закладывал.

Может, и закладывал, да вы сначала узнайте, а потом говорите, и пендалеями кидайтесь.

Я сидел на стуле во дворе, Калина - на бревнах, в углу, читал журнал про секс. Курил, сплёывал на травку.

Травка пробивается во дворе, по краешку. Как травка из-под земли полезет, так и весна приходит. И на душе тепло, и глаз отдыхает.

Во дворах, на мусорках бывают не только журналы. Выбрасывают книжки, учебники. Человек прочитал и выбросил. Зачем копить? Калина берёт, что хочет. Он

читать любит, хлебом не корми, дай почитать про секс и другое. Про всё военное тоже любит.

- Хлопцы, кто у вас тут за старшего?- спросил мужик лет пятидесяти, коротко стриженый, почти что и без брюшка, подъехавший к воротам на хонде, и вперевалочку, как бы и с ленцой проследовавший во двор не через калитку, а прямо в приоткрытые железные ворота. Будто сто лет здесь ходит.

- Дим Димыч, - с готовностью ответил Лёха.

- А он где?

- А в доме, - сказал заросший нечёсаной седоватой бородищей Калиновский, прокашлялся, отхаркнул и отвернулся, сплюнув на сторону, в травку.

- А если позвать?

Лёха кричит:

- Дим Димыч, эй, выйди на минутку! Тут тебя спрашивают.

Из дома отвечают:

- Спроси, чего надо. Я приборку делаю, занят.

- Никакой он приборки не делает, - пояснил Лёха. - Злой, вредный. Не опохмелился, ждёт, пока придут сдавать посуду и принесут выпить.

- А ты пойди, скажи ему на ушко, что, мол, будет опохмелка, и не султыжная, а водка всамделишная, магазинная.

- А как вас назвать Дим Димычу?

- Скажи - дядя Юра. Ищет пропавшую собаку. Звать Лабрадором. Так и скажи Дим Димычу. Дядя Юра ищет собаку Лабрадора, даст опохмелиться. И дружка, мол, ищет потерянного...

-У одного хорошего человека собака пропала. Вы её случайно не съели? – спросил гость.

Улыбается – шутит, значит.

Калина отвернулся, читает.

И услышал Юлий Августович, как вызывали к нему начальника здешних мест. Так и объяснял бомжара, но немного от себя прибавил. Я-то три раза сюда не приезжал.

- Говорит, звать дядя Юра, тебя как бы знает... Нас всех разглядывал. Расспрашивал. Говорит так, что мы его понимаем. Ищет дружка. И ещё про собаку спрашивает. Тоже потерялась. Может, съели. Бывает, собак ловят и съедают.

- Мент, наверное?

- Ты иди, зовёт.

Дим Димыч вышел:

- Ну, я за старшего. Директор Пункта. Дим Димыч.

- А я предприниматель. Зови Дядей Юром.

Поздоровались по ручке.

- Смотрю, не шибко доходное место у тебя, Дим Димыч.

- Раньше сюда целыми днями тащили мешки с бутылками, - охотно заговорил Дим Димыч со свежим человеком. - Сейчас, когда стеклянную посуду заменили пластиком, торговля упала. Менты всё равно приезжают, собирают дань.

- Мы с тобой встречались? Вспомни-ка, где?

- Мало ли, где могли встречаться. Страна большая, дорог много.

- В армии где служил?

- На Севере. Точней - не скажу. Подписку давал.

- Выше сержанта не поднимался?

- Так точно. Старший сержант ракетных войск.

- Ого, ракетных... Значит, не там видел тебя. Не в армии.
  - Наверное, вы в органах работали. Тогда у вас там и встречались.
  - Работал, не работал, какая разница. Твои орлы случайно мою собаку не съели?
  - Может быть, и съели. Обратно не достанешь.
  - Ты давай, не темни.
  - Опишите приметы. Масть, рост. Есть фото?
  - Вот объявление о пропаже, с фотографией, держи, смотри. Тут и приметы записаны.
  - Хорошее фото.
  - Я не ел, - сказал Лёха.
  - А ты? - спросил дядя Юра у Калиновского.
  - Я собачатину не ем. Брезгую.
  - Султыгу пьёшь – не брезгую, - укорил завязавший (вроде бы) с пьянкой Дим Димыч. - А у собаки мясо чистое, как у барашка. Поумирало вон сколько народу от султыги. Закусывали бы хорошо, так и на кладбище бы просторней было.
  - Меня нельзя убить. – Лёха бахвалится. Подумает немного и добавит: - Только застрелить.
- Дядя Юра стал поторапливать события, и плавно перешёл ко второму действию своего спектакля:
- Вы тут мне дурака не валяйте. Соловья баснями не кормят. Может, я не тот соловей. Может, и не соловей вовсе, а белый голубь.
  - Чёрный ворон, - уточнил Калиновский.
  - Всё едино. Но говорите: знаете, где сейчас мужик с порезанной щекой, шрам крестом, квадратный на правой щеке, - или не знаете? Под левой лопаткой, на спине, опять же рубец от ножевого ранения, глаза коричневые, волосы были чёрные, теперь седые, не редкие, передний зуб справа со сколотой эмалью, возможно, фикса, лет под пятьдесят, за гашник сильно закладывает, возможно, подшился, и в данный момент не пьёт. Обувка – не исключено, что уставные берцы на синей подошве с красной искоркой. Куда вы его спрятали? Скажете, будет вам премия. Приведёте к нему живому, вдвое больше получите.
  - От нуля вдвое – сколько выходит? - опять уточнил Калиновский.
  - Выходит ему и тебе по бутылке каждому. И особо Дим Димычу - две. Вы смотрите, не убейте его, - показал на Лёху, - я вот ему сейчас бутылку отдам, а пейте хоть все. Тебя как звать?
  - По-разному. Кому я Лёха, а для судьи Иван Иванович.
  - Вот, Лёха Иван Иванович, хватай! Назначаю тебя ответственным. За информацию, кроме бутылки, живые деньги. Докладывай мне лично.
  - Сколько заплатите?
  - Триста устроит?
  - Триста устроит. Куда звонить?
  - Для начала в медицинский вытрезвитель, дежурному. Знакомился когда-нибудь с таким заведением? Родня там никакая не заблудилась?
  - Куда как родня заблудилась...
  - Мне передадут, и я на тебя сам выйду. Хэр`э?
  - Хэрэ...Хэрэ!*

* Хорошо (сленг).

- Смотри, не возгордись только! – предупредил Дим Димыч, когда хонда отъехала. – И не наври. За ответственность спросят. Дядька-то не простой.
  - Делиться надо, - недовольно сказал Калиновский.
- Кто бы стал спорить, а Лёха не спорит.

Я, говорит, всегда делаюсь.

Интересно, Толик, дознаватель, старший лейтенант, про берцы тоже спрашивал. А Лёха от них сразу после ивээса избавился. На мусорках обувки всякой полно бывает, чего ему те берцы дурацкие, Лёхе, - ему и без них ништяк прожить.

- Ты, Калина, на Лёху не наезжай, - попросил Дим Димыч. – Лёху добрый.

Глава четырнадцатая. Подробности быта

Объективная реальность подсказывала: надо смириться, Виктория, отступись, займись другими делами. Но незавершённая тема застяла в сознании. И опять же та самая реальность подстерегала на каждом шагу. Идёшь вот по улице, навстречу знакомая портниха Света с дочкой, близкие, как две подружки. Как сестры - молодые, в меру подчепурённые, принаряженные со вкусом, красивые.

Никуда не спешат. Гуляют, имеют время.

Ещё моя мама, когда модничала, у них шила платья. И мне передала обеих, как бы по наследству.

Себя и своих мужчин они обшивают с ног до головы. Я одеваюсь в готовое, но, если надо что-то подправить, – куда идти, знаю. К Свете и Жене.

- Привет, Светик! – здоровается Виктория. - Бегаешь с собаками? Привет, Женя...
- Привет, Вика. Бегаю вот, по утрам. Для разминки
- Хоть на дворе и снег, и слякоть, – ничто не держит.
- Мы никакой погоды не боимся. Верно, Жучка? Верно, Винтик?
- У вас был ротвейлер.
- Соседи заставили от него отказаться. Он, представляешь, как чувствовал, что дни сочтены: сам умер, не стал дожидаться, пока усыпят ветеринары.
- Эти-то хорошенёкие.
- Завидки берут? Хочешь, щенка дадим? Ты тоже погоды никакой не забоишься.
- Пошли домой, Свет, - сказала Женя. - У меня уши отмёрзли, пошли уже.

Мать пояснила:

- Вчера также гуляли. Погода, видишь, какая – холод, морось, променад отвратительный, Жучку и под попу шлётала – всё равно стоит. Летом ей наоборот жарко... Жилетик сшила, с пуговками на спине. Не идёт – надо снять, тогда пойдёт. Французская порода, они все такие.
- Капризничают собачки?.
- Никому не понравится гулять в знойном июле, не снимая тёплого жилетика, – объясняет Женя.
- Собаке 10 месяцев. Винтик у нас смиренный, молодой. Добрый. Но, если в доме посторонний, - ляжет у двери – и лежит – не выйдешь. Учуёт на лестнице нехороший запах, будет беспокоиться... Соседям ровейлер не нравился: скулит, гавкает, с виду страшный... Он и прибрался... Женя спит до двух – ночная. Гулять с собакой – не добудишься... «Клетку» смотрю. Про Леди Бомж...

Женя: - Мне нравится ваш диалог. Леди Бомж - ей не понравилось бы, как вы разговариваете... А я ничего, с удовлетворением выслушиваю, как мама обо мне высказываеться.

- Обижается, - сказала мать. – А я правду говорю: чтобы спать до двух часов дня, надо не работать.

- Я ищу подходящую. Ты, Вика, её не слушай. Она меня грызёт помаленьку. А я на гроши не соглашаюсь идти. Мне обещают хорошую работу, но место освободится не раньше, чем через месяц. Я и высыпаюсь. Разве нельзя?

- Можно. Спи себе на здоровье, - сказала Виктория. – А я телевизор не смотрю, некогда. Светик, эта «Клетка», правда, интересная? Есть что смотреть?

- Сюжет современный.

Женщина враз потеряла мужа и сына. Их задавила на машине любовница «нового русского». Он пожилой, пьёт, и даёт этой женщине водить машину. Она и водит. Теперь вдова ходит по властям, обивает пороги, ищет правду. Говорит прокурору: « Я из детдома, там один из двадцати вырастает нормальным. (Она в этой счастливой цифре). У меня было счастье, всё враз отняли, и мужа, и сына».

- Она им мешает, - уточняет Женя. – Они все заодно.

- Пошла в магазин, купила фруктов. Толкнули, фрукты рассыпались. Какой-то мужик стал помогать собирать, подкинул пакетик с героином. Вышла, двое подошли (менты), залезли в пакет. Наручники, тюрьма.

- Всё, как есть в жизни, - вздохнула Света.

- Вопрос: зачем это показывать? – недоумевает подавленная негативными телесюжетами Женя. – Зачем нам без конца впаривают насилие?

- А чтобы не забывались, наверное, - говорит Виктория.

- И так помним, - отзыается Светлана. - Ты почему к нам не заходишь? Давно не шилась. Или шьёшься у других? Мы будем ревновать, верно, Женя?

- Уже ревнуем.

- Ношу готовое. Но гардероб обновлять надо. И мне, и маме. С деньгами сберусь, и к вам как-нибудь забегу. Кое-что подшивать найдётся.

- Мы по большей части дома. Женя опять кассиром будет устраиваться. Через две смены на третью. Учится заочно, в педе, на психолога. А я с собачками погуляю, и домой, за машинку.

- Заказов много?

- Полный завал.

- Но мне время уделить сможешь?

- Всегда.

Виктория

Встреча побудила меня последовать приглашению портняжек и зайти к ним домой. Давно собиралась подшить брюки и куртку. Вот, надоумили, выбрала время.

Женя в миноре.

- Ты, Женя, почему хмурая? Случилось что-то?

- Я боюсь, - призналась Женя. - Всё везде плохо. В 2020 году южане завоюют мир. Мне без разницы, кто они по нации, наши ли бывшие, или вовсе закордонники, - важно, что они к нам приходят, селятся у нас, и никуда не деваются. Вот сядет на мою кровать, и скажет: я здесь буду вместо тебя, а ты как хочешь, хоть со мной в койку ложись, хоть драпай из своего дома, куда глаза глядят.

А они никуда не глядят, а все в моем доме остаются.

- У тебя личное?

- Один усатый за мной взялся ухаживать. Я сидела на кассе, дожидалася после смены, дарил букетики, а на улице ждала толпа ихних с машиной. Как думаешь, легко было отбиться?

- Ты смогла?

- Смогла. Договорилась кое с кем из бывших одноклассников. Такие, с нарк`ошами воюют, руки ломают. Взялись меня сопровождать эскортом. До разборок хоть не дошло. Потом забеременела. От друга, жить с ним не собираюсь... И как-то с теми, что приставали, рассосалось. Но страх остался: за ребёнка...

- Женя, ты у нас симпатяга. Тебя всегда защитят, - ободрила Света.

- Ага, меня защищают, себя бы защитили при случае.

Это я вам точно говорю, к две тыщи двадцатому году захват состоится, телевизор день и ночь долбит, не зря же они тему не отпускают... Наступает время природных

катастроф. Утонут Британия, Северная Америка, Сибирь, от всей России останется лишь полоса земли от Урала до Вологды. Я боюсь! Зачем я родила? Что будет с моим ребёнком, которому сейчас три месяца?

- Ну, ты, мать, загибаешь, - сказала Светлана, держа нитку в зубах. – Тёмка, ребенок, у бабы Юлии, с ним полный порядок. Она, Вика, насмотрелась телевизора, когда ходила беременная. Женщина в такие месяцы отличается особой впечатлительностью.

- Я вроде не так часто и смотрела...

- Да они гонят чернуху с утра до вечера, уши развесишь, лапша и прилетает, прилетает и садится, и не сметёшь ее с ушей...

- Тоннами, - облегчённо поддакнула Женя.

- И садится... И не улетает...

- Была на семинаре по психологии беременности и подготовке к родам. Разница в положениях, кем ты себя считаешь: жертвой или охотником, или, что самое ценное, просто самостоятельным человеком? Но это редко. Крайне редко. Первые два варианта – по ним живёт человечество.

- Натянуто, - сомневается Виктория.

- Психолог рекомендует: задумайся – почему у меня не ладится? В чем я сам виноват? Что я могу исправить? А ты ничего не делаешь для улучшения своего положения – спроси себя, и строго спроси! – продолжала Женя с увлечением.

Сменила тему, и страхов как не бывало.

Но ненадолго.

- Ты, Вика, старше меня на два года, а ещё не родила. Родишь, тоже станешь бояться. Я тебе говорю, как человек опытный. Особенно, если без мужа. Да хоть бы и замужем – все равно страшно...

Света посмотрела на Викторию с надеждой: успокой девушку!...

Виктория поговорила насчет моды на просторную одежду: много ли тряпок пришлось переделывать Жене после родов, и прочее в том же ключике.

Закончили примерку, и – в целом напряжение в этом семействе почти что спало.

Виктория простила. И пошла дальше. В университет. Надо провести семинар взамен Куприянова, позавчера отбывшего в потрясающую командировку – в Канадский штат Ньюфаундленд.

По улице бежали собаки стаей. Там были поджарые овчарки, игривые лайки, высокий, грациозный дог, а сзади, сильно поотстав, с лапы на лапу переваливалась крохотная, длинненькая, ушастая такса. Собачки, как по договору, сбивались в кучу, с различиями не считаясь, однако отстающую не ждали, столь далеко их собачарская толерантность не простирается, чтобы сострадать отстающей.

- Так люди бегут кросс, - чутко уловил предмет викиных наблюдений Стюард, догоняя Викторию на улице по дороге в университет, и сзади, пока не видит, слегка потянув на себя её сумку.

- Подкрался незаметно. Милицейские штучки?.. Ты всегда так будешь действовать? Испугал ведь!

- Самые сильные и выносливые вырываются вперед, - продолжал Стюард, - и движутся, за небольшими исключениями, впереди до конца дистанции. Дальше, за ними бежит основная масса – позиция называется «в куче», и завершают самые отставшие, слабые, но всё-таки не сошедшие с дистанции, упорные.

- Я в школе кроссы бегала. «В куче», к сожалению, не в авангарде, но и не среди отставших.

- Так выглядит марафон с участием Саньки Бритвина. Санька не в авангарде, но в переднем ряду «в куче».

- Кто такой Санька Бритвин? Спортсмен?

- Наша районная знаменитость. Уникум. В спорте любитель, но бегает почти как профессионал, ни одного забега не пропускает. После соревнований обязательно выпьет. Ритуал. Напьётся, и всегда оказывается в медвытрезвителе. Если утром застаю там Саньку Бритвина, - значит, накануне бежал марафон. Можно не слушать спортивного комментатора.

- Молодой?
- Через год стукнет пятьдесят..
- А бегает. И всё Санька?
- Санька, да. Законсервировался в возрасте.
- У тебя все такие приятели знаменательные?
- Все такими быть не могут. Но и сказать, что сплошная серятина вытрезвляется, было бы неверно. Бывают профессора, музыканты, попадают иностранцы. Директор завода... Фельдъегерь...

Был американец. Трезвенник по определению. Приехал с делегацией в университет, по обмену. Работает на родине в тюрьме для малолетних преступников. Он один среди всей делегации функционер из Общества анонимных алкоголиков. Остальные закладывали в буфете гостиницы едва ли не каждый день, а над ним смеялись. Соблазняли, глумились всячески. Он мужественно держался два месяца, но под самый конец не устоял, сорвался.

Я его познакомил с нашим Доктором, а у того как раз еще не порвалась связь с бывшими пациентами и активистами антиалкогольного клуба. В общем помогли американцу. Поверишь, он потом плакал. Признательность...

Глава пятнадцатая. Брайншторминг

- Виктория Борисовна, я в цейтноте, - пожаловался Куприянов. – Ректор буквально на бегу подписал мне всё: смету на экспедицию и командировку. Едем с ним – оба в Америку...

- В одном самолете?

- Не совсем. Маршруты разные. Ректор летит в Штаты, в Массачусетский технологический институт, на три месяца. Я же буду в Канаде, на симпозиуме в университете штата Ньюфаундленд, всего неделю. Но во время моего отсутствия начнётся экспедиция. После пятилетнего перерыва ректору дали наконец деньги. Поскольку в командировке задействованы другие кафедральные работники, и они заняты подготовкой, как и я, то фактически вы одна остаётесь на хозяйстве...

- Всё поняла, Лев Александрович. Будьте спокойны. Работа продолжится, как при вас.

Он еще сделал некоторые распоряжения. И убежал. Боялась, что поплачется насчёт пропавшего Барри, и в его словах невольно прозвучит скрытая укоризна. Дескать, вам хорошо, у вас собака не пропала, а моя горесть никуда не уходит.

Но, видимо, предстоящая поездка перекрыла дорогу грусти: насчет Барри не последовало ни слова.

- Максим, я хотела бы тебя видеть на моём семинаре для аспирантов. Со студентами я бы тебя не позвала. Но там будут такие же, как я, люди. Продвинутые... Есть въедливые.

- Зачем тебе там я, Виктория?

- Оценишь мои организационные возможности. Мне кажется, ты в этом разбираешься.

- Польщён. Буду, конечно.

Стюард подменился в трезвяке. В аудиторию пришёл к самому началу. Только он сел на скамью, раздался звонок.

Стюарт, взглянув на часы, отметил: занятие началось ни на минуту раньше, раньше и ни на мгновение позднее. На опоздавших и прокрадывающих к свободным местам Виктория не реагировала. Иные заглядывали в аудиторию, но, видя за кафедрой вместо Куприянова какую-то девицу, нешумно прикрывали дверь и оставались снаружи.

Виктория втайне надеялась, что профессор все-таки появится, скажет хоть пару слов, и действительно Куприянов зашел, когда дискуссия уже забушевала, скромно присел где-то сбоку на свободную скамью, послушал двух-трех говорящих, не вмешивался, и, так же не привлекая к себе ничьих взоров, потихоньку поднялся, и, показав Виктории руку с поднятым большим пальцем, удалился.

Виктория сопроводила шефа короткой улыбкой.

И больше его никогда не видела.

Тема семинара оглашалась заранее. Вывешивались объявления: на выходе из вестибюля к лестнице, перед кафешкой, на деканатских информационных досках, последнее – перед 220-ой аудиторией.

Заголовок привлекал определенной долей таинственности, будто собирал посвящённых:

Парадигма* Флоринского.

* Парадигма (от греч. *Paradeigma*- пример, образец) – исходная, концептуальная схема, модель постановки проблем и их решения, методов исследования, господствующих в течение определённого исторического периода в научном сообществе. Словарь.

Тема формулировалась в самой общей форме и несколько длинновато: «Идея перехода от каменных орудий к изделиям из кости и металла, как побудительный стимул в освоении пространства востока и северо-востока Сибири и северо-западных территорий Америки».

В обоснование тезиса, взятого в заголовок, приводилась аргументация, так или иначе известная большинству присутствующих. Именно:

- во время зарождения цивилизационных зачатков Берингов пролив не существовал, и люди вполне могли бы перебираться из нынешней Азии в теперешнюю Америку по суше;
- тогдашний умеренный климат вполне благоприятствовал массовым переселениям;
- отмечается существенное антропологическое сходство коренного населения обоих континентов;
- характерной особенностью изучаемого явления признаётся отсутствие сколько-нибудь разительных археологических данных, тем более письменных источников при заметном сходстве бытовых и фольклорных традиций у северных народов обоих континентов;
- тем не менее, материальные свидетельства косвенно присутствуют (добытые южнее).

Оставалось только уточнить период и продолжительность странствий древних людей. Задавались параметры порядка от пяти-семи до пятидесяти – ста тысяч лет.

- Профессор Куприянов утверждает, что поведение людей всегда определяют прежде всего идеи. А не материя. Цитирую: сначала на арену выступает разум, только потом уже подключается брюхо – конец цитаты. В трудных обстоятельствах человек может какое-то время обходиться без пищи. Но человеческая голова так устроена, что не думать никто не может, какие бы сложности ни возникали в жизни отдельного человеческого существа и любого сообщества.

Мысль и посыпает нас на любую добычу, в путешествие, и на войну тоже...

Ибо война всегда чревата либо добычей, либо, в проигрыш, утратой своего насущного.

Закончив такими словами и как-то не договорив мысль до конца, Виктория предложила перейти к обсуждению.

Востротин: - Власть должна подкрепляться идеей. Провозглашаемая безыдейность власти абсурдна. Отсутствие идеи не бывает подлинным, а только декларируется. Ибо основное содержание власти – в ее удержании. А это требует прочности в представлении управляемых о легитимности, законности управляющих.

- Идея, как правило, сначала зарождается в одной, и только в одной, особенной голове. Зарождается не сама по себе, из ничего и родится ничто. Просто отмеченная свыше голова впитывает малые дуновения эпохи и лучше всех остальных концентрирует, образует определенный, замкнутый своими очертаниями психический продукт. Выдает вовне, навязывает и продвигает. И, обладая харизмой, собирает вокруг себя тех, кто несет идею дальше.

На этом семинаре неожиданно даже для самой Виктории степенный Корницкий вдруг распалился. Наверное, оттого, что в данном случае Востротин не был ведущим и стреноживать Корницкого не имел возможности. Диспут обрел по сути двух лидеров - Викторию и Корницкого. Её это не смущало. Наоборот, придавало семинару живости, она того хотела.

Некоторые слушатели вставляли реплики, но обсуждение сосредоточилось вокруг двух основных игроков.

В какой-то момент Виктория посмотрела прицельно на Максима, он было приподнялся, положил на грудь согнутую в локте правую руку, и чуть ее отодвинул вперед: будто спросил разрешения выступить. На что Виктория недвусмысленно отрицательно покачала головой.

И он промолчал.

Виктория попробовала повернуть семинар ближе к заявленной теме:

- В конце 19-го века профессор Томского университета Василий Маркович Флоринский в двухтомном фундаментальном сочинении детально изложил теорию о скифском освоении западноевропейского пространства. Он исследовал памятники «доисторической жизни» (археологические, сохранившиеся фортификационные находки) и установил сходство курганов и артефактов из Алтая, Волжской Булгарии, гомеровской Трои, раскопанной незадолго до того Генрихом Шлиманом. Флоринский не успел, и на том уровне знаний вряд ли сумел бы показать сходство цивилизации американских аборигенов с той, которую создали, как ему представлялось, выходцы с Алтая.

Но для него гипотеза о переходе культур вместе с их носителями из Северной Азии на оба континента Америки представлялась убедительной и неоспоримой.

Парадигма, сформулированная им, вбирает в себя и конкретную гипотезу. Звучит это так: каждый народ, постранистив по свету, в конечном счете занимает ту территорию, которую Творец ему изначально предопределил.

- Нам, - продолжала ведущая, - хотелось бы расширить и модернизировать предмет исследований Флоринского.

Неучастие шефа в семинаре, который он так долго и тщательно готовил, Виктория в общих словах объяснила участникам после его ухода так:

- Ведущий канадский специалист, представитель коренного народа инуитов госпожа Ину Ветта-Джонс полагает, что сама является отдаленным потомком древних сибиряков. Сейчас она проводит симпозиум в университете штата Ньюфаундленд. Лев

Александрович Куприянов получил приглашение выступить с докладом. Вот он и отправился туда.

В научных кругах Инну Ветта-Джонс прославилась тем, что, собирая фольклор своего народа, объехала все колоссальные, труднодоступные территории его проживания, побывала в каждом поселении, побеседовала со всеми живущими там стариками. Темп и энергия ее поразительны.

Вывод: предки инуитов приходили с северо-запада. Из Азии.

В конечном счете, от нас с вами.

Востротин: (еще по теме): - Обнаружили артефакты на Колыме, такие же на Чукотке и на Аляске. Довольно схожие. Из этого можно заключить – палеолюди шли годами и десятилетиями.

- Тысячелетиями шли!... – подтвердила Виктория.

- Что их вело? Не научные же побуждения – узнать, что там, за горизонтом?.. Возможно, наши представления о рабовладельческом веке отодвинутся в глубь тысячелетий. Драки, бойня между племенами были неизбежными..

Востротин: - Напрашивается аналогия – с футурологическими фантастическими путешествиями, герои этой литературы улетают с Земли, заведомо зная, что никогда не вернутся. Потому что световой год длится тысячи земных лет. В таком же неторопливом темпе очевидно осваивались и земные пространства.

Корницкий: - Может быть, тогда счет времени был другой. Откуда-то взялись эти непредставимые для нас цифры по сотням лет жизни пращуров - «Мафусаилов век»?..

Востротин: - А что? Мысль! Будем считать периоды путешествий с оглядкой на средний – скажем, что средний – возраст вождей: в 900 лет... Ибо для необъятного космоса все равно, как передвигаются люди – на аппаратах ли с невероятными скоростями или пешим образом с поклажей и иждивенцами в виде стариков и детей.

Виктория: - Спасибо, Слава. Ты сформулировал то положение, которое я еще только нащупываю. Носители идеи нуждаются в продлении пределов обычной человеческой жизни. А то умрут, а идущие рядом не смогут передать добытое знание идущим следом в необходимом объеме и в должной форме.

И даже слова потеряются.

К сожалению, подготовка участников обсуждения определилась в другом направлении, и Виктория чувствовала, что, стимулировав некоторую вспышку, дала ей гаснуть, и теперь едва ли не приближается к провалу.

И тут Корницкий взорвал семинар. Краснея, он заговорил, и так быстро, что понять можно было далеко не всё.

- Вы, Виктория вместе с Владиславом, говорите нам общеизвестные вещи. Люди расселяются по всей планете, климатические перемены, катаклизмы ускоряют или замедляют этот процесс. Но вы не внесли ничего нового в уяснение механизма этих перемещений. Ученые вашего направления скользят по поверхности. Мистикой не отделаешься. Вам не кажется?

О, дерзкий!

Увесистый камень в огород мой с Куприяновым.

- Знаете, почему-то не кажется. Вот уж чего нет, так нет – мистики... Мы материалисты. Куприянова задели скользом, а его учителей секли именно за это, прибавляли к ругательству эпитет вульгарный. «Вульгарный материалист»!.. Историю человечества, по мнению самых различных ее толкователей, всех времен и народов и всех идеологий определяет борьба за ресурсы. Но мы предлагаем взглянуть на вопрос под углом двойичности, как человеческих сообществ, так и каждого индивидуума. Парадигма в том, что в любых обществах действуют дихотомические механизмы. Война и мир – не самый ли гениальный слоган на свете!

- Вы еще про Эйнштейна скажите! Легко оперировать ссылаясь на имена выдающихся ученых и писателей.

- Ссыльаться не буду. Смотрите. Идет, допустим, древняя орда. Кто-то среди них старится, а кто-то появляется на свет. Устали, присели и дальше не хотят двигаться. Живут оседло, им это нравится. Тут ниоткуда возьмись появляются агрессивные бродяги, сторонние данному племени, и нападают, чтобы отнять у тружеников всё нажитое.. Можно вести себя двояко: храбро обороняясь, ложиться костьми. По-видимому, чаще всего так и бывало, поскольку это логично. А можно и, руководствуясь потребностью сохранить текущий состав и генофонд популяции, грубо говоря, удирать со всех ног. Было б куда, а у наших друзей такие резервы имелись. То есть вроде бы трусливо бежать и как-то добираться до новых земель, незанятых и способных стать источником благосостояния. Минимизация потерь конкурента храбрецам, не жалеющим себя при защите от агрессии. Ибо в обороне пассионарность проявляется двояко: либо в виде самопожертвования в борьбе, либо при бесславном – не в укор будь сказано! - оставлении поля боя ради спасения будущих поколений.

Так я думаю.

Реплика из аудитории:

- Отступление, о котором вы говорите, диктуется высшими соображениями по сохранению рода. Спорным остается моральная сторона дела – что лучше: храбро стоять грудью перед врагом, либо трусливо ускользать от боя и странствовать, и академично предаваться познанию новых территорий и новых обстоятельств.

- Бывает в сочетании и то, и другое, - заметил тощий, сутуловатый очкарик.

- Я за храбрых мужчин и за прекрасных женщин! – примирительно сказала не самая молодая участница в красной водолазке с элегантной брошью и с браслетом из трех колец на левом запястье. И улыбнулась одновременно Артёму Корницкому и Славе Востротину. Но попытка перевести спор в шутку не нашла поддержки.

Виктория: - Характерно, что для древних мир не был определён только на поверхности земли. Равным образом их вселенная существовала и ещё в двух этажах – нижнем, подземном, и верхнем, небесном. И вот в наши дни лучшие умы человечества, материалисты до мозга костей приходят к подобным же умозаключениям. Так, Эйнштейн – самый умный человек на земле – пришёл к идее высшего существа, Аркадий. Что вы на это скажете?

- Я с вами не соглашусь, - отважно вступил в дискуссию тот же не назвавшийся креативный очкарик. – Не самый умный.

- Поддерживаю, - сказал Аркадий.

- В таком случае – в какой строй мы должны его поставить? - спросила Виктория.

- В первую тысячу.

- А кто же будет стоять с ним рядом?

Голоса со стороны:

- Один, даже если он Эйнштейн, умнейшим на земле быть не может.

- Пусть Артём обрисует нам критерии, по которым он набирает свою первую тысячу.

Артем: - Нобелевский лауреат Джозефсон, прежде чем стать им, послал статью в Нобелевский комитет. Оттуда направляют в университет запрос: кто такой? Стали искать – такого профессора нет. Быть может, преподаватель? Тоже нет. Наконец догадались: студент... Или Ферми... Математик фон Нейман: университетские математики решали задачу – три недели стояли в тупике. Писали на доске формулы. Он бежал мимо, заглянул. «О, интересная задача!» - и сразу написал решение.

Ландау до травмы, когда попал в крушение и получил тяжелый ушиб мозга, считался физиком уровня Эйнштейна, после катастрофы мыслил на уровне не более, чем добротного кандидата наук. Но начинал не слабее Эйнштейна...

Можно говорить, что все они разные, но не по уровню интеллекта. Все соизмеримы. Эйнштейн кстати говорил совсем не о том. В его понимании ни о каких

сверхчувственных, парапротивных проявлениях никак не упоминалось. «Принцип релятивизма» – так называлась его первая работа по теории относительности - просто не мог останавливаться на подобных предположениях.

-Хорошо, - вела дискуссию Виктория. Она овладела семинаром и вновь чувствовала себя уверенно. - А то, что вы называете *парапротивными явлениями*, другие суеверия – признаете ли в этом какие-то признаки реальности?

- Нет там никакой реальности. Я в это не верю. Все эти экстрасенсы, прорицатели, шарлатаны всякие пользуются людским доверием и невежеством. Внушают веру в разные нелепости. За этим ничего не стоит путного.

- Из каких предпосылок вы исходите? Есть доказательства?

- По утвердившимся критериям. Первое. Ничего из того, что причисляется к парапротивности, нельзя повторить в эксперименте, просто – не повторяется. Второе: пусть называемый феномен призн`ает компетентная комиссия из разных областей знания. Не халтурщики или подкупленные знатоки, а полноценные, компетентные, независимые эксперты. И третье: каждое реальное явление можно разложить на элементы и просчитать. Пусть пишущие и говорящие о парапротивных явлениях проделают со своим предметом то же самое, а мы посмотрим!

- Распространяется также вера в гороскопы... Многие усматривают здесь убедительные закономерности.

- Я не усматриваю.

- Почему?

- Я в это не верю. Все подбирается по числам, а календарь за столетие или около того возрастает на один день, и нам не говорят, по какому стилю они считают-Юлианскому, Грегорианскому.... Что же, у меня изменился характер? Не может такого быть.

- А вот еще такое допущение. В советское время некоторые газеты позволяли себе что-то похожее на дискуссии. И вот известный поэт Илья Сельвинский написал какое-то произведение, где предположил, будто воскрешение из мертвых вполне возможно. Для этого атомы какого-то умершего собираются вместе где-нибудь во Вселенской – и готово: человек обретает бессмертие. Тогда менее известный поэт Огнев (или Озеров?) написал письмо Сельвинскому, и развивал эту мысль. На что Сельвинский отозвался в печати, поблагодарил – «дорогой вы мой Огнев, - но увы...» и так далее. Метафора на том закрылась.

- Поэтам вольно писать что угодно и о чем угодно спорить. Физик никогда на такое способен не будет. Я не поэт, вот и всё. Вульгаризация допустима для людей искусства, но не науки!...

- У американцев много советов можно прочитать. Пример: как бросить курить? Совет – надо таскать с собой сигареты. В кармане должна быть пачка сигарет – чтобы избегать соблазна.

- Я не согласен: соблазн от этого только укрепится.

Виктория собирается завершать. Почти довольна. Получился добротный, основательный трёп, но будет ли от того хоть какая-то польза науке? Вопрос.

Она говорит не очень связно, но аудитория чувствует некоторое волнение руководительницы. И это всё искупаает.

- Марксисты сами себя перехитрили. Объявили, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой. Сами же объяснили цивилизацию игрой материальных сил: нечего жрать коням, давай завоюем чужие степи. Нужна роскошь, давай слонов убьем, клыки вырвем и наделаем украшений из слоновой кости. И прочее. А если человек - бродяга по своему устройству, по призванию, по жизненной сути, и хочет изучать мир за пределами своего стойбища? И все годы своего пребывания на земле

движется в пространстве и времени, идет себе, и идет, как в нашем случае - на восток и на север. А Берингова пролива нет, ещё нет, а есть вместо него материковый мост...

- Идея наконец становится в основание власти, - гнул свое **Корницкий**. - При этом часто от первоначального замысла мало что остается. Иногда извращения так сильны, что от их лицезрения пугается сам автор. Возникает соблазн провозглашать безыдейность, как якобы фундамент управления. И колесо начинает крутиться в обратную сторону.

Так или иначе идея проникает в народ, в массы. Далее идея распространяется, обретает adeptов, несущих ее все дальше, все фанатичнее, все более умело. Идея овладевает массами, становится сущностью масс, проживается ими, изживается тоже ими, когда отжала свое, деформируется и деградирует в массах же. И, наконец, предельно скомпрометированная, отбрасывается с отвращением прочь, как и не бывшая здесь. И уступает место новой идеи, и новая идея проделывает тот же закономерный цикл.

- Но старая идея никогда не исчезает полностью, - подхватил **Востротин**. - Она лишь тихонько истлевает где-то в укромном уголочке, и элементарная помойка еще не худшее из таких могильников. Рано или поздно снова является очередной одержимый. Этот тип будет вдохновенно копаться в отбросах истории, подобно тому, как археологи вскрывают мусорные напластования на месте древних стойбищ. И непременно наткнётся там на отброшенную свистульку (ибо свистульки никогда не изгнивают до конца - они же из обожжённой глины!), оботрёт, обмоет, продезинфицирует, и даже, на потребу развивающегося общества, покроет лаком. После всех манипуляций стоит ему только подуть в дырочку свистульки, и стадо, засыпав генетический зов, послушно поплётется за вожаком, и возбудится, и заревёт в экстазе, и станет громить и крушить всё старое, устоявшееся, дающее и приют, и пищу живущим.

Но им же всё мало...

Тут встал **Корницкий**, и, воздев обе руки к потолку, стал - шутливо или нет? - на повышенных тонах кого-то изображать:

- И завопят пробужденные массы: «Бей, круши!.. Нам всё напочем, потому что у нас - идея!»

И осадил его **Востротин**: - Гуманитарная идея отличается от идеи власти своей неагрессивностью. Призыв: убей оппонента! - не для гуманистов. Она до поры, до времени высказывается, мусолится в узких кругах, - как раньше говорили, на кухнях.

Корницкий: - Но и выходит на улицу с плакатами и надутыми цветными шариками.

- Тогда ее пытаются отодвинуть, в крайних случаях забить бейсбольными битами.

Но в долгосрочной перспективе это невозможно. Ибо в следующих поколениях всё возникает вновь. И так или иначе доводится до своего логического завершения.

- Сильна ты, Виктория! - сказал Максим. - Профессор не зря на тебя полагается. Устала?

- Устала немного.

- Вместо стандартной пары семинар длился четыре полных часа. Домой?

- Домой, конечно. Проводишь?

- Пойшли. Считай, что ты Завкаф, а я у тебя в аспирантах. Поэтому давай сумку, понесу за тобой. Ничего, тяжеленькая.

- Книги у нас теперь в переплетах, журналы на плотной, глянцевой бумаге. Вот и тяжесть. Бумага вообще вещь весомая. Полный и окончательный переход на компьютер освобождает нас от книг и журналов.

- А твоих влюбленных аспирантов от переноса тяжестей.
- Почему – влюбленных?
- Потому что твой молодежный парламент перекочевывает на твои посиделки почти в полном объеме.
- Правда? Я и не подумала. Востротин, Корницкий, да, они оттуда....
- Фамилии, которые ты мне как-то называла. Активисты парламента.
- И пусть. Так даже лучше.
- Два горошка на одну ложку.
- Хоть разорвись.

У подъезда, прежде чем забрать у него сумку, Виктория приподнялась на цыпочки и чмокнула Максима в щеку.

Глава шестнадцатая. Будни нашего двора

Виктория

Мама сидела у подъезда и привычно беседовала с той же компанией, что и всегда.

Соседние девятиэтажки обступили наш двор со всех сторон. Много новых людей: жизнь идет, жильцы переменяются. Но костяк остаётся, хотя уже стали некоторых недосчитываться. Естественный процесс...

Её, мамино общество, где все, как могут, поддерживают друг друга.

Вчера она чувствовала себя сравнительно неплохо. Сегодня с утра тоже не жаловалась. Давление и пульс нормальные, сердцебиения не беспокоили. Что дадут вечер и ночь, лучше не думать.

Во дворе на прогулке с хозяевами несколько собак. Большой, рыжий с белой отметиной пёс, резво бегает, его переполняют весенние эмоции, и от избытка их он лает на прохожих без угрозы в голосе.

С мамой сидели Римма Федоровна, с первого этажа, Лидия Александровна, живущая на четвёртом, Валерия Серафимовна, прибившаяся к нашим жительница девятиэтажки, и моложавый, осанистый Валерий Петрович из соседнего подъезда.

- У меня молодой был, а тоже на людей к`идался, - комментировал Валерий Петрович. - Умер.
- Да ты чо! – воскликнула Лидия Александровна. - Я не знала.
- Две недели, как умер, жена водила его к ветеринару, всё равно умер.

Ни одно сколько-нибудь видное событие не ускользает от внимания предельно информированных пенсионеров, собирающихся за столом, что поставлен когда-то между сосны и двух берёз метрах в двадцати от нашего подъезда.

Добрые наши старики уже знают о моих поисках. От мамы скорее всего. Можно сказать, я у них на глазах выросла. Так что сочувствие к моим переживаниям на их стороне.

Но время шло, телевизоры в квартирах не останавливались.

И мои пожилые друзья начали уже помаленьку отвлекаться на другие темы. Возвращаются к излюбленным обсуждениям телевизионных программ, и, главным образом, сериалов. Как вдруг – трагедия, случившаяся совсем рядом: бойцовский пёс убил человека и искалечил другого.

Обсуждение инцидентов с нападениями собак на людей, по-видимому, в самом разгаре.

Они прервались, потому что подходит отпущеный хозяйкой рыжий с белой отметиной пёс. Валерий Петрович наклоняется:

- Ну, какова обстановка?

Пёс молчит.

- Я спрашиваю: «Обстановка какая?»

Славные старомодные шуточки бывшего военного, состарившегося в отставке.

Вот снова одна пожилая женщина вышла погулять со своей собакой. В снегу маленькая собачка вдруг стала недвижно. Ждала, что ли, чего-то? Словом, задумалась. Хозяйка терпеливо выждала, а потом, видя, что за этим ничего не следует, бережно подняла собачку, посадила на руку, и они ушли.

- Такая порода, - рассказывает другая, случившаяся тут, и тоже не первой молодости тётинька. – Они совсем маленькие. С голову моей собаки. Ко мне попала совершенно случайно. Откопала ее в снегу, почти неживую. Принесла домой, отогрела. А она - возьми, и нападай на мою Венту. Мою собаку так зовут – Вента. Они все такие: лает, бросается. Венте до колена, она только от нее отмахивается. Бросается кусать... Я разослала во все стороны извещения – кто потерял, приходите. Напечатала объявления, расклеила. Звонки посыпались. Они очень дорогие, 50 тысяч, самое малое 30 тысяч. В основном, спрашивали: - «Что вы намерены с ней делать?» - Потом в дверь позвонил мужик. Едва стоит. Пьяный. «Это я потерял». – Я спросила, какой номер. Он сказал. Посмотрела номер на бляхе - совпал. Вот он и потерял – спяну...

Бегу на работу. У подъезда соседнего дома, где припаркованы легковые машины, стоят две женщины и 3 собаки – одна маленькая, на подхвате, повизгивает, а две всерьез бросаются одна на другую, лают, визжат. Хозяйки унимают, не очень удачно. Одна ругает свою:

- Ты, дурачина!

Валерия Серафимовна, к слову, не может не поделиться свежей новостью – о том, что только увидела по телику, и что ее поразило:

- Ветврача слушала о редкой породе собак. У Шараповой китайская хохлатая. Было в Америке всего 4 экземпляра. Взяли в Англию, оттуда к нам. Вся голая, шерсть только на морде, голове, лапах и хвосте. Показывали: дрожит, любит тепло. Одели в комбинезон, красивый – синий с красными квадратами.

- Это которая Шарапова – телеведущая или теннисистка? – спрашивает Валерий Петрович.

- А кто бы их различал? - отвечает Вячеслав Константинович, супруг Валерии Серафимовны.

- Обе – бомбочки хорошие, - одобрительно замечает Валерий Петрович.

Так всё по-доброму, уходить не хочется.

Но скучновато. За пределы тем дальше тех, что предлагают по телику, как правило, не выходят.

Народ улыбается. Всем приятно.

Приблудная собачка ждала угощения, но на сей раз, к сожалению, все вышли с пустыми руками. Собачка потихоньку ретировалась.

Виктория украдкой посмотрела на часы. Надо остановиться. Постоять, послушать. Тем более, что обсуждается всё та же тема – собаки в городе. Мнение единодушное – с этим надо что-то делать, и как можно скорее.

Но что и как надо делать?

Таня Вольнаренкова, ты где, ау... Народ твой, вот он...

- Ты вот, Вика, телик не смотришь, а там такое показывают, - говорит экспансивная Римма Федоровна. - Такое!...

- Про «Клетку» мне рассказали знакомые.

- Что там «Клетка». Персонажи там собирательные. А тут буквально под боком творятся страшные дела. Реальный случай у нас в районе. Бойцовская собака насмерть

загрызла человека. Женщину. Показали нашу больницу. Ведущий новостей сообщает, что там всегда кто-то лежит, тоже покусанный, но выживший. Та женщина умерла по дороге в стационар. А эта, вторая, с перебинтованной рукой, и анестезиолог объясняет, какая травма ей нанесена зубами пса.

- Я знаю умершую. Это Эмилия Петровна Михеева, из научного института. Все говорили: очень хороший человек, врагов не было..

Институту нарезали землю, на пустыре, рядом с «Пашней». Какой-то новый русский выстроил коттедж, держал бойцовских собак. Новый нелегальный бизнес. Собаки очень дорогие. Две собаки – кажется, старширдский терьер. Бультерьер перед ним ребенок.

Он их три дня не кормил, пускал гулять без привязи. А они уже узнали вкус крови.

Она собирала ягоды на своем участке, ведро осталось стоять. Искусали так, что хоронили в закрытом гробу. Умерла в машине. Успела назвать своё имя, фамилию, адрес и телефон. Все на похоронах говорили, что хороший человек, что нельзя так держать собак. В некоторых странах бойцовские собаки запрещены, у нас – нет.

Другой женщине эти же псы откусили руку. Мужчина догадался спрятаться в сарае, до домика не добежал, дверью отжал собак и закрылся. Тоже был искусан.

Милиция: нельзя стрелять, а можно только в тот момент, когда нападает – тогда можно.

И тут же пересказывается телесюжет: в Москве милиционер застрелил пса при нападении на него. Комментируют: применение табельного оружия в данном случае правомерно. А трудящиеся комментируют по-своему:

- Милиция подкуплена. О милиции сегодня говорят только это.

Нельзя сказать, что Виктория совсем уж не в курсе местных новостей. Утрами, наскоро собираясь, включает радио. Так что есть чем поддержать разговор со стариками и старушками. Для того и радио, и телевизор, чтобы людям, напичканным информацией, было интересно с тобой разговаривать.

Радио Микрофорум дает в эфир диалоги слушателей об инциденте с погибшей женщиной. Вообще – про трагические происшествия с собаками.

- Так и будет продолжаться. Пока совесть у владельцев не заговорит.

- Значит, всегда так будет.

- Нет законодательства, и не предвидится.

- Наша Дума что разбирает? Всякую всячину, а о собаках не говорят. Депутат на теледебатах в студии осудительно говорит о милиционере, который случайно подстрелил женщину, – а что ему оставалось делать? Целился в собаку, нападавшую на ребенка... Нужен закон об уголовной ответственности хозяина, выводящего собаку без намордника..

- И как вы думаете, будет ли соблюдаться закон, даже если допустить чудо, что его примут?

- Вот в том-то и дело, законов много, иные на грани чуда, но исполнять большинство из них никто не торопится.

Первой надоело слушать бесплодные толки и кривотолки Валерии Серафимовне.

Она рассказывает:

- У нас в тамбуре, с соседями тоже опасно. Собака у них Джина – большая, морда тупая. Хозяин тоже большой... Свирепая. Сидит на диване, жмется – надо на улицу. Хозяин ушел, и нет его. Она все сидит, жмется, стесняется. Наконец он появился, пьяный свалился в тамбуре, лежит там. Делать нечего. Хозяйка повела на поводке. Какой-то сосед вышел из квартиры, начал выступать:

- Собака без намордника!...

Соседка говорит:

- Мужик, беги!

Он не понимает, продолжает выступать.

- Мужик, беги! Я её не удержу!

Он понял наконец, и - как сиганёт!...

... Хозяин лежит на ковре, смотрит телевизор. Она протиснулась между ним и диваном, лежит, ей тесно, боком его отжимает, не получается. Тогда вытянула лапы, и лапами – ка-ак толкнет его!...

Часть вторая. Украдь лабрадора

Глава семнадцатая. Сизифов труд

Эмма Прохоровна, как всегда по утрам, поговорила с портретом Виталия Францевича.

Подошла к окну.

Уборщик в красной куртке был виден издалека - потому что в красной куртке!... Он третий день, как ювелир, - шлифовал дальнюю площадку с таким тщанием, словно в его распоряжение отдана поляна с драгоценными камнями.

Работая в школе, Эмма Прохоровна каждый год рассказывала детям занятные и поучительные легенды из греческой мифологии. Сюжеты на все времена...

Этот юноша во дворе сражался с прошлогодним листопадом, будто тащил на гору тяжеленный камень, дотаскивал до вершины, и потом, наказанный богами, с тоской видел, как тяжкий груз его скатывается с вершины опять к подножию горы.

Сизиф вынужден был начинать все сначала. Так и здесь: уборщик вычищал площадку, а ветер вновь обрушивал туда лавину бурых и чёрных листьев, что нападали осенью с берез и осин, перезимовали и весной оттаяли, вбитые в землю массами снега. Уборщик поднимет пласти листвы, разгребёт, а ветер их снова разбрасывает. Так без конца. И парень снова невозмутимо сгребает сырую листву метлой и граблями. Других инструментов у него, кажется, что и нет.

Вдруг невесть откуда на поляне, как из воздуха слеплен, появился здоровенный, чёрный местами, пёс. Обежал площадку. Вытянув морду, постоял рядом с добросовестным уборщиком. И в момент - как испарился. Уборщик невозмутимо продолжал своё занятие, а заполошной собаки не стало.

- Слушай-ка, Виталий Францевич, - шепнула себе под нос Эмма Прохоровна, - да это же, кажется, тот пёс, который гулял вместе с хозяином – вежливым мужчиной с абсолютно белыми висками. Несомненно тот самый: левое ухо короче правого.

Пес, который общался с покойной нашей Диночкой.

Что за пробежки такие? И где хозяин?

Ты не поверишь, но я начинаю тревожиться.

История имела продолжение. Дело в том, что квартира Эммы Прохоровны устроена таким образом, что окно кухни смотрит на задний, нескончаемый двор университетской усадьбы. Поэтому Эмма Прохоровна кое-что поневоле узнаёт о хозяйственной деятельности, там происходящей. Увидев, как загружается мешками и ящиками большой тентованный камаз, она естественным образом сделала совершенно правильный вывод, что это не грабёж, и уж, конечно, не чьё-то частное имущество – не переезд жильцов, например.

Речь могла идти только о старте долгой и сложной экспедиции в отдалённые края отечества. Личный состав отправляется к месту действия на самолёте, машину либо увезут на вокзал, где погрузят на платформу и отправят вслед за студентами, либо снабдят сопровождающими и погонят своим ходом.

Сделав такие, вполне обоснованные выводы, Эмма Прохоровна быстро прошла в ту комнату, окна которой выходили на улицу. Она увидела, что и предполагала: машина выехала из университетской усадьбы и повернула направо. Видимо, ехать решили всё-таки к восточному выезду из города – если её предположение верное.

Грузовик остановился.

Кого-то они ждали. И вот появились три парня и две девицы. Заняли свои места в кузове. И в это время к задней стенке кузова, где брезентовый полог после размещения студентов оказался незакрытым, подбежала большая собака, подпрыгнула, пытаясь оказаться в кузове. Не тут-то было. Прыти пса оказалось не достаточно для столь сложного манёвра.

Грузом распоряжались трое парней в камуфляже. В кузове принимали мешки и ящики ещё один мужчина и девица, точно в такой же одежде.

Не очень приятно Эмме Прохоровне, что нынче армейскую форму можно купить задёшево в любой лавке. Виталий Францевич этим весьма огорчался. Ну, что за дело, что масса пенсионеров, даже никогда не служивших, ни с какой стороны не причастных к армейской службе, носят такое, шоферы, уборщицы, кто хотите.

Визг, лай, скулёж – звучание приблудного пса резало сердце Эммы Прохоровны.

Позвали куском колбасы, пёс прыгнул, не достал, оборвался. Мотор заурчал, пёс опять взвился в воздух, но скорее всего и на этот раз не успел бы, но тут его подхватили несколько крепких рук – кто за холку, кто за передние лапы и, как миленького, втащили внутрь брезентового короба. Пёс там и остался.

Батюшки светы, невольно вздохнула Эмма Прохоровна. Да это же тот лабрадор, с которым ходил на прогулки вежливый мужчина с совершенно белыми висками! Вон и левое ушко, наискось, точно бритвой, обрезано!

Да, но где хозяин, резонно вопрошает Эмма Прохоровна. Однако услышать ответ было неоткуда. Виталий Францевич, увы, оставался безмолвен.

Возможно, хозяин благородного пса неподалеку, или вот-вот появится. Быть может, даже догонит тентованный камаз на собственном автомобиле.

Вызовут его по телефону, ничего удивительного – в наш век всеобщей связанности ещё и не такое быстро делается.

Тревога начала понемногу отпускать Эмму Прохоровну.

… Ему дали всего одну таблетку из спецаптечки, чтобы не дергался. И он уснул, а проснулся уже очень далеко от дома.

Один из сидящих под брезентовым пологом, разглядев у собаки подрезанное левое ухо, сообщил товарищам:

- Пёс профессора.

- Надо позвонить.

Стали звонить, в ответ на русском и на английском сообщили:

- Абонент временно недоступен.

Позвонили еще. Та же реакция.

Экспедиция между тем продолжалась. Собака спала. Расстояние между её бывшим домом и местонахождением теперешним становилось всё большим.

Так получилось, что усыпленный Барри, поехал в неизведенную даль.

В дороге Барри проснулся. Но бежать не захотел. Приходя в себя, слабый после усыпления, мирно лежал в ногах у сидящих по бокам кузова студентов.

Может быть, думал, что едет к хозяину.

А, возможно, попросту не без удовольствия отдыхает в присутствии людей, как-то ему известных, заведомо дружелюбных.

Спокойное поведение животного можно объяснить ещё и тем, что люди были не чужими для него, и путь держали туда, где высились гранитные скалы, и где он часто находился с хозяйкой, уничтоженной грозовым разрядом, и хозяином, так необъяснимо исчезнувшим, по сути бросившим Барри (в его понимании) на произвол судьбы.

Путь продолжался.

Возиться с возвращением пса хозяину им, экспедиционным людям было некогда. Пусть уж лучше он с нами прокатится.

И можно было только гадать, что с ним будут делать? Как станут с ним обращаться? Кормить, лечить, если понадобится? Не прогонять же!

Этим дружелюбным людям будет совсем не до того, чтобы развлекаться с собакой.

Едут на работу. Работа суровая, не безопасная, на пределе человеческих сил.

Потом дадим знать Льву Александровичу. Спросим, как быть дальше.

Они опоздали.

К этому времени абонент уже покинул пределы Российской Федерации. И кроме того перед посадкой в самолет пассажиров попросили отключить мобильную связь – в связи с возросшей опасностью террористических актов.

Спасители были далеки от того, чтобы знать, насколько опасно было для Барри дальнейшее пребывание в городе. Его ловили. И пёс был буквально на волосок от гибели. На соседнем тротуаре уже лежал кусок ливерной колбасы с напиханным туда лекарством. У поребрика стоял автомобиль с сетью, вязками, и был наготове шприц со снотворным на всякий случай, чтобы без лишнего шума и визга справиться с похищением собаки.

Барри заказали!

Не просто выслеживали собаку данной породы, а персонально Барри. За ним наблюдали по всем правилам сыскного дела.

- Могу ли я в это поверить? – спрашивал скептически настроенный товарищ.

- Эка невидал! - отвечал тот, кто причисляет себя к многознающим собдеседникам.

- И можешь, и должен поверить. Человека заказывают запросто, а тут собака: нисколько не удивительно, если по просьбе какого-нибудь уважаемого *собакоеда*, прежде, чем похитить, нашего Барри сначала отравили, но ни убить, ни затолкать в мешок и утащить сонного не успели. Потому что по воле случая на пути преступников оказалась университетская группа, отправлявшаяся в экспедицию.

И правильно, ибо среди них находились люди, знакомые с болезнями собак, в том числе и с модным нынче отравлением пёсиков подвой догхантерской заманухой и прочими актуальными средствами.

- Ему дали снотворное, - сообщил за истину знаток проблемы, сидящий с товарищами в крытом кузове отправляющейся в экспедицию машины. – Он прыгал к нам на исходе сил. Потому и не допрыгнул.

- Как знаешь?

- А что тут хитрого? Поимеешь дело с этой бедой, и ты узнаешь... Но собачья психика так устроена, что транквилизаторы могут изменить необратимо её представления о положении в пространстве. Поэтому собака, брошенная хозяином, или как-то иначе изменившая постоянный адрес, не в состоянии вернуться к первоначальному местонахождению. Так и будет рыскать по городу, мыкаться в поисках цели.

- И что же, это пожизненно?
- В литературе я не нашел указаний на длительность болезни. А это же безусловно недуг.
- Ещё среди людей попадаются сомнамбулы, то есть лунатики, – у собак бывает?
- Отчего же не быть. Если у свиньи внутренние органы иммунно схожи с человеческими, то у собаки много общего в поведении, значит, и мозг работает подобно нашему, со всеми его особенностями и изъянами.
- Твои домыслы.
- Понимаешь, я глубоко не изучала вопрос. В интернете пишут, специально канадцы исследовали.
- Для тех, кто не в курсе: Лев Александрович поехал в командировку. Говорят, как раз в Канаду.
- Ну, не по поводу же разведения лабрадоров...
- А вдруг... Так, может быть, побочко что-то новое для себя и о собаках узнает, и с нами поделится.

Глава восемнадцатая.. Стюард и Крюгер

Стюард

Позавчера мы проводили Рудольфа Крюгера. На ПМЖ * в другую страну. Отбыл

* Постоянное место жительства.

насовсем: ПМЖ есть ПМЖ.

Рудик обещал через год приехать в гости.

Сомнительно, что одного года хватит на адаптацию...

Виктория наотрез отказалась быть с нами в ресторане на проводах, напрасно было упрашивать. Сказала, как отрезала:

- Он меня больше не интересует.
- Почему?
- Потому что потому, окончание на «у».

Что значило слово «больше»? После того раза, когда состоялось первое, поневоле короткое знакомство Стюарда и Виктории, она никогда в клубе не появлялась, и с Рудольфом, точно, не виделась. Иначе бы обязательно поделилась.

Возможно, теперь хочет показать, что имела с ним когда-то отношения. Зачем скрывать? Я же не ребёнок, тоже в жизни кое-что видел.

У неё это водится: показать свою независимость, поддразнивавая другого. Меня в данном случае. Обидеться? Скажет: «На обиженных воду возят»...

Рудик вскользь объяснил: дело не в нём, а в его бабушке Паулине Карловне. С ней Виктория советовалась, её слушала, как родную... Бабушка была репрессирована, потом реабилитирована, уехала со своей дочерью и его мамой в ФРГ. Паулина Карловна подверглась преследованиям за свои идеи, и это была личность!..

Она высказывала интересные мысли о связи древних цивилизаций, читала какие-то серьезные исследования по-немецки.. Разговоры с Паулиной Карловной производили впечатление.

- А я, - говорил Рудольф, - только принял Викторию в секцию, немного походила на занятия, и бросила.

Однако в последний момент Виктория всё же прикатила в аэропорт на такси. Не выдержала. Обняла Рудольфа, сдержанно поцеловала в щеку. Рудик, похоже, даже немного растерялся.

Кто-то из его учеников с надеждой сказал:

- Вам там не понравится, Рудольф Иванович. Приедете, и назад к нам... Будто ничего и не было.

- Держи карман шире, - с недобрым оттенком буркнула Виктория.

Сказала нам несколько незначащих слов. И умчалась обратно. Благо, таксистов там на площади невпроворот.

Интересует он тебя, Виктория, ещё как интересует!..

Всё старшие у тебя на уме – то Крюгер, то Куприянов...

А меня вот за ровесника держишь.

Я всё равно впереди. Кажется, на два года...

В пятом классе Викторию взялась подтравливать сплошённая четвёрка хулиганистых мальчишек. Это для некоторых взрослых они хулиганистые – мягкое такое, политкорректное определение. Среди подростков расклад иной. У неё то ранец вырвут, забросят в снег, то ножку подставят, то заведут в угол за киоск, где трое держат, а четвертый пытается затолкать в рот зажжённую сигарету. Виктория вырывалась, кусалась, царапалась, мальчишки же принадлежали к той категории, что родителями бывают заброшены, либо выкинуты из семьи насовсем, потому что всем надоели, и Виктория, наконец высвободившись, бросила в лицо им презрительное: *хиляки*.

В дальнейшем же их по возможности все-таки избегала, но уходить не всегда получалось, ибо куда сбежишь из двора, где всякие потаённые закоулки – твои собственные? Тогда нападала первой, и осознала, насколько приятно бывает, когда прошлые обидчики тебя боятся. К тому же напинать каждого по отдельности в сущности ничего не стоило, а лидера у них не образовалось, место было вакантным.

Однажды разборки заметила старушка, шедшая с палочкой и большим старомодным ридикюлем, в который складывала купленные в магазине продукты. На голове у неё сидел серый колпачок, выкроенный из фетровой мужской шляпы. Она остановилась возле них и стала разговаривать, тихо, мирно, спокойно, не ругала, не грозила. Конкретные слова не запомнились, тут важна была интонация полной, совершенной убеждённости в своей правоте. Смысл был в том, что девушку обижать не следует, и нужно как малое её оставить в покое, а лучше сделать обратное тому, что они творили, – ухаживать за ней и защищать от других обидчиков, и тогда они начнут по-настоящему уважать себя. Потому что защитить другого – значит в собственных глазах стать сильнее.

Однако Паулина Карловна немного запоздала. К тому времени, когда она нарисовалась на их горизонте, Виктория овладела положением, де-факто возглавила группу, командовала ими, как хотела, посыпала на подвиги, сама иной раз кое-кого поколачивала, но из этого тоже не выходило ничего доброго. Положение главенства нравилось, но требовало постоянно всё новых каверз. И совершенно непонятно, каким образом Виктория умудрилась не попасть на крючок милиции.

Но не попалась.

И хорошо ещё, что не закурила и не приохотилась пить пиво.

Как раз в это время Рудольф Крюгер купил тренажёры и приступил к тренировкам пацанов, имея честолюбивые планы подготовить хоть одного чемпиона.

Рудик был внучатым племянником Паулины Карловны, и старушка уговорила Викторию записаться к нему в секцию. Там уже обретались все четверо её подельников, только, в отличие Виктории, явившейся не по принуждению, этих привёл в клуб участковый из ИДН – инспекции по делам несовершеннолетних.

Тренер производил впечатление. Сильный, аккуратный, в меру строгий атлет, афганец, интеллигентный (законченный педвуз), значительно старше её, конечно, – однако не настолько, чтобы разница в годах казалась непреодолимой.

Голова у девчухи едва ли не закружилась...

Однако Виктория взрослела качественно и быстро. Рано приучалась не мечтать о несбыточном. И вскоре покинула клуб, и больше не встречала нигде Рудольфа. Бравую четвёрку тоже потеряла из вида: кого-то забрали в колонию, другого определили в спецучилище, а двое – по видимости чуть более благополучные – съехали из района, куда – не знает.

Стюард

Рудольф Иваныч перед отъездом преобразился, одной ногой стоял уже не здесь, а там, на изумрудно зеленых газонах и полях Европы: белая рубашка, галстук-бабочка, синий, в белый горошек. Едет один, гражданская жена остаётся, и неизвестно, захочет ли перебираться к нему насовсем в Германию.

Софье и хочется, и колется, и с места не вспорхнёт, и причина уважительная – аспирантура все-таки, и защищать диссер надо здесь, а не там, программы принципиально разные, и системы научных званий не совпадают. И у нас она на бюджетном месте, а там столько денег платить, и взять негде. Какие-то стипендии там дают, но его Софья не из тех, кто сориентирован на халяву и на заграницу тоже.

Мы проводили его без надрыва, вполне по-будничному. Посидели в хорошей обстановке, почти не пили. Просто поужинали, пожелали хорошей дороги и разошлись. Я, конечно, на следующий день смотался с ним в аэропорт и дождался, пока он окончательно осел в накопителе для отезжающих за границу.

Будто человек не за бугор сваливает, да ещё на ПМЖ, то есть покинул нашу страну без возврата, а перебирается зачем-то на территорию соседнего района. Потому что никто ещё из-за границы по-серьезному не возвращался. В гости приезжают, но чтобы насовсем обратно – дураков нет...

Газеты иногда пишут о таких, разочарованных тамошним образом жизни, но подобные заметки нынче встречаются всё реже, и, по всей вероятности, сказки для читателей газет скоро совсем прекратятся.

Я его спрашивал:

- Может, еще передумаешь, Рудик? Смотри, дядя Юра завёл аренду, рассчитывает приватизировать бывший детсад и открыть там бильярдную с тренажёрным залом, будем зарабатывать – ты, я и дядя Юра. Ты будешь тренером, я администратором, дядя Юра осуществляет общее руководство, обеспечивает защиту и безопасность.

- Потом твой дядя Юра нас преследует, и мы с носом останемся. Опять пинать воздух. И нас окончательно выпихнут из нашего уютненького подвалчика.

- Ты дядю Юру не знаешь. Он не жлоб, своих не обижает.

- Ничего плохого про Юлия Августовича я не скажу. Но всё гораздо глубже. Здесь я никто, – продолжал аргументировать Рудольф. – А там буду человеком.

- Так уверен?

- Да хоть бы улицы мести, но не здесь, а там.

- Ты разве уборщиком туда едешь? Хотя всякий труд...

- Почётен, да, не спорю... Я спортивный менеджер. И с языком. Надеюсь везде пригодиться. Не пропаду и там, а здесь я полагаю, что работаю ниже своих возможностей.

- Тайком всё и обладил...

Тут он посмеялся: я же, говорит, пока ещё русский человек. Долго запрягаю, быстро езжу.

- Бросаешь меня, - на кого?

- Как на кого? Сам говоришь: уйдёшь под крыло к Юлию Августовичу. Да ты у него из-под крыла и не вылезал.

- У него самого, по-моему, дел`а пока не на мази.

- Через год, как обживусь, жду тебя в гости, - сказал Рудольф. Или для начала, чтоб не потерять контакт, сам заскочу. У кого раньше получится. – Закончишь университет, тоже задумаешься о том, куда прислонить свои кости. А Рудик тут и поможет. Подскажет хотя бы для начала, в новой стране куда соваться.

- Думаешь, г`ода тебе достаточно, чтобы раскрутиться и начинать принимать посетителей?

- А чего ж волокитить? Ты меня знаешь. Повторяю: тянуть не в моих правилах.

- Главное: кто наших дружинников будет тренировать?

- Ты бы еще спросил: до каких пор останутся у тебя дружинники? Знаешь ведь, что все дружины везде уже давно прикрыли, твоя только божьим соизволением и спасается.

- Мы волонтёры. У казны ничего не просили и просить не собираемся, а порядок в Студгородке ректорату необходимо поддерживать. За это нас университет и не гонит.

- Давай, заканчивай учебу, и двигайся вслед за мной.

- Нет. Я за границей себя не нахожу – даже, если включаю воображение. Я человек тутойский. И корней тутойских. Хотя мне в Средней Азии недвусмысленно указали на дверь. И потом – у меня родители так и застряли в Азии. А они, между прочим, не молодеют. Уезжать не хотят, несмотря на тамошние притеснения. Мне их забирать некуда. Там как-никак домик с хорошим садом, а здесь у меня только место в общежитии. Мои обстоятельства жизни во взвешенном состоянии. Так что убираться отцу с матерью оттуда рано или поздно придётся. Возможно, даже раньше, чем я получу диплом. А ты зовешь на Запад. Ну, что я там забыл, скажи на милость ?

- Каждый сам для себя решает.

- Я так, а ты этак.

И всё – и ни друга, ни тренера дружинникам.

Долги одни висят, словно гири на ногах у плавающего человека..

Глава девятнадцатая. Цветок пахистахис

Антонина Захаровна

В среду я долго не могла уехать. 18-е маршрутки неслись мимо, как оглашенные. Кое-как втиснулась в 32-й автобус.

В пенсионном фонде толпа заняла весь вестибюль, всю лестницу и большую часть второго этажа, где собственно и приютились те кабинеты, которые и штурмовала толпа стариков с вкраплениями редких инвалидов помоложе. Никаких указателей, никаких пояснений. Можно сказать, организованная неразбериха.

Хотя какой-то порядок, если приглядеться, то можно определить. Вопрос в том, как нам, старым, необразованным разобраться, в какой кабинет попадать – кто на какую букву, по какому участку.

Одна, переваливаясь, едва добралась.

-Кто тут последний?

-Да вам на какую букву?

-Кто крайний?

- А буква какая?

Она не понимает. Подсказывают наперебой:

-Да какая буква?

- Какой участок?

- А буква – да «В» - так вы последняя?

- Да не я.

- А кто?

- А я откуда знаю?

- Да вы же тут стоите.

И вот прилипла. И не скоро отлипнет.

Одна, старая, сидела, отошла. Другая, толстая, заняла стул. Та вернулась, робко так:

- А я здесь сидела.

- Ну, и что?

- Стоять не могу.

- И я не могу.

- Я на больничном.

В конце концов толстуха с неохотой поднялась, уступила. Сразу – не могла, что ли?

Другой сильно возмущался. Спрашивал последнего, ему в ответ вопросы про букву, да про участок.

– Почему участок? Какой участок? Или мы в милиции? Дожили, что называется...

Никак не успокаивался с участком, должно быть, связаны с этим нехорошие воспоминания.

Ещё один, – видно, был прежде большой, может быть, даже партийный начальник какой-нибудь. Перебирал бумаги, все так аккуратно сложены. Шибко правильный, в костюме и при галстуке. Стул только освободился, сразу на него плюхнулся, и носом в бумаги, чтоб ни на кого не глядеть – из-за стула.

Перед часом закрытия на обед выходила инспектор:

- Расходитесь, мы заканчиваем.

Никто не уходит, конечно. Я зашла к ней по очереди в 10 минут второго. Она:

- Извините. – Берётся за туалетную бумагу. – Всё, мы закончили, в другой раз придёте.

- Сегодня последний день.

- И у нас последний.

- Вы нас не любите.

- А вы нас любите? Где ваши документы?

- Вот, пожалуйста.

Любовь и забота Федосея – *цветок пахистахис*. Цветок был подарен при ликвидации клуба «Решето». Тетя Лиза отдала его вместе с бочонком Захаровне для медвытрезвителя потому, что больше девать было некуда, а выбросить жалко. Все вещи в клуб собраны Елизаветой Петровной с бору по сосенке, или пожертвованы – мебель, телевизор, посуда, сидушки, шторы. Поэтому она могла их только раздать – не продавать же!

У бескорыстной тети Лизы собраны все умения, требующиеся для жизни в любых условиях, – все таланты, кроме одного: коммерческого дара.

Правда: чего нет, того нет. Извините.

Захаровна позвонила своим, в медвытрезвитель, Геннадий, шофер, приехал, забрал пахистахис вместе с бочонком.

В трезяке цветок не прожил бы, должно быть, и месяца — мог заахнуть от табачного дыма и паров ацетальдегида.

Однако совершенно неожиданно к цветку проявил особую заботу Федосей — поливал, опрыскивал изо рта, вовремя менял землю. Едва ли не сдувал пылинки.

Цветок лад`ом и поставить-то некуда. Но Федосей сказал: вот оконце в дежурке, туда и определяю — оконце да с подоконником.

С подоконником, на котором Федосей подогнал, приспособил подставу, вырезав из доски кусок по диаметру днища горшка. Пришлось окно зашторить, чтоб не дуло. Федосей нашел плотную занавеску, и всем пояснил: цветок боится и ветра, и прямого солнечного света.

Пахистахис в уходе не привередлив. Но есть особенности: в поливке, в опрыскивании — чтобы не пересыхал и не оставался со слишком мокрой землёй. Зато, как начинает цвести в феврале, так ближе к ноябрю перестаёт. Когда вытрезвившийся посетитель становится по другую от дежурного сторону барьера, то видит яркую красоту — жёлтый цветок пахистахиса — толстого колоса, если перевести с греческого языка на русский.

Федякин на цветок не надышится. Ребята же видят в такой запоздалой страсти очередное чудачество брата Федосея. Дразнят:

- От Атлантиды ничего не осталось. Только брат Федосей и его цветок *пакис-такис*.

Имя цветка некоторым трудно выговаривать правильно. Свиридов называет: *пакистарис*.

А брат Федосей поправляет, без всякого зла или, там, раздражения:

- Свиридыч, который раз повторяю — он *пахистахис*. Толстый колос, по-древнегречески. Надо говорить: пахис-тахис...

Тоже мне, древний грек нашёлся!..

Сегодняшнему дежурному Федякин уступил место на лежаке в бытовке: пускай покимарит, ночь впереди с какой стати будет спокойной, я вот и посижу на вызов`ах. И покалякаем с Антониной Захаровной.

Традиция такая.

Обычно Федосей, в последние годы работы в медвытрезвителе *сидевший на дебиторах*, то есть отвечающий за вытрясывание гр`ошей из попавших в дебиторские задолжники алкашей (проще говоря, не оплативших услуги), имеет рабочее место во флигельке, с бухгалтером Лидией Федоровной Тасеевой. Она совместитель с урезанным рабочим временем, вся в цифрах, много не погутишь.

Федосей, когда не загружен, то из флигеля приходит в основное здание. Зачастую время у них с Захаровной между доставкой пьяных имеется. Оба в таком возрасте, что со вкусом в подробностях обсуждают прошлое, тем более, что столько пережили, работая вместе, в том числе вся подноготная райотдела прошла перед глазами.

Да и район — как на ладони. Потому что, кто не пьёт, тот не попадает в медвытрезвитель.

А кто не пьёт? Телеграфный столб. Почему? Потому что у него рюмочка книзу.

Дежурный с помощником на вызов уедут, и застрянут, иногда на час, а то, бывает, и на полтора. Попутные дела находятся. Машина же в руках казенная. Вот и судачат Федосей с медиком Антониной Захаровной.

Потом Федосей уволился. А приходил в трезячок просто, чтобы время провести, да с Антониной Захаровной поворошить прошлое. Все лучшее пережито в работе, а больше интересного в их судьбах ничего и не было. По крайней мере, так им казалось.

- Слыши, Захаровна, хотят Свиридова сделать в трезяке начальником. На постоянное. Как ты скажешь, хорошо ли будет?

- А кого больше-то?
- Варяга какого-нибудь пришлют. Не лучше.
- Или из участковых выберут кого покрепче, понадежней, - утешила Антонина Захаровна. – Непьющего.
- Как кто, например?
- Если про райотдел говорить для примера, то было несколько стоящих начальников: Дулепов, потом его взяли замминистра в Узбекистан, и Багаенков – тот ничего не боялся, везде дверь ногой отворял. Но не все. Меня Брянцев принимал на работу. Над ним за спиной шушукались, что трусил, весь трясётся перед любым проверяющим. Какой-нибудь лейтенант из области приедет, он дрожит, с красным лицом. Видимо, он постарался уйти на повышение, и чтобы работать до самой пенсии не на земле, а в управлении среди начальства.

Теперешний Дроздов сам вырос из рядовых, учился. Свой, с ним и нашему трезвяковскому будет легко – кого ни поставят.

- А меня после армии на работу брал Пшеничный, Тимофей Михайлович. Сейчас у него в участковых Игорь, сын, - вспомнил Федосей: – Скажи? С новым вытрезвителем вместо нашей развалины, мог ведь настоять Тимофей Михайлович. Заговорил первым, что мы из старой шкуры вылезли, пора менять помещение. Но не успел, убрали на пенсию. Ты вспомни. Он добивался, чтобы деревянную двухэтажку, на Круговой, 4, определили под снос, жильцов-то уже частично расселили в новостройку. Но дом не снесли, потому что 8 квартир, 10 семей, столько много у власти квартир не было. Разрешили милиции пользоваться тем домом, пока суть да дело. Тимофей Михайлович поселил туда двух милиционеров, они разморозили дом зимой – из деревни приехали, не умели обращаться с отоплением. Он мог бы отстоять помещение, отремонтировать и перевести нас туда.

- Мы этот дом знаем. На горке стоит. Напротив бывшего базара и хлебного магазина. Всё снесли, а тот дом остался, в нем еще домоуправление поселилось, потом ушло, турки пекарню открыли.

- Не турки, Захаровна, - азербайджанцы.
- Я слышала, что турки.
- Не важно, что бумажно, лишь бы денежно. А важно, что нашему трезвяку и опять не повезло.

Захаровна - Федосею:

- Свиридов – плохой будет начальник. С ленцой. Не по Сеньке шапка. Командовать любит, а чтобы шаг в сторону сделал, так лучше повесится. Всё на других свалит. Пусть чёрную работу сделают подчиненные, а он воспользуется плодами.

- Хочешь испытать человека – дай ему власть, - глубокомысленно изрёк Федосей. А Свиридов после первой получки и заикаться о рапорте перестал.

И, кажется, завязал с пьянкой.

- Опять запьёт, - уверенно предсказала Захаровна.

Она этот народ знает, как никто.

- Я их всех мальчиками видела. Потом они созревали, женились, дети появлялись, брали их с собой на работу – некуда было девать, а мы из Юнгородка бегали в Нижнюю Ирбинку за молоком. Они погуливали, конечно, мирились. Воропаев так и не поднялся, разошёлся, двое детей оставил.

Столько лет прошло! Всё изменилось неузнаваемо.

Ходила с обменом паспорта Лёньке. Чтоб ему в очередях не маяться... В отделе ни с кем не здороваюсь – ни одного знакомого. Бегают с бумагами, какие-то девочки,

фигурки точеные. Идёт парень, в длинных шортах, рубаха навыпуск, тоже бумаги в руках. То ли следователи?

- Работают, как работали... Ну, одеты по мод`е. А платят им, как и нам с тобой, не дюже богато.

- Наш Второй медвытрезвитель опять прославился, - говорит Антонина Захаровна. - В «Поиске» написали о втором медвытрезвителе. Суд.

- Что там случилось?

- Медички обирали пьяных. Старая фельдшерица Полина Ивановна не позарилась, две молоденькие попали. А там были богатые – доставляли пьяных из «Гулливера», из «Версала», с собой по 300, по 400 долларов. Осматривали, забирали. Прятали под ванну.

Как это делается, догадки не нужны: делят на всех, либо, если в смене кто-то особенно жадный, украдкой берёт себе или большую часть, или, если может утаить от всех, берёт всю добычу один - *крысячит*. Наши из угрозыска разобрались. Одному дали стакан водки, подложили 1000 долларов. Она 300 взяла, 700 на всякий случай оставила. И накрыли.

- Помнишь, Захаровна, в 80-м году? Волохощий взял у пьяного рубль. Тогда строго было. За рубль – уволили.

Максим увидел: автомобиль припаркован во дворе у входа в медвытрезвитель. Значит, водитель, задержанный за управление в пьяном виде, отдохнул у нас на топчане. Теперь нервничает в ожидании дальнейших поворотов своей судьбы. Повезут на оформление в отдел, и в суд, если успеют.

На автомобиле сзади, справа от номерного знака, изображение большого пса и надпись: *Labrador Retriever*. Машина, надо понимать, - копия лабрадора. По свойствам: преданная хозяину, сильная, но ценит и любовь, и ласку, - тогда безотказная.

Машина стоит у кромки дороги. Четыре собачонки играют возле неё. И вот из медвытрезвителя выходит мужчина, запихивает на ходу в бумажник какой-то листок, сложенный вчетверо. Ага, проспался, Уплатил в сбербанке штраф, показал квитанцию дежурному, и скорее – домой, домой. Ну, там на работу – все равно домой. Лишь бы оторваться из цепких дланей родной правоохранительной системы.

Машина тронулась с места, собаки забеспокоились, завыли, устроили грызню между собой. Но тут же и успокоились. Автомобиль с изображением их собрата – немаленький раздражитель - скрылся.

Лёха подметает двор. Другие сутки не евши, потому метёт для близиру. Показывает, что метет, а на самом деле водит метёлкой взад и вперед, без чувства, а больше стоит, отыхает, пыль подымет, ждёт, пока пыль осядет, щурится на солнце, чихает, что тебе кошка.

Свиридову сейчас на Лёхину нерадивость – плюнуть и растереть. Подумаешь, Лёха здесь кто такой? Приблудыши, инвентарь вроде метлы или, там, грабель. Что есть, что нет для Свиридова Лёха.

А разборка в данный момент у Свиридова с Геннадием, водилой.

Стюард

Максим устал на дежурстве, но вернулся, чтобы побывать при Докторе, набраться ума-разума. Поздоровался:

- Привет, Лёха!

- Привет, Максентий!

Тут же и спецмашина медвытрезвителя. Возле нее колдует Геннадий с ведром и тряпкой – грязь оттирает. Он у нас аккуратист, любит машину и старается содержать в полнейшей чистоте.

Машина, говорит, женского пола, и, как женщина, х`олу любит.

И милиция, говорит, тоже - нерях не терпит.

Картинка на заднем стекле: **«Меняю тёщу на запаску».**

Сняли у посетителя с машины, повесили себе. На заднем стекле. Реквизировали, и целые сутки так проездили.

Свиридов курит на пороге. Потянулся, так что кости хрустнули, зевнул. Эх-ха!... Рассказывает анекдот мне и Геннадию. Свиридову кажется, что нам его анекдоты тоже нужны позарез:

- В ресторане мужик сидит, один. Заказал десять рюмочек, выпил, ничто не берет. Заказал одиннадцатую, выпил и свалился под стол. Проснулся, говорит: « Дурак, надо было последнюю пить по праздникам, как положено».

Гена молчит, моет машину, старается.

Отходит, любуется на поверхность автомобиля.

Машина, отраенная, как в свежей лакировке, блестит и сияет.

Она ведь у нас, что и помещение, заждалась ремонта. Перекрасить бы, цены ей не будет.

И Гена снова берётся за тряпку.

Свиридова на анекдоты больше не тянет. А надо придраться – со скуки:

- Ты, Геннадий, убрал бы картинку всё ж таки.

- А чо? – придуривается Геннадий.

- Ты, Геннадий, сними. Мы же - органы. У нас по закону должна быть и тёща в порядке, и запасок - завались.

- Да где ты такое видел в милиции – запаски?

- Где, где, - у курочки вот-гд`е. Снимай давай, а то я сам сниму.

- Пусть побудет. Как поедем, так и снимем.

Свиридов, делать нечего, отступается. Волей, неволей...

Гена же обязательно снимет.

Перед выездом. На вызов или ещё куда по делам.

Максим тихо досадует на упорство Виктории, на себя за то, что следует в её фарватере, обрекающем на бесполезный поиск профессорской собаки.

И ворчит:

- Везде эти *ритрайвер*’а. Забыться не дают.

Но никто не откликается, команда в суть его сетований не вникает.

По ходу приема Максим улавливает, чт`о именно интересует Доктора в его подопечных, и что схематично записывается им в тетрадь: паспортные данные, кратность посещений (если залетел третий раз в течение года, то по старым законам появляется основание для направления на принудительное лечение, а по нынешним – лишь возможность надавить на психику, чтобы перестал пить и, соответственно, попадать к нам в заведение), обстоятельства выпивки, собственные обоснования и мотивировки опьяневшего о его проступке.

Доктор задаёт специальные вопросы, ответы на которые позволяют выяснить наличие и степень зависимости от алкоголя, а также перспективы терапевтического вмешательства нарколога.

Алкоголик: - Что вы, доктор? Ошибаетесь, - я не пил. А запах – у вас в помещении он застоялся, от всех пахнет. Вы дохн`ёте, и от вас запах... А я, истинный бог, жабры не смазывал.

- Ночью спали?

- Спал, доктор, спал. У вас в трезвяке все спят.
  - И трезвые, и не очень?
  - Секрет скажу: они держат... Вы трезвым попадетесь, и вас на ночь закроют.
  - Рассердился?
  - Я не приучен сердиться, что вы, доктор, на них чего серчать-то? Они служивые, на работе.
  - Вы здесь третий раз в течение года. Пора лечиться от алкоголизма.
  - Лечиться - нет. Почему это я буду трезвый? Просто выпил у подруги самогонки грам двести, она кипиш подняла. Пью от несчастья до несчастья.
  - А с чего это вы, как телок, мокрый?- спрашивает Свиридов. Обращение на «вы» дается ему не без труда. Но иногда они с Доктором больным не тыкают. По настроению у Доктора.
  - Болею. Вы бы здесь заночевали, тоже бы вспотели.
  - Вы бы не пили, и мы бы вас здесь не видели, - обнадеживает Свиридов.
  - Все под Богом ходим.
  - Вас понял. Идите.
- Доктор протянул бумажку:
- Вот направление на лечение. Берите. Буду ждать.

- Других таких тополей, как наш, в округе не видно, - сентиментально говорит Доктор.
  - Дерево посадили в ряду других ещё первостроители посёлка, - поясняет Антонина Захаровна. – Тонкие были саженцы, а разрослись вон как.
- Иносказание в её устах звучит пророчески:
- Смотрю, стая ворон третий день кружится. К чему бы они оборзели?
- Вороны кружились над домиком и над флигелем, садились на ветки тополя двухохвятного, на верхние, как и на нижние. И стал весь в чёрных воронах наш тополь, уцелевший во дворике со временем еще деревни Медвежкин Лог, чья околица, как помнит Захаровна, приходилась как раз под нашим бараком и флигелёчком.

Захаровна, глядя в окно:

- Мама говорила, «вороны кричат – бока чешутся, дождь будет».
- А Федосей задумчив, он о своем, вроде как бы и невпопад:

- Не буди лихо, пока оно тихо...

И ещё не раз Доктор дает себе волю в мечтаниях:

- У нас на выезде из заведения скоро уж, стало быть, как полвека стоит разросшийся ввысь и особенно вширь тополь. Там бы можно примостить столик, чтобы летом в тенёчке поить вытрезвившихся чаем или, скажем, простоквашей, кефиром. Услуги бы повысились в цене, и людям хорошо, и не обязательно для опохмелки бежать сломя голову, портки теряя, за пивом или за водкой.

Пшеничный тоже обмолвился: давать бы им газировку наутро, любой бы заплатил. Милиции – прибыток.

- Только кто согласится из руководства? И, заметим, в штаты целый пост: четыре буфетчицы, как четыре дежурных экипажа, включая медиков. А?
  - Мечтать не вредно, - гасит энтузиазм собравшихся на планёрку скептик Свиридов.
- Доктор уходит в медицинский кабинет вести прием. Немного рискует: пол вдруг опять провалится. Хорошо, если не под ногами у больного.

В свободную минуту смотрим по телику. Руслан Динамит - по паспорту Андрей Быковолов - арестован в Латвии. Некогда в Швеции у него обнаружили 500 грамм герина, он скрылся. Интерпол объявил розыск. И вот поймали. Он – знаменитый музыкант, кумир молодежи 90-х годов.

Свиридов комментирует:

- А чо? Музыкантов – и не только наших, – нередко ловят за провоз наркотиков. Бывает, что за употребление. Многие становятся известными в связи с болезнями и необходимостью находиться в клиниках по поводу наркомании.

Свиридову проверяющие таки жизнь поломали. Карьерка совсем завалилась. А потому что выше себя не прыгнешь. А попробовал... Может быть, когда-то в будущем дверца наверх приоткроется снова. Теперь же – нет, ни за что. А не светись!..

А засекли Свиридова с помощником на Т`очке, откуда, с тыльного хода выносили каждый по трехлитровой банке не с квасом, а с «жигулёвским». Тащили до спецмашины, поддевши днище, на пузе – как же её, банку-то, иначе голубить? Она же круглая... Были, конечно, в форме и со спецавтомобилем, это признать приходится. При исполнении, да, - то, сё, пятое, десятое... Ну, и что? Нехорошо вроде бы, но кто не без греха? Сами проверяющие тоже мимо не лют, а только куда положено - всё за галстук.

Настроение здорово подпортилось. Привезли пиво домой, в трезвяк. Попили немного, чтобы убрать изо рта сухость, а больше-то в глотку не полезло. Не то настроение.

Оставили на потом.

- Черти носят, - прямо-таки шипит Свиридов. - Нет, чтобы прямо с трассы – и в отдел. А эти окольными дорогами ездят, крадутся, высматривают *компру* на нашего брата, ментяру с земли...

- Из любого положения есть три выхода, - примирительно сказал Стюард.

- Какие? - спросил Федосей.

- Или изменить ситуацию, или измениться самому, или - оставить всё, как есть.

- Куда кривая вывезет, - уточнил Федосей.

- А я знаю четвертый, - сказал Свиридов.

- Какой же?

- Или сдохнуть. Твои атланты, Федосей, все передохли. Изменить ситуацию на суше не смогли. Сразу жабры пересохли – на суше. И всё, амбец тем атлантам. Хоть ты и Федосей – Одиссей, и с ними куда-то там сплавал, а им амбец.

- Не всем амбец, Свиридыч, не всем. Вот и ошибаешься на этот раз. И как глубоко ошибаешься, Свиридыч, ты не подозреваешь. Самые упёртые выжили. Для того, чтобы жабры не пересыхали, атланты водку придумали. У них стресс, а они водкой его снимают. У него стресс, а он водяру за жабры ка-ак перепустит, и будь здоров, не кашляй!.. Понимаешь, как?... Вот и получилось...

- Вчера, что ли, получилось?

- Почему вчера? Давно...

- Складно говоришь. Только объясни: потом жабры куда девались? Я вот без жабров, и ты вроде без них дышишь...и выпиваем оба.

- А никак не девались. Они остались. Малость заросли постепенно. Раз люди живут не в воде, а на суше, то им жабры не нужны. И заросли. Но смазывать надо...

- Не пойму я тебя, Федосей. То ли ты придуриваешься, то ли правда с головой не дружишь.

- Может, и с головой дружбу потерял, - соглашается брат Федосей. – Может, я и с придурию спознался - сам не скажу тебе.

Фельдшер Антонина Захаровна не выдерживает:

- Попей-ка её, проклятую!..

Реплика Захаровны не то, чтобы осудительная, скорее философская, но все-таки с долей сарказма и недовольства.

Её, проклятую – это про водку.

Не нами замечено, но разве ж не так?

Захаровна редко когда ругается на выпивших сотрудников. Да и то – не ругается вовсе, а так, пожурит разве что не с добной интонацией. Притерпелась: работа ведь, и верно, из адских адская. Врагу не пожелаешь.

Антонина Захаровна – человек корректный.

И знает, где работает.

И с кем.

Совсем недавно, до происшествия с проверяющими, всего на третьей неделе исполнения обязанностей начальника Свиридов, поначалу вроде довольный новой должностью с повышением, внезапно заговорил по-другому.

- Сбегу, куда глаза глядят. Пишу рапорт: верните обратно в дежурку.

- Что так?- спросил Максим.

- На земле спокойнее. Отвечаешь только за себя. А поднялся на ступеньку выше, с тебя слупят и за Ваньку, и за Таньку, и за Петьку с перепёлкой. И за тебя самого спросить не забудут. Но сначала - за того парня... Там начальники, там проверяющие... Насели, как вши на гашник. Хочешь знать, чем отличается воробей от проверяющего?

- Скажи, так узнаю, - предложил Максим.

- Воробей в куче дерья ищет зерно. А проверяющий в тонне зерна ищет грамульку навоза.

- Тебя же ещё проверяющие не клевали. А уже `уростишь, - сказал Федосей.

- Ты бы не каркал, Атлантида. Тыфу, тыфу, тыфу, постучи по дереву.

Ни сплевыванье, ни стучание по дереву однако не помогли. Федосей таки накаркал.

Впрочем, уже через месяц, после получки Свиридов не вспоминал о первом разочаровании, а только и думал, как бы убрать две буквы - «и. о.» - из названия должности.

Но насчет проверяющих знающие люди, Федосей с Захаровной, оба - как в воду смотрели. Что называется: грешить греши, да не попадайся. А попался, не возникай, молчи в тряпочку, может, и цел останешься. Начальство поорёт, накажет, но ты же незаменимый в медвытрезвителе, Свиридов!... Текучка на большинство начальников и дежурных с помощниками распространяется. А Свиридов и Федосей сохраняют верность родному учреждению. Родной стихии. Такая вот романтика.

Ну, он попался.

Не с похмелья будет, то и промолчит в тряпочку.

А с похмелья – тем более, виноватым прикинется, и ему в который раз поверят.

Оставят на службе до самой пенсии.

Свиридов и молчал при разборе у начальства, да краснел, да исходил п`отом, а платком утереть лицо и шею так и не смел.

- Никуда он по своей воле не уйдёт, - сказала мудрая Захаровна брату Федосею. – Для него такое назначение - последний шанс. Пока дачу не выстроит, ему из пациентов за поблажки много чего доставать потребуется. Пробный шар бросает: как вы, служивые, отнесётесь, что я останусь над вами командовать.

Но на шестой неделе самоопределяться на будущее стало поздно: решили за Свиридова.

А так тебе, вахлаку, и надо: не попадайся на глаза проверяющему, выходя из задней двери пивной Точки, да ещё и с трехлитровой банкой «жигулёвского» на пузе, да ещё и в форме, да с помощником, который тоже пивишко тащит... да при спецавтомобиле!..

Не наглел бы ты, брат Свиридыч!..

Захаровна Федосею показывает семейные фотографии.

- Фото – старое. С женами, да с мужиками, - уважительно говорит Федосей.
  - Троє братьев и – со мною – две сестры, да еще две двоюродные.
  - И у всех семьи?
  - У нас в родне разве всех женишь? Какие по разу, да по второму ряду, а какие - и так ходят.
  - Чего-то расчувствовалась, Захаровна. Платок-то есть у тебя?
  - И платок есть, и марля свежая – если глаза утереть... Уйду от тебя, Василий.
- Доктор пригласил на ставку к нему в поликлинику. Правда, устала я здесь.
- И правильно. Там тебе лучше будет, спокойн`ее. Никто на ночь не вызовет, когда дежурство закрыть некому из сменщиц: заболели, или что...
  - У нас у всех родственников телефоны есть. Говорят: «Как жалко, что у тебя нет». «Зато спокойно».
  - Видишь, как...
  - И без дежурства ни за что попадает. Возвращались с дачи, мужик ехал на мотоцикле, свалился. Вроде мёртвый. Я же медик, мне надо больше всех. Подбежала – зрачки, пульс. Разлепил глаза: «Уйди, сучка!»...

Стюард объясняет Виктории, почему ему сначала показалось странноватым, что Доктор здесь принимает, не надевая халат. Все-таки медицинское учреждение, надо в халате.

Но с течением времени дошло: принцип. Главное в докторском методе всё продумано, потому естественно: халат разделил бы его с миром, где как бы все заодно, хотя и в противодействии – милиционеры в мундирах, обуздывающие пьяниц, и невольные посетители, естественно сопротивляющиеся практикуемому в данных обстоятельствах режиму. А в заурядной штатской экипировке доктор нейтрален, вроде адвоката, смягчающего противоречия в сказанном единстве.

Фельдшер Захаровна, штатная, – та в белом облачении воспринимается, как должное. От неё ждут медицинской помощи, необходимой и незамедлительной: измерить давление и пульс, послушать сердце и легкие, пощупать живот и проверить косточки, напоить водой, сделать укол или дать таблетку. Доктор же здесь не лечит, а только разговоры разговаривает, убеждает клиентов («пациентов», обязательно поправит Доктор, если оговоришься) в том, что им нужно лечиться от алкоголизма.

Захаровна, таким образом, – человек больницы,

Доктор же – скорее наставник, педагог, учитель вытрезвления.

Коммуникатор...

Вполне штатское действие.

И, значит, без халата – самое т`о.

Глава двадцатая. Интервью

- Ты посиди у меня, Игорь Тимофеевич, - попросил Дроздов. – Сейчас придёт корреспондент, хочу, чтоб ты присутствовал, может, как участковый, что-нибудь дополнишь.
- О чем спрашивают?
- Да о том, что всегда – куда деваться с бесхозными или агрессивными собаками?
- Ясно. Одолевают жалобщики. И нас, и прессу. Вчера одна мирная женщина спрашивала. Не скандалила, просто пёс потерялся. Куда идти, если не к нам?
- Когда человеку плохо, он вспоминает два слова: «мама» и «милиция».
- Она оба слова вспомнила.
- И чего ей сказал?

- Сказал бы: у меня чешутся лопатки – ангельские вырастают крылья. Полетел и принес бы вам собачку. На блюдечке. Так и сказал бы. Но я же на работе - ответил по-другому. Обтекаемо.

- Стриженая девочка косу не заплетёт, как мы сделаем. Так?

- Не совсем. Не тот случай. Не отбрешешься.

Корреспондент представился:

- Интернет-портал защитников животных «ЗЖ точка РУ».

- Пожалуйста, ваши вопросы, - предложил Дроздов.

- Жители обеспокоены – на глазах растёт число отравленных собак. Что скажет милиция?

- У вас есть статистика? – спросил Дроздов. – Мы такой статистикой не располагаем.

- Вы же будете говорить, что бродячих собак отлавливают, везут к ветеринару, кастрируют, вакцинируют и помещают в приюты?

- Да, так делается.

- Можно ли верить вам на слово?

- Нужно верить.

- Тогда откуда жалобы?

- У нас в отделе ни одного заявления об отравлении собаки нет и не было.

- Люди не хотят связываться. Но трупы собак находят везде, в том числе и в нашем районе города. За бродячих псов заступиться некому. Но пропадают и домашние.

- Моё сочувствие владельцам.

- Я, собственно, по конкретному обращению. В одном дворе за последние полгода погибли восемь собак, у всех были хозяева. Женщина рассказывает, что все смерти однотипны. Она через два часа после выгула услышала крик собаки, были судороги, рвота, пена изо рта. Взяла пёсика на руки, и констатировала смерть. Ветеринары, с которыми я разговаривал, сообщают, что отравившихся собак привозят, но спасти, как правило, не удается. Яд заталкивается в куски мяса и колбасы, в желудках у животных находят даже оливки, собака подберёт, скушает - и конец.

- Будут заявления, станем разбираться.

- Вопрос вот в чем. Возможно, в городе действует некая легальная организация, с заданием отравить как можно больше собак? Мне в маршрутке один рассказывал, что, убивая собак по заказу, зарабатывает себе на жизнь. Высматривает собак с красивой шерстью, и травит их, а потом забирает.

- Милиция таких заданий никому не давала. И об организации нам ничего не известно.

- Зимой больше, чем летом. Торопятся – убирать замёрзшие трупы легче, не разлагаются, как в теплое время года.

- В этом вы правы: зимой легче.

- И отрава известна.

- Лекарство против туберкулёза.

- А для собак – яд.

- Можно, и я спрошу. Располагаете ли вы советом от ветеринаров – что следует предпринять при отравлении собаки, как не допустить смерти?

- Да, естественно. Рецепт мы напечатаем.

- Замечательно. Пресса должна помогать населению и милиции.

- Вы согласны, чтобы мы отсылали граждан, пострадавших в результате насильственной гибели собак в милицию?

- Не просто согласен. Будем приветствовать и разбираться в каждом конкретном случае.

- Как вы отнесётесь к тому, что я вам передам диск с записью пикета против догхантерства?

- Будем благодарны.
- Корреспондент показал сканированную копию выписки из газеты.
- Подарите нам? – спросил Дроздов.
- Специально принёс. Берите, пожалуйста.

Из СМИ: Как спасти собаку.

В случае подозрения на отравление, доставить в клинику максимально быстро, чтобы ввести внутривенно антидот – витамины В1 и В 6 в огромных количествах. Обязательны капельницы, препараты для снятия судорог. Внутрь для вызывания рвоты давать солёную воду. Так же внутрь сорбенты – отравляющее вещество легко адсорбируется.

Корреспондент: - А можно я использую редкую возможность поговорить с вами, как с профессионалами, о немотивированной жестокости? Моя тема.

- А по-моему, жестокость всегда мотивирована, – сказал участковый.
- Я весь обратился в слух.
- Возможно, встречаются некоторые люди, у которых жестокость, так сказать, в крови. Родились такими.
- Таких ничтожная доля процента, – уточнил Дроздов, – Десятые, сотые доли процента. И то, поскреши, так найдёшь и папу с мамой, или дедульку с бабулькой, которым – хлебом с маслом не скармливай, дай позверстровать.
- Поиздеваться над близкими, – продолжил Пшеничный. – Типично другое – воспитание. Этими догхантерами не рождаются, а становятся.
- У вас есть примеры? – вскинулся корреспондент.
- А вы как думали? – спросил Дроздов. – Если у кого и есть примеры, то более всех накапливает участковый уполномоченный.
- Вот, свежая история, – сказал участковый.

Три славненьких мальчика из благополучных семей всего-то навсего задумали пошалить. И почудали: распылили в школе перцовый газ из баллончика. Один придумал, попросил другого купить – более взрослый, примут за совершеннолетнего в магазине. Сорвали уроки. Всю школу эвакуировали.

В милиции инспекторы спрашивают:

- Зачем купили баллончик?
- Для самообороны.
- От кого собирались обороняться? У вас что, столько врагов, чтобы распылять газ во всей школе?
- От собак.

Инспектор далее спрашивала:

- Что, у вас собаки в школе разгуливают?

Корреспондент комментирует:

- Я бы тоже себе купил. Я боюсь собак.
- Вот вам и ответ. Но вы же в школу на уроки не приносили. Не додумались.
- Не приносил. У меня не было.
- Так сделан шаг от обороны к нападению, – подсказал Пшеничный. – Следующий шагок доводит до догхантерства: старшеклассника наказали за баллончик, а он затаился и, повзрослев, стал догхантером – убийцей собак.
- Другое, – продолжил Дроздов. – Возьмите детские дома. Ребята спят на двухэтажных койках. Воспитанникам даже нравится. Во-первых, спорт – забираться, прыгать. И – романтика, напоминает зону. Они же все из таких семей, и та жизнь не кажется им чужой. Вполне примеряют к себе и к своему будущему, причем не очень далёкому.

Просматриваем диск, и что видим? Кучку фанатов на площади у центральной городской библиотеки.

Пикет против догхантеров

Стоят перед ступенями лестницы лицом ко входу в библиотеку не более полутора десятков женщин с большими прямоугольными плакатами, на которых нарисованы собачьи морды от разных пород с надписью лозунгового характера. Ещё два или три баннера.

Несколько корреспондентов, как водится, берут интервью у участниц.

- Вы тоже тут?

- Да, ваш покорный слуга тоже попал в кадр. Вот я.

- И, кроме вас, хоть бы один мужчина попался. Сплошные дамы.

Тексты: «Жизнь одна для всех». «Наказать за убийство собак». «Сегодня мы закрываем глаза на убийство животных, а завтра убийца придёт к нам.»

- Моё интервью с организаторшей мероприятия.

Женщина лет 35, в красной куртке:

- Мне интересно, кто-нибудь хоть раз заглянул в глаза собаки? Что бы он там увидел? Собака разговаривает, как человек, говорит взглядом: а вы хотите, чтобы я пришла и вас убила? Животные были одомашнены на заре человечества, и с тех пор не покидают людей.

Нельзя нам избавляться от собак, от кошек...

Дроздов:- Конечно, жители беспокоятся. Любители собак против ненавистников. Стенка на стенку.

- Где выход?

- Я лично не вижу. Пока мы не научимся слушать друг друга, так и будет – одни продолжают разводить собак, ухаживать за ними. Другие стремятся, чтобы собак было меньше, или они бы вовсе исчезли.

Пшеничный, без видимой связи с предыдущим:

- Знаете, кто больше всего бывает мотивирован к уничтожению зверя? Дети из неблагополучных семей. У Воскобойникова (наш участковый) в Старом Ирбинском есть семья под наблюдением. У них дом сгорел. Живут на квартире – одна комната и кухонька, 4 метра. Мать с тремя детьми от разных отцов. 8, 9 и 10 лет. Бегают из дома. Она сошлась с мужиком, у него дочь и мать. Все там живут. Дети жалуются: мать с мужиком всю ночь кувыркаются. Играют... От этих игрищ не только собаку – слона в зоопарке пойдёшь убивать. От такой развлекаловки.

Корреспондент, обогащенный вновь приобретёнными знаниями, стремглав бежит потоптаться на клавишиах и выдать первоклассный материал, за который, возможно, главред (*Глав-вред*) расщедрится повышенным гонораром, и, что важно, заплатит сразу, а резину на сей раз тянуть не станет.

На ходу корреспондент решает, чью сторону занять – поддержать ли ретивых зоозащитников, или, наоборот, посочувствовать тем, кто, неважно, из каких побуждений, расправляется с бродячими животными. Время на раздумье небольшое – пока успеешь доскочить до редакции.

Занимать нейтральную позицию, как может себе позволить милиция, он не станет, ибо тогда материал забойным не получится, и главред-Главвред, задумчиво почесав карандашом лоб и затылок, произнесет:

- Слабовато, старик, мог сделать и позабористей. В номер поставлю. Но в следующий раз не жалей эмоций...

И гонорар потом вытягиваешь неделями.

А такое развитие корреспондентскому пулу не нравится.

Ходить к главреду за цэ-у – себе в убыток. Скажет:

- У меня для тебя советов нет. Работаешь в свободной прессе. Полная свобода СМИ в стране.

- А для чего тогда ты, Главвред?

- Верно, для чего я, Главвред? Должно быть, единственно затем, чтобы посудачить насчет хозяина газеты. Что за дурость – четвёртый раз жениться! Четвёртый, каково? Вот ведь постоянство где кроется. Заметь, всегда официально разводится, снова регистрируется, делит имущество. Как мужик мужика не понимаю. Надо тебе свежую бабу, бери, веди. ЗАГСироваться-то к чему?

- Как соотносится с постельными делами шефа, допустим, мой материал про псовую охоту?

- Прав, стариk, ничего общего. При том же не известно, каких убеждений очередная пассия шефа: то ли заядлая собачница, то ли наоборот собак боится и ненавидит. Поэтому тебе, журналисту, предоставляется полная свобода действий, и в выборе концепции будь смел и отважен. Давай пять, старишок, и поторопись встать в номер!

Примерно в таком исполнении сконструировав неосуществлённый диалог с главным редактором, журналист в конечном счете кинул монету на удачу: что выпадет – орел или решка.

Так что будем читать и угадывать, какой стороной упал на столешницу корреспондентский пятирублёвик.

Глава двадцатая первая. Наш новый начальник

И надо же такому произойти, что как раз в те часы, когда Свиридов заочным образом ругался на проверяющих, в кабинете начальника райотдела полковника Дроздова решалась судьба сразу двух сотрудников милиции.

Марат Александрович Дроздов уговаривал, прямо таки уламывал Пшеничного на тему «*Подсоби, Игорь Тимофеевич!*»

В кабинете у начальника на стене лозунг, без указания автора, впрочем.

Оптимист в каждой проблеме видит возможность, а пессимист в каждой возможности видит проблему.

Никто из осведомлённых еще ни разу не сказал полковнику, что знает, чё изречение зависло у него на стенке: Уинстон Черчилль, цитата. Это уже стало народной мудростью. А почему нет?

Дроздов подцепил фразу всё оттуда же, из телевизора.

-Здравствуй, Игорь Тимофеевич, садись. Сообщаю новость: подписан приказ насчёт перевода меня на утверждение в должности не и. о., а сразу начальника отдела.

- Поздравляю. Сам просился?

- Рапорт не подавал. И не заставляли – предупреждаю вопрос. Просто предложили. Я человек военный. Вот всё.

- Куда Родина пошлёт...

Первое лицо – ответственность двойная. Ни за чью спину не спрячешься.

- Твой батя Тимофей Михайлович, когда по розыску работал, боялся ответственности? Нет. Не боялся. В пятьдесят третьем году, Берия амнистию объявил, и зэки поехали на поездах, и всё громили по дороге, - у него в городе рынок захватили, устроили бунт с поножовщиной, он один с пистолетом пошёл усмирять, и навёл порядок. Никто из гражданских не поверит, а мы с тобой поверим...

- Всё про моего отца сказал? А знаешь, что эти дела вершил не мой отец, а его двоюродный брат дядя Бронник, Бронислав Михайлович, тоже милиционер, но в другом городе. А легенда к моему бате прилипла, и так по всему МВД в Союзе и гуляла...

- Да какая разница-то, Игорёк? Отцы у нас все герои. Работа такая. Потому что, когда ничего другого не остаётся, сам, один, пойдёшь, и всех злодеев одолеешь... А когда Тимофей Михайлович был начальником отдела в районе, и банду брал, с двумя всего бойцами, и те пенсионеры? Это уж точно он, спорить не будешь.

- Ну, он. А чего ты вспомнил старое? Времени много, говорить не о чем?

- Так и я про то, что не боялся... И нас учили браться там, где другие пасуют. А в Чечне...

- Постой. Ты к чему это меня воспитывать взялся? Отца притягиваешь...

- Не взялся, не взялся... Ты уже воспитанный. Догадывайся.

- Сватаешь на старшего по участковым? Так я на живое место не согласен.

- Всё правильно – на живое место не сватаю. Анастасьев устал, и по возрасту готов на выход, спора нет, но пока что тянет, рапортами не кидается, замены не просит.

- Тогда куда меня хочешь определить?

- Скажу откровенно: на вытрезвитель. Завал в медицинском вытрезвителе. Выручай. Перейди на год всего. Обещаю, потом поставлю тебя на более высокую должность. На моё слово ты можешь положиться. Всё ничего, но там у отдела никак не получается. Шемонаева, после того, как табельное оружие применил не по делу, уволили с треском, Смородин человек культурный, по болезни ушел из следствия, в трезвяке заболел ещё больше, - едва и он, и мы все дождались до его пенсии. А то бы горя не знали. Хороший человек, но нездоровий. Угланова на повышение в управу взяли, его ведут наверх, рука есть, а своя рука владыка... Вся чехарда за короткое время, года не прошло.

- Свиридов?

- Сам видел, как они с помощником из пивной Точки с задней двери трехлитровые банки выносили, грузили в машину и везли в вытрезвитель. Пить на службе – куда ещё? За ним и другое числится. Будем расставаться.

- Выходит, вся скамейка запасных опустела? Как в кино: за державу обидно.

- А я дружу с теми, кому обижаться – и за державу, и на державу – нет ни времени, ни тем более желания, или, там, сил. Спроси их, они ответят: на державу надо работать, - и с тебя достаточно. А жить нужно ради державы, ее блага и флага. Или промолчат вовсе. А ты промолчишь? Или поможешь мне, Игорёк? Годик потрудись для блага, а там посмотрим. Может, сам в замы выйдешь.

- Для блага и флага... И Гулага, - не сдержался Пшеничный.

- Тюремную систему никто не отменял. Вопрос в том, как мы её понимаем. И как её строим. Не мне тебе рассказывать, не тебе меня слушать... Сейчас у тебя какая перспектива? Ну, ты из участковых станешь старшим, а там и пенсия. Или криминальным замом. А тут – какая-никакая служба поспокойней.

- Это в трезвяке-то спокойно?

- Не в уголовном розыске всё равно. Давай, а?

- Ты прямо меня, как дверной шарнир, маслом смазываешь, чтобы не скрипел.

- В другое время так не уговаривали. Хочешь, не хочешь – что такое? Упираешься – вызовут на партбюро: билет на стол, и точка – конец карьере. Все офицеры были коммунистами. Хорошо, если в рядовые разжалуют. А то выгонят, да с плохой характеристикой. Того хуже – припаяют фигню какую-нибудь, так что сам загремишь в мордовскую зону.

- Пугать меня не надо. Я пуганый. На войне был.

- И я был на Кавказе.

- Знаю про тебя, как ты про меня. Время подумать дается?

- Подумать необходимо. С женой посоветуйся. Со своей умницей. Только не тяни кота за хвост. Видишь часы на стенке? Они назад не затикают.

- Хорошо, тогда чего за хвост кота и тянуть-то? - сказал участковый Пшеничный. - Я не `урошливыЙ. Рапортами швыряться тоже не обучен. И жену, мою умницу, как говоришь, волновать не стану. Пойду на вытрезвитель. Кого берёшь на моё место в участковые? Передавать дела кому?

- Согласился Шабалин из розыска.

- Подходит?

- Не женатый, потому квартиру не просит. А так – толковый парнишка, в армии был старлейтом. У нас – для начала получит капитана, пусть выслуживается. Добрая тебе замена. Подучишь немного, а пока суть да дело - Свиридов потрудится под моим присмотром.

Об этих переговорах в трезвяке не подозревают. Трезвятским не сообщают, не положено. Держат в недоумении до последнего мига... Да при том некомплекте, когда чужой человек – студент, или кто он там, в университете, аспирант ли, - словом, дружинник – негласно на дежурство выходит. Вольнонаёмный в органах. Небольшой чин, помощник, а всё же...

И где гражданин Закон? Товарищ прокурор, его благородие, - где?...

Свиридов сказал бы, что в к`урочке, да где у нас тот Свиридов? То-то и оно, что в дежурке, а с мнением простого дежурного по трезвяку в райотделе кто считается?..

Глава двадцать вторая. Пшеничный: последний день участкового

Предпоследний из протоколов. Составлен по жалобе трудящихся, на наркоманов.

Жалоба соседки по квартире. Уже не первая, и, должно быть, не последняя. Так что дальнейшее разбирательство достанется уже Шабалину.

Мишањка Замурзин вместе с отцом ремонтирует компьютеры на производствах и у частных лиц.

Мишањка – условно ос`ужденный, вот явился на отметку. К участковому, как и в УФСИН, опоздал, в УФСИН* пригрозили:

*Управление федеральной службы исполнения наказаний (УФСИН)

- Еще раз время явки просорчишь, пойдёшь обратно к Хозяину.*

* То-есть вернёшься в заключение под стражу. Иными словами - условное наказание заменят на реальное. Сленг.

- Я подтверждаю, и ко мне опоздаешь – пойдёшь туда, куда рвёшься, - пообещал участковый. – С иглы хоть слез?

- Перекумарил, и восемь месяцев не колюсь.

- Как сумел?

- Хорошее средство есть.

- Какое?

- СИЗО.*

* Речь идет о периоде пребывания в следственном изоляторе (СИЗО), как времени вынужденного - в связи с заключением - перерыва в приёме наркотиков.

- Знаю. Отметим.

- Был там девять месяцев. А через три месяца после выхода желание возникло снова. И вот какое: проснулся утром, и чувствую то же самое недомогание, как прежде. Длилось неделю: боли, ломка, бессонница.

- Понос?

- От этого помогает ч'ифир. Заваривал две ложки чая на кружку двухсотграммовую.

- Так то ж не чифир, а купец.

- Как для кого, мне и купец, как ч'ифир. Две столовых ложки. Не чайных.

Их с батей соседка по квартире Тамара Генриховна. По их версии – хочет их выселять незаконно. Тяжбы идут несколько лет. Она излагает иначе, и участковому есть о чём задуматься. Ибо женщина активна, строчит жалобы и пробивается к начальству.

- Папаша говорит, будто бы прошёл огонь и воду, и ничего не боится. «Мы отсидим, а тебя не будет». Приехала милиция, с участковым, не с нашим, я его раньше видела - Саша Иванов. Забрали. Всю компанию забирают. Обнаружили бутылочку с какой-то гадостью. За это срок. «Это она мне подсунула». Ну, да, ей больше нечем заняться, как подсовывать тебе бутылочку.

Те двое, отец и сын, никак не могут отсудить квартиру у Тамары Генриховны, *подселенки*. Кто у кого в подселении, милиция не первый день разбирается.

Папаша пригрозил: «Мы отсидим, а тебя не будет».

Тамара Генриховна жалуется:

- Вы для меня последняя инстанция. Прежний, до вас, участковый отступил. Возможно, у вас получится что-то. А эти - отец и сын – частые гости в вытрезвителе. Просить помощи – для меня жест отчаяния... Постоянный в квартире запах уксусной кислоты. На полу ноги прилипают. У Мишки девка – ноги на лице, зад наружу. На батарее бутыль с каким-то вонючим зельем. Подхожу к дому, на крыльце сидит парень. У него прозрачная бутылочка, вероятно, ацетон. Спрашивает: «Где Мишанька?» «Уйди» «Не уйду».

Отец велел Михаилу бить меня. «Только по башке не бей». А если не послушает, и даст по башке? И убьёт? Наркоман же не предсказуем.

- Ну, не обязательно, - умиротворяюще говорит участковый.

- Вызываю наряд милиции, опять и снова. Это даже лучше, чем ходить по инстанциям. Вернее срабатывает. Приехали. Берут показания от соседей. А он убежал.

Ночью устроили погром. Предлагали: «Уходи по-хорошему. Иначе мы тебя грохнем».

Проблема в том, что Мишка здесь прописан.

Я попала. Но куда мне податься из собственного дома?

Пшеничный выслушивает, не перебивая. Успокаивает. Умеет говорить с интеллигентными тётушками. Но это его предпоследний на участке протокол.

Последний же из протоколов, составленных участковым Пшеничным, пишется на *семейного дебошира*.

Семейный дебошир Вагайцев Иван Петрович, 1953 г.р.

- Супруга рассердилась. Я пьяный – шумливый... Было сотрясение головного мозга – сосед молотком заехал. Сам заедается, он, когда выпьет, - драчливый.

- А вы не драчливый?

- Я-то нет, можете проверить... Гражданин участковый, меня нельзя в тюрьму сажать: у меня обе ноги переломаны. Я с балкона прыгал, и обе ноги сломал.

- А зачем прыгали?

- Ну, прыгал, и прыгал.
- По зову сердца, значит, с балкона на асфальт приземлился? Или другой голос велел? Который из бутылки?..
- С балкона просто так не прыгают. А если доведут, так и прыгнешь. Ноги сломал, больше не буду прыгать. В тюрьму с переломанными ногами – что я там буду делать? Нельзя меня туда.
- А жену бить можно?
- Она сама нарывается. А у меня обе ноги сломаны. Хотите, покажу переломы?
- У вашей жены за годы совместной жизни тоже переломов накоплено вполне достаточно. На добротную статью для вас набирается. С приличным сроком.
- У меня сердечко барахлит, а она орёт и орёт...
- На вашу жену дела нет, а на вас дело заведено. По статье за побои. Доказательства собраны. Медицинская экспертиза, свидетельские показания. Так что вопросы будут не ко мне, а к судье.
- Нет такой статьи, чтобы по оговору жены меня сажать.
- Вы с буквой «З» знакомы?
- А это что такое?
- Скоро 1 сентября. Пойдите в школу, изучайте букварь.
- Закон, да, на букву «З» начинается.
- Какой вы догадливый. Вот для буквы «З» у нас все равны. Хоть богатые, хоть бедные, хоть старые, хоть молодые. У кого ноги переломанные, у кого целые – закон всех под одну гребёнку причесывает.

Без протокола. Профилактика.

... Геннадий. 1967. Участковый просматривает досье – клейма негде ставить: судимость на судимости и судимостью погоняет.

Первая судимость в 15 лет: ст. 145, грабёж, дали полтора года и ст. 62, принудление, как уж его там, в зоне лечили, можно только догадываться, вышел по сроку. Вторая судимость через 4 года, ст. 191, сопротивление представителю власти, 2 года 2 мес., плюс ст. 62, третья - только вышел после второй, и снова, ст. 146, разбой, на сей раз пошёл по рецидиву, получил 8 лет, и, конечно, ст. 62, наконец получил по 111 ст., тяжкие телесные повреждения, 6 лет, но, так как с неизбежной ст 62, как довеском ко всему основному, уже государство перестало связываться и отменило её, то на сей раз обошёлся без лечения. Отбыл своё до звонка, вышел – и куда приткнуться?..

Вот этот человек, как принято выражаться, сел в тюрьму в одной стране, а, когда вышел на волю, очутился в другой, а как жить здесь, не знает. И, как водится, на бедного Ванечку все камушки. Никому не нужен. Стал мыкаться на воле, идти назад, «к Хозяину» больше не хочется.

Мать и отчим в дом не пускают – жить негде.

На работу не берут: в каждой фирме отдел безопасности *пробивает «по базе»* - и до свиданья.

Вот и стал бомжевать.

- А как милиция забирает? Пивная возле Дома Бракосочетаний, стоит дядя Коля, подошёл к нему:

- Возьми стакан вина, после рассчитаюсь.

- Ладно, а что ж?

Отошёл к столику, а тут же они. Ладонью поманывает:

- Иди-ка к нам.

- Вы меня не заберёте – я не выпил.

- Ладно, пошли.

И в трезяк. Пока идём, у меня стакан в руке. Из аптеки вышел приличный человек – заходил туда за бояркой.*

* Настойка боярышника – спиртовый раствор, капли. Популярен. Сленг.

«И ты с нами». И так нас довели до дома. У меня стакан в руке. Его загрузили и повезли, меня отпустили: с него возьмут, а с меня взять нечего.

В другой раз встретил давнего друга. У него в Чеминдеевке сгорел дом. Теперь тоже без угла, без двора. «Что делаешь?» «Бомжу» «Пошли, побухаем» «Где живёшь?» «В подвале». Пошли, взяли водку, джин-тоник. У меня бухнули, легли спать. Не шумели, не базарили, ничего такого не делали.

Вот заходят. Высмотрели меня. Одет чисто. «Пошли» «Куда?» «Там узнаешь».

Повели в *трезяк*.

А за что? Спал, никому не мешал. Какую нарушил нравственность?

Одет чисто, значит, деньги есть.

Глава двадцать третья. Общага. Начальница ЖЭУ

Стюард

Наше общежитие стоит на отшибе. Недорубленный, недостриженный лесок подступает почти к самому порогу. Кроме комнатки в блоке, где я живу, у меня есть местечко в цоколе с отдельным входом. Там стоит бильярдный стол, а с недавнего времени мы располагаем и собственными тренажёрами.

Рудик об отъезде поговаривал давно, так, воспринималось шуткой, а он всю подготовительную работу провел втихаря и поставил всех перед фактом.

Целую ночь после его отъезда и потом весь день до вечера в близлежащем лесу шумел ветер. На непогоду в общежитии мало кто обращал внимание. Пенсионеры здесь не живут, а молодёжи есть чем заниматься и кроме того, чтобы ворчать на беспокойство, происходящее от осеннего неустройства в природе. И точно так же остались бы незамеченными следы листопада и мокрая глинистая колдобина, запорошённые нападавшей с деревьев хвоей и листьями на площадке возле высокого крыльца, где обыкновенно останавливаются машины.

Беспорядок не понравился только начальнице ЖЭУ.

Комендантша ругала дворника.

- Пригоршнева, дура, опять наорёт, что мы с тобой мешаем ей проходить в общежитие, а я ей не виновата, что у нас вместо асфальта сплошная каша, и ее машина прошлый раз буксовала.

И правда начальница сделала резкое замечание комендантше Варваре Ивановне за то, что дворник Романыч опять поленился с уборкой, и ей пришлось измазать в грязи только что купленные сапоги.

Начальница приехала для разговоров с главным арендатором полуподвала, на 180 метрах которого члены клуба «Решето», или, как он там у них называется, играют в бильярд, а аренду, между прочим, платить не собираются.

Однако главный арендатор, с которым она хотела обсудить волнующую тему, ещё не подъехал, а от уполномоченного его зама толку и так немного.

Ждать она не захотела, а высказалась заму всё, что ему следовало узнать, и отбыла восвояси. Студент обещал передать сказанное главному арендатору.

Через полчаса машина старшего припарковалась у крыльца.

Пирамида уже была составлена в середине стола. Младший подал кий гостю, другой взял себе. Дядя Юра снял пиджак, небрежно бросил на стул. Приступил к игре.

Младший же вытащил из его кармана футляр с очками, чтобы не разбились, положил на тумбочку, пиджак же аккуратно пристроил на спинке стула.

- Дядя Юр, - сказал Стюард, - платить придётся. Пригоршнева опять возникла. Специально приезжала, чтобы объясниться с тобой.

- Это хорошо, Стюард. Приезжает, значит, любит. Надеюсь, ты нашел слова, чтобы от неё отбояриться?

- Её словами не убедишь, ей денег надо. И не на законную арендную плату только, а ещё сколько-то на присыпку. Ты, дядь Юр, госпожу Пригоршневу знаешь.

- Знаю, да, Стюард, кто ж её не знает?

- Тебя она по-моему робеет, а я не знаю, что ей ответить по существу.

- Не волнуйся. Заплатим. Будет у неё и присыпка, и соль с перцем. А у нас бильярд и сауна, и весь интерьер, золотом отделанный.

- Сауну не разрешат здесь...

- А здесь и не будем. Здесь у нас затравка, первичка, юридический адрес, если угодно. Поверь мне, быстренько переберёмся. Ты же видел у Забельских. Видел, как люди начинали. От гвоздя. И ничего больше.

- У них не было никакой Пригоршневой.

- Кстати, откуда такие фамилии происходят, у вас в университете филологи не разобрались до сих пор? А вот мы его, голубчика, а вот в этот угол!... Кiem из-за спины... Ага, ну. Пошёл... Ну, ну, миленький, не посрами дядю Юр, - подначивал он бильярдный шар, ловким ударом посыпая его в рассчитанном направлении. – Всё, как у людей, а снаружи гараж гаражом...

- Всё же, дядь Юр. Что сказать этой, из ЖЭУ? Она же с меня с живого не слезет.

- А пусть попробует, малыш, тебя обидеть. Хоть бы ещё разик пристанет. А вот мы его, красавчика! - говорил, прицеливаясь, дядя Юр, как бы мимо ушей пропуская беспокойные реплики Стюарда. – И так же - и в ЖЭУ падай, шарик!.. Прямо туда, к мадам Пригоршневной.

- Она, кстати, требует, чтобы её фамилию произносили с ударением на первый слог, а не на второй. Так что на тебя может обидеться.

- Горько, обидно, но ладно, - невнятно бормотал дядя Юр, весь поглощённый катанием шаров.

- Где ты так выучился играть на бильярде?

- Не поверишь, в армии, у нас в ленкомнате был бильярд, а командир страстный игрок, вот и выучился.

- Да она ж не первый раз, я только тебе не рассказывал, - канючил своё Стюард. – Она всю дорогу ходит.

- Отчего же не рассказывал, поясни.

- Случая не было. Теперь вот затащил тебя к себе... Годами не замечала, что тут бильярд. А сейчас пронюхала, что ко мне люди заходят поиграть, кто-то ей нашептал, будто деньги дают. Ага. «Платите по современной, коммерческой, а не по совковой, благотворительной цене!...»

- Права, малыш... Коммерция – локомотив прогресса.

- Да денег-то как раз и нету.

- Ну, как-нибудь, малыш, как-нибудь выберемся... Ты бы мне хоть на бензин подбросил.

- Ну, дядь Юр, опять! Где чувство меры? Не жалко, но, согласись, - вопрос законный: у кого занимаешь? У нищего студента. Не стыдно?

- Не боись, малыш. Рассчитаюсь. И скоро, вот увидишь, совсем позабудешь про нищего студента.

- Там, за облаками, там, за облаками...

- Хорошая песня, между прочим. Мелодичная.

- Дядя Юр, вот тебе копейки, в счет будущих доходов.

- Ага, спасибо. Ну, вот, на горючку хватит. Ты у меня банкир прям-таки.
- У тебя, дядь Юр, и мёртвый забанкует.

Глава двадцать четвертая. Виктория в дачном посёлке

- Алло. Привет. Это я, Максим. Встала уже?
- Здравствуйте. Я рано встаю.
- В продолжение предыдущего. Все, что я на этот час могу сделать, это отдать ребятам дополнительную пачку объявлений для расклейки по Студгородку и общежитиям. Как вариант: могу дать телефон Елизаветы Петровны, одной из медсестёр у нашего Доктора... По-моему, она как-то по даче пересекается со всякой шпаной, а эти духи всё знают про догхантеров. Сейчас обитает на даче. А их кооператив – или что-то вроде кооператива – находится по соседству с бывшей деревней...
- Где все пьянятся... Гонят самогон и пьют его. Печально, да, но ничего нового!...
- Как ничего нового? В какие годы в деревне пьянялись? Это когда та деревня ещё существовала. То есть при царе Горохе. Плюсквамперфект – далекое прошлое. Сейчас деревня практически совсем обезлюдела. Кто уехал, кто повымер от той же косорылки... Дома стоят заколоченные, развалюхи всякие. И есть некоторое количество бомжей. Им свойственно наведываться в близлежащие места. То есть шариться по дачам. Они и собачиной не погнушаются. Интересно, словом. Елизавета Петровна с ними находит общий язык. Не без шероховатостей, понятно, но лучше неё эту публику мало кто знает.
- Ты уже приговорил Куприянова: уверился, и меня уверяешь в том, что собаку обязательно съели. Мазохизмом занимаемся.
- Наиболее вероятный исход.
- Слушай, ты так свободно говоришь. Девушке предлагаешь такую компанию, ещё в малопосещаемом месте. Меня там не съедят? Случайно – под вид собаки, а то перепутают – и кай-кай...
- Во-первых, тебя точно не съедят, потому что подавятся.
- Мне от этого не легче...
- Во-вторых, всё-таки не в Центральной Африке живём, а чуть подальше к северному полюсу...
- Иногда кажется, что там. Ты бы сам взял, да проводил.
- Если подождёшь, у меня зачёт, поймал препода, договорился, что примет. Ну, сколько займёт времени, дождёшься? Я и собирался вас познакомить с Елизаветой Петровной, но ты, кажется, вперёд успела.
- Сугубо шапочно.
- Она тебе всё расскажет, всю правду-истину. И ты успокоишься. И я вовсе не собираюсь тебя сводить с этими товарищами.
- С господами...
- Не, они товарищи. Жертвы социализма.
- Ладно, проехали. Боишься, так и скажи.
- Неужели ты думаешь, что я бы тебя одну отпустил? Зря. Тебе с ними встречаться никак не придётся. Все, что тебя интересует, расскажет Елизавета Петровна. Это просто для страховки, чтоб твоё сердце успокоилось.
- Но даже она не может же ручаться за весь город.
- За весь не может. Верно. Но какую-то информацию передаст. По одному околотку, по крайней мере. Вот всё. На этот час. Объявления уже пишутся. Уточни данные: порода собаки, рост, окрас, пол, ну и о вознаграждении, сумму, если можно, адрес или телефон, или то и другое вместе.

- Я тебе перешлю по электронке свой текст. Мои объявления кое-где ещё не сорвали, висят невредимыми. Вы где будете вывешивать?
- Везде... На остановках транспорта, на станции, у больших магазинов. Как сказал, в Студгородке, во всех окрестностях. Десятков пять объявлений, хватит на первый раз?
- Достаточно.

Виктория

- Мама тяжело заболела после визита бывшего мужа. Отчимом назвать язык не поворачивается. И уж никак не отец-папаша... Ничего отеческого никогда не знала. Мамин муж, бывший муж мамы – вот так. Хотя, по справедливости сказать, он оказался способным на благородный поступок.

Не зря его фамилию скоро превратили в прозвище. Маму зовут Жанна. А он - Великжанин. Значит, получилось В`елик Жаннин. Самое то!.. Преданность демонстрировал, но искренности - ноль. Все удивились, когда его от нас увела другая женщина. Как бычка на верёвочке. А первого мужа мать сама выгнала: «Раньше надо было думать о том, что у него растёт дочь».

Рак поселился у мамы. Операция, химиотерапия – мы едва выбрались из больницы. Облучению её не стали подвергать. И это был грозный признак.

Вилен Эдуардович ныне живёт на ферме крокодилов, которую завел в республике Камбоджа. Ближе ничего не нашёл.

Формально дачей владел он. Но в России Вилен Эдуардович побывал только один раз за те восемь лет, что они с мамой потеряли друг друга из вида. Привёз подарки: сумки из крокодиловой кожи. Маме и мне по золотым сережкам.

Дачу обрабатывали арендаторы. Пожилая чета, Виктория с ними не познакомилась, по занятости ей не до дачи было. Да и мама с ними общалась только при получении денег. И то в городе.

Арендаторы - бывшая медсестра спецполиклиники с мужем, он с палочкой. Отставник, донашивает офицерскую форму – китель и брюки. Оба старика на ладан дышат. В этом году не приезжали сюда и не звонили домой к нам.

Говорят, оба поумирали...

Старшие взяли с собой Викторию и все вместе побывали на даче. Вилен Эдуардович сказал, что не худо бы её продать: пусть они сами этим займутся, а ему возиться некогда, и он не надеется скоро опять побывать в России. За время маминой болезни на даче всё запустело, трава по пояс, кустики превратились в непроходимую заросль. Мне совсем не до этого. Я так и думала, что от дачи придётся отказаться, бросить без продолжения, но появился Вилен Эдуардович, и навалились новые заботы.

По-видимому, в деньгах он нуждался не так, чтобы сильно. Сам не претендовал ни на копейку.

- Вот будут средства тебе, Виктория, доучиваться. Ты девушка уже взрослая, нужно одеться, чтобы выглядеть не хуже других, съездить куда-нибудь, мир посмотреть.

Дача не из самых последних - дом двухэтажный, однако земли всего три сотки. И если продавать, то желательно скорее, ибо земля здесь захватная, дачники борются за право владения, тяжбы с администрацией, спор затянулся, суды не хотят обидеть ни ту, ни другую из сторон. Ситуация вяло текущего конфликта.

Мама заявила, что ничего предпринимать не собирается: пусть всё идет, как есть.

Соседки сказали, что якобы существует такое правило: если дача не обрабатывается более трёх лет, правление кооператива имеет право лишить собственника его имущества и распорядиться им по своему усмотрению. Как раз обозначенный срок нынешним летом истекает.

Вилен Эдуардович, заключил в России какие-то сделки насчёт продажи своих земноводных исчадий, а также реализации изделий из крокодиловой кожи, благополучно отбыл на юг`а, продолжать возню со своими рептилиями, как очаровательными, так же и драгоценными. Следовательно, дача фактически и юридически должна закрепиться за Викторией. Она же, памятуя о совете Вилена Эдуардовича, собиралась от имения отказаться. Полагала, что переоформление по доверенности займёт не более одного дня, пошла к соседям спросить, нет ли у них на примете покупателя?

Обещали помочь. Вилен Эдуардович перед отъездом переписал книжку кооперативного членства на Викторию – мама из-за болезни не согласилась даже связываться. Она крепко, пожизненно обиделась на Вилена Эдуардовича, он их бросил, когда Виктория была совсем маленькая, оставил без средств, скитался где-то у чёрта на куличках, чуть ли не в Аргентине, и, как итог, осел в Камбодже.

Вот так и получилось, что у Виктории теперь появилась ещё одна забота.

Потом маму парализовало. К счастью, оказалось, что парализация временная и неполная – рука и нога шевелятся, и годны к употреблению. А речь, интеллект, память – и вовсе почти сохранные. Слабость только – и высокое давление...

Врачиха сказала:

- У вас есть дача?

- Да.

- Отправьте её туда. Свежий воздух. Спокойная жизнь. Она быстрой поправится.

- Я не смогу ухаживать там за ней.

- Особый уход ей не нужен.

- Хорошо, я попробую.

Тут мама проявила себя: уцепилась, как за последнюю надежду.

- Там надо работать на грядках, это не всем легко даётся, а я из-за университета тебе неважная помощница.

- Ничего, как-нибудь, – успокоила мама. - Посажу цветы, да две-три грядки для зелени. Продать дачу всегда успеем. Ты только меня там не забывай.

- Мама, как ты могла подумать? Продукты буду тебе привозить, и в принципе мне вообще здесь нравится. Так что летние каникулы проведу с тобой. Если не уеду на практику в экспедицию – второй очередь...

- Уедешь, – вздохнула мама уверенно и грустно.

А я не поехала.

Глава двадцать пятая. Нижайшая просьба

Алевтина Карповна

Гуляют с собачками.

- Гав!.. Гав-гав-гав!.. Гав!.. Гав-Гав!..

Идёшь дальше, и только и слышишь:

- Гав-гав!.. Гав-гав!...Гав!.. Гав-гав-гав!..

А вот и они – те двое. Второй раз мне попадаются, и с меня глаз не сводят, и взгляд у них недобрый, и собака с поводка рвётся.

Ну, сейчас будет разговор. Я с ними поговорю.

Или они со мной.

Ладно, сама начну. Я умею.

И все просят войти в положение. А кто бы в мое положение вошёл.

Начальница ЖЭУ Алевтина Карповна Пригоршнева вышла погулять с кокер-спаниелем. Одннадцатилетняя дочка Анжелка сейчас на отдыхе, собачка, для неё

купленная, осталась на руках у матери. Большой любви к собакам у меня нет, но Фунтика без заботы тоже не оставишь.

И кто бы меня, вдову горькую, пожалел. Пригоршневу хорошо – там, на небесах. Должно быть, не хуже, чем мне на земле. Был муж, за ним как за каменной стеной сидела. Водолаз, супер. Не вылез из гидрокостюма. Шланг оборвался, На берег кое-как выбрался, а там кровь из носа и ушей, и обморок, и удушье. А я - страх и ужас, синеет на глазах, и амба... В крови нашли алкоголь. Сколько сил и денег, и адреналина понадобилось, чтобы доказать, что погиб не от пьянки, а выполняя ответственное задание. Смерть на производстве. Тогда и пенсия за кормильца - большая, приличная.

Анжелка так быстро растёт, любит наряжаться. Единственной дочери, да чтобы я не купила новое платье, или босоножки, или сапоги – это же нонсенс! Дети сейчас вон какие, одна перед другой норовят выпендриваться. А бедных презирают. Серёжки сама выбрала. «Мама, таких ни у кого нет. Скорее возьмём». И взяли, и, верно, ни у кого нет.

Нет, моя дочь в бедных не значится. А тому дай, этому дай. За справку на пенсию сколько пришлось отвалить. Сегодня сорвалась, наорала на арендаторов. С меня тоже за аренду отчёты требуют, к тому же начальник строит особняк, ему как не отстёгивать?... Из своих, что ли, платить? Так зарплаты не хватит, чтобы он хотя бы облизнулся, не то, что проглотил.

Ничего, эти переживут. И раскошелятся. Они предприниматели, у них денег до шиша. Жмутся. Расшибись, а долг отдай, и сверху, накладные. И я такая, и они наглые. Из горла вырву. Почешутся от меня.

Злость не проходила. Слёзы навернулись. Сижу в домоуправлении, работа мужская, трубы канализации то и дело рвутся, слесаря - ханьги, за ничтожную зарплату хорошие сюда разве же пойдут, одни алкаши, если подмажешь маленько, то и работают.

Ей не понравилось, что второй день у двух берёз, словно кого-то поджидала, стояли и в упор смотрели на нее два парня. Она для себя так определила: высокий и широкий. У Высокого слева от штанины на поводке ротвейлер - в наморднике, правда. Учゅял ее приближение с Фунтиком, ощерился, рыкнул. Высокий ему скомандовал резко:

- Спокойно! Сидеть!

Пёс послушался. Воспитание есть. Однако высокий парень поводок приотпускает, тогда собака рвётся с места. Вот он выпустит поводок, псина рванёт ко мне, к Фунтику, и что я буду делать?

Широкий о чём-то тихо переговорил с товарищем, пошёл сюда.

- Здравствуйте. Вы же Алевтина Карповна Приг`оршнева.

- Пр`игоршнева, - поправила она.

- Извините. Алевтина Карповна, имя вашей собачки - Фунтик?

- Фунтик. А вам что за дело до моей собаки?

- Ну, сразу и дело. Можно, я скажу, только чуть-чуть попозже?

- Если у вас дело по службе, то я принимаю только на работе и в специальные часы. По графику.

- Я знаю. И уважительно отношусь к вам. И к вашему ЖЭУ. Тем более – график!

- У вашего товарища ротвейлер волнуется. Мне не хочется пугать Фунтика. Раз вам больше нечего сказать, то до свиданья.

- Кажется, ваша дочка Анжела сейчас отдыхает в оздоровительном лагере? Она же всегда гуляет с собакой. Анжелочка, хорошенёкая девочка... Сегодня почему-то здесь не она, а вы. В самом деле, дочка в лагере?

- Вы следите за ней? И за мной, получается? Так и скажите. Что вам нужно от меня и от моей дочери?

- Ротвейлеры, как на грех, любят кусать маленьких девочек. Ну, и больших девочек также кусают, разумеется. Вы видели по телевизору, как у нас на посёлке собака загрызла – правда, на тот раз не ребёнка, а взрослую тетеньку. У товарища рука больная, он еле сдерживает Скаута. Скаут – это кличка нашей собаки. Мы с ним напополам содержим. Представляете, хозяина куснула, играла так, - рука болит...

- Мне не нужно знать, как зовут вашего ротвейлера, с кем пополам вы его содержите.
– Она потребовала: - Пропустите меня.

- Минуточку ещё уделите мне от ваших щедрот. Знаете ли вы о том, что собака натренирована на задержание грабителей?

- Я вам не грабительница! Оставьте меня в покое.

- Случайно сорвётся с поводка, и бросится. И никто не ответит. У нас ведь не наказывают за несчастный случай. А это был бы несчастный случай.

- Совсем запугал ты меня. Что нужно? Или позвать ментов на тебя? – Она демонстративно достала телефон.

Высокий снял намордник и слегка приотпустил поводок.

Ротвейлер рванулся.

Фунтик дрожал, пятился.

Алевтина тоже напряглась.

- Я тебе что-то должна? Звонить в ментовку?

- Можете и звонить, и не звонить – на ваш выбор. Подумайте, Алевтина Карповна, над нашей нижайшей просьбой. Надо ли ко всем вашим клиентам применять одинаковый аршин? Может быть, с арендой иногда стоит не торопиться. Входить в положение кое-кого из арендаторов. Понимаете, одни хорошие люди вам чуть-чуть задолжали. Совсем немного. За полгода... А вы на них обиделись. А просьба нижайшая вот в чем: не обижайтесь, пожалуйста...

Сейчас бы наорать на этого падлу, как она умеет, спустить, что называется, лайку. Но она смогла только выдавить из себя несколько слов:

- Пусть платят вовремя, и сколько по договору требуется, - и никто никаких обид не будет чинить.

- Вы не пугайтесь. Наш Скаут пока никому не причинил зла. За дальнейшее, правда, и вы бы не поручились...

Она увидела, что Скаут – без намордника – уже тую натянул поводок, и Высокий, следя за собакой, переступая с ноги на ногу, стал неотвратимо приближаться к ней. Фунтик жалко повизгивал. Присел, под ним образовалась лужица.

Алевтина Карповна больше ни о чем не могла думать – только об Анжелке и о Фунтике.

- Ладно, что я должна сделать? - выдавила из себя севшим голосом.

- Передайте привет вашей дочери, - сказал Широкий, резко повернулся, и они с Высоким скорым шагом отправились из скверика. Намордник, впрочем, надевать больше не стали. Ротвейлер отвернулся от Алевтины Карповны и снова натянул поводок. Его уташили.

Пёс не хотел покидать полянку возле двух берез.

А потом она прочла у своей двери в кабинете объявление, и совсем жутко ей сделалось. Это же её сотрудница так пострадала. Ей даже не столь и страшно-то досталось. Всё же овчарка менее опасна, чем ротвейлер. Тот бы насмерть загрыз.

Просим оказать содействие!

6 февраля в 18 часов вечера в квартире 25 по Петракова 38 собака искала женщину. Она работает контролёром в ГУП «ЖЭУ предприятия Кристалл» и разносит должникам извещения о задолженности по коммунальным услугам. Хозяин 25 квартиры Минаев Анатолий Михайлович открыл дверь. На площадку выскочила

собака и укусила женщину выше колена. Хозяин спрятал собаку и закрыл дверь. На площадке стоял студент, он оказал посильную помощь. Женщина в шоке ушла домой, не догадавшись вызвать скорую. Вечером ей стало плохо, и на скорой ее увезли в больницу.

Администрация ГУП «ЖЭУ предприятия Кристалл» просит студента, оказавшего помощь нашей сотруднице, отозваться и помочь в судебном разбирательстве. Тем, кто знает студента, просьба сообщить об этом по т. (два номера) Не оставляйте безнаказанным такой случай, не ждите, когда это случится с вами.

Белый такой небольшой квадратик. Это же я писала. Сочиняли у нас в конторе. Странно, что эту бумажку садисты наклеивали не на подъезде с моей квартирой, как, возможно, было бы более логично, а возле двери в моё собственное служебное помещение.

Особенно, если у тебя девочка одиннадцати лет. А какие-то оголтелые охломоны ей угрожают. И ты ничего сделать не можешь.

А единственный защитник Коля Пригоршнев погиб, и в крови у него обнаружили четыре промилле алкоголя... А начальничек Пастушков только денежки сосёт. Вот бы на него собаку натравили, затрясся бы от страха, наглый боров!...

Кто-то не поленился – перепечатали моё собственное изделие, в нужный момент подбросили под мою же дверь.

Поневоле становишься детективом. Боже мой, как жить дальше?..

Я разве виновата, что у меня девчонка больная, что муж трагически погиб, а без денег в наши дни никто ребенка не лечит?..

Глава двадцать шестая. Кадровый вопрос

Доктор

- У тебя прием с девяты, - говорит она мне, придирчиво осматривая, достаточно ли плотно шарфиком прикрыта шея. - Не рано ли собрался?

- А я бегу не в поликлинику, а с утра в медвытрезвитель. Туда никогда не рано и не поздно так же. Но лучше ко времени. Меня там ждут.

- Ты не задумался, что ты забираешь чужое жалованье?

- Вот в этом пункте моя совесть чиста – ни копейки!.. Если бы напрашивался в штат – за зарплату, то утратил бы личную профессиональную свободу... Так что упрёки напрасны, моя радость. На наше с тобой счастье в тамошнем штатном расписании врачи не предусмотрены. Одни фельдшера.

- Это хорошо или плохо?

- Не хорошо и не плохо. Это – так.

- А всё-таки? Медицина без врача?

- Штатные ведомости, как и браки, составляются на небесах.

- А небеса закрыты облаками. Погода сырья. Скользко, мокро... Постой минутку. Дай шарфик поправить... Будешь кхекать, мне покоя не дашь...

- Когда я кхекал? Не станем выдумывать... Постою. Поправь, только шею не пережми!

Шарфика мне только недоставало...

Вся дорога испещрена, испятнана приметами моей проблемы. Промежуточное, бесхозное пространство, заведомо оставленное без уборки, земля ничья, зимой заваленная снегом, утопшая в сугробах, а на вешнем солнышке вся оттаяла: глядеть, не наглядеться. Вперемежку: там пробка, там бутылка свежеопустошённая, а там и перезимовавшая, почёрнелая от прошлогодней грязи. Вот шприц, другой, вот

обожжённая, погнутая ложка. Здесь флаконы – круглый из-под «тройного», плоские от «шипра» и цветочных. Окурки, единичные, кучками. Дрянь всякая, сор кромешный.

- Ты всё заметишь! – с укором говорила мне в ответ на мои попытки поделиться с ней наблюдениями.

- Конечно.

Потом перестал ей показывать - вон пробки, вон бутылка, вон куча окурков – зачем травить человека, у которого от негативных эмоций портится настроение, что на мне же и отражается...

Мой груз другому человеку неприятен, вызывается болезненная реакция на непобедимое зло, типичная для неподготовленных и непримиримых, а таких подавляющее большинство. Поневоле скрываемое следопытство – эмоция, из тех, которые со мной пусть и остаются... Потому что самолично, по наитию избрал себе такой вот удел.

Пелось же когда-то: *Мы – дети заводов и пашен...* Из такого дитя получился в итоге врач для трущоб и окраин.

Теперь лезть самому в трущобы не принято. Регламентом предусмотрены штатные расписания – там, где требуется, и где, как правило, Макар телят не пасёт... а врач – алкоголиков пасти должен ...

Но земские врачи всегда были и будут - на то и Русь.

А что? Земства, как такового, нет, и не предвидится, а земские врачи – по душе - бывают. Скорее по самоощущению, нежели по названию.

А шарфик сразу после порога можно и с шеи – да в сумку.

Не обижать же родного человека отказом надевать шарфик...

Не, не обидим!..

Говорит:

- Некоторые смотрят на мир сквозь розовые очки. И не боятся, что вслед за розовыми последуют черные.

- А надо через какие?

- Надо через прозрачные.

В неореалистическом итальянском фильме молодой Марчелло Мастроянни говорил на похоронах родителей их приятельнице, выражавшей ему своё сочувствие: «Милая, дорогая сеньора Кукурулла!...»

Вот и я так же:

- Милая, дорогая сеньора Кукурулла!.. У каждого из нас двоих очки с обратным знаком против того, который ты обозначила и прикрепила на переносицу себе и мне...

Доктор сказал Пшеничному:

- *Мы – миссионеры. И я, и вы.*

- Хотите сказать, нас за версту видно?

Похоже, майор Пшеничный тоже такой - из того же теста. Не хотелось бы разочароваться.

- Тех, кто добровольно себя обрекает на подобную жизнь, больше и нету, - деликатно отвечает, чтобы сказать мне приятное.

- Нынче медициной заниматься можно по двум основным направлениям: либо ввязаться в стяжательство, а из него уже ни за что не вылезешь. Трясина, чеховский Ионыч... Главный принцип: вас не должно заботить состояние кошелька пациента... Либо делать хорошо людям, здесь отъявленное миссионерство: лечить собой. Жить приходится, уж извините, на одну зарплату, а она не велика, и годится только для того, чтобы сводить концы с концами. Зато можно испытывать удовлетворение от работы, сохранять достоинство. Третий путь – просто ремесленный, влечь существование в

профессии, тянуть лямку, без огонька, без эмоций. Опять же – Ионычем: побираться у больных, подайте на бедность, кто сколько может. Из этих последних, ни на что особо не претендующих, как из кирпичей, составлена машина советского здравоохранения...

- В милиции – точно так же., - соглашается Пшеничный. - Мне покойный отец говорил: «Увидел, что кто-то руку в чужой карман запустил, в казну тоже, - себя не пожалей, пресек`и. А вот себе за пазуху со стороны ржавого гвоздя не сунь!»

- А меня отец так однажды поучил: угостил мороженым, а продавщица обсчиталась сдачей, лишних передала денег. Ушли, спешили куда-то, он пересчитал, вернулись. Она даже спасибо не сказала. А он: «Мне чужого не надо». В другой раз у продавщицы – это уже в хлебном магазине – сдачи не оказалось. Отец подождал, пока наберётся, и с ним рассчитываются. После мне говорит: « я за них – за деньги то есть – работаю.»

- Отцы случай научить примером не упускали.

...Но это навсегда.

Никто не упрекает Доктора в незнании жизни.

Разве что жена родная, не со зла, но вполне себе уверенно.

Весь день в мыслях копошится какая-то недосказанность. Вечером переспрашиваю:

- Ты действительно обо мне такого мнения? Что я смотрю на жизнь через розовые очки?

И весь диалог – рефреном:

- Возможно. Но за розовыми, сняв розовые, иногда надевают черные.

- А надо – какие?

- А надо, чтобы очки были прозрачные.

- А это как, если всего одни, да и те цветные?

- А кто как хочет...

Только ей могут прийти в голову такие ответы, а мне такие вопросы.

Ведь все наоборот. У нас в семье во всяком случае.

Захаровна - Доктору:

Воронин Костя огрунел. Едва плетётся в горку.

- Куда ты, Костя?

- К жене.

Они разошлись уж лет 15, а всё к ней похаживает.

- Летиши к жене под старость?

- Лечу, Захаровна. Больше некуда.

И встал, задыхается.

Наш Стёпа Борзунов был в медвытрезвителе. И его Глаша здесь же. В палатах через коридор. Вот она кричит:

- Стёпа, меня насилуют! Насилуют меня, Стёпа!

Я к ней зашла, и говорю: «Глаша, да кто на тебя позарится - насиловать? Кому ты нужна?»

А Стёпа ей кричит:

- Потерпи, Глаша, потерпи!

Она потерпит.

Федосей: - Так вот байки про трезвяк и создаются. Будто здесь пьяных всегда обижают...

Пшеничный, как только вышел на работу в медвытрезвитель, то, к сожалению, сразу вынужден был решать довольно болезненный *каровый вопрос*.

Глаз у Доктора твердый, приметливый. На работников безошибочный.

Вот он и предложил Антонине Захаровне, фельдшеру медвытрезвителя:

- Пойдёте ко мне в кабинет сестрой? У меня ставка пустая. Горит... Для вас берегу.

Не зайду, так в конце года снимут, и следа не оставят.

- У вас уже две медсестры работают.

- Одна в штате, Елизавета Петровна, мой и больных добрый ангел, а другая совместитель. А тут будет сотрудник полностью на ставке. И тоже ангел...

Доктор

Я в кабинете у Антонины Захаровны сквозь пол провалился.

Не от стыда, конечно, и даже не от стыда перед Пшеничным за то, что замыслил.

Потому что по различению, где подлянка, а где жизнь глубинная, у нас позиции схожие.

А просто - физически: на гнилую доску наступил, она и обломилась.

Падение-то было резким. Пшеничный заволновался: не повредилось ли у Доктора что-нибудь...

А я - о Захаровне. Надо забирать её отсюда, пока кости целые и сердцебиение сохранилось ритмичное. Но ему ничего не говорю. Будет ещё время сказать.

- Обживусь, и стану ремонтировать потихоньку, - сказал Пшеничный, новый начальник.

- Именно, что потихоньку, а пол будет проваливаться все дальше и глубже.

Такие напоминания излишни, вырвалось, но мои слова его не задевают. Это же не о его нерадивости замечание, а о жуткой нашей бедности.

Захаровна - трудяга та ещё. Настоящая медицинская косточка. Ей в этой диковатой обстановке удаётся поддерживать стерильность. Инструменты и медикаменты на любую проверку в порядке. Таблички, инструкции, все подобрано к месту и в целости. Халат едва ли не накрахмален. Очень трогательный народ эти наши фельдшерицы-прилежницы...

А пол прогнил за столько лет, и плесень, и грибок подбираются снизу.

Я, к счастью, ногу не повредил. А медики-дежурантки в постоянной опасности.

Так же и больные.

Здесь же, в медицинском кабинете втиснулось пресловутое «медицинское кресло» - больше никуда пристроить не удаётся, и выбросить не позволительно (кто-то числится материально ответственным). Это станок, на котором одним из стародавних приказов по ужесточению преследования людей за пьянство предлагалось фиксировать буйного «посетителя» ремнями. Естественно, ломались конечности, ходили слухи о сломанных позвоночниках.

- Я требовала, чтобы эту штуковину не применяли, - сказала Захаровна. - Настал час, и кресло отменили. Но приказа выбросить не было. Всё ещё состоит на балансе вытрезвителя. Быть может, Пшеничный решится убрать по собственному усмотрению.

- Пора бы уж...

И тут у меня окончательно созрело решение.

Огорчать дружелюбного Пшеничного - нож острый. Но и отступать некуда. Придется отнимать у него от сердца лучшего медика.

- Я фершал общего профиля, - сказала ироничная Антонина Захаровна Доктору. - А что значит общий?

- По факту у вас профиль, который в официальном перечне не обозначен.

- Какой?

- Наркологический. Училища пока таких не выпускают. В дипломе отдельной строчкой не записывается. Такие, как вы, на улице не валяются. Поискать надо. Мне – находка. Вы же наших алкашиков за своих держите. Куда больше?

Майор Пшеничный со всей возможной осторожностью упрекнул Доктора:

- Мне на вас обижаться сейчас или позже?
- Чем я провинился? – ответил Доктор с долей смущения.
- Забираете лучшую работницу.
- Она больше не выдерживает работы здесь.
- Но мы с вами выдерживаем.
- Женщины не все могут состязаться с мужчинами. А дело-то мужское.
- Лечить алкоголиков у вас в поликлинике, должно быть, тоже не сахар.
- Настал час, Игорь Тимофеевич. Там она по крайней мере почувствует себя частью медицинской машины, а не милицейской. Училась же на медика, а не на милиционера. И никогда не пыталась изменить свой статус.
- Разницу уловил. Про обиду так сказал, для формы. Ничего не поделаешь. Рыба ищет где глубже, а человек - где платят побольше.
- По зарплате – у нас надбавка психиатрическая, немного больше, чем у вас здесь, в системе МВД. И работа - в день. Надо будет поддежуривать на подработке в медвытрезвителе, ради бога, никто не воспрепятствует.
- Найдёте замену, - сказал Пшеничный, - тогда отпустим.
- И так отпустите. Увы...
- А вы поищете замену?
- Поговорю с кем-нибудь из сестёр в поликлиниках. Есть с маленькими детьми. Им лучше на дежурстве, чем каждый день работать.
- Давайте у неё спросим. Или лучше не травмировать. Антонина Захаровна у нас патриот медвытрезвителя.
- Столько лет отдала. Начальники менялись, она остается.
- А пока со мной потрудится? Вы объявление дайте, не забудьте.

Там же, в *трезяке*, по поводу формулировки в нашей документации.

Утром после приема Доктор посетовал новому начальнику майору Пшеничному:

- Формулировка, недостаточная для врача: «*доставлен в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность*».
- Почему?
- Не указывает на болезненный, патологический характер того, что происходит с человеком. Как преодолеть двойственность: учреждение медицинское, а состоит в системе внутренних дел?
- В органах правопорядка медицина задействована не только в милиции. В исправительных заведениях ФСИН работают целые больницы: здравпункты и стационары. И не самые плохие. Лекарства дают, каких на воле не везде увидите.
- Всё так. Но вот у нас с вами лечатся отравленные, то есть больные. По большей части тяжелые. А врач не положен по штату.
- Вы же к нам ходите.
- Я не в счет, я иду к больным по моей личной склонности, но дальше-то что? А на зарплате в штатном расписании врача нет. И очевидно не предвидится. В обозримом будущем.
- Фельдшера в основном справляются.
- Нам на первом курсе рассказывали преподаватели, что фельдшеризм – понятие из прошлого, скомпрометированное – по недостатку врачей работали медики среднего звена...
- Вот вы у нас Антонину Захаровну собираетесь забрать...

- Прекрасный фельдшер, между прочим. У меня в наркологической службе ей будет спокойнее... Микроскопом гвозди не забивают. Она и у вас дежурства сможет брать.
  - Если здоровья хватит. А вы мне помогите подобрать хорошую замену.
  - Постараюсь. Я в медвытрезвителе тоже заинтересован...Кто бы подсказал правительству, что в таком виде медвытрезвители свою функцию выполняют только частично. Человек вышел, а дальше никому не нужен. Его бы лечить...
  - Писать не пробовали?
  - Куда? На деревню дедушке? И зачем? Лично мне достаточно нашего района. Если у нас с вами получается помогать людям, значит, путь правильный, а там посмотрим.
  - У нас всегда получится, - подтвердил Пшеничный.
- Сказано просто, но со значением.

Глава двадцать седьмая. Трезвяк. Утренний прием

-Я не то что напился. Меня доставили сюда. Я был нормальный. Был у матери день рождения. Пили дома. Мать, жена, соседи. Вино, где-то наверное стакана три засадил. Жена психанула. Дочь сбегала, позвонила.

Пшеничный:

- Раз в год и у свиньи праздник.
- Ох, и не говорите, товарищ майор.

Доктор всё записал, всё расспросил, и говорит в обычной утвердительной интонации:

- Будете лечиться.
- От какой болезни?
- От алкоголизма.
- А как лечиться? В больницу пошлёт?
- В больницу никто вас не пошлёт. Стационары сейчас платные, ваших ресурсов не хватит оплатить койку даже за один день. Было время, на лечение насилино гнали, держали в стационарах по четыре месяца. – Доктор прицокнул языком. – Было, да сплыло, и быльём поросло. Лечим в поликлинике, без отрыва от работы.
- Подумать можно?
- О чём думать собираетесь?
- Так я же не болею.
- До следующей встречи здесь?
- От тюрьмы и от сумы не зарекаются.
- И от медицинского вытрезвителя, - добавляет Пшеничный. - Свиридов, давай следующего.

Пшеничный:

- Записано в протоколе правильно? Хирург-анестезиолог?
- Так и есть.
- С лавочки забрали. Жена беременная.
- Виноват, господа. Осознаю, насколько провинился.
- Как же вы пьянистуете, и при этом умудряетесь обеспечивать ход операции? И к тому же ребёнка ждёте.
- Как обеспечиваю ход операций? На дежурстве трезвый. Владею собой.

Доктор:

- Что сказали бы на предложение пройти курс лечения и прекратить алкоголизации? Алкоголизм – такая же болезнь, как, допустим, стоматит или гингивит. Только признать её у себя, а не у другого, никак не хочется.
- Коллега, я о вас много слышал. Вы необычный врач – не ждёте больных, а сами выходите на встречу с ними. Никто из ваших коллег так не поступает. Я давно хотел проконсультроваться.

- Что мешало?
- Знаете ли, всё недосуг.
- Теперь в моём лице случай сам вас находит.
- Приду, вот увидите.
- Сегодня сможете? По горячим следам. Как у вас со временем? Я отсюда иду к себе в поликлинику. Продолжу прием. И буду вас ждать.
- Сегодня никак... Больные записаны – очередь на неделю... Но я вас найду обязательно.
- Следующего!
- Не придет, – уверенно говорит Пшеничный. – По настрою чувствуется: не придет.
- А вдруг? Случается – и врачи приходят. Люди все из одного теста.
- Сомнений нет, – подтверждает Пшеничный..

Сипайкин, бомж. Из протокола: «висел на заборе».

- Как так – висел?
- Опьянел, по-видимому. Держаться надо было за что-то. Говорили – висел. Живём двое с женой – девочку и мальчика похоронили маленькими. Давно, давно, сколь лет тому назад, сбьюсь в счете.
- Общается с Доктором, как старый знакомый. Оно так и есть в сущности – встречи их в этих стенах всё копятся. Цифра уже двузначная: тринадцатый раз в медвытрезвителе за год – чёртова дюжина.
- Эх, Витёк, ЛТП по тебе плачет.
- Они закрытые.
- На твоё несчастье.
- И на ваше, товарищ доктор.
- И на моё наверное тоже. За год тринадцать раз. Уметь надо. Жаль, жаль, что ЛТП нету...

Доктор не сторонник принудиловки. Но надо же человека куда-то девать. Трагический обрыв, совсем не факт, что принудление помогло бы, но всё-таки тогда существовал хотя бы из шансов шанс. Год или два передышки. Но мы теперь загуманистились, принуждение – не наш метод, Федя!... Или – не наш метод, Шурик, – как звали того, кто там в кинокомедии декларировал?..

- Скитаюсь вот, – всхлипнул бомжеватый Сипайкин. И в конце всего взмолился перед Доктором: - Осипович, ты меня полечи. Бухаю, сил нет. То один друг, то другой друг. То приехал из Казахстана, то из Барнаула.
- Возьми направление. Доберёшься до кабинета, так полечишься.
- А как туда добираться?
- На спецмашине, извини, ко мне в поликлинику никто не возит.
- И в маршрутках милиция за вашего брата, алкаша, тоже платить не собирается, – добавляет Пшеничный.
- Так что пешедралом, – с унынием в голосе догадывается Сипайкин...

Трезвяк. Утренний прием

Наркоманка: - Это она мне подкинула.

- Пореви, пореви... - И Свиридов перефразирует название сериала, который вся страна смотрит: - Знаменитые тоже плачут. Может, и подкинула. Дык надо знать, кому подкидывать.
- Может, специально. Конкуренты договорились с ментами, дали доллары...
- Я и говорю: знают, кому подкидывать. Мне никто не подкинет. Или вам, Захаровна.
- Мне или тебе? Что людей смешить?

- Я фельдъегерь. От частной фирмы. Если утрачу доверие, меня не уволят. Меня убьют.

- Теперь на работу не сообщается, - обнадежил Пшеничный. – О том, что ты здесь ночевал, никто знать не будет. Если сам не наболтаешь. Держи сумку свою. Мы её открыли, конечно, но запечатанный конверт не вскрывали.

- Ох, спасибо, мои дорогие. В ноги вам поклонюсь. Может, поживу ещё, как повышему?

- Может, поживёшь, дураков Бог милует. Почему тебя не обшмонали в той берлоге, куда затащили – большой вопрос...

- Обшмонали... Деньги забрали.

- Ну, иди, пока мы добрые, - разрешил Пшеничный.

- Выпутывайтесь, как сможете, - пожелал Доктор.

- О, вы еще не ушли, доктор, я рад, что застал вас.

- Мы же только что с вами разговаривали. Что-то вы здесь забыли? Или опять выпили и проситесь обратно?

- Вы спрашиваете, что забыл? Почти что самого себя забыл, доктор. Горе погнало. Пришёл на остановку, а я одет, видите как, по-летнему, меня же раздели, чужим накрыли. Добрёл до остановки, автобуса нет и нет. Стоит мужик, на нём волчья шапка, тулуп, валенки. Доволен: «Мороз, ну, мороз, хорош мороз!»! И тут же студент, в болонье вроде меня, переминается с ноги на ногу. «Мороз, как мороз – чего его хвалить?». Это меня доконало. Думаю, замёрзнуть в чужом городе – только и не хватало. Хочу хоть минутку ещё побывать с вами, значит, в безопасности... Скажите, чтобы ненадолго приютили меня и позволили позвонить. У меня тут друг, в этом городе.

- Хорошо, попросим дежурного. Можно ему?

- Пусть звонит.

- Не отвечает.

- Еще попробуйте.

- Ладно, пусть погреется, - позволил дежурный. - Федякин, включи-ка чайник, пожалуйста.

- Слушаюсь. Вот у меня бутерброд. Ешь.

- Доктор, миленький, я пропал, - плакался гость, поедая федякинский хлеб с маслом и сахарным песком. - Я вам говорил, что я фельдъегерь, ехал в командировку. С пересадкой, чтобы ускорить дело. Автобус поломался. Мороз, все замёрзли. Ждали, что нас подберут, а никто с этим не торопился. Голое поле, ветер, пурга, ночь тёмная, ни зги не видно. Тут мужик предложил – давай, погреемся, у него коньяк, у меня закуска, сухая колбаса, мне в кабинете дали на спецпаёк. Ну, выпили, потом развезло. Видно, еще пили. Какая-то машина, помню смутно, вроде случайно оказались знакомые этого мужика. Смутно, муторно...

Очнулся здесь вот, в вашем вытрезвителе. Раздетым, понимаете, раздетым до трусов... как, ну и что? Пакет у меня на животе – спрятанный, пакет, понимаете, особое задание – где он? Мне теперь остаётся единственно, что удавиться. Сбежать – куда от нашей конторы сбежишь? Наверное, они что-то подсыпали. Говорят, пипольфен добавляют в водку женщины на вокзале - тем, кто ищет легкой связи. Но я ничего не искал и не ищу на вокзалах. И на вокзале точно не находился. Я же в командировке по делу, не терпящему отлагательства.

Глава двадцать восьмая. Ищут Корнельева

- Максим, ты мне перестал жаловаться на злую хапугу из ЖЭУ, - сказал Юлий Августович. - Что бы это значило? Я даже фамилию стал забывать. Подкидышева, да?

- Пригоршнева! С ударением на первый слог. А насчет забывчивости, позволь тебе не поверить, дядь Юр. Память у тебя, будь здоров какая, на десятерых хватит... Что ж, Пригоршнева позвонила. Рассыпалась в извинениях: она, мол, погорячилась, но заимела другие источники пополнения средств, без нашего участия. И с проректором по АХЧ Пастушковым договорилась. Нашлись товарищи, которые ей объяснили, что мы люди, университету чрезвычайно полезные. Нас нельзя приравнивать к другим, посторонним арендаторам. И больше она нас не побеспокоит, а напротив будет защищать перед Пастушковым и кем бы то ни было, кто только посмеет покуситься на нашу неприкосновенность. Такой звонок неожиданный. Другой человек! Хвостом виляет... Я просто тебя не видел эти дни и не успел рассказать.

- Теорема нашла доказательство, - изрёк Юлий Августович с долей некоторого самодовольства..

- Ты с ней как-то сумел поработать? – осенило Стюарда.

- Не без этого, дружок, не без этого. Но поверь, самую малость. Изящненько, на тонких ниточках...

- Ищут ли еще твоего товарища, или уже бросили? Есть ли результаты?

- *Нигиль*,* Стюард, - ничего. Результаты ничтожны, - вздохнул дядя Цезий.

* *nihil* (лат.) – ничего. Сленг. См., напр., у Маяковского: *На всём, что сделано, ставлю один огромный «нигиль»*.

- Дядь Юр, отчего твой товарищ так потерялся? Должно быть, не спроста?

- Спроста, Максим, и птичка из яичка не родится, а птенчик сам клювиком возьмёт, и продолбится.

Слушай. С чего начались его беды? Корнельев после дембеля устроился в милицию, в ГАИ. Ну, должен же человек где-то работать? Так или не так, ну, он по простоте двинулся, куда позвали. Но недолго там проваландался. Он у нас мальчик горячий. Ранение в голову обусловило в том числе чувствительность на высоких градусах. Не терпит грубого обращения. Заносчивость на службе у таких, как мы, битых-перебитых, почти что нонсенс. Он был – как исключение – несдержаный.

- У него в чём проявилась заносчивость?

- Единожды ему нагрубили, и Корнельев не смолчал. Повздорил с начальством, сошло с рук. Опыт повторил. Подставился... Начали подлавливать. Долго ли умеючи?... Умельцы сглодать ближнего везде находятся, и на милицейской службе, к сожалению, не перевелись ещё..

Случай не заставил себя ждать.

Его напарник смалодушничал, выстрелил себе в грудь. Известна причина: достал начальник – требовал денег. « А я где возьму?» « У водителей» «А если они не виноваты?» «Запомни: нет невиноватых людей. Высоцкий в сериале как сказал: - У каждого хоть какой-то грех, да найдётся».

Другие платили, но аппетит у того гада всё возрастал. Напарник не выдержал: положение ему казалось безвыходным.

- Нельзя было уволиться? – спрашивает Стюард.

- Рапорт успел подать. Да волокитили. Тот мент вообще-то был на хорошем счету. Не уросликий, не лентяй. И на свою беду – не хапуга.

Были похороны, не слишком афишированные: самоубийство на службе, отделу гордиться нечем. Обошлось без салюта, и памятник милиция не ставила. На кладбище пришли только близкие.

После похорон Корней Корнеич этому начальнику публично плонул в рожу. Он утёрся, но пообещал, что сотрёт в порошок. Рыпнулся вроде сгоряча-то: судиться за оскорблениe!.. Свыше настоятельно не посоветовали. А тут и его час пробил. В скорости всё разрешилось: сколько бы веревочке ни виться, конец будет. Начальник хапнул слишком явно, отмазаться не удалось, и, чтобы не навлекать позор на органы, спустили на тормозах. Начальника уволили, и тот подался в предприниматели.

- Корнельев победил?
 - Какое там!.. Корнеич тут же ушел из органов, запил.
 - Корнельев таким образом поторопился?
 - Не знаю. Все равно он бы на той стезе не удержался. Как бы там ни было, но Корнельев исчез, как ветром сдуло.

Однако запои никому даром не проходят. Вот и получается, что искать по вытрезвителям, больницам и просто всяким злачным местам – самое правильное.

Близок локоть, да не укусишь. Кажется, опять упустили.

Виктория ехала в Чеминдейку. Ей крупно не везло. Заставить нужных людей в районной администрации с одного раза не удалось, несмотря на приёмные дни и часы: то Ваньки нет, то Петька бит. То Марья Дмитриевна на больничном, то ее замшу увезли рожать прямо с работы.

По телефону – бесполезно. То же самое: то отключён, то Манька спит, то Ванька бит.

Виктория проявляет упорство и выкраивает время, но, как ни бьётся, оформление дачи затягивается.

В утренней электричке не первый раз едет из города в Чеминдейку загорелый сухопарый мужик в чёрном облачении. Чёрная майка, чёрные штаны, кроссовки. Тоющие руки покрыты старомодными татуировками, головёнка нечёсаная. Спит на свободной лавке. Иногда встанет, сходит в сортир, задержится, чтобы покурить в тамбуре. Опять ложится. Контролёрам он примелькался. Ездит и ездит, пускай себе ездит. Билет проездной, однажды проверенный.

А вот идут менты – дюжий сержант с тремя лычками, следом сержант похилее, ростом на полголовы ниже и с двумя лычками, замыкает шествие паренёк в штатском с папочкой, он уже на целую голову ниже первого – дознаватель.

Массивный сержант с тремя лычками, этакий шкапчик, по коридору вагона тяжело ступает ботинками сорок пятого размера, голову держит высоко, по сторонам не глядит, оставляя наблюдение за помощниками. Он полон достоинства и понимания миссии, на него возложенной. У него вводная – подростки, занятые добыванием конопли (*махорки*), произрастающей в основном поблизости от остановок электропоезда.

Выявленный правонарушитель тут же, в вагоне оформляется протоколом, после чего доставляется в отдел, вот *палка* для отчетности уже и готова. За «палку» его похвалят, за необнаружение таковой в течение дежурства по головке не погладят. И оттого внимание товарища старшего сержанта всецело поглощено процессом обнаружения любителей «махорки».

В милиции заводится дело, родители откупаются, или, если безденежные и занять требующееся отступное негде, то после суда отвозят передачи на зону.

Контролёры идут вслед за ментами. Старшая проходит мимо лежащего на лавке мужика, и говорит сержанту с тремя лычками:

- Это ветеран боевых действий. У него проездной.

Менты скользят по нему равнодушным взглядом, не проявляя интереса. Не их лицо. У них же вводная на подростков-махорочников, * а не на мужиков с проездными

*потребители марихуаны (продукта конопли, самодельного наркотика из конопли, на сленге – «махорка»).

билетами.

Контролёры стараются быстрее пройти мимо мужика с проездным, чтобы успеть до остановки проверить побольше народу в вагоне. А то как побегут *зайцы* в проверенный вагон, так хоть возвращайся за ними!..

У всех в поезде своя работа.

Ветеран почивает дальше.

Ветеран боевых действий небрит, давно не мылся, и пахнет от него не совсем прилично. Рядом с ним никто не садится, все купе свободное. Хотя, если состав короткий, то в вагоне бывает и тесновато.

На станции Чемидяевка в отделении Линейного отдела внутренних дел (ЛОВД) прихода патрульной группы дожидается Юлий Августович. Это мужчина в штатском и сидит он в комнате дежурного, за пустым сейчас столом. Он уже договорился с начальником, показал ему, что нужно (в смысле *ксивы*^{*}), и потому может беспрепятственно спрашивать и получать ответы.

ксива – документ, в данном случае – важное удостоверение. Сленг.

Дрожащий от страха и холода пацанчик, схваченный группой, остаётся в соседней комнате. ЛОВД будет искать родителей. До их появления мальчика закроют в клетке.

Юлий Августович спрашивает сержанта и его помощников о бродяге, у которого на правой щеке крестообразный шрам. Не видели такого? Он еще в ориентировках описан. Со шрамом крестообразным на правой щеке. Обувь скорее берцы на синей подошве с красной искоркой. Не попадался?

- У нас вводная на *махорочников*, - недружелюбно поясняет сержант с тремя лычками.

Поигрывает наручниками, прикреплёнными к поясу.

Сержант вспоминает о неопрятном мужике, что валяется на полке в электричке, в незанятом купе, заросший бородой, грязный, с нехорошим запахом от слежавшейся одежды и давно не мытого тела. Контролёры сказали, что он ветеран боевых действий, и у него бесплатный проездной билет. По-хорошему бы группе следовало поближе познакомиться с похожим на бомжа пассажиром. Но сержант доверяет контролёрам, кроме того не хочет лишний раз связываться с бродяжнёй, от которых ни навара денежного, ни тем более «палочного» отчета не получится, а вонью прёт от них до тошнотиков.

- Бродяги-то милицией не ловятся больше, или перестали ездить на электричках? – как бы невзначай интересуется мужчина в штатском, сидящий за пустым столом.

Сержант неожиданно дерзит:

- Кого надо, того ловлю.

- Бродяжня, что с них возьмёшь, верно? – задаёт наводящий вопрос мужик в штатском.

Сержант покраснел. Допрос его смущает, он чувствует, что сделал что-то не так, и вот теперь его на этом подлавливают. Мужик смотрит ему прямо в глаза, взгляд у него твердый, начальственный, и ясно, что он не отведёт взора первым.

Сержант, по-своему отражая скрытый подвох, на всякий случай занимает оборонительную позицию:

- Вы мне не указ. - И повторяет: - Кого надо, того ловлю.

- Ты не груби, Смышляев, - предупреждает старший дежурный. – Тебя спрашивают, бродяги не попадались сегодня? Ответить по-простому не можешь?

- Нет, не видел, - отрезал сержант. - Не попадались.

Майор вопросительно смотрит на мужика в штатском.

- Ну, нет, так нет. На нет и суда нет, - отвечает он. Оценил обстановку. Этот дуболом, ежели упёрся, то и не расколется. В бою драпанет первым. И скорее словит от врагов пулю в спину, чем сам станет отбиваться.

Если даже и увидел, лучше будет отнекиваться: избежал возни, принёс к отчетности «палку», и всё чин-чинарём.

Но покраснел, заел`озил, значит, чего-то знает, хрен болотный...

- Контролёры ходят? – спрашивает мужчина в штатском. – Сейчас ещё от нас не выехали?

- Уже отъехали, – почти радостно отвечает сержант.

- Ходят, не пропускают, - отвечает дежурный. – Ты, Смышляев, иди, забирай своих, и на обед. Иди, иди...

- Попробую на машине догнать контролёров на следующей станции.

- Удачи, - искренне говорит дежурный. И после ухода Юлия Августовича облегчённо вздыхает.

От автора: пока менты ищут Корней Корнеича, а между тем схожий персонаж мелькает то здесь, то там...

Глава двадцать девятая. По дальним боям

Дядя Юра:

- Дороги нас проверяют, Стюард.

Перегонял джип-чероки. Заехали в Мордовию. Края лагерные. Нравы тоже – не позавидуешь. Час провели у друга – пенсионер из милицейских, сетует: все старые уходят, платят мало, а отношение – не приведи Бог... Предупредил: в лесу банда, ловить некому. У ментов – руки не доходят. Взялся сопроводить. Мы были оба с оружием.

- А ваш друг тоже не с пустыми руками?

- Взял с собой устройство системы Бердан.

- Ай-яй. Позаимствовал из музея истории огнестрельного оружия?

- Не совсем. Из другого источника. Так называется в просторечии так называемый калаш. Автомат Калашникова.

- Понятно. Оружие у тебя всегда при себе, дядь Юр? – спрашивает Стюард.

- Ты же видишь: я пуст... Зачем таскать постоянно? Только в исключительных случаях. На наших дорогах поводы такие представлялись. Если уж тебе хочется узнать, то я брал в рейсы старый пистолет, подарок от командира части. С ним был ещё в Степанакерте. Разрешение персональное, ездил уверенно.

Машина села на хвост. На просёлке появилась впереди, с боковой дороги.

– Разворачивай!

Мы повернулись на колесе. И те от неожиданности стали, как вкопанные. Опомнились, и посыпались – в ментовской форме, и через одного - в штатском.

- Бей по стволам!

Генерал Лебедь, кандидат в президенты, говорил правильно: - Хорошо смеется тот, кто стреляет первым!

Я выстрелил по бокам. Старый, наш сопровождающий - сверху голов. Нападающие побежали, не выдержав, – не привыкли к вооружённому отпору. Наш сопровождающий позвонил в отдел, ребятам, по прежней памяти:

- Выезжайте, мы их задержим!

Вскоре приехали – после мне Старый позвонил, сказал, как задерживали. Кого-то и положили...

- Ну, вот, дядь Юр, а ты говоришь: революции не было. Такой маxровый, повсеместный бандитизм – разве не революция? Не гражданская война?.. Говорухин книгу написал – про великую криминальную революцию.

- Сгустил краски.

- Да? Ты так думаешь?

- Раз милиция всё-таки одолела, приехали вовремя, значит, в государстве не всё развалилось.

- А где они раньше были?

- Работают по факту. Сколько сил есть. Пишут в газетах – `оборотни в погонах. Тормоз – он в собственных рядах. Будет худо, если ты разочаруешься в своей юрисдикции.

- В юриспруденции, дядь Юр. Не издевался бы...

- А всерьёз можно?

- Чего-то м`огем?

- Когда зах`очем.

- Чего-то хотим – тогда и можем, - заключил Стюард, и тем, кажется, успокоил Юлия Августовича относительно своего собственного будущего в юридической специальности...

Юзий о Корнеиче

- Корнельева гнобили, били, топили в проруби. А он живучий. Долго не поддавался. Падал и поднимался, как в боксёрском поединке встают из нокдауна. Однако сломался. Укатали сивку крутые горки.

Я помог ему с *ксивой**, а то ходил без паспорта... Но ориентировку все-таки дали. Наобум Лазаря. И уточняли вслед первой-то. Вдруг объявится, а паспорт опять утратит.

* В принципе любой документ, удостоверяющий личность. Сленг.

Всё бывает...

- И медведь...

- Летает себе, летает мишка, да, Стюард. Полтора года мы с Корнеичем дальnobойничали. С Володькой свет Корнельевым.

И дальше высказывал Юлий Августович недоумение по поводу особой живучести человека: ведь выжил Корнеев, когда его утопили в з`абереге, предварительно как следует отходив кулаками и ногами. Но не потрудились дострелить. Бросили, поленились. Тоже на удивление, что не докончили расправу... Себе на голову: живой недобиток для обидчиков-шакалов всегда опаснее, чем мёртвый. Или неопытные злодеи попались, или слишком уверовали в свою неуязвимость.

Будет ли мстить Корнельев, покажет будущее. Скорее всего не до таких тонкостей ему отныне. Ибо остался избитым и гол, как сокол.

Ничего, за битого двух небитых дают.

- Такое геройство сейчас проходит. Если не правила, так понятия установились. Отморозки – по большому счету их время миновало.

Сейчас рэкета такого, как раньше, уже нет. Возьмем те же дальние перевозки. При погрузке договариваются с хозяевами – сколько платить. «Надо делиться». Если с ним разговариваешь по-хорошему, то не страшно. Будут просить 2000, можно сторговаться на сотню или две, или на 500. Деньги не прячешь. «Пацаны, мне же надо есть что-то в дороге. Все деньги у хозяина». А если будешь пальцы гнуть, «отвали, да с какой стати, да ничего не дам» - тут стекло лобовое разобьют, и дальше не уедешь – себе дороже выйдет.

Легковую – по одному тоже гонят. Ошибка. Машину отберут, могут и убить.

Друг ехал с охранником, две машины с грузом. Ночью заснули, друг проснулся, соседа нет. Стал звать, дверь открыта, мороз, оделся, вышел. Товарищ бьёт кого-то, пинает, человек за вытянутую руку прикован наручником. «Ты зачем тут лазишь? Тебе чего надо?» «Дяденька, шел мимо, захотел посмотреть, никогда больше не буду». А мороз был 30. До утра оставили, пошли спать. Утром отстегнули, положили в кабину, под ноги, там грязь. Поехали, друг и говорит: «Сейчас выйдем за Аягуз, там замочим. В лесополосе». Почувствовали, пахнет ссаньём. «Ты что, обоссался, что ли?» «Да, мне страшно» «Скоро перестанешь бояться». Проехали Аягуз, еще километров 200 проехали, выбросили в степи. Он стоит, обе руки поднял, прощается. «Не будешь подходить к машинам?» «Дяденьки, никогда больше не подойду». Дяденьки – а нашего возраста.

- Сейчас просто грузить не будут, пока не договорятся с хозяином, что всю ответственность берёт на себя, а в случае чего на них не свалит. Другая история. Беспредельщика поставили на обочине. «Беги!» Над кружей бортиком сбросили. На посту ГАИ сказали милиции, мало ли что? «Ну, и хрен с ним, замочили бы в лесополосе, ещё бы лучше было».

Мы сами ехали с двумя фургонами с шоколадом. Остановили – четверо, у них машина. «Денег нет». «А что везёте?» «Шоколад». «Будем выгружать». Подъехали омоновцы. «В чем дело?» «Вот, хотят выгружать». Сразу же наручники, из автомата прошли колеса, аккумулятор, в машине задымилось. Наручники снимают. «Вон лес, пять минут добежать, потом начнём вас отстреливать» А там не меньше километра. Рванули, через минуту их уже не было.

Глава тридцатая. Стюард и Вики-Вики

Стюард рассказывает Виктории о происшествиях при очередном дежурстве в медвытрезвителе.

- Вчера попал к нам такой Бауэр Фридрих Гансович. 39 лет. Чего-то набузил там по пьянке, ну, сильно перебрал, так что в ивээс пока не взяли, а к нам пристроили по самой принадлежности.

- Фамилия? – спрашивает Свиридов.

- Бауэр.

- Маузер? – переспросил Свиридов, хотя перед ним на столе и протокол, и паспорт клиента.

- Бауэр, - вяло уточнил клиент.

- Я и говорю: Маузер. Фридрих Гансович.

- Хорошо, если вам так угодно, буду Маузером.

- Будешь, будешь. Только не стреляй.

- Хорошо. Я не стреляю. Я вас слушаю.

- Это я тебя слушаю! – Свиридов становится враз самим собой, напрягается для хамства и ругани. – Как сюда попал? Написано: хулиганствовал. Чего натворил?

- Пошумел маленько...

- Ты мне м'озги не пудри. Нашумел на статью, так и скажи, Маузер. – Свиридов начинает тянуть за язык задержанного насчет преступления, но это же не его, Свиридова, предмет.

Каждый развлекается, как умеет. Свиридов – вот таким скандальным образом.

Бауэр не успевает удовлетворить любопытство Свиридова. За ним являются по принадлежности – из уголовного розыска. Он переходит в их ведение даже и с облегчением. А то бы Свиридов шуточками с подковырками его довёл до состояния совсем плачевного.

Случается, что при подобных собеседованиях вдруг психанут.

Тогда и Свиридов тоже даёт себе волю, по принципу:

- Если у нас каждая гнида начнет говорить басом...

Но белым утром ничего сверхординарного предпринимать не станет. На то ночь.

Ночь, она долгая...

Свиридов подождёт до следующего захода этого же пьяницы в медвытрезвитель. Или вымстит недополученное на ком-нибудь другом. Кулаки-то чешутся. И нога в ботинке сама собой ходуном ходит... А пьяные не все смиренные, и далеко не всегда руки по швам держат. Ножи, топоры, огнестрел, и зубы, и клешни когтистые, а то и кастет наклоняется...

Свиридов опять читает в газетке: « *В ресторане клиент спрашивает у официанта: - А у вас в меню есть дикая утка? - Дикой нет, но для вас мы можем разозлить домашнюю.* »

Свиридову смешно.

И Стюард улыбается над тем, как по-детски смешно Свиридову.

Поливанов Сергей Иванович – человек, для трезвяка не новенький:

- Мы вчера литр водки с женой выпили. Она написала заявление. Были деньги. Сделал ремонт печки на станции Чеминдейская. Домой приехал, взял литр водки. Не без того... Двое детей – дочь отплатил (алименты), пацану плач`у.

Вчера был ремонтный день. Печи л`ожил на Станционной, у частника. Двойная оплата. Получил 10 рублей. Взял рыбы, конфет, бутылочку. 5 рублей жене отдал. Вина «Ерофеича» в «Колосе» взял, дома пил. Из дома и забрали. Я уже раздетый был – лейтенант пришел.

- Печи хорошо л`ожишь? - интересуется Свиридов, заядлый дачник.

- Никто не ругает.

- Потомственный, - подсказывают Федосей. – У них в Чеминдейке вся семья – печники: дед был печник и отец, и теперь сам. И все пьяницы. Вот Поливановы - из первых здешних семей Юнгородка. Они приехали из Урожайной. Отец часто был в медвытрезвителе, выступал... - Так что Серёга печку сложит, и напьётся, с устатку-то. Одним словом, все что мы ни делаем, получается автомат Калашникова.

Один брат – ничего, спокойный, у другого – семь заходов в психбольницы. «Трамвай идёт в ушах». Мать ударила, отец 80 лет, лежит парализованный. Хотел его топором, «ничего не помню. Потом вздрогнулся к чертовой бабушке».

Тут же брат, ждет машину – увезти Серёгу. Поясняет:

- Не спит, телевизор сбросил. Мешал будто бы – громко разговаривал, а у него – голос`а, не пропустить бы чего.

- На даче печку л`ожить собираюсь второй год. Заеду за тобой, возьмём его, будет ложить. - посулится Свиридов серёгиному брату .

- И они терпят? – удивляется Виктория, слушая скучоватые, но местами красочные новеллы Стюарда.

- Наши посетители в основном на издёвки не сердятся. Кроме исключений...

Вот уж чего нет, того нет – обидчивость растворилась в спиртном без остатка. Так же и не отказываются, если их просят помочь по хозяйству. Большой частью это касается всяких работ на дачных участках. Или раздобыть дефицит для постройки. Раньше, при Советах, по большей части только так и выходили из положения с дефицитом – те, кто наловчились не видеть в такой жизни ничего особенного. Сейчас всё покупается, но тоже... Можно, не продолжу?.. Впрочем, это утром, после вытрезвления, все добрые, терпеливые: одно в голове – поскорей бы выбраться. А вечером или ночью, когда пьяные, то могут и взбунтоваться.

- Буянят?

- Могут взбунтоваться, надерзть или подраться, - уточняет Максим словами говорящего в рифму Свиридова.

- Надеюсь, ты там пройдёшь стажировку, а потом порог этой душегубки никогда впредь не переступишь.

- Насчет душегубки – это ты зря, - почти с упрёком промолвил Стюард.

И пересказывает слова Доктора. И немного погодя, разгорячаясь, приводит к тому же слова Захаровны о милицейских людях:

- У них первые жены отпадают, а вторые – из магазинов или общепита – те, что сознательно и обдуманно подкарауливают мужа, а он тут как тут – приходит за водкой или за штрафом.

Стоп, Стюард, подумал бы, кому что цитировать!..

Информация-то непереваренная, без внутреннего редактора. Не всякое лыко в строку ложится.

Виктория отозвалась неожиданно резко, словно её лично задели его слова, да так оно и было!

- Лучше уж не выходить за такого человека, чем расписаться в загсе, пожить, завести ребенка, двух ли, а потом всю остальную жизнь раскаиваться.

- У меня лопатки чешутся – ангельские крыльышки вырастают. Так у нас говорят.

- Ангелы на небе живут. А ты в преддверии преисподней.

- А я на землю спустился. Вики-Вики заметил. И прилетел.

- Много говоришь лишнего, - оборвала Виктория, и, с намеком, в растяжку, как бы и с издёвкой: - Стюа-ар-рдик!..

Он промолчал. Вряд ли следовало так много болтать про милицейские дела, и тем более приводить меткие наблюдения Антонины Захаровны или специфические афоризмы насчет ангельских крыльышек (излюбленная офицерская присказка) – она поняла буквально, как насмешку...

Оставил бы при себе, лучше было б. Офицеры между собой могут и обмозговать всё, и пособачиться, но с посторонними держат язык за зубами, всегда осторожны. Законы службы.

- Ты, Вики-Вики, обидчивая, или как?

- Или как... Меня легко обидеть. Тебе пробовать не советую.

Виктория:

- Люблю детей. Ужасно хочу ребенка. Мама, что со мной? Ты меня так же хотела?

- Маленькие детки – маленькие бедки. – Мама вздохнула, пригорюнилась.

- Скажи! Ты же меня родила в том возрасте, что я сейчас. Это что – генетика?

- Про генетику не знаю. Просто я хотела родить от любимого мужчины. Мне казалось, что я такого, единственного на свете, и встретила.

- Когда ты поняла, что ты ошиблась?

- Я поняла, что ошиблась, почти сразу, но ты уже появилась, и ради тебя я ещё некоторое время, как ломовая лошадь, тащила воз дальше...

- И я понимаю, почему ты вздыхаешь, когда вспоминаешь, что маленькие все дети хороши, а потом...

- У меня был развод, всё мучительно происходило. Первая любовь, чудовищное вероломство, разочарование, словом, настоящая жизненная катастрофа, остаюсь на руках с ребёнком, почти без средств к существованию, в чужом городе, и что делать, на свете никого... С Виленом Эдуардовичем расставались уже легче. Значительно легче. Всё же он порядочный человек – разное за ним, женолюб отчаянный, но, в общем и целом, порядочный. Детей от него не было, поэтому резали не то, чтобы по

живому, тоже болезненно было – расставание всегда болезненно, - но никакого сравнения с прежним...

- А со мной тебе не везло, когда я стала подростком...
- Желая ребенка сейчас, в эту минуту, ты не думаешь, и просто не можешь думать, что будет потом.
- Я причинила тебе много горя, когда в четырнадцать лет связалась с дворовой шпаной, и мы шлялись, где попало, покуривали, плохо учились, были на пороге исключения из школы...
- Я не могла тебе уделять столько времени, сколько требовалось... А отца по сути никогда не было рядом. Опоры, спины не чувствовалось. Наоборот – отторжение. Подросток, предоставленный сам себе, – пара пустяков скатиться за край пропасти.
- Если бы не Паулина Карловна, я бы, наверное, пропала.
- Наш добрый ангел. Она в жизни пережила столько, сколько на нас обеих не выпало. И сохранила доброту и участие к чужим бедам.
- Мама, хочу ребенка. Маленького, тепленького. Глазки осмысленные, ушки крохотные. Лежит в кроватке, розовые ножки, на землю не ступавшие, чистенькие, подняты в воздух, пинаются... Лелеять, тетешкать, поднимать, сажать на горшочек... Стирать пелёнки, агушеньки делать, чмокать в личико, в глазки, в пятку, в попочку... Всё, всё, всё...

Часто езжу в маршрутках. Поневоле присматриваюсь к детям, другого времени на это нет. Подспудно появилось трудно объяснимое чувство: хочу детей. Возможно, не одного-единственного.

Максим – хороший ли отец из него получился бы? Талант милицейский проснулся. Видно же за версту: живёт своей преисподней... А те сами признаются, что на сторону смотрят. Мы оба уже не молодые: ему двадцать шесть лет, мне двадцать четыре...

Ужасно хочу ребенка.

И на мужчин смотрю с этой позиции. Хорошо ли так на них смотреть? Не знаю. Ещё не решила.

Когда проснулось это чувство – оно неуловимо приблизилось, и стало осознанным побуждением. Тихонько вызревало, и как-то вдруг разом обозначилось. И теперь уже не исчезнет.

Жизнь каждый день напоминает.

Ехали со мною мальчик лет семи и его папа.

- У меня болит живот.
- Переел.
- Наверное. Мама дала мне полную тарелку каши и еще четверть тарелки.
- Как он у тебя болел?
- Так болел, что лопнул. При этом громко...
- Ясно.
- Ясно и то, что в спортивном магазине этого нет... (Чего нет, не расслышала). В будущем году запишусь в футбол.
- Почему в будущем?
- Повзрослею.
- Сейчас надо. Сейчас золотое время. Через три года будет десять. Это уже взрослый...
- Хорошо. Как приедем, так и запишуся.

Возле дома стоит машина, грязная донельзя. Идут мимо мальчики, шутят:

- Помой меня!

Прохожу мимо детсада. И чего только не наслушаюсь. И, господи, как хорошо!
Утром в детсадик отводит внука дедушка.

- Коршун, Димка, может курицу захватить.
- А у нас один мальчик захватил курицу, а никто и не заметил.
- А еще, Димка, есть страус.
- А этот мальчик, - пытается продолжать Димка. Но деду важно не прерывать образовательный контент. И он чего-то еще рассказывает про страуса. Но вот она, и калитка детского сада, так что информация насчет страуса, увы, увы, обрывается на полуслове.

Идут с мамами в детский садик. Мальчик остановился, рисует на стене. Мама:

- Не смей! Ты оцарапал стену!

Воспитательница детсада проходит мимо, защищает ребенка:

- Он не царапал, а нарисовал...

Теплый весенний день. В тени дерева на качелях две девочки лет семи, не больше, поют хором:

*В траве сидел кузнечик,
Совсем, как человечек,
Совсем, как человечек,
зелёnenький он был.
Представьте себе,
представьте себе,
зелёnenький он был.*

И тотчас же напевают современное продолжение классического произведения:

*В траве сидел компьютер,
зелёnenький он был.
И всё он перепутал,
и всё перезабыл.
Представьте себе,
представьте себе,
он всё перезабыл.*

Исполнив, перешли на другие темы.

Федосей

Как-то днём в трезвяке один Федосей остался за всю команду.

Как раз была кампания по экономии бюджета, потому дежурства начинались не зоревень с окончанием предыдущей смены, а в разрыве на большую часть дневного времени – не с восьми, а с шестнадцати часов. Начальник не сидел тоже на месте – дела у начальника отдела или замов, в следствии, мало ли что, и в банке с бухгалтером, там, проверяющие в отделе, то да сё...

А жёны алкашей уже приучены Пшеничным и Доктором, что здесь их хотя бы выслушают, что-то присоветуют, быть может, доброе дело сделают - их придурков на лечение утянут. Приветят, одним словом.

Вот Федякин и отдувался перед теми жёнами.

Он, брат Федосей, всякую беду принимает близко к сердцу.

Но поневоле руками разводит.

- Женщины, вы что, с ума посходили?... Мы вам в медвытрезвитель – кто? Божьи няньки, или кто?

- А врач ваш где? Добрый Доктор, который наших шаромыжников лечить определяет?

- Его сейчас нет. Он будет в четверг. Утром, к восьми подходите.

Так - или примерно так, но при разговорах разной продолжительности и реального содержания – опытный Федякин всех отпустил.

Утренний прием. Врач и Пшеничный

- Почему напился? Плохо живу с супругой. Тёща не дает жить по-человечески.
- А как она не даёт жить?
- Баба двое суток дома не ночует. Вам бы понравилось?
- Нет, наверное.
- И мне не нравится. А тёща меня наказывает. Вроде я режим создаю. Невыносимый. А какой режим от меня жене? Самый хороший!.. Сиди дома, и никто слова не скажет.
- А ей не сидится почему-то. Затолкали птичку в сеть, а она из сети.
- Тёща и позвонила.

Вот тут-то в комнатку врывается женщина, судя по всему настроенная весьма решительно. Это жена пришла забирать вытрезвленного главу семейства :

- Можно к вам?

- Мы заняты.

- У вас мой муж. Я хочу присутствовать.

- Хорошо. Пройдите, а мы продолжим.

Жена - бывшая, развелась, но, как очень часто бывает, вынуждена обитать с пьяницей под одной крышей, потому что с детьми деваться некуда.

- Да врёт он всё, не верьте ему! Брехун, всех обгадил. Молчи уж лучше...

Он и замолчал. Послушный.

- Иди-ка ты пока, - сказал Пшеничный. - Мы жену без тебя послушаем. Вы говорите.

- Доктор, вы зовёте алкашай к себе в кабинет, и вы, товарищ майор, предлагаете воздействовать на мужа, чтоб лечился. «Я что, дурак, трезвяка не знаю? Сам, своей волей в пасть крокодила голову не затолкаю». А пьянка – не крокодил? Не крокодил, - целый аллигатор!.. Ни страх, ни ругань, ни добрые слова – ничто не действует... Кровяное давление? Нормальное, как у молодого петуха. В запое не ест, - глазами бы ел, но одну ложку хлебанет - и всё. Две пятницы до смерти остались.

- Бывают перерывы?

- Копеечные, со среды на пятницу, никак не больше. Стоит крыльшки помазать - глотнуть чуть-чуть, - и запьёт... Думаете, я его почему забирать пришла? Чтобы остатки денег не пропил на похмелье. Поговорите все-таки. Я-то вам верю...

- И что же вас беспокоит особенно?

- Есть пёс, дворняжка. По морде пса, когда глядит в окно, видно, каков хозяин идет. Когда не пьян, лицо пса счастливое, а если пьян, понурое, в глазах тоска.

Пьёт пиво, султыгу. Он сам не помнит, с чего набирается...

Я из окна вижу - старуха с первого этажа через форточку торгует. Милиция подъезжает, берут, что надо, то есть мзду, - и уезжают спокойно.

Муж мой Калиновский пасётся на Пункте приема стеклопосуды. Знаете? Притон ещё тот... Я туда как-то сунулась, такого мата наслушалась, век буду помнить...

Милиция, мзда, старуха с первого этажа, - нехорошо всё, неловко Доктору – окопная правда...

-Миленькая, вы бы ему хоть бороду привели в порядок. Подстригли бы, что ли... Сорок четыре года, а выглядит как восьмидесятилетний старик.

- Для этого он должен быть хоть сутки трезвым. Так ведь не подпускает с ножницами. Так будете разговаривать? Я прошу!..

Пшеничный: - Да мы уже поговорили.

- А вы ещё. Пожалуйста!

- Свиридов, Калиновского пригласи!

Калиновский Сергей, 44 лет, живет в трехкомнатной квартире, но ни в ордере (прежде), ни в приватизации (теперь) не внесен.

И все снова, да ладом.

- Квартира есть, семья есть. Чего не жить? – спрашивает Пшеничный.

- Не жизнь. Какая жизнь? Слово к делу не пришьёшь.

- Водку тоже не пришьёшь. Потому что жидкая... Зачем напился?

- На зубок ходили.

То есть в семью, где отмечают появление новорождённого.

Пшеничный: - Праздник: новый человек появился на свет. Зачем же напиваться до поросячьего визга? Малышу от этого ни здоровья, ни долголетия не прибавится. Зачем пил?

- Лешак его знает.

- Похмелье не мучает?

- Это другие с похмелья тюлюпаются. Давно по утрам калтык не мажу.

- А трезвым побить не хочется?

- Забыл про то, когда был трезвым...

- А вспомнить не пробовал?

Через считанное время Калиновская снова пришла за мужем.

- Собака укусила, - врачи сказали, полгода пить нельзя.

Жена по факту сомневается, что он сможет выдержать целых полгода: вот же, напился!

Он – ей:

- Проверка в деле – первая вещь.

- Хоть бы ещё раз тебя укусила.

- Одного раза достаточно. Больно-то не тебе, а мне.

- У меня соседка, женщина 30 лет, запивалась. Говорит: «Не пью совсем. С тех пор, как укусила собака и получила прививки против бешенства». Прививки делают три подряд, потом через неделю и ещё так же, или больше, уже точно не помню. Что нужно получить сорок уколов в живот – это легенда. Не верьте. Такого уже давно нет. Собака наверное была не бешеная, «я не заболела», говорит соседка. Тебе такое не приснилось?

- Приснилось. Только зараза к заразе не пристанет. Не рассчитывай.

С тем и уходят.

Некая Александра Федоровна склонна искать объяснение своим неудачам в колдовстве и заговорах. Вопросы ее к Доктору:

- Большого эпилепсией можно ли вылечить от алкоголизма?

- Подробнее, если можете.

- Сын запил, и пьянством довёл себя до эпилепсии.

Ее сыну 28 лет. Работает в ресторане. В бытовке пьянствуют.

- Продали электромясорубку, на нас начёт. Его уволили. Плитку выкладывает, его зовут и в квартиры. В последние годы, в связи с пьянством, его состояние усугубилось.

Вот было полнолуние: четыре припадка за ночь. Милиция знает, увозят в реанимацию сами. Чего там смотреть скорой? Отёк мозга, зрачки разные. Что делать, Доктор?

- Отец, ваш муж как-то помогает?
- Муж оказался в стороне: он его воспринимает не как сына, а как врага. «Пусть он умрёт, а я больше ничего делать не буду». Посоветуйте что-нибудь – что делать?
- К сожалению, лечить эпилепсию, от этого больной же не отказывается, и ждать, как отец.
- Говорят, припадки происходят в зависимости от того, как звёзды расположены. Это так?

- На полнолуние у многих действительно случаются эпилептические судороги чаще, чем у других больных. Наука такую закономерность признаёт.

- Всё перепробовали: пропротен 100, асидум С. Кодировали его в разных центрах, потом перестали там брать – с припадками нельзя. К бабкам возили. На десять дней действует, потом опять, как с цепи сорвётся.

Думаю, не порчу ли на него напустили? Колдуний привлекала – одну, другую. Но, видно, и у них сила невелика.

В этом году уже были пять состояний, расцененных невропатологом, как эпистатус. Каждый такой сериал мог закончиться смертью. Возле него крутятся: Еремеин, сын спившегося профессора, Водовозов Петя, болтается возле политики, кого-то в чём-то агитирует, закодированный, Вадик Потёмкин, Эдгар Гудилин. Как только у него деньги появляются, они налетают, как саранча. В доме у нас ничего не осталось. Принесла две корзины с помидорами, поставила - их унесли. ....

Однажды Максим прямо с дежурства, не сообразив о последствиях, явился в университет с легким запашком.

И, недооценив ситуацию, позволил себе рассчитывать на спонтанное, как бы непредумышленное свидание с Викторией. В той же кафешке под лестницей, естественно.

Встреча состоялась, но не принесла радости ни ему, ни ей.

Думал, на ходу хотя бы переброситься парой незначащих фраз.

Виктория сделала вид, будто не замечает, что запашок есть.

Она же исследователь, и действует по отработанной методике – той, что описывается самым коротким рассказом О.Генри: «- А посмотрим-ка, что в этой цистерне, - сказал Гарри, зажигая спичку. Покойному было двадцать лет».

Посмотрим и мы, что будет дальше.

Виктория наслушалась сплетен (так она называет) Максима о трезвяке. И уши бы заткнуть ватой, но всё так и подмывает его высматривать. А как жены терпят?

- Ну, как терпят? Дети, квартира неразменная. Какая-никакая получка в дом. Опять же руки золотые... «Он, когда не пьёт, то смиренный, а как выпьет, лучше посреди дороги не становиться». И не становится – пока трезвый. А потом – «руки золотые, и трезвый - смиренный», сказка про белого бычка, чёрного бочка...

Так вот терпят, терпят, а там, глядишь, и старость подошла. И рассуждение: наши родители терпели, и мы иной судьбы не знаем... Другого спутника Бог не дал...

- Пьянства, Вика, кругом так много, что лучше на нём внимание не заострять. Ценить хорошее, светлое.

- Иронизируешь? Так говоришь, соловьём разливаешься... Красиво болтать не запретишь. А сам... ты мне, Максимчик, лапонька, всю нарисованную тобой же картину портишь!.. Ты не объективен в своём анализе!..

И вот это уже не в первый раз.

До сих пор она отмалчивалась.

Но когда-то край наступает. Знай, застенчивость мне не свойственна. Отбрею, рад не будешь...

Нетрудно было заметить, что она решительно бежит мимо, не собирается задерживаться.

Чем его слегка обескуражила.

- Ты куда, Вики-Вики?

- У меня семинар. Некогда, дел под завязку... А ты?

- Пойду вздремнуть минут шестьсот.

- А чего пришел? Хвосты?

- Нету хвостов. Были, срезал.

- Иди тогда, спи.

Он - так безыскусно, как те детсадовцы:

- Тебя два дня не видел, скучаю.

- Ладно уж, скучает он... Смотри, сопьёшься. А то - как с дежурства, так и в подпитии.

- Не всякий же раз. Как можно, что ты!... У нас учреждение, где, напротив, задача обеспечивать вытрезвление трудящихся. Ну, и тех, кто не трудится, - вытрезвляем... Чистая случайность: день рождения у одного дежурного, после дежурства пригубили по чуть-чуть. Правда - чуть-чуть, пара глотков, и не больше. У нас же везде ритуалы. И мой трезвяк не исключение. И твоя кафедра.

- Быстро же ты научился лопотать, как твои пациенты. Забалтываешь, юлишь. Смотри, Стюард. Продолжишь в том же стиле, я с тобой раздружусь. Мне пьяница даром не нужен.

- Полегче на поворотах, мэм!

Она увидела, как на щеке у Стюарда качнулся желвачок. Умеет сердиться?

- Можно подумать, что там пьянятуют и те, и эти.

- Нет, мэм. Только те. А эти - рыцари.

- Печального образа.

- Йес, мэм. Уговорила. Последний раз. И больше никакого участия в ритуалах...

- Не зарекайся, а делай. Вернее, не поступай так, как поступаешь.

- Не буду.

А желвачок все катается.

Не нравится мне это, честно - нет, не по мне такие штучки: и запашок, и желвачок на щёчке... Катился бы ты, Максим, куда не надо... до следующего раза....

Глава тридцать первая. Горе моё

Свиридова спустили с высот на землю. И вот он, опять (не первый раз, и не второй) вернувшийся в дежурство из пребывания на должности и. о., показывает ретивость в службе, как ее понимает, и не устает в наставлениях Стюарду:

- Алкоголиков надо брать за жабры, и трясти, пока блохи не вытрясутся. Они думают, полечился, как форточку закрыл. Нет.

Пока выпускают нового пьяного, Свиридов вычитывает очередной анекдот из газеты. (Свежая газетка тут же на столе):

- *Мужчина, который ложится спать с любовницей, должен знать, что его место рядом с женой вакантно.*

- А что? - комментирует Свиридов. - Так и есть в натуре.

И дальше Свиридов вычитывает опять же из газетенки:

- *Если вы рассматриваете женщину, как игрушку для секса, то признаите, что механизм её может быть подвержен капризности, может даже сломаться, и для ремонта потребуются и прилежание, и уменье...*

- А что, не так? - спрашивает дежурный, и возражений опять не слышится.

До восьми часов, до пересмены оставалось сорок минут.

- Помолись, - говорит Свиридов Антонине Захаровне, - чтобы никого больше не принесло с ветром.

И тут – звонок.

Утром, перед работой, обретаются на лыжне самые отчаянные спортсмены. Норовят захватить последние зимние деньки. В лесу снег не сходит подольше, чем в городе во дворах и на улице. Снег ноздреватый, льдистый, уже голубоватосерый, потому что наливаются тающей влагой. Но лыжня ещё твердая, скольжение пока хорошее. В поздних предвесенних сумерках шибко разогналась и покатилась под горку лыжница в толстом расшитом свитере, алых рукавичках и нарядной белой шапочке с помпончиком и цветочком. И едва не споткнулась об наваленное комом, припорошенное снегом напластование, - хорошо, успела повернуть в сторону. Реакция у неё добрая, а то бы в лучшем случае поломала лыжины, а в худшем бы могла и с целыми костями рас проститься.

А напластование-то – человек, и, похоже, уже замерзающий.

Эта пьяная забрела почему-то в лесопарковую зону, где и свалилась прямо на лыжне, и покатилась под горку, и замерла в бесчувственном облике.

Спортсменка позвонила в милицию по мобильному телефону:

- Приезжайте скорее, женщина замерзает, уже начинает спать... Заиндевела, даже снежком присыпана.

Подъехавшие лыжники пьянчугу растормошили, тут и милицейский экипаж подоспел.

Благо, лыжня по лесу почти рядом с дорогой проложена, так что недалеко добираться.

- Зря вы ее спасаете, - упрекнул Свиридов. Сказал помощнику: - Смотри, Максентий, Голыгина Алка. Сама жить не хочет, и другим не даёт.

- Что уж вы так-то на неё. Человек же, - отозвалась лыжница. – Ну, я своё сделала! – круто свернула обратно к лыжне, присела, оттолкнулась палками, и – только её и видели!..

Ребятам из вытрезвителя можно посочувствовать – тому же Грише Свиридову, тому же Максу Березину: пешедралом пёрли к лыжне по насту, проваливаясь до колен в нетвёрдом снеге, вытаскивали алкашку к дороге, к машине, поминая недобрым словом и лес, и лыжницу, и, конечно, саму алкашку Алку Голыгину. Поставили на ноги и тащили, она же ноги не переставляла, не двигала, а только на плечах у ментов и проехала.

Охотнее без малейших угрызений бросили бы её к чёртовой бабушке, лахудру бесчувственную, пусть помирает, раз уж такую судьбу сама себе уготовала. Но им так поступать непозволительно – не велит служба. И лыжники кроме того подступили, сгрудились, наблюдают, настроены вроде нейтрально, а насторожены к нам, и могут к милиции отнестись и враждебно, если что не так сделается.

Жалоба, разборки, выговоряка, начёт не в зачёт – нам это надо?...

И только один подсобил.

С милиции по-любому спросится, пусть и за алкашку, - если она замёрзнет насмерть, а они могли забрать, но не взяли...

У женщины, 36 лет, записывает в историю болезни Антонина Захаровна, *экскориации** на лбу, на щеках и подбородке, обморожены уши и кисти рук. Лежала долго на морозе в двадцать четыре градуса ниже нуля.

*царапины (мед.)

Алка Голыгина совсем очухалась. Глазками хлоп-хлоп. Подглазные мешки налитые, лиловые, трепыхаются, потрясываются, как желе...

- Пробудилась к лучшей жизни, - ворчит Антонина Захаровна.

Алка заорала дурниной от боли, покуда Захаровна в тепловатой, комнатной температуре воде отогревала ей руки. И замолкала в те минуты, как Антонина Захаровна записывала назначения, что ссадины, мол, обработаны раствором бриллиантового зелёного спиртового 1%-ным, и стала мазать ранки.

Алка уловила, чем пахнет, замолкла, шёпотом попросила:

- Есть опохмелиться?

- Нету, - отрезала Антонина Захаровна. - Отправишься спать в палату, то и будет тебе опохмелка. Мизинец, должно быть, отвалится. Пойдёшь к хирургу, как пропрозвеешь. Понятно?

- Нету, что ли, опохмелиться?

- Иди к Доктору, потом в палату. Всё. До свиданья.

- Что опять приключилось, Альбина? - спрашивает Доктор. Его пациентка. - Не жалко себя?

- Дуру такую - зачем жалеть. Сдохнуть - и всё.

- Что было-то?

- В сарае выпили. Подъехала милиция, и забрала.

- Куда милиция подъехала - к сараю? Ты в лесопарковой зоне по сугробам спать приспособилась.

- Правда, что ли? Не знаю. Милиция подъехала...

- Чего ради напилась? Обещала же в рот не брать.

- А взяла! Взяла... Отгул на работе. С Косицыной выпили. Друг сканителил. Соблазнил. Приняли, мало, он ушёл еще за водкой. Мы ждать не стали. Пошли скорую вызывать: у ей пацанка ногу укусила.

- Вызывали скорую?

- Косицына, должно быть, вызвала.

- А ты?

- Зашла в будку за курткой.

- И что дальше?

- По башке ударило вино. Выступила. Сторож позвонил. Сержант забрал.

- Это ты про другой случай вспомнила. Не про вчерашнее. А вот как объяснишь то, что ты здесь, а Косицына в медвытрезвитель не попала. Почему?

- Змея, свернутая в клубок. Поэтому и не попала.

- Грехи наши тяжкие, - печально молвил начальник медвытрезвителя Игорь Тимофеевич Пшеничный. - Горе ты мое, горе луковое, горе людское.

И пояснил Доктору:

- Знал её девочкой. Такая была чистенькая, прибранныя, с косичками, в техникум поступила. Училась хорошо, за собой следила. Отец лечился в ЛТП, я оформлял, после освобождения батя альбинкин пить не прекращал, и умер от водки. Мать тоже скоро ушла на тот свет. По той же самой дороге. Альбинка, сирота, подверглась насилию. Судимые вчетвером надругались... Дальше - вот.

Пшеничный:

- Учтите, что здесь ниже нижнего предела. С Голыгиной пьянистует Широкова Александра, подруга Лопаткиной, которая отрубила мужу-истязателю голову, побыла сколько-то времени в психушке - не много, не мало. Потом Лопаткину оттуда выперли, и она скиталась по базару, всеми гонимая, оборванная, вся отёчная, лицо бордовое, как у трупа. Она и была трупом при жизни, мертвечиной от нее воняло... Торговки ею гнушались, но жалели, и, чтоб не натворила ещё чего страшного, к вечеру, как базару окончиться, выставляли на пустом прилавке, на газетке, на картонке ли, поесть чего-нибудь, что у них от обеда осталось - куриное рёбрышко, кусок колбаски, там, яблочко, булку, подогревали чай и наливали в бумажный стаканчик.

- Альбина, куда девалась Широкова? - спросил Пшеничный.
- А никуда не девалась. Куда мы все деваемся? Упилась, да померла, наверное, пусть земля ей пухом... Широкова выпила однажды – такого чего-то – смотрю: в стенку лезет. Испугалась: «Кого делаешь?»
- Алла, посмотри на себя в зеркало – до чего дошла, - предлагает Пшеничный.
- Не буду.
- Почему?
- Зеркало сбежит.
- А такую Буланкину Катерину знаешь? – спросил Доктор. – Я, как иду мимо, сидит на заборе, кричит: - Доктор, я ещё живая!..
- Наверное, Комиссарша. Живет в бараке на станции. Назначено под снос, пола уже нет, - доски растащили по дачам. Катя там живет, командует над бомжами – это подай, другое принеси. Не принесут выпить – не пустит на ночевку.

Доктор - Пшеничному:

- Ко мне обратились женщины из новой общественной организации «Семья против наркотиков». К вам тоже придут... Как надо к ним относиться? Матери, объединившиеся вместе, вызывают сочувствие, но много ли они в состоянии сделать? Кто их услышит, да и что они могли бы сказать дельного?..

Говорят красноречиво, добывают плакаты, книжки по перевоспитанию наркоманов. Чего-то им нехватает. Силы, наверное – силы закона прежде всего...

- Многое не хватает. Законы наши гуманные.
- А, допустим, введут принудительное лечение?
- Была наркозона, - напомнил Пшеничный.
- Помню. Собирали их вместе. И туда несли наркотики.
- За деньги все покупается.
- Мне рассказывали: удержаться было почти невозможно. Хотя не все возобновляли, - признаёт Доктор. - И там.
- Зато по выходе становились еще более алчными к наркоте.
- Тупик?
- Похоже, тупик.
- Мамочки могут барыгу какого-нибудь раскрыть, - полагает Доктор. - И на этом останавливаются.
- Или их остановят. Никто не хочет сильно большой огласки...

Руководительница Нина Георгиевна ради сына-наркомана, чтобы его спасти, создала организацию из таких же горемычных мамочек.

- В армию его не взяли: нашли дырки от уколов. Может быть, если бы отправили служить, там бы исправился. В армии дисциплина, жизнь напряжённая, по звонку, нагрузки. А здесь они болтаются без дела, кругом соблазны – пиво, наркотики.

- Такие и в армии не прекращают. Вы думаете, туда наркотики не проникают?
- Нет, я так не думаю. Везде одно и то же. Надежда теплится – хоть где-то хорошо, где нас нет.

Собираются вместе, проводят мероприятия, выпускают пропагандистские плакаты типа «наркотикам – нет». Общаться с ними интересно, но реально помочь мы им, тем более они нам, как-то не очень получается. Потому что неясны цели и возможности и медиков, и общественников.

Устроить бы для них (наркоманов) учреждения по образцу армейских: дисциплина, спать и вставать по звонку, и есть также, остальное время трудиться. Осмысленный труд, из развлечений кино по пятницам, библиотека, захотят – учиться, получать специальности – пусть.

Так, да не так. Закона нет. Допустим, приняла Дума закон, так где средства, где кадры? Хорошо, нашли деньги, хотя и мало верится. Вероятность почти нулевая. Но помечтаем.

Идея, какова идея? Здоровье? О здоровье начинаем думать только в самую последнюю минуту, когда уже билет на тот свет выписан и, как правило, не подлежит отмене.

- Честно сказать, я бы за это дело не взялся, - заканчивает Пшеничный.

Нина Георгиевна:

- Быть может, правильно поётся в современной эстраде? Песенка времен полураспада империи: «*Я люблю военных, сильных, здоровенных...*». Или: «*Два кусочка колбаски у тебя лежали на столе. Ты рассказывал мне сказки...*» Два кусочка колбаски – подумать только! Это ли не голодуха?

- Однако, чего бы вы, Нина Георгиевна, хотели от военных? Чтобы они вместо обучения солдат своему делу, исправляли недоработки родительского воспитания?

- Того, что было высказано выше. Порядка.

- Видите ли, военный человек воспитан, как математик: перед ним поставлена задача, он её решает. В соответствии с инструкциями, приказами, в конечном счёте – согласно уставу. Приз – жизнь своя или своих подчинённых. При неудачном решении, безотносительно от причин, - гибель или рабство. Проигравшего, его семьи, его народа. Его армии, его страны.

Ушла разочарованной.

Доктор: - Абсолютно точная оценка. Я расстроился. Но переживу. Ибо всё правда.

Пшеничный: - В наших поражениях – истоки наших побед.

- На ловца и кит плывёт..

- Не хотят учитывать, что у армии задачи готовиться к войне, и воевать, если, не дай Бог, придётся. Для этого солдат принимает присягу и наделяется оружием. Наркоман станет выполнять обязательство, которое содержится в присяге? Нет. А кто поручится, что оружие будет употребляться по назначению? А то – на стрельбах возьмёт и пальнёт в ухо товарищу? В спину командиру?... Сбежит с автоматом, и пол-деревни перестреляет... А маме – подай «*место, где дисциплина и порядок*»...

Пшеничный: - Да, приходилось сотрудничать. К участковому начальство всегда направляет – твоя общественность, ты и работай... Что можно сказать? Случайные люди не выдерживают. Им либо скучно становится, либо муторно. Но и увлечённых достаточно. За уши не оттащишь.

Был короткий подъём, как эпидемия на нас навалилась. Смотрите, они, общественники, маленько пошумели, и уже начали остывать. Опять же от людей зависит. Есть у кого-то личная заинтересованность, то подсуетится, пока не остынет.

- Почему, как вы считаете? Препоны появляются, неохота их преодолевать?

- И это. Но бывают матери, такие энергичные, что всё сметают. Но и у них результаты минимальные. А знаете, в чём загвоздка? Опять же человеческий фактор. Нет, чтобы самим разрешать свои недоумения. Ищем возможности прислониться к чему-то крепкому, прочному, неодолимому. Идём к тому, кто нам кажется сильнее нас. К человеку дисциплинированному, подтянутому, вооруженному, и в переносном, и в буквальном смысле, знающему правила поведения в обществе и соблюдающему их. И надо, чтоб у него была опора на монолитную организацию. Понятно, о ком и о чём я говорю? Об армии или органах внутренних дел.

- Понятней некуда.

- А какие у нее личные возможности? Переть грудью на торговцев... Случается, и прут, и сталкиваются с бедой лоб в лоб. И снова - куда крестьянину податься? В милицию.

- Круг замкнулся. Личные проблемы состыковались опять же с государственными.
 - Только милиция уже не та.
 - И государство – не монолит. Вчера, возможно, и был монолит, а нынче всё поплыло, поплыло, и остановки с берегом не видно... Лодка накренилась, вот-вот повалится набок, а волны всё выше...
 - Органы чтобы решали за общество? Этого никогда не было, нет и не будет. Во всяком случае, от полицейской диктатуры нас избави боже... Давление на нас – это да, осуществляют. Вернее, пытаются осуществить. Возможно, и правда ваша – надо с ними, с общественницами обходиться поласковей, посердечней...
 - Не прогонять...

Доктор – интеллигентному пациенту:

- Вы здесь первый раз в жизни. Скажите, можно ли было не напиться?
 - Не напиться всегда можно.
 - Что же случилось?
 - Племянника убили.
 - Оплакивали, значит?
 - Жалко парня, из армии вернулся, убили по пьяни на встрече.
 - Вас задержали возле питейной точки. Задаром пили, на халяву? Со случайными людьми – в протоколе правильно записано?
 - Со случайными, доктор, каюсь. Налетай, подешевело, расхватали, не берут. После похорон мне было всё равно, с кем пить. Мне наливают – я выпиваю. Дают - бери, бьют - беги.
 - Так просто? Вы работаете?
 - Инженером. В отпуске. Имею право на отдых. По конституции.
 - Незнакомые люди вас просто так поили, за красивые глаза? Тоже - по конституции?
 - Наоборот, я покупал...
 - И денег не жалко?
 - Деньги – дело наживное. Чего их жалеть? Хотите, скажу своё мнение про водку?

Водка, доктор, никогда не бывает чересчур дорогой. Особо дешёвой тоже. Срединка на половинку по цене. И всегда в достатке. Всё в дефиците, а водка на полках присутствует. Мы с вами не первый день живем на свете. Помним время, когда зайдёшь в магазин, и видишь пустые полки и прилавки. Консервы «морская капуста», и ничего больше, зато водки – пей, не хочу. Трехлитровые банки – как на подбор стоят. Одна к одной, снаряды артиллерийские...

Чудо, оно и есть чудо. Говорят: давайте запретим водку. Ну, запретили. Что вышло? Частник - тут как тут. Морду навострил, ларьков наоткрывал. Торгует, первый капитал в банк складывает. У казны рука ослабла, у частника - усилилась. Кто в школе учился, по физике проходили – закон сообщающихся сосудов. Свято место не будет пусто.

- Госмонополию на водку вернут, как считаете?
 - Вернут обязательно. Не сейчас, так после. Законный доход государству. При любом строем – при коммунизме, при капитализме – деньги от водки должны законным образом поступать в карман государства.

- А качество?
 - Хороший вопрос. С химических производств техническую жидкость спиртовую облазнительно посыпать на винзаводы. Контроля нет. Вы как полагаете, можно ли сидеть у воды и не напиться? Нельзя. У них свои связи сформированы, очень прочные.

Всё же у государства больше возможности контролировать качество продукта. Были гости, были стандарты, ОТК... Массово травить граждан любое правительство не заинтересовано..

-Вернемся к индивидуальным решениям. Вы лично лет пять назад, скажем, ходили на улицу заливать горе или отмечать радость - без разбора, в каких компаниях?

- Старею, доктор. Признаю, что старею. В лечение не верю, хоть озолотят, не верю. Сам дозрею, разом брошу пить.

- Но я вас тогда не увижу. Здесь?

- Здесь ни за что. Я сам вас найду и доложу.

На том и простились.

А вот супруга его интеллигентная дама **Ксения Яковлевна** с позицией мужа не согласна – обманет в стотысячный раз:

- Я специально пришла, чтобы вместе с вами уговорить моего мужа на лечение. Хотя бы попробовать. Прочту вам «Гимн алкоголиков», который я написала на мотив «Не кочегары мы, не плотники»...

*Не кочегары, мы не плотники,
Но алкоголя мы работники.
Не видим дня, не видим месяца.
Бутылка нам в тумане светится.
Мы пропиваляем всё, болтаемся,
Дрожим, трясемся и валяемся.
И над родными издеваемся...
Бал правят водкою налитые
Утробы наши ненасытные.
Всю жизнь боянам и куражимся.
Вовек от пьяники не откажемся.
До состоянья, до дебильного.
До ямки. До холма могильного...*

- Впечатляет, - похвалил Пшеничный.

- Легко представить, как вам опостылел ваш пьяница, - сказал Доктор. - Но ведь не бросаете, не выгоняете. Сами не уходите.

- Редко какая женщина наберется мужества и терпения на то, чтобы избавиться от этого баласта... В большинстве же мы - жалостливые особы. Мы, близкие, спешим за призраком чуда... Вдруг повезёт, вылечится наш горемыка, И мы – с ним вместе... Вот был бы праздник для всех нас!.. За все соломинки хватаемся, а тонем ещё больше.

- А плыть без баласта?

- Доктор, вы мудрый человек. Поймёте то, о чем я хочу сказать.

- Скажите.

- Кино способствует пьянству. Учит пить. Доказывается, что пить надо обязательно. Кино смотрим наше, другого мы фактически не видим, да хоть бы и чужое, американское, та же ересь... Кино достигло высшего художественного совершенства. Фильм «С легким паром» я смотрю в тысячный раз. В тысяча первый! И не я одна, все кругом тоже.

Но это фильм упадка, у показанного там общества нет перспективы. Смотрите. Там сходятся неустроенные, фактически пожилые уже люди, 34, 36 лет. Тут же их матери-одиночки, воспитавшие чадушек в безотцовщине. Для того, чтобы состоялось счастье, нужно чудо. Показывают одинаковые постройки в разных городах, архитектурный

стандарт, без всякой выдумки. А также непременное пьянство, как радость жизни и путь к счастью. А у меня две взрослые дочери. И семья сохранена.

Между прочим, и «Служебный роман» построен на подобных принципах – пожилые, одинокие люди. Правда, хотя бы здесь обошлись без пьянства.

- Или «Вокзал для двоих», - вставляет муж. Но перевести стрелки не успевает. Жена ставит вопрос так: лечиться!

- Кино уже своё дело сделало. Будем шагать с этой отправной точки. Завтра идём к Доктору.

И ведь пришли...

Отрывки из диалогов, по записям в тетрадях Доктора:

-На Камчатке руку потерял – доски пилили. (Одежда рваная, в грязи – спал под лавкой во дворе). Семьи нет. Была жена – разбежался. Детей – даром они мне не нужны. Я сам без матери, без отца вырос.

- Отец повешался год назад. Мать живая. К ней собрался – меня повязали. Выпил, на подвиги потянуло.

- Думал, хватит, как говорится. Да не было случая!.. Один. У горсада. Красное вино, пиво. А не знаю даже, сколько. Кружек пять – шесть. Вот оно и сборою. Я вообще-то много не пью. Ногу 10 лет назад под поездом оставил, кулья воспалилася. Чтобы унялась боль – выпьешь, полегче вроде. Потом опять заболит...

- Без ног – трофические язвы на кульях. Обморозил, ампутировали. Кулья болит, к погоде так ломит, что только и пить...

- Тёщу гонял. Чуть дом не сжёг. Тёща и посадила.

- Мать хоронил. Друг помог могилку копать.

- Соседа хоронил.

С опорного пункта милиции. Ватные, черные, сальные брюки: – Дочка, 12 лет, вызвала.

- Я вчера у тетки был. Яблочную пили. Сколько? Ой, не знаю. Море, наверное.

- Заявление от соседей: «*Пьют оба, муж и жена. Дети ночуют у соседки, на улице или в подвале*».

Глава тридцать вторая. Юнгородок..

Посмотрим на недавнее прошлое хотя бы глазами Антонины Захаровны, уроженки Чеминяевского района и Федосея, аборигена из Медвежкина Лога, того же района.

Захаровна: – Мы поселились здесь, когда еще были бараки.

Первоначально там, где потом разлилось море, – была большая низина, сажали картошку. Привезли кучи песка. Мы – ума-то нет! – прыгали, как маленькие. На пустоши стояли семь столбов. Больше до плотины ничего не было. Мост хотели строить и раздумали, а столбы остались.

Березовые веники вязали.

Паровозик ходил.

Была узкая просека. Идёт какой-нибудь парень. Солдат много было. Нападали на девушек. Спрячешься, присядешь в траву, тебя не видно.

В пойме сажали картошку, с двухсот кустов – хорошо, если ведро набиралось..

Картошка не родилась. Набирали мелочи – едва мешок – меньше, чем садили. А тут придурак нашёлся, из тех, что мешки грузили. Садитесь, мне с подружкой говорит, каждая в мешок, покажем, будто картошка. Проверим на внимание. Ну, мы, две клуши послушались, думали, пошалим, да высвободимся и уйдём. Вот он посадил нас в мешки, завязал, приготовил к погрузке. Полуторка пришла, гудит, мы в мешках, ни

живы, ни мертвы. Того обалдуя след прости, нас постигла удача, что распознали, «вы как в мешках оказались?». Ревём, слова не вымолвим...

В деревне Ирбинской была разгромленная церковь, разбирали на дрова. При этом главный безбожник упал, сломал чего-то из костей.

- Бог шельму метит, - ввернул Федосей.

- И все так поняли: наказание за грех. Но вслух обсуждать не смели. Побаивались. Заступаться за храм было не принято... Так только по углам шептались.

Бараки были длинные, стояли там, где сейчас девятиэтажки. Были бараки на Сосновой Горке, на Крутом Яру. В Юнгородке – 11 бараков, в одном клуб. Я там не была ни разу. Некогда и не к чему было. Другое на уме: учёба, потом работа без передышки.

Солдат меня перехватил где-то по дороге. Вроде как врасплох застал.

Сказал: «Пойдёшь за меня?

Нет бы, спросить, куда идти-то.

Пошла напропалую...

Строились брускатые, двухэтажные дома. На месте больницы было пшеничное поле. За бараками тянулся ров, что-то текло. За рвом начиналась деревня. Мостики не было, переходили по какой-то трубе. Был асфальт, везде росли яблоньки, весной наступало пышное цветенье. Улица братьев Силантьевых состояла из финских двухквартирных домиков и двухэтажек, построенных позднее.

А я уже сошлась с Лукьянином. Солдат, форму носил, и следил, чтобы всегда была в порядке, хотя в стройбате за этим не так строго смотрели, высокий, говорил хорошо, играл на баяне. А много ли чего я видела прежде? Настоящих мужчин-то, пожалуй, и не видывала, кто бы объяснил, какие настоящие... Отец всю войну прошёл, вернулся, а почти вся деревня там осталась. Отец, потом Лукьянин – военные, для меня много значило. К тому же из Латвии, вроде не тутошний, наобещал – поедем туда к своим, увидишь, как примут.

Долго ли уши развесить?

Вот и развесила. До сих пор висят...

Жить где-то надо, семью завести. Лёнька уже – вот он.

В больницу поступил министр железнодорожного транспорта, какая-то травма случилась. Отдельная палата, лучшие врачи... Простой. Позвал меня: «Тонечка, зайди!» Стал расспрашивать, как ты живёшь, да где. А у нас уже был Лёнька, прописаны были у сестры в Васильковом. Своего угла не было. «Будем решать». Выдавали углы в бараке. Меня начальники позвали. «Ты комсомолка?». Выдавали комсомольцам. «Выбыла». «Спешно вступай опять!» Записали меня в какую-то бригаду – и Подлеснов, а не Подлеснова, Антон вместо Антонины. Так вот и получили девять метров в бараке.

... Мало, а всё ж – свое. Лукоянка садился на диван, ноги упираются в другую стену. Зашла Лидия Дмитриевна: «У вас много людей, я потом зайду». Было много семей, все знали, что у соседей делается. В Новый Год выходили с рюмками в коридор, чокались.

Лёньку должен был Лукоянка увести в садик, он ушёл, но про Лёньку забыл. «Я-то думал, он с тобой». Я пришла, стою на крыльце, не знаю, где искать. Соседка идет: «Ты, Тся, кого потеряла? Лёньку? Так он у меня спит». Лёнька на крыльце сидел и плакал: «Папа ушел в туалет, и долго не приходит». А он убежал.

Двери не закрывали. Воровства не было. Жили все в бедности. Михаил Евгеньевич Мешков сочинял музыку, делал стенгазеты, вывешивал портреты лучших людей, с детьми устраивал утренники. Работал в ДК «Строитель». Играли на гармошке. А Лукьянин пьяный тоже играл – на баяне. Пел, а дети плясали.

Дядь Лукьянин, дядь Лукьян,

*Ты всегда бываешь пьян,
А когда бываешь пьяный,
То играешь на баяне.*

Мешкова произведение.

Жить в бараках счастье было.

Окончила училище в горбольнице, хотела в деревню. «У нас училище городское, распределяем только в городе. Хочешь ехать в село, будешь без квартиры, устраивайся сама». Училище было на горбольнице, врачи там преподавали хорошие, помню, профессор Соловьев преподавал травматологию.

Приехала сюда, на стройку, к сестре, думаю, поживу день, два, полтора, поеду в село. Идёт навстречу Лидия Дмитриевна: «Ты хорошая девочка, я тебя знаю. Будешь у меня в поликлинике работать».

От деревни меня вылечили командировкой – на два месяца направили с бригадой делать прививки. По сёлам. Машин не было, всё на лошадях. Где живут более-менее, там фельдшер, а где плохо – фельдшера нет, медпункт завалился, пыль, паутина, найдёшь журналы, хоть что-то там записано. Приедешь, увидишь самый лучший дом – там управляющий живет. Идёшь к нему выпрашивать телегу – добраться до следующей деревни. Раз была одна тётка, о ней говорили: баптистка, никогда детей не прививает. Уговорила и её. Стоим с управляющим возле какого-то клуба, где мы примостились. Он, вдруг: «Смотри-ка, идёт!...» Ташится, и весь выводок при ней.

Не шли тогда сами прививаться – приходилось убеждать.

Поехали на запад, к родственникам с Лукояном. А они по-русски не говорят. Из принципа. А я по-ихнему ни бе, ни ме. «Кого ты нам привёз?» - вот и вся любовь. Так мы там не задержались.

Оттуда вернулись – к сестре. За мной бегут:

- Выходи на работу!.. В госпиталь. Там лежали важные люди. «Вступай в комсомол снова – будем давать комсомольцам квартиры». Дали в бараке 9 метров, лучше этого ничего не знала. Стоял стол, диван, кровать, ведро – топили батареи, не печи. Баян держали под кроватью. Надо играть – Лукоянка доставал, ставил себе на колени.

И все жили там молодые, один старый был, Мешков, я о нём говорила, – затейник, худрук в клубе: стихи, песни, гармошка.

Зашла к нам одна. Лукьян сидит, вытянул ноги, всю комнату перегородил. «Ой, я к вам зашла, а у вас гуляют...»

Потом мне предлагают квартиру на расширение, в двухэтажных брускатых домах. «Не пойду туда». «Почему?» Здесь мы ровесники, все молодые, друг друга выручали. Лёнька бегает по коридору. «Мамки нет!» - к себе зазывают, накормят, напоят. А там будут все чужие.

Потом уж на Семафорном нас поселили...

Один в стационаре лежал – управляющий из деревни, стал зазывать: «У нас хорошо, медпункт хороший, пустой стоит, и картошка под полом запасена, не сумлевайся». Как он «не сумлевайся» сказал, так у меня всё отпало.

В госпитале порядки были строгие. Утром больные заправляют койки, ложиться нельзя, только сидеть на стульчике. На дворе начальник увидит брошенный окурок – персоналу дадут нагоняй. Дадут разгон.

Настолько уставала, собой не командовала. Шла с работы, увидела похороны, везли какую-то старушку. Вместо того, чтобы идти домой, пошла за ними. И далеко ушла.

Конечно, в стационаре – 80 больных на смене, крутишься из последних сил. А в поликлинике – пусто, ходишь по кабинетам, работу ищешь.

Получили квартиры – стали жить отчуждённо.

Глава тридцать третья. Начало дня тёти Лизы

Транспорт для тети Лизы: как состоялось знакомство

- Здравствуйте. Смогу ли я отсюда проехать до кооператива «Колхозник»?
- Не была там?
- Была, да маршрут не помню.
- На дачу? Тогда поедем вместе. Мне надо туда же.
- Хочу съездить, проведать, как там, и что. Собралась маму определить на лето. Терапевт посоветовала.
- Там хорошо, среди природы...
- Боюсь немного. Всё-таки она перенесла тяжёлую болезнь. Инсульт с небольшим параличом. Сейчас здоровье как будто нормализуется, руки, ноги восстановились почти, но до полной поправки далеко. Часто кружится голова, а там она будет без меня. Работать в наклон нельзя, но кто про этопомнит? Она же сиднем не усидит!..
- Как сумеем, за твоей мамой посмотрим.
- Я по возможности буду приезжать проводывать, буду брать домой, вымыться в ванне, постричь... А вы не Елизавета Петровна случайно?
- Да, меня так зовут. А ты почему так решила?
- Много о вас хорошего рассказывают. А как вы сказали про то, что за моей мамой, совсем вам незнакомой, присмотрите, я и поняла.

Чтобы не стоять попусту, Елизавета Петровна рассказывает:

– В маршрутках езжу. Автобусы ходят редко, хотя и можно как пенсионерке за билет не платить, но ходят они в час по чайной ложке. И потому переполнены, ездят одни пенсионеры. Транспорт сжирает основные мои деньги. Стоять не могу. Терпения нет. Терять время – нож острый. Если только сей час не уехать, голова сразу разболится. Ждать не в состоянии. Маршрутки лучше: удобно, чисто, не толкают. Сидишь, как барин. Не украдут ничего.

С маршрутками на этой остановке неплохо. Зато обратная дорога сложная. Вечером с дачи уехать почти невозможно. Ждёшь часами. Автобусы, маршрутки – все пролетают мимо. 18-я полнёхонька. 12-14-я полнёхонька. 714-й платный автобус полнёхонек. С коляской не влезешь. Под завязку набито, поневоле втиснешься, едешь на одной ноге.

- Но мама же не работает, поэтому ей вечером уезжать незачем.
- Видишь, как: это переживание у тебя отпадает.

И вот они стоят на Кольце, где выстроилась очередь из маршруток. Но тот маршрут, который им нужен, пока не закрыт машиной. Ждут.

Шофёры ссорятся из-за того, кому везти первым.

Один, миролюбиво:

- Какая разница?

Второй, истерично:

- Какая разница? Один гребёт, а другой дразнится!

Третий, - потише, как бы про себя, со смакованием, назидающе:

- Какая разница, что плешь, что задница.

Тетя Лиза стоит, слушает. Поясняет Виктории:

- *Беда, барин, буран...* Ты не смущайся, на слух не бери. Их переругиваниям не надо придавать значения. Люди устают, хозяева требуют денег, а им самим нехватает. Конкуренция.

- Я в детстве и не такого наслушалась. Меня смутить трудно.

- В автобусе ехала, - рассказывает Елизавета Петровна. - Баба вошла. Огляделась, плюхнулась рядом. Если б вода была, то расплескалась. Другая – сумку убрала у соседки, ей на колени поставила, сама села. Кондукторша ко мне всё приставала:

- Садитесь!

- Да у меня ноги не достают до пола.

Опять:

- Место свободное, садитесь.

- Не буду я сидеть. Не сажусь, потому что колено болит.

Название «Колхозник» кооперативу досталось совершенно случайно. Просто собрались вместе первые поселенцы. Земля у нас никому не принадлежит, поселились каждый за себя, свободные люди. Но нужно же оформляться, платить куда-то, проводить свет и воду. Давайте сообща. А как назовемся?

- А как, если все обще...

- Всё кругом колхозное, всё кругом моё.

- «Колхозником» и будем.

И стали – «Колхозником». Люди ведь пожилые, хорошо помнят, как при советской власти было.

Земля в пойме отступившей в другое русло реки приобреталась путем самозахвата. Оставалось много свободных мест. Немерянные сотки Башкирцева, бывшего пресс-секретаря крупной организации, рано ушедшего (точнее – уведенного при смене команды) на пенсию, удовлетворяли его потребности в уединении. Он несколько лет потихоньку строил свою хижину *дяди Тома*. И та получилась наконец – сложенная из бруса, с довольно большим участком, который он по малолюдству посёлка не счел нужным отгораживать от леса..

Через несколько лет находившуюся неподалёку пустую бетонную будку занял какой-то угремый тип. Поковырялся в земле, но настоящего огорода не развёл. Стал потихоньку прибирать к рукам имущество, оставленное Башкирцевым во дворе. Вскрыл дверь в башкирцевский дом. Унёс барахлишко и исчез напрочь.

Однажды пришёл Башкирцев, и увидел вместо дома одни сгоревшие развалины. Присел на обгоревшее крылечко, пригорюнился, и стал думать, куда бы перебраться, чтобы подешевле, и начинать всё сначала.

Чем больше Виктория узнавала Елизавету Петровну, тем сильнее проникалась к ней, ближайшей соседке по даче, уважением, сочувствием, желанием у неё учиться, полагаться на неё в трудных обстоятельствах, - как, например, нынче, с мамой. Сами собой отпадали сомнения, что Елизавете Петровне какие-то дела не под силу, от чего-то она отбояится, пренебрежёт, в чём-то откажет. Да никогда в жизни!..

Была несомненной абсолютная надежность этого человека. Она всё сделает, за что берётся. Всё может. Будучи самодостаточной, могла бы и жить в довольстве, потому что обходится минимумом удобства, всё делает собственными руками. Но покоя нет, что зарабатывает, что сэкономит, всё до последней копейки отдает семье. А счастья нет. Семья всё съедает, ненасытная семья, непутёвая...

Стоптанные, сбитые остренькие каблучки у стареющей женщины – трогательный признак поздней советской и ранней послесоветской нищеты. Большая, неустроенная родня... Честная, чистая бедность.

- Денег нет. Как живу? Как кошка живёт, как собака живёт. Мяса, колбасы не брала полтора месяца. Картошка со сливочным маслом, соленья. Картошка, огурчик,

кетчуп... Молока мне в долг даёт торговка. Я – молочная женщина. Овощи в погребе – живу. Галка, дочь, иногда даёт денег – за землю платить.

Когда Виктория перевезла и устроила маму, то, посещая дачу, останавливалась возле огорода Елизаветы Петровны. Её дом – за две усадьбы не доходя нашего. Безумно интересно обсуждать с ней актуальные нынче вещи: режим дня, настроение, здоровье и болезни, вообще за жизнь, следит за политикой, и имеет здравые на сей счёт суждения, и получается, что обе – молодая и старая – не сговариваясь, выработали себе схожие принципы и манеры.

Схематично их общие установки можно описать так: основной закон жизнедеятельности – стараться по возможности рано ложиться и рано вставать. Ты ведь жаворонок. А такими рождаются подавляющее большинство деловых людей. Мир создан жаворонками для жизнедеятельности более всего жаворонков, и преимущественно жаворонками поддерживается мир и строится. Соры из него не исключаются, но тем, кто хотел бы спать днем, а работать в ночное время, - очень трудно.

Елизавета Петровна полагает, что на заре, только лишь разлепив ресницы, надо тотчас представить себе солнце во всём его сиянии и великолепии. Просто взять и подумать о солнце, это же счастье. И будете весь день жить этим ощущением солнца, пришедшего к вам лично.

Думайте: что именно сегодня вы сделаете для других. Это обязательно: для других.

Мобилизуйтесь: вам предстоит в единицу времени совершить максимум работы.

- Я себя чувствую хорошо, если у меня есть какие-то нагрузки. Чем тяжелее приходится, тем серьёзней. Тем полнее идет время. Я собираю себя в кучку...

– В 10 уже сплю. Встала в 4 утра, столько всего переделала.

А в воскресенье встала в пять утра. Всё перегладила. Плясала, пела.

Он вышел:

- Ты что делаешь?

- Уйди отсюда!...

На работу устроился.

Звонят ему.

– Я Санёк. Где Капитоныч?

– А что надо?

– Его. Вы его жена?

- Ну и что?

- Можно позвать?

Идёт.

– Алё, алё. Это ты, Санёк?

– Работа есть – будешь сидеть в цехе, ничего не делать.

Мне: - Пьяный.

Я так расхохоталась: пьяный! Подумаешь, редкость!..

Жили в частном секторе. Соседка была Мартыниха. Я пол мыла, стол круглый – круглые же были столы. Плясала, пела. Вышла в огород.

- У тебя, Лиза, гости?

- Нет. Я сама...

- Подь ты вся живая!

А сейчас только трух-трух...

Но даже малознакомому человеку заметно: не трух-трух, а энергии и теперь переизбыток...

... И характеру её полностью соответствуют те незамысловатые, но твердые рекомендации, которые даёт пациентам её шеф Доктор, а с ним она душа в душу работает третий десяток лет:

- Улыбнитесь. Просто так, в пространство. Ещё лучше, если вспомните кого-нибудь конкретно, кому от вашей улыбки будет теплее.

Установите дыхание. Сверьте часы: ночь закончилась. Дневной режим требует перемены дыхательного ритма.

Подумайте, как будете выглядеть в глазах окружающих: на работе, в транспорте, на дороге. А также: перед пациентами – перед коллегами – перед учащимися - перед покупателями – добавьте недостающее. При этом помните: главное в вашем облике внешняя опрятность и хорошее, доброе настроение. В конце концов от вас ведь ожидают всего лишь доброжелательности, всего только дружелюбия – такая малость.

Приступайте к разминке-тренингу. Тетя Лиза, и та, при всех ее болячках и горестях, ударах судьбы, - уделяет этому время. А нам с вами и сам Бог велит.

Наступает стержневая часть дня – запуск механизма: тренинг мышц и скелета. А через эти субстанции – головного мозга.

Ощущение погоды – как не простудиться и не перегреться. Крайности природы – тепло и холод, жара и мороз, сырость и сухость. Проверьте Ваше сегодняшнее отношение к возможному температурному дискомфорту.

Здоровый (сбалансированный, компенсированный, тренированный) позвоночник – основа здоровья, благополучия и деловой состоятельности.

Ходите прямо!

Дальше – необильная, но, вопреки диетам, по возможности калорийная еда.

И работа...Работа. Работа!..

А ещё – искать приятное в обыденности. Ибо яркое и в сером всегда прячется. Умейте распознать.

Тётя Лиза не только любит людей, и делает, сколько сил хватает, чтобы всем было хорошо. Она также небезразлична к собакам. Всё больше по части маленьких, беспризорных дворняжек.

У тёти Лизы на даче есть любимые собачки: Тувальсики. Она ещё только с маршрутки, они уж бегут, повизгивают, хвостиками виляют, слюнку изо рта струйкойпускают.

Вот маленькая стайка: Тув`альс, Дружок и Жульетка.

- У моей Галки проблема со спаниелем. Лика – бешеная, потому что молодая, полгода всего. Они, спаниели, все такие, молодые особенно. Кроссовки сгрызла, всё погрызла, тряпки на диване. Подпрыгивает и теребит ухо. Галка отвела на берег, оставила. Приходит домой – сидит у двери. Перешла через три дороги, машина её не сшибла. Собака охотничья, взяла свой след и по нему пришла. Усыпить – жалко. Гулять с ней некому. Поэтому встал вопрос, как избавиться ...Можно увезти в город подальше, и там её оставить. Дорогу обратно не найдёт.

На это надо решиться.

Пока не решились.

Елизавета Петровна - о соседке Любке, которая любит ходить по гостям:

- Как Колобкова корова. Откуда прозвище взялось? В деревне был Колобков. Его корова бродила по деревне. Пока все шкурки от картошки не съест, домой не придёт. Молоко течёт, она бродит. Так и говорили:

- Чья корова?

- Колобкова.

Елизавета Петровна: - Вижу цветные сны. Всегда вижу себя в детстве. Иду по лесной дороге. Всегда на одном месте. Ходили в лес за ягодами. С одной стороны там поляна с клубникой: берёзы стоят – не к`олок, нет, березняк, а за ним грачиная колок – грачи вили гнезда – клубника, кусты высокие, отвернёшь – ягода крупная, красная. Наберёшь, сколько нужно, идёшь обратно. Алчности не было. Не было этой алчности!.. Наберёшь, и хватит – пусть другим останется. И донник был – высокие жёлтые цветы, и белые – раньше это называлось люцерной. Грачинае гнезда попадались. Брали оттуда яйца, варили, как семечки, щелкали. Они же небольшие: вот такие. – Показала пальцами кружок. – Вот такие, синие, белок прозрачный, и соли не надо. Щёлкали, брали прямо из ведра....

В детстве ягоды собирала. Нападала всякая *ск`имода* – насекомые. Ягоды собираешь – они гудят. Присядешь на полянке – они тут как тут. Не отпускают.

Любила на конях скакать. Сидела боком. Седло не любила, жёстко, потник всегда мокрый. Сено метали, меня на верх забрасывали, делала вершину. Потом волокуша – две березовых жерди. С поперечиной, забыла, как называется, – привязывали к оглоблям. Я погоняла. Накладывали сено, потом женщина вилами пропыхала, сено падало на землю.

В бричку сено сыпали прямо из комбайна, через брезентовый рукав. Мешки центнеровые... Гонки на конях устраивали... На сеномётке – мыши, ящерицы. Привыкла их не бояться. В них нет ничего страшного.

- После училища работала по распределению в районной больнице в Балхаше. Это Казахстан. В райздраве назначили старшей сестрой. Все функции, какие можно, на меня возложили. За семнадцать километров ездила верхом за деньгами для больницы. Транспорта другого не было, а там лес и поле – пешком нельзя.

Решила уходить из совхоза. В райздраве заявила:

- Не уйду отсюда, пока не подпишете заявление.

Заведующий отказал. Я сижу. Пошёл на обед. Сижу. Вернулся. Разъярился:

- Катись к чертовой матери! – и подписал, не глядя.

В Балхаше, когда хлеба не было, в 63-ем году, очередь насмерть затоптала старика. Они топчут. Толпа ничего не разбирает.

У нас во время гонений на алкоголь, в винной очереди на Крутом Яру тоже раздавили человека. Там же, сколько помню, убили милиционера, пытавшегося сдержать напор.

Инстинкт толпы беспощаден. Пьяной толпы – вдвойне.

Захаровна: У нас огромная лужа под окнами, до самого базара. Машины в очередь стоят: не все проходимые, одна застрянет, остальные в затылок выстраиваются, шофёры матерятся, волнуются

Елизавета Петровна:

- Анекдот от бабушки слышала:

Мать отдала дочь замуж в другую деревню. Поехала навестить – беспокоится.

- Ну, как ты, доченька?

- Всё хорошо, матушка, да вот только полотенце мокрое.

- А ты, доченька, вставай пораньше.

- Хорошо, матушка.

Вот в следующий раз мать приезжает.

- Ну, как ты, доченька?

- Всё хорошо, матушка. И полотенце сухое.

Стала раньше вставать, и полотенце сухое. Там же мужиков много. Встают рано, умываются. Полотенце-то одно. Ей надо успеть вперёд их всех.

Вот бабушка сначала не объяснила, а говорит:

- Вот, вставай рано, и полотенце будет сухое.

- А почему, бабушка? Какая связь.

Бабушка и объяснила.

Бабушка так говорила:

- С худом худо, а без худа еще хуже.

Бабушка говорила, когда ничего нет:

- Ни дырки, ни воронки, ни с которой ни сторонки.

Весной:

- Прибыл денёк на воробышний скок.

Глава тридцать четвертая. Грабежи.

Виктория спросила у Елизаветы Петровны:

- Говорят, где-то здесь обитают бомжи. И будто бы наркоманы бесчинствуют. С моей мамой ничего не сделают?

- Маму пусть попробуют обидеть, только перья полетят!.. Наркоманы бродят повсюду. Гадят, пакостят. Шприцами всю дорогу завалили. Было такое. Но и на них управа нашлась. Сейчас от нас убрались. Не поверишь – блатня прогнала.

- Неужели и на дачи проникли?

- Теперь в кооперативе наркоманов не замечается. Но бывшие зэки живут. Сама узнаешь.

А на окраине наших участков есть овражек такой, за ним озеро, брошенная деревушка, вот какие-то дома, не до конца разрушенные, кое-как починят, дыры закроют, чтобы перезимовать и не замерзнуть, – там наркоманов тоже не стало, а бывшие зэки кучкуются. Что творили, лучше тебе не знать, Вика. После одного рейда милиции сильно присмирели. Похоже, драки случаются, но нас, как не трогали, так и сейчас не трогают. Собачину едят, наверное. Но, если в приюте ты не нашла своего лабрадора, то и здесь уж они точно не скажут ничего путного. Следы, как у змеи ног, – не отыщешь.

Я попробую разузнать. Ты пока не предпринимай ничего. Потому что время прошло. Если собака исчезла, то и не найдется. Чуда никакого не будет. Но я тебя успокою. И себя, раз уж меня твоя беда затронула.

В прошлую осень как-то по-особому избирательно грабили дачи. Судите сами: уносили одежду, причём в основном мало ношенную, чистую. Если еду забирали, то также качественную – только отборную и свежую.

-*Беда, барин, буран*, – сказала Елизавета Петровна. – Какая у нас еда? Богатой нету. Мы же люди хоть не нищие, но и особого достатка не скопили. – По осени там, в брошенном доме жил бомж. Как будто и на зиму остался. Вроде один. Но это вряд ли. Одному скучно, как бы там ни было, он грыз оставленные яблоки. Может быть, не все догрыз, тем и питался. Нет?

Там – это в оставленной подругой даче. Если так можно было назвать остатки её дома после пожара, устроенного бомжами, поселившимися в нем не нынешней, не прошлой даже, а позапрошлой зимой.

А весной в городе особенно часто стали пропадать собаки.

- Все столбы заклеены объявлениями. Своё втиснуть некуда, – пожаловалась Виктория.

- Но ты же нашла, куда, – утвердительно, как она умеет, чтобы подбодрить человека, сказала тетя Лиза.

- Нашла. Но что это даст? Барри пропал. И, похоже, с концом.
- Это у Васи надо спросить. Да где его найти, Васю? Носится, как метеор.

Елизавета Петровна: Наши дачные дела

И нынешней весной, в марте, дачники, прия на участки, снова застали свои строения как-то по особому специализированно пограбленными. Брали избирательно, прежде всего остатки того, что нынче именуется цветными металлами, принимается на подпольных точках, в гаражах, безотказно, и пропивается, несмотря на ценность в народном хозяйстве и катастрофы, происходящие от их покражи.

На даче вскрыты окна, у нас и у соседа Саши. У нас в сарае забыта выдерга. Двери целые. Предполагается, что п'одростки. Все переворочено, но ничего не взято. Что же они ищут?

Серый, как бумага, цветок – растение цинерария. Хозяйка выкапывает с корнем и увозит домой на зиму, а весной привозит обратно на дачу. В прошлом году не цвела. У соседа, живущего наискосок от нас, зубилом порубили лодку. Сама лодка оказалась ненадобна, сняли дюраль, оставили голый остов. Несколько годами раньше у него сняли алюминиевую крышу. Отнёсся внешне спокойно, тут же перекрыл шифером, и больше никто к нему не лез.

Слава Бобылёв, ссылаясь на сообщения очевидцев, знает, что орудует шестёрка мужиков, вполне взрослых. Дело в том, что на противоположном берегу, в Ярком Клину, открыли приёмный пункт цветных металлов. Поэтому грабители обирают дачи, награбленное везут на тачках до угла полуострова, куда на лошадях подъезжают деревенские жители, груз переваливается к ним на телеги, деньги на руки, и никто никого не знает.

- А им что нужно? – Слава показывает щелчком на горло, на руку там, где вена локтевого сгиба. – Выпить и уколоться.

Бобылёв:— Мыши ободрали деревья. Сосед нашёл отраву, уходя осенью, насыпал. Прия весной, нашёл отравленное зерно в ботинках – мыши заготовили на зиму. Но ничего с ними не случилось. У Братцева тоже погрызли. Всё в норах. Выпадет снег, они бегут, когда чуть слежится, бегут грызть кору, потом – по новому снегу, так норы располагаются этажами.

- Что люди, что мыши – воруют. А вот я ограблен жестоко: взяли инструменты. Из них пропали рубанок и шланг... Остальное подбросили на другие дачи.

Рубанок – иду покупать. Раньше стоил три рубля, сейчас зашел в магазин – тысяча триста!...

– Он что у вас, рубанок – из золота?

Был шланг, прочный, не изношенный. Взял другой, он на морозе не выдерживает, разлезается...

С учетом подброшенной в наш сарай или оставленной там выдерги – возможно, ищут инструменты, чтобы торговать, что ли. Не себе же!...

Рукосуев Николай Андреич привез жену. Сначала она увлеклась цветоводством. А он к своему огороду взял еще соседский пустырь, 8 соток. И теперь имеет пятнадцать. Сделал колодец, хотя вода рядом. Нет, устроил вышку, на ней бочку. На веревке достаёт ведром воду из колодца, наливает в бочку, а оттуда шланг уходит в огород. А то бы с леечкой ковырялся. Жена нездорова, сидела запертая в доме. Умерла. Он так отсюда и не вылезает. Но сейчас в больнице. То ли онкология, то ли инсульт.

Он распугал наркоманов.

Старый журналист. Несколько лет работал в газете, внештатником, писал уже и после того, как пенсионером. Не поладил с редактором. Пожаловался ему на волокиту. Грабили дачи, никто не реагировал. Дачники написали письма в прокуратуру – ни

ответа, ни привета. Писали в редакцию – тоже. Напомнил. Редактор рассердился: «У меня нет времени заниматься такими делами».

Ах, нет времени. И не надо. Перетерпим. Примем свои меры.

На даче подстрелил главаря банды. Пикап с замазанными грязью номерами 2 года ездил по дачам. Думали: возит кого-то из дачников. А тут – Соболев был один на поселке. Едут, собирают по дачам всё без разбора – грабят. Двое мальчишек, двое взрослых, главарь за рулём. Ему 23 года, уже имел срок. Цыганенок среди них – лазить в форточки.

У меня оружие узаконенное, с разрешением.

- Стоять!

Они на меня поехали. Выстрелил – ранил в руку. Мог убить. Милиция – чеминдяевская – приехали, долго жали руку. И наш отдел благодарил: 2 года охотились за ними. Суд хотели замотать. Я позвонил Барсову в «Вечерку». Он на другой день напечатал. Тогда зашевелились. Дали два с половиной года условно. И то хорошо. Барсов напечатал материал ещё один – и после суда.

На остановке собрался народ – давно не было маршруток.

Тете Лизе на остановке рассказывала Астаурова:

- Слушай, Лизавета, как со мной обошлись. Вырвали из рук сумку с документами и деньгами. Стояла на остановке, выскочил из кустов, треснул по башке, вырвал сумку и побежал. Я было за ним побежала, но чувствую, ноги ватные. Провела рукой по голове – мокро. В больнице зашивали.

Мужчина интересуется:

- А что бы делала, если б догнала?
- Не знаю.

Ещё одна женщина:

- Обкрадывают машины. К одному подошли на парковке. «У тебя колесо спустило». Вылез посмотреть, вернулся в машину – нет дипломата.

И другая:

- И прокалывают.

Пришла маршрутка, но номер не тети Лизы. Она осталась ждать в одиночестве, больше никто не подходил, и с ней тоже случилось приключение.

Но страшно ей не было. Ибо она давно поверила, что от судьбы никуда не денешься. И перестала бояться.

Мальчик Владыченский снимал шапки, отбирал сумочки у женщин. Долго не попадался, потому что действовал всегда один. Однажды поздно вечером на совершенно пустой, безлюдной остановке он так же вот подскочил к тёте Лизе, стал вырывать сумку. Она его узнала:

- Серёжа, это ты? Зачем же ты так? Тебе кушать нечего? Приди ко мне, я накормлю. Денег тебе надо, тоже можно по-другому.

- У меня долг, мне надо расплачиваться, – отвечал мальчик Владыченский, не покушаясь больше на её сумку.

- Расскажи мне, пока ждём. Всё равно автобус не скоро.

Долг у него образовался в ресторане. Он с товарищем хорошо посидели, да ещё взяли с собой. Стоил ужин полторы тысячи. К ним подошли, спрашивают расчёт. «У нас нету, затра принесём.» «О чём думали?» «Что завтра принесём. Что поверите» «Хорошо. Несите. А нет, так найдём – заплатишь собой. Идите до завтра». Отпустили. Принёс половину. Оставшиеся поставили на счётчик. За один день просрочки – 10 процентов долга. И вот он завяз, и вынужден делать то, что делает. Но у старушек денег немного, а шапки продать трудно. Залез в школу, взял компьютеры, но их тоже нужно продать. А некому.

Он пошёл в бойцовский клуб. Тренер – бывший десантник. Рука, что гиря, сам как стальной столб. Учит, как убегать, как ускользать, быть как тень... Ходил, тренировался.

Хорошо, тётя Лиза его узнала. А мог убить. Запросто.

У него была цель – идти в армию. Но придётся идти в тюрьму. Всё равно доберутся и поймают.

Ей все душу раскрывают, все с ней откровенны. Высшая степень доверия к этой женщине.

И он:

- В тюрьме тоже люди живут, не все пропадают. Там приобретают опыт, злость, завязывают связи. Для чего это нужно? И специальный опыт, и занятия у тренера – чтобы сначала построить класс, потом насаждать свой порядок, простой и справедливый.

- Здоровье подорвёшь. Оттуда никто здоровым не выходит.

- Я молодой. Я выдержу. Но прежде надо рассчитаться с долгом и уплатить всё, и по счёту. Иначе *там* правда не будут считать человеком.

- А ещё говорят, что есть люди, которые ловят собак, и из их меха шьют шапки.

- Я тоже слышала об этом.

- Скажите адрес. Мне такую шапку хочется на зиму. Чтоб не простыть. У собаки мех теплее, чем у кролика или у ондатры.

- Да я не знаю, - сорвала тётя Лиза.

А тут подошёл-таки автобус. И она уехала, а мальчик Владыченский остался. Кого-то ожидать на совершенно пустой, безлюдной ночной остановке.

Ему не шапку хочется, а ловить и продавать собак - на шапки.

Михаилины документы надо выручать у Рыбнадзора.

Прошлым летом выручала один документ. Зря только старалась.

Брат у меня двоюродный - Михаил. Молодой, дурной. На моих руках всю жизнь.

Еду к нему в Васильково.

Спросила:

- Где военный билет?

- Четыре года у Глухова в Рыбнадзоре.

Отобрали, как у браконьера, пока не заплатит штраф. И должен был всего 40 рублей...

- Сволочь ты, я о тебе пластаюсь, а ты палец о палец не ударяешь. Почему не забрал?

- Глухов сказал, что мы с ним выпьем, и он отдаст.

- Так это ж когда было? Уже и водка та проквасилась на сто рядов, а ты с ним всё не выпил.

- Не выпил, тётя Лиза...

Ну, ладно, еду на Рыбнадзор.

- Ты объясни, как туда попасть.

- От храма вниз, и там увидишь.

Из Василькова еду на берег, по жаре. Мужики сплошь на берегу, и все пьяные. Одна пьянь. Машины, машины. Спит один в машине.

- Эй, мужик, да где наконец Рыбнадзор?

- Вон туда, мать, иди!

Пошла, а далеко. Заросли крапивы, выше меня. Мужика спрашиваю:

- Собаки там есть?

- Есть, и не привязанные.

Подхожу. Дом кирпичный, новый, построенный. Берег – отвесной стеной. Собаки, четыре, - правда, отвязанные, - жрут из миски.

Рыбнадзор: все пьяные.

- Эй, мужики, собак уберите!
- Тебе, мать, чего надо?
- Дайте пройти.
- Иди, они не бросаются, если их не задеваешь.
- Глухова надо.

Иду. Собаки ко мне, рычат.

– Ну, что ты на меня рычишь? Я же тебя не бью, я к тебе плохо не отношусь. Не рычи на меня.

Мужики мне говорят:

- Глухов будет на дежурстве, в полвосьмого.

Мне бы надо подождать.

- А без него? – Объяснила дело.
- Да четыре года, вы что, все документы давно в отделе. Вам туда надо.

Иду обратно. Музыка, кричат – пьяные же!

- Может, есть ещё какая тропка поближе?

– Нет, одна только.

Собаки тихие, не кидаются.

Правда, обрыв крутой, никак не уйдёшь. А мужиков сколько – одна блатня, одна блатня.

Утром – в отдел. На лестнице – вот он, мой участковый. Знает меня и Мишку, ничего хорошего про нас не знает. Опешил:

- Вы что, Елизавета Петровна?

- Я не к вам.

Он отмяк, успокоился.

Пришла в Рыбнадзор. Опоздала работница на 20 минут.

- Все документы у нас в сейфе.

Всё пересмотрела – мишкиного военного нет.

- Через неделю выйдет женщина, которая здесь работает, а я временно заменяю.

Неделю буду ждать.

А тут Мишку и закрыли, как миленького.

С военником его и отпало.

Глава тридцать пятая. Федосей из Атлантиды

- И вот я думаю, - рассказывал Федосей, после того, как окончательно (проверим, и будем расценивать его нынешнее настроение по высшему разряду)протрезвел, - думаю, отчего Пушкин, когда увидел волшебника Черномора, сразу определил, что и этот друг тоже в зависимости. В такой же, как у нас, алкашей или курильщиков?

- С чего ты взял? - ошарашенно спрашивает Максим.

- А он его разве увидел? - спрашивает Захаровна. - Нас в школе учили: придумал, сочинил.

- В школе ещё и не тому научат. А я верю, что он увидел. Ты своей головой подумай: ты или я, - мы сможем такое придумать?

- Мы нет. А Пушкин - мог.

- Нет, он не придумал, а увидел. Пушкин.

- Отчего же Пушкин так поступил? Мы вроде его пьяницей не считаем, - спрашивает Стюард. - И ни на одном портрете с трубкой во рту тоже не видели.

- Не буквально, друг, не буквально, конечно. А тут дело такое: борода у Черномора позволяет летать. Это же дым из сопл`а ракеты... Эту реактивную бороду Руслан отрезал, повязал себе на шлем, и тем Черномора сп`ешил, положил в суму дорожную, и сам взлетел. Так что вот: борода - это же механизм, изобретённый атлантами, чтобы

преодолевать и расстояния, и стихии – из воды выпрыгивать на сушу, подниматься высоко в небо.

- Извините, мне пора бежать в универ, - попрощался Максим. Смеётся над выдумкой, как все, полагая, что Федосей говорит не всерьёз. - До завтра.

- Опять ты загнул, Федякин! - одергивает скептическая Захаровна. - Так сказка же, Федосей!

- Сказка ложь, а в ней намёк - добрым молодцам урок.

- А здесь в чём урок?

- А в том. Библию надо читать. Там у Самсона тоже с волосами могущество связано. Бог его наградил волшебной шевелюрой, и Самсон побивал один множество врагов. А как враги исхитрились, подослали лазутчицу, она коварно Самсона обманула, остиригла и лишила силы, и позвала врагов, - была подосланная нарочно, - сама растерялась, кричит: «Самсон, тебя убивать идут!» Но поздно уже было. Его, остиженного, и ослепили, и превратили в раба, и заставили работать на них.

- В те времена всё могло происходить.

- И происходило, что интересно. А наши сказки – из ничего? Из ветра?

- А откуда?

- Из Атлантиды, я так думаю.

- Не думаешь ты, а выдумываешь...

- И мы с тобой, алкаши, потомки атлантов. И собаки. А больше никто...

- Так т`о доказывать надо. Я, к твоему огорчению, не гожусь в Атлантиду, в рот не беру зелий.

- А мне не надо доказывать. Я и без доказывания знаю. Знаю потому, что верю.

- Ну, да, всем надо доказывать, Федосей.

- Высоцкого слышала? «Я себе уже все доказал». Ты, пожалуйста, извини, если ненароком задел. Извини еще раз, ты не алкашка, ты тутошняя. Но твой Лукоян был из атлантов.

- Он уже в земле, его не спросишь.

Грустила Захаровна, слушая федосеевы бредни. А вида не подавала. Разве что губы внезапно белели, и лицо делалось бесстрастнее, чем обычно. Тогда она выставляла из кабинета Федосея, и бралась за марлевую салфетку вместо платочка, а также за помаду и зеркальце.

Федосей

- Слушай, Макс, чо скажу.

Если по большому счету, Генка Богомолов не был виноват. Хорошо, виноват, но не слишком. А теперь на него всех собак навешают, И посадят в конце концов. А он оборонялся. Пьяный на него с ножом полез. Я сам видел, я при этом присутствовал, был в экипаже, Пашка Бутаков заболел, принёс больничный, начальник меня за руль посадил, больше некому. Алкаш раздухарился, не нравится, когда задерживают. А ножик сапожный острее бритвы. Генка ногой вышиб. И двинул его самого, и ножом этим самым случайно попал в сонную артерию.

Меня начальник отдела Дулепов спросил:

- Пойдёшь в свидетели?

После подумал: нет, тебе незачем. Начальник с председателем суда договорятся, сколько дать. Года четыре. Так и есть, четыре дали – всё же человек погиб. Теперь Генке милиции больше не видать. А у него батя протрубыил участковым всю жизнь, и сам Генка заканчивал школу милиции заочно, год всего оставался до диплома. Вот так вся карьера полетела. О нашей службе как пели в том, старинном сериале? И опасна, и трудна. И не оттого, что алкаши с ножами на нас кидаются. А оттого, что сам себя иной

раз потеряешь, озвеешь от их сопротивления. Озвеешь, когда он тебе в рожу плюёт. Ногами пинает, материт почём зря. Или обрыгает всего с головы до ног...

Пьяный, он и есть пьяный... Ты ему жизнь спасаешь, а благодарности ни на столько...

Чего не уходил? А куда? Без образования, после армии только *легавку* и знаю. Четвертый десяток здесь размениваю. И платят копейки, и грузят, как никого больше: трезвяк за всё отдувается. Ни участковые, ни уголовный розыск, ни вневедомственная охрана в таком напряжении не живут. А ты говоришь... Вот я с этим и свыкся. Как сюда после армии пришёл, еще при старшем Пшеничном, тогда он у нас был начальником в отделе, вот был начальник так начальник – умел с народом обращаться, у него не то, что недовольных не было – тот не родился, кто стариком Пшеничным был бы недовольным....

Предложил на время, вышло навсегда.

Вот смотри, как нынче все упростили. Думаешь, не обидно? Двоих пьяных вчера к нам доставляли. Наших, из вневедомственной охраны. Чубарова, из области – его машину остановили, были в штатском. Сегодня оперативное совещание у Чубарова – по ним решение. А какое ещё решение? Выгонят. Набирают, кого попало. Придурков и в милиции хватает. Меня проверяли полтора месяца, характеристики поднимали – как в армии служил в Красноярском крае. Представь!.. Не поленились. Так было положено, отсеивать случайных. А теперешних – сразу, без всяких проверок. Пришли оба по объявлению – и пошёл... Ну, не соберёшь теперь, раз отдел кадров промазал – чего делать?

Обидно, Макс, доложу тебе.

На пенсию просился, и просился. У нас по выслуге, и возраст ниже, чем у гражданских. Не отпускали, да я сильно и не настаивал.

Но ведь когда-то надо. *Отгулял конь по полю. Накусали его комарики. Под седло не годится, но телегу-то тащит.*

Присматривайся, пока мы все живы. Так или иначе скоро нас закроют. Терпеть беспредел власть не будет. Когда – не знаю. И куда станут убирать пьяных с улиц и из дома, дебоширов, – о том тоже без нас с тобой решат. Но что-то же делать надо.

Федосей с Захаровной

- Ты, Захаровна, зря на меня бочку катаешь. Сама знаешь – зря. Я с твоим Лукояном и выпил-то всего два раза. Кто его, скажи, гонял на рыбалку 9 ноября? Тоже я, скажешь? Лёд – как папиросная бумага. Он провалился, заледенел. Счастье твоё, что сам генерал ехал на джипе, остановился и привёз домой.

Опять пошли разговоры: закроют, закроют... Всю жизнь так. Но как без нас? Кто пьяных будет собирать? Генералов на всех не хватит. Худо, бедно, такие мы, какие есть, но хоть что-то делаем.

Наверное, первый раз мы с тобой услышали такую угрозу году в семьдесят седьмом. У нас начальник тогда был на сильном понижении Логунов.

- Тяготился службой, – дополняет Захаровна. – Он сильно пострадал. Был начальником райотдела, соблазна много. Район степной, граница с Казахстаном, торговал лошадьми. Поймался, конечно. Не судили, зато отослали к нам.

- А, может, подставили, Захаровна...

- Может, и подставили, кто бы спорил, Федякин... Одну звезду с погон сняли, остался майором, в медвытрезвителе – потолок. Имел университетское образование, носил красный ромбик на мундире. До него был начальником Черненков, тот всё время ошивался по больницам, народ распустился. Руководство, видимо, ожидало от Логунова, что наведёт порядок. А было что наводить. Бухали чуть не каждый день, и ты, Григорий, не просыпал.

- Было, Захаровна. Из песни слова не выкинешь. Что было, то было.

- Даже облизываешься. Приятное воспоминание?

- Попили её, проклятую. А что делать? Служба такая, что перепутаешь, где мы, где алкаши. Орут через дверь: «Вы, гады, хоть бы пили, да песни не орали, спать не даёте».

- Логунов попал в бесперспективное место. Малопрестижная и хуже оплачиваемая организация. Там, у себя, не взял бы на работу ни одного из команды. Бабанов ежедневно поддавал, а зарплата 80 рэ, где берет деньги? Рубахин – тоже. Под кушеткой бутылки. Осинин, милиционер, месяц не выходил на работу. «А у меня отпуск». А отпуск всего три недели. Дулепов вызвал: «Выходи, пожалуйста. Работать некому».

Федосей: - Служба наша - для провинившихся из других подразделений. Зарплата 80, а работа – не мне говорить, не тебе слушать, работа адская. Не хочешь, да сам запьёшь с ними – с тоски.

Логунов собирался в адвокатуру, 46 лет, ещё можно было, а через год уже и не разговаривали бы.

Сломленный был человек, в упадке. Не на месте. Любая мелочь выводила из себя. Чуть не плакал, как женщина. Пошёл в книжный магазин, хотел купить уголовный кодекс. А был без мундира, в штатском. Ему говорят: кодекса нет в продаже. Говорят, по распределению – в суды, в милицию. Сейчас нет. «Тогда хоть бы КЗОТ дайте». «Спросите чего попроще». «Книгу жалоб». «У директора». Пошёл к директору, представился. «Продайте УК». Кажется, продали.

Бензина вечно нет. 20 литров на смену, половину себе отольют. Если не больше.

Вот Доктор раз приходит, алкаш на приём нету. Другой раз тоже. Не собрали... Чего делать? Не самому же их поить и таскать в трезвяк.

Логунов быстро слизнял. Поставили из участковых Булатова. А он у себя в селе сам пьяных боялся. Они навстречу, шатаются, а он им руку пожимает. И пьёт с ними. В трезвяке старался проводить времени поменьше, сколь возможно было. Ты, Захаровна, с Доктором ходили навещать его в больнице.

- Да... Лежит, сухонький, небритый, покуривает. Огромная палата с мужиками побитыми, большая часть в травматологию по пьяни попадают... Нога отёчная, загипсованная, возвышенное положение. Что тут скажешь?

- Ну... Брата встречал на аэродроме, они в машине бутылку красного распили. Вышел из автобуса сзади, тут другой автобус, и подростки на мотоцикле, сбили его, перелом, и подростков не признали виноватыми, сам не посмотрел. Где тонко, там и рвётся.

Короче, не везло нам в семидесятые годы. А потом, когда трезвость стали наводить, опять нам насовали таких палок в колёса. Андрей Андреич пользовался авторитетом. При нём служба была службой. Хотя всё время на волоске висели.

Перестройка дел натворила...

Начальники менялись, а между ними Свиридова ставили и. о. Думали, приживется, останется на постоянную службу. Не сгодился.

«Сухой закон объявим, зачем нам отрезвиловка», так рассуждали в правительстве. И ехали у ментуры на горбу.

Я Свиридову говорю:

- Сперва кобылу напои, потом взнуздывай.

Он мне: - Ты напиваешься, как свинья. Огород не пашешь...

Захаровна: - Оба вы хороши гуси.

- Было дело. После того, как ты меня уломала пойти к Доктору, не пью же. А Свиридыч пользуется старыми данными. Не поймёт, что надо арматурные нервы иметь, чтобы смотреть на чужое пьянство, и самому оставаться трезвым. В конце концов не уволил, а то бы с кем остался? Как пополнение поступило, то меня перевел

на дебиторов. Туда не пьющий нужен был, а то как запьёт, так на работу не ходит, долги копятся, за это по голове не погладят, а по шапке надают, и не поморщатся. Ты, Захаровна, всё видела.

Сидел на профилактике. Начальник был на селекторе. Принимали мы с Доктором.

Доктор никого не пропагандировал – чтобы явно. Но с нами, близкими, настаивал: *система* – главное в одолении недуга. Его слова. И строил свою систему, как удавалось. С любым начальством ладил. Потому что себе лично ничего не требовал. Начальство не дурное – видит, человек реально работает на систему. Никому не мешал, а помог многим. Раскрутили, как он говорил, систему – девали, кого куда. В больницу, в ЛТП. Лечить на предприятиях, без отрыва. Кого одним только внушением урезонивали. Все же наши, медвытрезвительские посетители, им надо условия создавать для трезвости. А не абы как.

Жены, матери в жизни просвет увидели. Пришли к Доктору, тут и Федосей вроде бы на подхвате. Доктор так не считал. Не говорил так, во всяком случае. Говорил: коллеги.

Я сержант, он офицер запаса, я – не ученый, с четырьмя классами и сержантской школой, пройденной в армии, он – Доктор, с высшим образованием. Всё равно – коллеги...

Чутьё у наших было уже тогда. Нет начальника, нет машины, я – кабинет профилактики, дежурные со мной не считались – маленькая шишка. Разгуливали в пустых стенах – Халилов и Ярошенко.

- Скоро нас закроют.*

* Медицинские вытрезвители в том виде, в котором они действовали в системе МВД, на самом деле перестали существовать в конце первого десятилетия 21-го века. Без адекватной замены. Авт.

Иду по улице, останавливается внедорожник, за рулём женщина, ещё молодая, но на вид старше возраста.

- Вы же Федякин, если не ошибаюсь?

- Я Федякин, да.

- Садитесь, куда вам ехать? Я подвезу.

- А вы кто?

- Да вы меня вряд липомните. Тогда была маленькая. Набедокурила, а вы моего папку спасли от тюрьмы.

Сел, поговорили. Мало ли кого мы тогда видели у себя. Спасали тоже. А тот случай правда был редкий. Из ряда выстоящий. Кровища – как вязали Положенцева, пол-тротуара кровью залито.

Положенцев, главный энергетик Литейного завода, убил ножом Воробьёва. Воробьёв – сын того Воробьёва, что стоял на учёте у меня, как дебитор, и у Доктора лечился, и повесился. Сын пришёл из тюрьмы, и у них началась любовь с Олей Положенцевой. Такая любовь, что Оля ушла к нему. Была несовершеннолетняя. Воробьёв, как водится, пьянствовал, собрал вокруг себя бывших зэков. Преследовал Олю – исчезал, появлялся. Как появлялся, она к нему уходила. Отец был против, переживал, но ничего не мог сделать.

Воробьёв его дразнил.

Приходил орать под балконом:

- Положенцев, я тебе кишки выпущу.

Похвалился:

- Мы с твоей дочерью не то ещё сделаем. Я её проституткой сделаю.

К этому шло. Родители отправили Олю в Томск учиться - удалили от него. Потом она приехала - каникулы, что ли. Пошла на танцы. Четверо выслеживали из строящегося дома. Сидели за столиком. Женщина с балкона, когда Оля возвращалась, преудпредила:

- За тобой Воробьёв следит.

Что бы они сделали, четыре подонка: избили, изнасиловали, надругались бы всячески?

Как с Алкой Голыгиной...

Она ушла обратно, привела какого-то мальчишку, чтобы проводил. Отец выбежал, и Галя - мать - за ним. Один убежал, двоих Галя уговорила не лезть: пусть один на один разберутся.

Они с Воробьёвым остались. У Воробьёва нож. Положенцев спортсмен, выбил нож. Воробьев побежал и стал доставать на бегу второй нож. Положенцев догнал, выбил второй нож, подхватил и ударил в спину, дважды. Страшный, разъяренный, глаза налиты кровью, пена у рта, кричит.

Повязали, пришёл в себя, первое, что сказал:

- Я не помню, сколько бил, без конца.

Скорую помочь вызвали, довезли до больницы, умер в хирургии.

Наш Доктор был на совещании у зава хирургическим отделением, рассказывал: почка совсем развалена, видно, он там нож поворачивал.

Дальше что? Вся улица заступалась. Пошли в милицию, сказали, как Воробьёв его травил. Положительные характеристики, само собой, тоже учитывались. Он признался, что в шесть часов выпил, а то бы повели на экспертизу. Раньше не раз обращался, участковым зафиксировано, что обращался. Просил оградить, Оля же была несовершеннолетней.

Начальник меня вызвал:

- Ты его вязал, расскажи в суде, как всё было. Заступиться надо.

Дали условный срок, сколько-то. Вот время идёт, его пугают. На улице совершенно незнакомый мужчина, отвернувшись в сторону:

- Поостерегись, отец.

Пришёл ко мне. Как быть? Убью - срок, не обижусь: заслужил. Но дочь погубят.

Я его к операм послал. Там разобрались по-свойски. Пошептали с теми отмороженными - на манер, как бабки шепчут. Заговоры оперские применили... Все и разошлись по-доброму. И отстали.

Так вот она со мной поговорила. Повезла в супермаркет, купила коньяк, там, конфеты, все дорогое.

А я при чём? Отец и без коньяка отец.

Глава тридцать шестая. Приют для обездоленных животных

Татьяна

- Ситуация с приютом развивается по не лучшему сценарию. В приюте настоящая революция.

Я, знаешь, Виктория, отсутствовала, была за границей, на акциях, когда-нибудь расскажу, будет поспокойней, мы с тобой ещё обо всём погутарим всласть. Так вот. Вместо меня работала Ульяна, а ещё раньше...

Есть такая бывшая начальница лет восьмидесяти, чрезвычайно активная. Наверное, психобольная, возможно, даже шизофреничка. На голове такая люстра, перехваченная бусами, сама - девушка вся накрашенная, в одежде пристрастие к яркокрасным цветам. Вот когда увольнение рабочих оказывается. До прихода Ульяны они, эти

зоозащитники, были хозяевами. Рабочие воровали всё, что придется. Трупы околовших собак сваливали в яму, и так оставляли, никакой хлоркой не сыпали. Бух`али, отчёtnости не велось, деньги спонсоров забирали себе...

Приют на словах принадлежал общественникам, но по-настоящему был бесхозным.

Теперь мы к ним не имеем никакого отношения, на самом деле мы и теоретически, и практически государственные. Муниципальное учреждение то есть, со всеми преимуществами и недостатками.

Сероштанникова пролезла в общественницы, вызвала телевидение, ВГТРК.

Они прошли самовольно внутрь, наснимали всё, что она им наговорила. Будто Ульяна героиновая наркоманка, мы кормим собак щенками, сами едим собачину, усыпляем собак постоянно, а у нас и препаратов таких нет.

– Идите, она там обкотая сидит, – подставила Ульяну. – А её там в тот момент и вообще не было.

Показали телевизионщикам яму с дохлыми собаками, а обвинили нас. Стену в крови... Ульяна уволила одну воровку по статье за пьянство. Тогда они все подали заявления, все семь. Они и наговорили. Мы перекрестились, набираем новых. Пока что троих уже взяли. Кого попало опять брать не хочется. Ещё будто мы там огромные деньги получаем, а мы почти на общественных началах. Ульяну мама содержит. Её мама и создавала этот приют. Она в районе влиятельный человек. А сумасшедшая Сероштанникова как-то ловко пристроилась, и пиарится напропалую.

Эти рабочие говорят:

- Мы вас сожжём.

Эту передачу показали. Мы им туда звонили:

- Что вы делаете? Не показывайте!

Они показали. Ульяна написала в милицию, в прокуратуру. Сегодня встречаемся с редактором газеты, специализирующейся на разоблачениях. Ещё за нас три женщины из Коттеджного посёлка. Приезжают на розовых джипах, мы смеёмся: у нас калитка розовая, и вот два розовых джипа. Хорошие женщины, никак не задаются.

Возможно, Сероштанова и сама верит в то, что про нас сочиняет. Молву по городу пустили, что мы там воры, наркоманы, едим собак, машину купили за счет спонсорских денег...

Будет охранять УБОП*. Улина мама с ним связана.

* Управление по борьбе с организованной преступностью.

Уля отключила все телефоны, еще вчера была не подступиться: «абонент временно недоступен». Сегодня узналось, что она лежит больная, температура тридцать девять.

Вообще-то Уля у меня в замах. Но меня не было, и вся громада зла на неё обрушилась. Я уж давно при деле, а её всё дергают.

Доходит до абсурда. Жулики тут, как тут.

По городу ходит бабушка, просит милостыню на приют:

- Подайте бедным собачкам!..

Никто её не просил, мы вообще государственная организация. Пришла к мужу подруги на работу... Набрали копеек, накидали ей на обед достаточно. Булочку дали, чаю налили. Сочувствие у наших людей – вещь первостепенного значения. Но после один товарищ не нашёл своей шапки на вешалке. Вот вам и собачки, вот вам, бабуленька, и Юрьев день...

Смотрела местную передачу по ВГТРК России. Там строем стоят наши работницы и отвечают перед камерой. О чём говорят? Действительно, есть яма, где до сих пор валяются собачьи трупы. Эта женщина, которая нас обвиняет, кричит: было 209 собак, сейчас девяносто – где остальные?!. А это её собаки, при ней же их сбрасывали в яму. У нас за полгода умерли всего две собаки, притом одна в родах.

Обвиняет, что мы их усыпляем какими-то препаратами, у нас таких препаратов нет и быть не может. А где собаки? Их у нас разбирают, вот где они.

А Ульяна больше не работница. Вся на нервах. Ей – зачем погибать прежде времени?

Часть третья. Убрать лабрадора

Глава тридцать седьмая. Женский круг тёти Лизы

Елизавета Петровна зашла проведать маму Виктории:

- Здравствуйте, Жанна Аркадьевна, вы уже здесь? Начали сезон?
- Вика меня привезла утром на такси, сказала - привыкать к даче. Обещала на ночь взять домой. А вы?

- Я давно... Буду приглашать вас на обед. Когда снег ещё не весь растаял, уже я пошла на дачу. Надо было обновить кое-что.

- Обновили?

- Не всё. Но что наметила первоочередное, исполнила. Ни одного дня без дела не сидела. Как это другие сидят, я не знаю.

- На лавочке сидят.

- Не знаю, как бы я с ними на лавочке сидела. Взяла косточки, пошла Тувальсиков кормить. Лисичка так прыгала – пока я несла пакетик, прогрызла его. Застеклила наконец веранду. На крышу полезла, посмотреть, нет ли протечки. Показалось, что там проходилось. Внизу колючка – упала же, чудом не разорвала всё себе... Крыльцо обшила линолеумом – кто-то выбросил вполне пригодный, положила плитку орголита, под низ дощечку, всякий хлам положила, а поверх всего линолеум – красить же нельзя было. Теперь можно.

Покрасила.

Двор прибрала, как дом родимый.

И вот надо людей позвать. Женский круг.

Суп весенний сварила, позвала соседок. На веранде накрыла стол, налила всем, хлеб нарезала, масло в маслёнке, хлеб серый, белый, чёрный, кому какой, соль в солонке, перец в перечнице. Радости-то сколько: весна же! Небо синее, синее. Облачко стоит, снизу сизое, по сторонам, вкруговую, белей снега. Ветерок теплый, влажный. Пахнет проснувшейся зеленью, свежей пахотой. У меня же корни крестьянские, мама председатель колхоза, земля – это моё...

Сидим, любуемся – дом, дорожки, цветы... Все хвалят: веранда стала совсем другая. Застеклённая, как будто шире, и потолок повыше. На самом деле размеры не изменились, но так может показаться!

Карина сварила картошечки. Горячая, дымится, потому что миска заботливо укутана в большое полотенце. Поощрительно поясняет вечное рвение Елизаветиной подруги Карины:

- Мало заботушки с квартирой – так и на даче пластиается.

Тетя Лиза объясняет, почему стала стеклить веранду: не от хорошей жизни.

- Сороки и вороны одолели, залетают стаями. Орудуют, как хотят, только шум стоит. Мыло утащили. Всё, что есть, – всё утащат.

Одна сорока залетела. Присела, осматривается, на столе хлеб – хочет схватить. Я затаилась. Сдергиваюсь, чтобы не расхочотаться. Косит глазком. Все-таки схватила и улетела. Семена арбузные на столе лежали, на блюдечке. Хитрая, стала подбираться к ним, клюнет, и с концом. Успела прогнать её... Теперь стёкла ограждают – всё равно птицы летят: хлещутся в окна.

В прошлую лето вырастила 4 арбуза. Вроде беловатые. Один попробовала – сладимый!... Нынче опять посадила арбузы.

И каждая из присутствующих имеет свои интересы, и стремится к новшествам в садоводстве.

Анна Кирилловна принесла к столу сохраненную дома в морозилке облепиху. Она досконально разбирается в ягодах, и в новом сезоне позаботится о малине..

- Лучше всех – веслуха. Барнаульская, алтайская, огонёк – всё не то.

У Карины получается другое:

- Капуста – новый сорт, нашла семена. Кочан белый, белый, как снег. Когда разрежешь, листья большие. Кому требуется, берите у меня. Мне же столько не надо.

У Ксении Васильевны маленькое, но полезное достижение – она сторговалась с мужиками, стоящими на дороге при самосвалах, полных нужного, чего в магазине не купишь.:

- Купили машину навоза за 400. Один мужик просил 500. Другой сказал: 400. Пошли за нами!.. Когда мы приехали, то на дороге стояли 7 машин. Толстый шофер сказал мне без моего вопроса: 700. Поглядел внимательно и поправился: 600. Я ему: 300. После чего интерес ко мне у этого пропал. Другие не такие жадные.

Она привела с собою гостью, сослуживицу, которой собственная дача не нужна, но вот у подруги отдохала бы с удовольствием. Эти двое выставили на стол банку с деревенской сметаной. Подруга:

- Зовите меня Людмила, без отчества. Церемонии не люблю. Буду же с вами встречаться и дальше, Надеюсь, не прогоните.

И – о себе:

- Я бездетная, так уж вышло, что теперь делать... Муж был Коркин. Умер 3 года назад. А я вот здоровая баба, говорят, не дура, живу без мужа. Скучно. Познакомилась с одним. Расскажу вам анекдот. Мужчина здоровенный, бывший летчик. Прожила с ним 20 дней, и выгнала. Я шью шапки, чтобы торговать на базаре, стучу молотком. Он сидит рядом, читает мне Чехова. Едем на базар, я веду машину, он сидит рядом. Я ташу две сумки, он идет пустой. Пошли в гараж, надо чистить снег, он: «А как?». Лучше ещё десять лет буду одна, чем с таким мужем.

У тети Лизы загорелось говорить про мужа - Витьку. Кто здешний, те знают, что её с ним мир не берёт.

- Витька шишелся на кухне. Пригрозила: «Как шугану – полетят клочки по закоулочкам».

Жанна Аркадьевна ещё не посвящена в перипетии семейных несчастий Елизаветы Петровны, потому наивно и спрашивает:..

- За что, Елизавета Петровна?

- Ушёл в шинок – вернулся в дупель пьяный. Витька вот так ходит. (Показывает). Едва переставляет ноги. Вчера получил пенсию. Набрал водки с пивом... Сидит, лежит, сосёт, посасывает... Если разменять квартиру – добавки платить нечем, придется поменять на однушку. Я от него не избавлюсь – приползет, на Луне достанет.

Когда жили на поселке в своем доме, у меня в один год было очень много смородины, кусты усыпаны. Я набрала два ведра. Мне больше не надо. Пришла как-то соседка, говорит: приходили с эмалированным ведром, все обобрали. Ну, ладно, может,

кто из жителей Болота?.. Зашла в сарай, стоит эмалированное ведро. Он!.. Поставил вино.

Анна Кирилловна хочет смягчить рассказы приятельницы:

- А знаете, какое красивое вино? Нам соседка через забор подавала. «Вот какое вино мы ставим!»

- Знаю... Собирает с листьями, сучками, ставит...

На *деда* вызвала милицию. Приехали двое с автоматом. У него попа наружу – оранжевое вино, они все пьют – разлилось, бутылку убирает в тумбочку – разлил на постель.

Как ангел, идет с ними.

- Ну, сука, я вернусь!

Утром отпустили из вытрезвителя. Стучится:

- Мамка, пусти. Больше не буду.

- Холодильник потёк, мамка. Вода в холодильнике потекла в его суп. Суп – тюрь...
Мамка, да мамка...

А как она Витьку сапогом отделала!..

- Жили на посёлке. Он получил бесплатную путёвку в Белокуриху. Купил билет на поезд. Оставалось три дня. Пошёл пить к Москвичёвым. Сидели, квасили, и Валька с ними. Пьют, дерутся, опять пьют. В 4 часа утра пошла за ним. Он послал меня на три буквы. Я его сгребла за шкирку, вытащила на веранду. Он взял и ударил меня по щеке кулаком со всего маху, разбил до зуба. Он спускался по ступенькам, а я сверху. Тут в руки попал сапог – сапоги стояли 45-го размера. Я хотела его по горбушке треснуть, а он в это время обернулся, я ему, видно, ребром подошвы ударила по лбу и по носу. Содрала кожу, он заливается кровью, а не чувствует – пьяный же. Валька выбежала, схватила портянку – кровь вытирать. С ножом за мной погнался. «Убью!» Я добежала до автомата – где сейчас сберкасса, тогда был телефон-автомат, единственный на поселке, вызвала милицию, скорую. Милиционер, конечно, составил протокол, забирать не стал, я не согласилась. Милиционер: «Он тебя убивает, а ты его жалеешь.» «Ему же в Белокуриху ехать»... Как милиция уехала, он заявляет: «Убью тебя, суку!»

Так до сих пор и убивает.

Людмила: - - Вам еще повезло. Как моей маме. Ей 63 года, работает на огороде, у неё тоже дача. Нынешний, второй муж мало пьющий. Может с ней рюмочку выпить красного – у них своя компания, как вот и у вас. А я приехала с Братска 7 лет тому назад, муж со мной. Шесть лет муж как умер. Выпивала немного: пришёл друг помянуть, без выпивки нельзя... У моей матери первый муж умер. Его любила, подружка увела, а его парализовало. Инсульт. Мать думала: Бог есть, мне не досталось – уход и прочее, вплоть до похорон. А другая наказана.

А тетя Лиза про себя думает, но вслух не скажет: называется - повезло? Подожди немного, и второй допьётся до паралича. Раз помаленьку принимает...

Но у других не то настроение, чтобы долго выслушивать чужие печали. Позвали на праздник же.

И Елизавета Петровна продолжает про огороды – что для всех здешних, понятно же, на первом месте:

- У Мишки, брата двоюродного, в прошлом году бедные помидоры завяли без полива. Мне же не до его грядок, со своими бы справиться, и с ремонтом квартиры мишкиной. Не разорваться, посадить помогла помидоры, на большее сил не осталось.

- А он?

- Сидит же... Конец ремонту забрезжил, кота принесу, как заведено. Бедная картошка, едва 6 ведер собрала, на семена останется. Нарциссы вот-вот распустятся. Трава уже выросла, кому-то косить – некому. Заходят, кто попадя. На обрезном материале – бутылка...

Ксения Васильевна вспомнила:

- У нас мимо окна пролетело что-то мохнатое, что ли, мягкое. Думаю, кто-то валенок выбросил. Потом мимо – ширк, ширк...

Спросили:

- Может, кто-то сбросил кота?

- Скорее всего.

- Вы про котов. И я, – сказала Людмила, гостья. – Меня дома не было. Сестра с мужем приехали из Москвы, я их оставила, поехала по делам. Она посмотрела, что в холодильнике. А кот встал в дверях, и не выпускает. Сидели всё время, пока не пришли хозяева.

- А у моих друзей Шкандиных похожее случилось, – говорит Анна Кирилловна. – Только исход другой. Тоже гости оставались в доме. А хозяин был на работе. Кот бросался на них, держал их у стенки, едва выбрались.

Написали ему – хозяину – записку. Пришли вечером – он спит на диване. Кота нет нигде. Испугались: где кот?

- А я в него ботинком запустил, он и убежал.

И так до сих пор не известно, где.

А то стояли по стенке, а кот разгуливал, как хозяин дома.

Захаровна, которая угощает магазинными соками из литровых коробок – апельсиновым и клюквенным:

- У нас Тюпа. Любил Тюпа на окне сидеть...

Сидел, смотрел в окно. Вот Лёнька боялся: на окне ветром сдует.

И сдуло.

Дунуло ветром, створка закрылась, его сбило. Я зашла – где Тюпа? Лапы одни – когти на окне. Он уцепился и висит.

Больше к окну не подходил.

К Тюпе за двенадцать лет сильно привязались. Ну, и он распоясался, никаких приличий не помнил!.. Сейчас умер, мы долго не могли решиться взять другого. У Лёньки привычка – развесивает одежду на четырех стульях, так Тюпа везде пройдётся, процарапается, все газетные стопки растеребит, расцарапает. Бывало, выжидает, когда сядешь к телевизору, а к нему спиной, прыгнет на шею, быстро, быстро нашлёпает лапой по щекам, может и глаз выбить. И успокаивается. Он у нас сумасшедший.

Тетя Лиза комментирует:

- Ты не умеешь с ним обращаться. Свернула газету – и на него: «Ну-ка, брысь! Ну-ка, пошёл отсюда!» Загонишь под стол, он там и сидит.

Захаровну слушать интересно. И о новой кошке тоже:

– Высматривает, прыгает. Мне на плечи. Раз, раз, по щекам надает. И отпрыгнет. Под одеяло залезет и ползет к подбородку.

От котиков перешли к другим зверушкам.

Много развелось белок. Не знаешь, как уберечься от их шалостей.

Анна Кирилловна подверглась атаке:

- В городе, в квартире украла золотую цепочку.

- И с концом? – спрашивают.

- Самое удивительное, что я нашла на улице, совершенно случайно. Никто в дом не заходил, а цепочка пропала. Иду, смотрю – блестит на солнце, змейка лежит, поблескивает. Наклоняюсь, беру – моя цепочка. Не вор же, – значит, белка.

– Белка может. По балконам прыгают, видят открытую форточку – прыгают в комнату. После их посещения – будто грабители без помех пошурорвали.

Елизавета Петровна призналась:

- Всемирные чемпионаты смотрю. Как у наших золотые медали оспорили. Наших теснят отовсюду... Я плакала: у лыжника за сорок минут до соревнований взяли 170 грамм крови. Конечно, это сказывается на результатах...

Женщины сочувственно внимают страстному рассказу: она плакала!... Среди них, кроме неё, ни одной болельщицы нет. Елизавета Петровна пересказывает телевизор.

В прошлом знаменитая лыжница, чемпионка, теперь телеведущая: «Никогда раньше такого не было, чтобы насильственно доставляли на экспертизу. Могут схватить на улице, в холле гостиницы, взять из автобуса или из столовой». На вопрос ведущего, почему именно к нашей стране такое отношение, вразумительного ответа не последовало. Однако он подытожил: «Спорт давно перестал быть спортом, а превратился в политику».

Конькобежец, чемпион всего, чего можно, и тоже телеведущий: «Я был тот редкий спортсмен, который никогда не применял допинг – ни одной таблетки. Но допинг был всегда и будет. Уследить невозможно.. В стороне в конце остается спортсмен – не нужен. Администраторы, тренеры, журналисты – вот кто снимает пенки. Такие достижения, как сейчас, без допинга уже невозможны. Надо разрешить полностью такие результаты».

Еще комментатор – в том же эфире: «Президенту, тренеру лестно, когда одерживаются победы на соревнованиях – почёт, награды, престиж... Моя учительница Елена Миронова, известный спортивный врач, говорила крылатую фразу: «Физкультура лечит, спорт калечит». Анаболические гормоны – с этим практически ничего нельзя сделать. Джин выпущен, обратно в сосуд не загонишь. Лаборатория для определения допинга стоит 5 миллионов долларов, реактивы чрезвычайно дорогие, их запас нужно постоянно возобновлять. Поэтому понятно, что лаборатория должна работать, чтобы постоянно возобновлять запасы и оправдывать затраты».

- Б`елки – настоящие грабители, - снова заикнулся кто-то, подуставший от спортивной тетилизиной темы. Они же не болельщицы все.

Но лучше бы здесь про грабителей не вспоминали.

А то - как накликали.

Ибо явилась соседка Тамара Петровна, на ней лица нет. На даче поселились незваные гости – как быть, что делать? Она боится заходить в свой дом.

Сразу идиллия кончилась. А то расчувствовались, смотри-ка, рассопливились. Размякли дачницы... Вот жизнь о себе и напомнила.

Тетя Лиза оживляется, распаляется, ну, сколько можно терпеть, когда-то и конец будет!..

- Ну-ка, пойдем! Посуду после сама помою. Воды нагрею и помою. Вам никому не надо этим заниматься.

Пиршество по факту закончилось.

Быстремько всё доели, и, как бы зараженные её порывом, айда на разборки.

Зашла в избу. Там два парня, люди понятные: *утычка*^{*}, *латня*... Сошкин, бомж,

* Криминальные люди, из категории мелких воришек. Сленг.

балбес, другого раньше видела тоже, но как зовут, не знаю... туфли, нельзя дышать, - так воняют, два пацана, дышать нечем...

Кастрюлька, в чем варят *ханку*^{*}, сейчас пустая, изнутри вся почернела от

*самодельный суррогатный наркотик. Авт.

химикатов.

Топят печь тем, что разобрали ничью времянку, стоявшую на ничьей же земле, рядом с дорогой, а дорога государственная.

- Вы почему здесь ночуете? Вам что, за оврагом места мало? Вот новая хозяйка. Ей постояльцы не нужны.

- Мы не знали, что хозяйка новая. Думали, дом ничей, как в прошлом году. Уйдем, тетя Лиза.

- Чтобы через полчаса вас здесь как ветром сдуло. Приду, проверю.

- Всё, всё... Соберем манатки, и уходим.

- Полчаса даю. Больше ни секунды. Поняли?

И тут стали собираться ещё обиженные и униженные. По мере прихода дачников, в течение дня выяснилось, что на смежных двух улицах ограблены 12 домов из 14, кроме тети лизиного и карининого. Раньше не все жаловались, обычно промолчат и переживут, и забудут, а тут такой случай – разборки с участием самой Елизаветы Петровны. Как попуститься-то? И вот у них повод обнародовать и свои беды.

- Ко мне не лезут, думаю, что знают про Михаила.

Тамару Петровну обокрали полностью. Взяли всё: посуду – кастрюли, чашки, ложки, – одежду, у Георгия шерстяную кофту. Георгий трое суток лежал больной – так расстроился.

Значит, появился кто-то новый. Дашка появилась. Здесь женская рука чувствуется: украла посуду. Ей же Мишка морду побьёт.

Так это ещё когда... Срок не скоро кончится.

Дашка – бывшая жена Михаила.

Вернулись и разбрелись по своим дачам.

Тут и Виктория подъехала.

- У меня сердце не на месте. Насчет мамы. Как ей здесь? Спокойно ли будет? Говорят, жулики мешают жить...

- Мешают. И мы не сидим сложа руки. Как у тебя?

- Иду мимо 9-этажки на Сеяtele. Вдруг громкий, неприятный шлепок по земле. И в следующий момент вижу белую хорошенькую кошечку. Отряхиваясь, становится на лапки. На балконе третьего этажа стоит и ухмыляется мужик, голый по пояс, за спиной у него рыболовная снасть, типа крупноячеистого сачка. Он кошечку и сбросил.

Голову задрала, спрашиваю:

- Зачем?

Гогочет:

- Мне без надобности. Хочешь, бери.

- Я взяла. Вот.

Достаёт из сумки.

- Он ребенок, – говорит тетя Лиза. – Ему, должно быть, два месяца. Беленький, огромные, сверкающие голубые глаза.

Извлеченный из сумки, встречает людей: фр, фр.

- Надо пустить к вам в дом, Вика.

- Дом же не новый. Новоселье гулять не будем.

- Всё равно что новый. Давно не были. В прошлом году не были. В позапрошлом. Надо пустить, пусть разведает. Мыши завелись – распугает.

Тетя Лиза уже нагрела молочка. Вынесла в блюдечке. Котёнок жадно лакает. Давно голодный.

Тетя Лиза - Виктории:

- Ходила к Михаилу, двоюродный брат есть у меня Михаил, на огород. Огород брошенный, Мишке не до того... Сидит же... Снег взялся иглами, как в апреле. Лужа – одни иглы, красиво... Покормила Тувальса.

- Ваши собачки хорошо хоть зиму-то пережили?

- Пережили, все целы остались, я же и зимой к ним приезжала, привозила поесть... Замерзла, Вика? Нос красный.

- Правда, похолодало... Видела, проезжая мимо: стоят двое в воде, на море – зуб на зуб не попадает. Они обнялись и не двигаются...

Тетя Лиза достала две чашки, отвинтила у термоса крышку. Бросила пакетики. Поставила кружку с сухой малиной. Сухарики, печенье, кусковой сахар.

- Садись чай пить. С малиной сушёной. Сразу согреешься.

- Господи, Елизавета Петровна. Как у вас хорошо! Век бы вы меня не прогоняли...

- Пей, пей, Вика. Малина – полезная ягода. Соберёшь осенью, обязательно насыши, я научу, как сушить, чтобы и вкус, и все витамины сохранились. А вкус у неё, у сушёной, лучше, чем у свежей.

- Правда, лучше.

Глава тридцать восьмая. Медвежкин Лог

Брошенный домик сторожа на пригорке, рядом с правлением, где платим председателю и бухгалтеру, разваливается год от года. Потолок прохудился, между крышей и стенами большие зазоры.

Первооснователи посёлка при случае могут припомнить, что когда-то, в середине семидесятых годов сторож охранял не столько посёлок (из-за обширности заселявшейся тогда территории это было бы, пожалуй, под силу целой бригаде, а не одному маломощному деду), сколько лодочную станцию. Правда, и преступность была несравненно меньшая, чем сейчас. Совсем чуточная была преступность.

Потом у сторожа умерла жена от рака, посадили старшего сына, который умер в тюрьме, посадили младшего, и этот тоже умер в тюрьме. Потом сам сторож умер от рака. В домике селиться никто не стал.

Дачники потихоньку старились, лодок становилось всё меньше, плавать на тот берег, чтоб обворовывать чужие дачи, владельцы лодок, желающие поживиться на халяву, практически перестали.

Лодочная станция сама собой прекратила действовать.

Некому стало держать лодки.

Да и незачем.

Дачный посёлок товарищества садоводов «Колхозник» заканчивается там, где его естественную границу составляет глубокий и широкий заболоченный овраг с крутыми откосами – берегами. Прежде в ложбине протекала кристально чистая, рыбная речушка Ирбинка, но потом времена изменились вместе с ландшафтом. И в этой рукотворной нови Ирбинка сама собой куда-то делась, оставив после себя бездонный, нечистоплотный овражец. По другую его сторону едва теплятся порушенные остатки бывшей деревни Нижне-Ирбинской, о которой старожилы помнят немногое. Разве что историческое название, очень давно исчезнувшее с географической карты, в чьей-то цепкой памяти ещё осело: *Медвежкин Лог*.

На северном склоне длиннющей рытвины последние, серые пластины снега зачастую не тают и в середине мая. Т'опи внизу оврага не просыхают до поздней

осени, до белых мух. Густой кустарник тоже н`а дух никому не надо тревожить. Таким образом, сообщение между двумя населенными пунктами можно осуществлять лишь обходным, более, чем километровым крюком.

Мостов через овраг никто не наводит, потому что ни у кого нет в том потребности. В прошлом пробовали наладить тропки туда-сюда, но из-за болота и диких зарослей эти отчаянно смелые попытки не получили продолжения. Поэтому бомжи там, в бывшей деревне Нижне-Ирбинской, и здесь, в кооперативе «Колхозник» - разные.

С обеих сторон в овраг сваливают мусор. Возможно, когда-нибудь яма заполнится до краёв, кто-то объявит права на территорию, шутя или напрягая силы и средства, выиграет неизбежные тяжбы, пригонит камазы с землёй, бульдозеры овраг завалят, утрамбуют, и на бывшей безобразной плоскости в конечном счете поднимется импозантный ангар для автомобилей, а в отдалённом будущем и стоянка вертолёта, находящегося в безраздельной личной собственности никому покамест неизвестного олигарха-миллиардера.

-Так делается, - отзовётся Лёха чьим-то словам на пьяном толковище. И действительно: случаи были.

И дачники, и жильцы деревни стараются подобными перспективами головы себе не заморачивать. Живут себе, и живут, как Бог на душу положит, и мусором овраг полнят, думая лишь о дне сегодняшнем, а сказанное завтра ещё когда наступит – не доживём...

Лёха, кстати, перекантовывался и там, и здесь, по обеим сторонам бесхозной ртывины, но надолго его нигде не оставляют, да Лёха и сам к оседлости не больно тянеться.

Остается гадать, кто такой был Медвежко, Медвежкин, или, скорее, благозвучней - Медведко - первый, который здесь поселился, и чье имя в прямом или искажённом виде молва донесла до нашего времени. Зимовщик-охотник, беглец от колхозов, или вовсе спецпереселенец, из репрессированных, лагерный ли начальник – а больше кто? Фантазии нехватает...

Документальных данных не обнаружено. Фамилия в нашей местности не повторённая, не встречалась никому и ни разу. Федякин, уроженец деревушки Медвежкин Лог, проживший здесь первые, босоногие годы детства, не в силах был пояснить любопытным сложившуюся ситуацию с историей топонимического провала. Тем более, что населённый пункт де-юре перестал существовать. Де-факто – другое дело. Но об этом ниже.

Карты, самые подробные крошки обнаруживают на этой, забытой Богом площадке зияющую пустоту – лес, и ничего больше. Хотя и лес отступил уже отсюда на некоторое, для кроков мелкомасштабных значительное расстояние.

Но лес там не весь расташен. И вот доказательство: однажды утром брат Федосей разворочил под порогом кучу осенних засохших листьев и увидел свернувшегося калачиком спящего ёжика. Будить не стал, закидал его снова, а вечером пришел назад – ни кучи, ни ёжика.

Свиридов, как всегда, давай насмешничать:

- Тебе бы, Федосей-Одиссей, семь вёрст до небес, да всё лесом. Нету никакой тайги кругом сто лет уже, и ёжик твой удрал из зоопарка, а вернее из чьей-то семьи, по недосмотру.

- Григорий, зоопарк вон где, а лес тут, рядом, - смиренно возражает Федосей.

- Смешной ты, Федякин. Седой уже, а в сказки веришь. Или впал в ребячество, так и скажи.

- Дети - наш капитал, Григорий.

- Вот я и смотрю, сколь капиталу ты наработал...

- Тыфу тебе, - сказал Федосей, и покинул здание.

А так с утрянки радостно было ёжика увидеть.

Последние сведения, о которых поведал нам товарищ Федякин, он же брат Федосей, относятся ко временам послевоенным, отчасти уже послесталинским, когда он босиком бегал по травянистым пустошам Медвежкина Лога, а поселенцы выполняли важную для государства функцию надзора за некоторыми недобровольно водворёнными сюда подданными.

То были, как нетрудно догадаться, времена Паулины Карловны, старушки, что носила на голове колпачок, ловко выкроенный ею из мужской шляпы серого фетра, а из обуви на ней были разношерстные мужские ботинки..

Неподалёку отсюда, на Госконюшне, в глухи несусветной располагалась *спецкомендатура*. Сюда в любую распутицу плелись на отметку ссыльные с окрестных деревень. Из Нижне-Ирбинского (Медвежкина Лога) отмечались в числе прочих высланные из поволжской республики саратовские немцы. В том числе семья Крюгеров.

Паулина Карловна происходила из среды потомственных убеждённых коммунистов, руководителей республики, упразднённой и невозобновлённой, - выходец из немецко-советской элиты. В сталинские годы досталось ей мурцовки под полную завязку, мужа Хозяин не вернул, навеки за собой оставил, однако порода была кремнёвая, интернациональные убеждения все при ней остались невытравленными ни лагерями, ни ссылкой.

Когда настали иные дни, то устоявшие от бойни партийные старики зашевелились возрождать автономию, да вот один господин начальник из новейших – резвый был, ещё в перестройку оказался пойманым на том, что себе на какие-то шиши оборудовал славненькое поместьице, - так тот государственник с гнёздышком усомнился, «иши, мол, чего захотели, республику им подай! Мы же вам и так ГДР подарили, вы целую страну как с куста сорвали», и костьми лёг, а не допустил возвращения поволжских немцев обратно на территорию бывшей республики компактного их проживания ещё с того периода, когда предки их были позваны в Россию для обживания пространств рачительной императрицей Екатериной Первой.

Паулина Карловна никуда не поехала, и вместе с одним уцелевшим школьным товарищем после реабилитации руководила русскоязычным вариантом региональной газеты «Нойес лебен», выходившей в Казахстане.

Таким образом, привязывать к обездоленным спецпереселенцам здешнюю топонимику тоже, пожалуй, нет оснований...

...О том, что собственно сам лесной зверюга,aborигенный и типичный для сибирской местности, скорее всего уже был выбит и не смог участвовать в топонимическом мироустройстве деревни, говорит хотя бы такой факт, что определение *Медвежкин* выглядит чрезмерно фамильярным. Могли бы сказать: Медвежий Лог, ну, на худой конец, Мишкин, там, либо, предположим, Медведицын.

Нет же, установили – Медвежкин Лог, и в паспорте у Федякина запись тоже ни о чём не скажет. В графе «место рождения» указано – Чеминдеевский район, и точка, большая, жирная точка.

Рома Семьянов совершенно не опасался медведей, и даже ни на минуту не задумался об их возможном соседстве с тем заброшенным уголком, куда прилобунился вместе с несчастной своей, ненаглядной Маришкой. И это тоже факт, что во дни Миллениума было уже не до медведей. Телевизор не в счет, ибо сей друг вам накидает такое... такое покажет... тут у нас и слова потеряются...

Федосей-Одиссей брёл, брёл, и забрёл к знакомым женщинам в товарищество «Колхозник». Сидел у тети Лизы. А та обучала Викторию, как готовить рассаду к высадке. Виктория из вежливости внимала.

Ляпнул между прочим – подбирался к излюбленным словопрениям про Атлантиду:

- Я же мог и неучем остаться. Ни разу не грамотным.
  - Как так? Разве такое возможно? - удивилась Виктория. - Школы не было?
  - Как не быть школе? Школа была, начальная. Всего одна учительница.
  - И дети ссыльных у нее получали образование?
  - Получали. Как не получать?
  - Устраивало, как их детей учили? Там же разные люди были. Не все малограмотные.
  - Ну, да, не все, должно быть. Но все подневольные, сильно напуганные...
- Дозволялось детей в школу определять, и за то спасибо... Да я не разбирал тогда грамотного от неграмотного.

В деревне пошёл в первый класс. Очень понравилось учиться. Учительница давала конфеты, играла с нами. Нравилось. Она вышла замуж, уехала, пришла другая, и оказалось, что мы не умеем писать и читать.

Как-то письма той первой учительницы, которые она посыпала родственникам, случайно попали в чужие руки, писанину здесь едва разбирали: 30 ошибок на одной странице. А хвалилась:

- У меня ученики в старших классах в районной десятилетке сдают на пятерки.

Где сдают, что сдают? Она знает...

Но не бутылки же сдают, не станем придиরаться.

- Я же сирота, попал в чужую семью. Жили у бабушки, на её пенсию. Ведёрную кастрюлю сварят – картошку с капустой – целый день едят эту бурду. У нее мужика не было, а сын гулялшибей некуда. А вот уже его сын, старший, мой ровесник, в перестройку, промышлял тем, что реализовал баночки из-под пива, ездил на свалку собирать. На это купил цветной телевизор, мебель, бортовую машину. Заложил коттедж. Комбикорм покупает мешками, продаёт частями. Отец у него украл мешок, продал и неделю гулял... А дети все умные. Дочь кончила что-то на швею, работает, хорошо зарабатывает. Сын в армии, двое младших учатся в школе. Говорят, успевающие...

Федосей слонялся где-то, чудом зиму прокантовался, в том числе и ночёвками в родном трезвяке. Дома в трехкомнатной квартире места практически не находится. Жена с ним не живёт, обе дочери вышли замуж, родили детей, обитают все вместе, большим семейством. Федосею позволили, когда хочет, на кухне ставить раскладушку. Но только чтобы приходил трезвый.

Федосей охотно поддакнет:

- Бросаю же.

- Ага, бросал один такой, - отмахивается супруга. – Одиссей ты, Одиссей и есть, бродяга. Не зря тебя разными прозвищами служивые навеличивают. На манер собачьей клички.

- *Не буди лихо, пока оно тихо*, - смиренно, почти шёпотом отзыается брат Федосей.

Его в семье никто не слышит, потому что не слушают.

На лето отправился скитаться по друзьям.

Друзей полно среди пенсионеров милицейских и всяких других, – земляки же все тут. Стал на них работать – по дачам. Руки же золотые. Но без выпивки никак... Были в огороде у Свиридова перед дежурством, полили грядки, приняли на двоих всего чекушку с доброй закусью, и, пока выезжали, заснул.

После чего Свиридов при Стюарде и поливал его из чайника.

На грядках пахал, как танк... или, как трактор «Беларусь». А уж, коли запьёт, так неделю не просыпается. Следующую неделю отлёживается. И снова пашет. Следовательно, месяц делится на три части: Федосей пьёт неделю, отсыпается другую, а ещё две – в работе ишачит.

- Не надоело? – пристала Захаровна.
- Надоело. Иду к Доктору...
- Иходить не надо. Доктор сам будет. Время не тяни. В ближайший четверг и поговори с ним.
- Здесь я, Захаровна, стесняюсь.
- Тогда в поликлинику. Придёшь, меня позовёшь, и я тебе у Доктора составлю протекцию. Спрячу так, что ни один посетитель не увидит.

Глава тридцать девятая. По обе стороны рва – жизнь разная

Беспалов - убеждённый анахорет

Валёк Беспалов живет в одной избушке с таким Ромиком, в бывшей деревушке Медвежкин Лог, как могут. Имеют на отшибе хижину *дяди Тома*, где-то за озером в районе высохшей, почти заросшей тайгою и буреломом речки. Природа одичала, им в самый раз подходит спрятаться. Однако сейчас, видимо, всё порушится, на сей раз уже окончательно – начали их догонять господа коттеджники.

Ромиковы скитания кончились печально: он болен ТБК. Валентин, кажется, пока не подхватил. Потому что форма у Ромы не открытая.

Зато у Валентина другие болезни есть. И, как говорится, их не счастье. Тоже ведь хватит на одного – выше головы.

Ромик добрый. Иван, пьяный, его спросил:

-Ты людей любишь?

-Людей люблю.

Ромик по 4 дня пил. В 8 вечера сваливает - спит.

Сейчас пить бросил.

Валюшка Беспалов покинутую деревню не ругает, наоборот, радуется, что удалось перейти к оседлому существованию и обосноваться хотя бы в этой местности. Однако признаёт, без надрыва, что жалкие развалюхи, в которые превратились давным давно оставленные жителями дом`а села Нижне-Ирбинского, оно же Медвежкин Лог, торчат на земле, точно прокуренные гнилые зубы во рту у неопрятного старикашки.

Валюшке Беспалову - тихая пристань ...

Набегался. Искал приюта в деревне, пока живущей, у сеструхи. Да не приняла его сельская местность: бежал оттуда сломя голову.

Там надобно застывать и не двигаться, принимать их образ жизни и смерти. А я вольнолюбив. И кроме того – пожить хочу. Ещё не надоело...

Оттуда вот сестра приехала на лечение от пьянства. Где ей переночевать?

- У нас нельзя, - сказала сватья, – готовимся к переезду, сами спим на чемоданах. Нашли место у тебя.

- Да пожалуйста. Если не испугаетесь нашего неустройства. - Мы с другом себе жильё сами делаем, стоим на полдороге.

- Я ночевать уйду к соседу, вы не пугайтесь, - говорит Рома. – У нас как гостиница – Отель «Медвежкин лог», называется. Или Отель «Бунгало». Кому спать негде, мы приютили на ночь-другую.

- Отель «Бунгало» - почему?

- Отель «Бунгало», если быть точным, вот почему, - поясняет Валёк.- Дом – пятистенок, говорили по-старому – круглый. Бунгало тоже круглое. Вот. Верно Ромик называет. Мы люди гостеприимные. Тем более Мара, сеструха, ей только и ночевать, что у младшего братика.

- Только пить ей не давайте, - просит Марина Первая. - Со своими товарищами договоритесь, пожалуйста: пить ей нельзя ни капли.

- Все вокруг в завязке. Сами не пьём и другим не подносим...

- Вот и славно!... Редкий случай.

И наслушались.

Говорят, а картина перед глазами, - как живая. И чувствительного Валентина всего коробит.

Сбежал из деревни, а она, сердечная, сама догоняет.

- Запилась, Валенька, совсем безвыходно, - жалуется сестра Марина Вторая, до замужества Беспалова, сейчас Кувалдина, и слёз не утирает. У самой дрожь крупная в руках, и голова трясётся, зубы клацают, волосня свалялась комом, и ком едва закреплён какой-то переломленной пополам, тусклой брошишкой. - Полтора месяца не просыхала. Спасибо, сватын сын прикатил в Старые Урмалы, увидел, в каком я положении, давай, баба Мара, повезу тебя к нам в город, на лечение. У нас врач хорошо лечит...

Ну, ладно, вези, если думаешь, что помогут. А я так не думаю. Шесть лет пьянки, какое лечение?

- Не смей так говорить, Марина! – строго одергивает сватыня, тоже Марина – Марина Первая, сотрудница отдела кадров, женщина серьёзная, к пьянству и просто к алкогольным напиткам относится с отвращением. – Она, Валентин, не до конца пропавшая. Держит скотину, три головы, пороссят выкармливает. Иначе с голоду бы подохли. Деревня там, считай, что погибшая. Самогон варят все без исключения.

- Мы не варим. Мне надо немного – чекушку в день, мужу почти столько же. Уже больше не влезит. Так приносят же. За жратву.

- Коровы мычут, пороссята визжат. Первобытно-общинный строй... Сват лежит, рожа закрыта, весь дрожит. Приходит друг с самогонкой, наливает себе, даёт ему. Кастрюля с каким-то мясом – кололи свинью, что ли, - лезут руками. Я сначала сноху забрала, она медсестра, но работала уборщицей в клубе, потому что медпункт закрыли. За 200 рублей в месяц подрабатывает летом медсестрой в санатории, её муж – мой сын Андрей. Его тоже забрала, после снохи. Там негде работать. Шофер, а возить нечего. Взяла к себе, какую-то работу нашла, послала туда – вот за этой... Вся деревня только и делает, что пьёт.

Заинкина-сноха: - Я – Марина Третья. В городе были в гостях в частном секторе. Там один мужик идёт босой из дома в дом по снегу.

- Ноги красные? – спрашивает Ромик.

- Не разберёшь. Он их с лета не моет. Сын говорит:

- Ты мне снег здесь растопишь.

5 детей. Они перебрались из той деревни, а его не взяли. Он им привозил машину картошки, машину дров – обеспечивал. Свиньи, коровы – держал. Привезёт им – обеспечит, а сам потом неделю гуляет.

Марина третья:

- Я медсестра, летом работала в санатории, на зиму всех посокращали, девчонки остались не у дел. Там кругом санатории.

У нас корова и две тёлки, и две свиньи. Поросёнок Жозефина, тётка на свадьбу подарила, он особой формы, круглый, и жир не откладывается, мясная свинья. Было восемь кур. Украли. Забор сломали и украли.

Свёкор по большей части спит. Встанет, выпьет, опять ложится, сможет перевернуться на другой бок – и за то спасибо.

В селе 97 точек. Свекровь не все посчитала. Мы с мужем сами посчитали. Через один дом. Конкуренция в наличии. Сидят, говорят о том, где взять, сколько купить, или как

корову доила – только две темы. Чья лучше самогонка: у того возьмём, у того не возьмём, туда пойдём, туда не пойдём.

Свекор выпивал помаленьку, утром вставал, как огурчик, а тут запил, не встаёт, друг у него, маленький такой, азербайджанец. Всегда наготове с посудиной.

Рвота у всех у нас. У матери. Хоть пиво, шампанское – всё равно, если перепила – рвота. Муж попивает, но я его увезла. В совхозе работы нет, шофер получает 150, грузчик 200.

Марина Первая: - Вас я увезла.

-Ну, я не противилась. Детей не завожу пока. Сами поймите, почему... Некоторые делают самогонку на травах – зверобой и другие травки. Возможно, и ядовитые. На свадьбе выпивали – выбегут на улицу, задыхаются.

Человек-реликт

...И еще приился к Валентину такой Ромик Семьянов, страдалец, переживший жизненное крушение. Любил женщину, как уж он её любил, пусть будет подробностью его биографии, но судьбы связаны были сильным чувством, потом она погибала, долго и мучительно.

И остался один одинёшенек на всем белом свете.

И жил в тайге, и там не ужился.

И вот он, Ромик - отдалённый призрак, рудимент былой таёжной вольницы.

На нём и вольница закончилась.

Но до того, как вольница закончилась, вполне сознательно искал и находил Ромик убежище в реликтах уцелевшего леса. Моя, говорит, планида такая: убегать от цивилизации. Хотя знает: гонка безуспешная, всё равно, что беготня на велотренажёре - там, чем быстрее ногами крутишь педали, тем больше не сдвигаешься с места.

Началось, когда подруга его сильно захворала, и Ромику ничего не оставалось, как ринуться во все тяжкие.

В лесу же, на его, ромиково счастье, обнаружилась одинокая, завалященькая землянка. У нас же до Великой Стройки дикая здесь была тайга, нехоженая, никем не тронутая. И речка Дикая, а село, ежели не по-керкацки Нижне-Ирбинское, то Дикореченское. Не знаем уж, как на карте, но говорили только так: Дикореченское. Связи с городом почти никакой, самый крупный центр Госконюшня, в десяти верстах. Там дорога просёлочная заканчивалась. На том кое у кого-то вольная жизнь и прекращалась: ссыльные туда раз в неделю ходили отмечаться в спецкомендатуре, - если везло, то добирались на попутной телеге, а нет, так и пешком топали, хоть в грязь, хоть в пургу, хоть в мороз и в метелицу. Манкировать нельзя – уберут обратно в зону. И только так.

Как ни странно, несмотря на повсеместно бушующую урбанистику, у нас большой массив леса ещё и теперь сохранился. И у Романа Семьянова сработало чутьё потомственного местного жителя. Искал уединения, и вдруг на месте бывшего зимовья обнаружил вот эту вот, почти пригодную для обитания землянку, подправил, почистил, приспособил для проживания, кое-какую устроил вокруг поляночки. И поселился там с Иришкой, умудрился и печку завести, буржуйку, чтобы сушняком топить до самой глубокой осени. О зиме не помышлял, зима далеко, а до середины ноября, даже, чем чёрт не шутит, до самой уже декабрьской стужи прожить можно. За это время, решил, обнаружится что-то более пригодное – на зимовку.

Что искал, тем удовольствовался. Городские жители для отдыха и неизбежного от их посещений погубления леса в те дебри ещё не добираются, автомобилями местность не избороиздили. Оттого грибники в позапрошлом году умудрились увидеть здесь лося, а весной – у берёзок обглоданные зайцами стволы. Чего доброго, ещё и мишка появится, однако это уже совсем голимая фантазия.

Ну, что сказать? Настоящая-то у Ромы с Иришкой квартира была на станции - в том бараке, где обитает всё еще живая Катька Комиссарша. И в общем, по нынешним меркам не так далеко от лесной чащобы. Но барак стали растаскивать, и спокойных соседей, живших по старому, еще советскому ордеру, алкаши, поселившиеся контрабандой, сильно доставали. А тут Иришка заболела, рак набросился и быстро съедал, врачи от неё отказались. Тогда от всего этого горюшка Рома решился уйти с ней в леса, чтобы там травами Иришку отпаивать.

Но травами не отпойл...

Между тем по поселку и близлежащим местностям разнёсся слух: в лесу появился геройн. Якобы Ромка отдал барышке травы, действующие на рак, за что ему и подарили геройн, чтобы опять же лечить Иришку.

Но Иришку Рома всё равно не спас.

Мурыгин пришёл уже к пустой землянке, и там шарился насчёт геройна. Как раз и милиция приехала на рейд. Милиционер Саша Сидоров, известный в определённых кругах, как истовый служака, честный, взяток не брал, взяточников ненавидел, ни на какие поблажки нарк`ошам и барыгам никогда не шёл. И объявил, многие слышали:

- Мы с Ромкой Семьяновым и Васькой Мурыгой росли на одной улице. И я их обязательно посажу, как бы ни прятались.

Конечно, исполнил, что захотел.

Однако не полностью.

А, по молве, была будто между ними и некая девица, возможно, та самая Ирина, по их мерке деревенской красавицей, что в конечном счете досталась Ромке Семьянову. А, возможно, и так, и не так, потому что была старше Ромы на четырнадцать лет, и к моменту, как им сойтись, красотой уже не так сильно блистала.

Оставим в покое личные счёты милиционера Саши Сидорова с Ромкой Семьяновым и Васькой Мурыгиным. Взяли Василия прямо у землянки – он уже подгребал сушняк на костровище, собрался ставить чай в закопчённом чайнике. Саша Сидоров, надевая ему браслеты, поругивался, но без всякого мата:

- Говоришь, не за что? Это пока. Обязательно я тебя посажу!

И поймал. Элементарно: подбросили пакетик анаши. А там уж развитие не хитрое: ниточка от Васи Мурыгина, барышки маленьского, потянулась и позавивалась кольцами, как спиралька, к акулам покрупнее, покуда Сашу Сидорова в его благородном поиске некоторые авторитетные люди не захотели стреножить... Потому что у Саши Сидорова, как у всякого принципиального бойца с преступностью, имеются на службе (и помимо службы) злые недруги. Это (по молве) взяточники, освобождающие за бакшиш задержанных.

А Роман Семьянов на геройне не прокололся. Имать его не очень старались. Потому что ему надо было спасать Иришку. А как Иришки не стало, то и про наркоту, якобы хранимую в землянке, как-то в милиции все забыли. И пакетики подбрасывать Ромику ни у каких охотников интереса не находилось. Раз Саша Сидоров больше не у дел, то у других своих забот и без Ромки Семьянова, росшего с ним на одной улице, - куча немалая...

Так между пальцами у милиции Ромик Семьянов и просыпался, а то бы, правда, сидел, и что хорошего?

– Обморозился, как облезлая белка, - жаловался Ромик. - Но у меня есть облепиховое масло. Намажусь, и как рукой снимет. От простуды: на чагу налёг и на зверобой.

Ириша как умерла, так и меня не стало. Она была старше, сейчас бы ей было 50.

Знакомые находили и там, в лесу. В землянке был у меня в гостях, еще при иришиной жизни, Снопков, до того три раза сидел по всё той же замечательной статье два-два-восемь.*

* Статья 228 УК РФ . Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. (Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ). Два-два-восемь – шифр, сленг.

- Куда наметился?...

Пришёл, попрощался: «Болею, посадят, - наверное, уже не выйду». И не пришёл. Закрыли, видно, и навсегда.

Чаю попили, печенья поели, ни водки, ни пива, ни наркоты этой проклятой – не нужно.

- Мне уже тридцать шесть. В 21 год меня затолкали в СИЗО, и два года там продержали, пока разбирались, что к чему, оказалось, что за мной ничего нет. И выпустили. Ну, ладно, государству прощаю. Потому что государство – оно большое, и за народ заступается.

С Иришкой мы задружили вроде как невзначай. Ходили в лес – чернику, голубику собирали, я на тысячу рублей насобирал. Пришли домой к ней, она манную кашу сварила, мне понравилось, как она кашу варит, и с ягодами подаёт. Иришка не совсем здорова уже была. Она, когда пила, то ей в ухо опарыш затолкали. Опарыш, кто не знает, приманка – ловятся на это караси и *каракашка* - чебаки. После того здоровье её оставило. Я тоже в СИЗО не поздоровел, как понимаешь. Вот и поддерживали с Иришкой друг друга.

Я из своего угла перешёл к ней в барак. Пока нас не трогали, жили ничего, пить завязали, работали – чего бы не жить, казалось.

Денег всегда хватает. Деньги в лесу растут. Не ленись только нагнуться. Мне говорят:

- Рома, нет денег.

- Собирайте грибы, продавайте.

- Мы клеща боимся.

- Я тоже боюсь, но не жалуюсь.

Смотрю я: Иришка скучная. Скоро её разнесло: рвота, смотрю – желчь. Корчится – живот болит. Я забегал, как белка в колесе. Скорая, в больницу не взяли, врач участковый, аптеки, лекарства - то есть они, то нету, чаще нету, вот я бегаю, вот я бегаю!.. Ночью опять скорая, на сей раз отвезли в больницу, там приняли, да толку нет, объяснили, что время упущено... Тут я надыбал землянку, мы её когда-то в чаще вместе приметили, как за бруски по рямам лазили. Жили в лесу, Иришка моя вроде стала малость поправляться. Посвежела с лица, кушала, ходила, еду готовила, боли ушли. Ну, думаю, всё, пошла на поправку. Травы засобирал ещё шустрее. По книжке профессора Крылова научился лекарственные растения распознавать.

Так хотел её вылечить от рака, что перво-наперво увёл от вредностей цивилизации, от которых рак и заводится.

- Как потерял квартиру? Брат ключи забрал у пьяного. Приехал на машине с товарищем. Спрашиваю:

- А это что за пассажир?

- А это мой товарищ, пришли выселять тебя из квартиры.

Из моего угла, значит, из опустелого.

- Шутите?

- Шутим, шутим... Ну, давай Ирину помянем.

Бутылку поставили. Пока я стаканы доставал из шкафчика, брат ключи забрал, деньги у меня были скоплены, 4000, отдал товарищу. За что заплатил, до сих пор не знаю. Брату говорю:

- Я с тобой буду разговаривать юридически.

А там в чём суть-то? Ордер был у Ирины, а, как барак надумали расселять, я вроде на жилплощадь не имею права – я в ордер не вписанный. Брат как-то исхитрился, то ли иринин ордер утащил, не знаю, одним словом, подменился со мной, ну, дал кому-то на лапу, сумел, - и пошёл под расселение. Раньше он у меня долю родительского наследства от квартиры отобрал.

Вот какие дела семейные бывают.

Случилось под зиму. С дворником договорился – снег, давай вместо тебя буду снег чистить. Он меня пустил к себе в колясочную. Живет один, мне опять же угол выделил. Я мирный человек, со всеми уживчив, его не стесняю. А тут к нему одна бабенция прилабунилась, он: так, мол, и так, ты, Рома, как-нито перемогайся, а колясочную освободи.

Сошёлся с другом: ты мне, Валёк, поможешь ту хижину, что я облюбовал у тебя на деревне, привести в божеский вид? Зиму дотянул уже почти до конца, а с весны у меня деньги лесные появятся, займусь ремонтом капитально.

Я из зала суда вышел, когда меня участковый Крутихин на сутки оформлял по административному, как бродягу, он меня позвал: в ивээс, дескать, всегда не поздно, а мы в лес зайдём, ты мне место покажешь, где черники много, наберём кустов, и поедим – полезно, витамины.

Чернику любит. Хорошая ягода. В суде ёрзал, кончилось, к счастью, невдолг'е. Крутихин в лесу мне сознался: в суд ходить нож острый, плохо, когда на свободу человека не отпускают, а ты сидишь и слова не вставишь, потому что на службе.

Такой вот Крутихин.

А я-то и рад черники поесть перед тем, как в ивээсе закроют, и вместе с приличным человеком почему не угоститься?..

Как Валёк Беспалов себе домик сгношил.

В селе Нижне-Ирбинском, оно же Дикореченское, был один двухэтажный дом.

Выморочный, полуразбитый, брошенный, и несколько лет никем не посещаемый. Окошки выбиты, рамы выставлены, унесены.

- Мы с Ромой бродили вокруг, искали где на одну хоть ночь притулиться. Переспали кое-как, утром решили: здесь останемся... Потом вдвоём кое-как починили первый этаж. Второй заколотили горбылём. И даже Витька, брат, приличный, помогал.

Мебель Валентин и Роман сварганили из брошенного на свалке в овраге имущества, лазили там долго, потому что всё обиходное добывается оттуда, - так вот нашли столик, починили, вкопали в землю на полянке против крыльца в доме. Так же добыли две скамейки, стульчики, всё починили, приспособили к делу.

Чтобы гостей было где принять - сначала о людях, о себе потом.

Шарили в овраге до тех пор, пока комнату не обставили. Стол на трех ногах, четвертую вырезали из дубины, стоит, как вкопанный, стулья разномастные, но тоже сбитые так, что не шатаются. Койка Валентина – пружинная сетка, на кирпичах установленная. Ромина – сколоченная из досок, тюфяки какие-никакие, но мягкие, белье... Полочка для посуды и книжная этажерка, за книгами дело не стало.

На первый случай сойдёт.

Только снег ушёл, устраиваются посиделки. Играют в домино не на интерес, пробовали в лото, но пока не приживается. Карты тоже кидать опасаются. Зэковских порядков лучше не заводить, а то вместо убежища выйдет грязь, по новой: пьянка, драки, поножовщина, всё, от чего бежали, прятались, – никто не желает.

Договорились – в азартные игры не играть.

И соблюдается.

Как Валёк открытие сделал у себя на огороде. Тетя Лиза вспоминала с Кариной – что-то Валентин давно не был. Или не ломался, или, наоборот, пострадал так сильно, что, может быть, уже и в живых нет.

Пришел, объяснил – верно она угадала.

Свалился с крыши, сломал рёбра, лежал в больнице.

А там работа стоит. Набросился, ни дня, ни ночи не видел. Показывает руку. Хрустят, стучат суставы, казанки пальцев.

- Вкалываю на огороде. А болят-то как!

Сделал открытие: обнаружил на участке целебную грязь. Орудовал там, в грязи, руки по локоть, мыться лень. Свалился в полиэтиленовый мешок, так и уснул. Утром опять лень мыться, работал. Заметил: чего-то нехватает. Сообразил:

- Нехватает боли!

Так сделал открытие.

Валёк:

Собаку подбросил непутёвый хозяин. Сам исчез, а пёс к нам приился. Он сорвался, карабин оторвался. Рому укусил за ногу, до сих пор хромает. Я стал привязывать, как цапнул за руку, прокусил. Ездил в поликлинику на перевязку, не сказал, что собака, объяснил, что на крыше гвоздём поранил...

Рома отзывчивый, идёт кормить животину – корову, кошечку. Что есть, всем кормит. Пса я не кормил, думал, уйдёт. Не уходит, бегает в деревню, лает, бросается на людей. Нам говорят:

- Сделайте что-нибудь.

Мы позвали ребятишек – *собакоедов* – ловили, не могли поймать.

Последняя история. Идут шофер с женой, с коляской, второго ребёнка ведёт за руку. Бросился на них, не ссориться же нам с шофером. «Что будем делать?» Загнали в сарай, там загородка. Сено закладывали, копёшка под снегом, чтоб каждый день не лазить, с третьего раза подобрались. Рома лазейку забил доской. Так пёс нашёл новый лаз. Я принёс доску с гвоздями:.

- Забивай! В загороженный угол! – я вилами прижму, а ты трубой – нашли трубу – бей по башке!

Прижал, он вырываются, я на вилы телом навалился, а то бы вырвался. Он бьёт по башке, а тот всё живой. Наконец перестал скулить. Выбросили на улицу. Хрипит. Я взял нож. Рома:

- Ты глотку перережь.

Перерезал, а он дышит. Гортань – вон она, а все дышит. Никогда собак не убивал, пережил. Слезы, дрожь, сердце колет. Вроде овчарки – пес.

- Что меня-то не звал? – спрашивает Вася Прудник.

- Ты на тот раз в больничке отлеживался. Где тебя взять?

Дэн, пёс теперешний, тоже убегает. На кличку отзываться привыкает трудно. Я же не знаю, как его звали по-настоящему в прошлой-то жизни.

Снег выше его ростом – он как бы плывёт по нему. В деревне тоже лает на людей. Конуру я сеном утеплил. Плотная занавеска из мешка, слежу, чтоб он в неё не завернулся. Я снег откопал.

Ещё – бультерьер. Верный, мохнатый, живёт в доме, болтается под ногами. Но убивать не будем. Хотя Прудник мылился, но я его прошу этих двух псов не трогать. По-человечески – меня пожалеть. Ссориться не стал. Жить вместе – по-моему, жить дружно, и притом все хотят покоя. Тем более – выбор есть.

– Да, ладно, – сказал Прудник, – оставлю тебе. Мне другого привезут.

Пусть привезут, мне лучше не знать. Я то убийство так пережил, наелся досыта.

Собачина – вкусом как баранина, если хорошо приготовить.

Как Валёк и Рома корову приобрели.

А вот как.

За озером жила пожилая чета сотрудников университета - ученых, вышедших из научного сообщества во время перестройки. Занялись бизнесом и, естественно, прогорели. Тогда сдали в аренду городскую квартиру и почти задаром приобрели домик по другую сторону рва. План был завести корову, продавать сельские продукты – натуральное молоко, сметану и творог. А там видно будет. Дело было пошло, но жена надорвалаась, получила за короткое время два инсульта. Мужу отрезало поездом ногу, жена умерла, он горячо её оплакивал, требовалось протезирование. Сыновья прогнали квартирантов, переселили его в город. Корову не стали забивать. Тут подвернулась тетя Лиза с ее квартирными заморочками. Она сделала следующее: убедила Валентина и Рому больше не бегать, ухаживать за коровой, пообещала ещё и гусей. Съездила на птицефабрику, привезла гусенят, выхаживала у себя на балконе. Передала им выращивать дальше. Но Валёк и Ромик эту мороку не потянули.

С коровами же, тоже ведь странность, - неожиданно стали управляться, как заправские фермеры.

А добралась до них тетя Лиза, когда они сами до неё дотолкались по несчастью. Пошла было у них в селе бойня, резня настоящая. Пораненные кое-как доползли до «Колхозника». На авось. К Елизавете Петровне. В больничку им никому нельзя, там и паспорта спрашивают, и про всех травмированных автоматически передают в милицию.

А им светиться не хочется.

Елизавета Петровна полечила. Но поставила условие – бросить пить, не то больше на глаза не показываться.

И ведь послушались!.. Тем более, что она к людям выходит не с голыми руками. Кого-то из них отвела к себе в кабинет, - к Доктору. Всех с ним вместе и полечила. Доктор беседует, наставляет, взял на сеансы *погружения*... Она – отпускает назначенные процедуры: уколы, капельницы, таблетки специфические. И каждого уговорит, убait, они перед ней раскрывают судьбы свои запутанные, души свои пораненные, горемычные, грешные...

Доктор наставляет: один другого тащите. Так легче. Стимул соревновательный.

Доктору только и свет в окошке: побольше бы народу у него побывало...

Странность в том, что эти вот, из Отеля «Бунгало» как-то взяли, и увлеклись быть трезвыми. Занятно, правда же? И кто бы поверил. Да ведь произошло. Надолго или нет, никто не знает. И сами не скажут. Но пока что тетя Лиза ими не нахвалится.

Как Валёк и Ромик за коровой ухаживали и не досмотрели.

Валентин – Елизавете Петровне: - За рога привязали веревку, сделали хомут из монтажного пояса. Повели на Госконюшню, там было 30 коров, сейчас у одного хозяина одна корова, у другого две, и еще двое напополам имели бычков Буяна и Мазая.

И всё.

Дымку ради потомства отвели к Мазаю.

Как у Валентина и Ромика корова отелилась. Марта (Марфуша) принесла телёнка. Отдоили, молоко в тазу. Пальцы помочили, дали облизать, затем напоили его из соски, только тогда можно подпускать к вымени, иначе покусает...

... У нас обычно две коровы. Сонька – мать. Дымка дочь. Дымка отелилась. Убежала рожать – орала от боли. Ночью искали, в кромешной темени. Нашли по крику. Родила в кустах. Телёнок мёртвый.

А у нее молоко – пять доек в день. А нам воду в колонке отрубили за неуплату. Ходили к озеру. Посуду мыть замучаешься. А ей же вымя мыть надо. Да еще собака укусила за брюхо, корова свалилась и колобком завертелась. Собака молодая, глупая. Старая забилась в будку, и там сидит, вину чувствует.

Так Дымка погибла. Разделали. На зиму с мясом. Солонины наделали целую бочку, ешь – не хочу.

Тетя Лиза: - Животные чувствуют, когда их собираются убивать. Если корову завтра собрались колоть, сегодня все глаза выплачет...

Валёк: - Сейчас живу под крышей. Летом жили в лесу, я и Ромик, до 15 декабря. Палатка, по бокам вещи, сумки, всё – брали в контейнерах Студгородка. Уезжают на каникулы, выбрасывают всё, что остается. Мясо, к примеру – пачку пельменей купят, половину сварят, остальное выбросят. Варенья разные: смородина, малина, облепиха, вишня – то же самое, недоеденное выбросят вместе с банкой. Тоже одежда. Мы развели костровище, сухостоя море – попробуешь, верхушку обломаешь. Мыться ходил к Сереге, бывшему однокласснику.

В наглую в столовой, в туалете побреешься, даже носочки постираешь.

В поликлинику зайдёшь – есть уголок, где никто не беспокоит, книжку возьмёшь в супермаркете на стенде секонд-бук, где оставляют ненужную – сидишь, читаешь.

Коктейли из баночек, недопитые, насобирали, - неделю пил, заклинило в голове, упал на газоне.

- Мужчина, вам плохо?
- Да.
- Я скорую вызвала.
- Спасибо огромное.

В больнице, в приемнике прочистили, подержали часа два и выгнали.

Глава сороковая. Чемирен деревенский и другие

Вася Прудник, собакоед

...Воистину те времена больших надежд неповторимы. К примеру, знаяли мы примечательного дядьку, который имел несчастье очутиться в заключении при Брежневе, когда вождь был ещё относительно бодр, почти не шепелявил и в полном здравии подписывал, как говорят злые языки, сочиненные за него великим литератором Аграновским мемуарами.

Так вот, и Брежнева уже даже пародист забыл как изображают, уже иные нами ребята правили. Поправили, да в могилы походили, а наш-то герой, мальчик маленький, да старателльный, отбыл за Хозяином*, по пяти х`одкам** девятнадцать лет в общей сложности, а, как в последний раз откинулся***, то, выйдя на волю и осмотревшись, воодушевился, усмотрел открывшиеся возможности дальнейшего существования вне зоны и крытки****, и закарабкался, и поплыл...

* - **** Жаргонизмы: находиться за Хозяином – то есть быть в заключении; х`одки – судимости с лишением свободы; откинулся – вышел на свободу; крытая, крытка – тюрьма (в отличие от лагеря, который – зона, и настолько печально знаменит, что даже не нуждается в написании курсивом)...

Оглядываясь назад, можно удивиться тому, как быстро и основательно трансформировался менталитет некоторых сограждан в их недолгом странствии от

беспросветного коммунистического дефицита до положения, когда - при капиталистическом рынке - *всё есть*.

Всё есть – только деньги неси.

Некий пожилой дачник признался: раньше мог, допустим, тайком и безвозвратно, и, к слову сказать, без особых угрызений совести позаимствовать у соседа из незапертого сарая какую-нибудь лопатку или ведерко, или, предположим, выдергу, и точно также грешил тем, что выносил или вывозил за проходную родного завода то готовое изделие, то бухту кабеля, то пару лампочек, а то и вовсе какую-то комплектующую, не очень-то и нужную в хозяйстве, а так, потому что плохо лежала. Теперь тяга к подобным действиям отпала. Зачем рисковать и светиться, когда гораздо лучше в своё удовольствие погулять вдоль перенасыщенных магазинных полок, дабы, рассчитав траты из личного кармана, ничего не опасаясь, запастись действительно необходимым, без чего жить невозможно, при том наиновейшей пробы?...

Правда, в откровениях подобных товарищей заметно проскальзывают ностальгические нотки, ну, да и ладно, и Бог с ними.

Зима в нашем kraю была теплая и короткая.

Ребята всё равно пуще глаза о том заботятся, чтобы в ихних захудаленьких пристанищах тепло не иссякало. Намаялись до полусмерти холодом, когда в обжитый дом тебя не впускают, гонят отовсюду, гнобят, как умеют, и мыкаешься, где зима застигнет, промерзаешь день за днем, и, сколько тряпья на себя ни натягивай, холодрыга достаёт до печенок, и это запоминается, въедается во все косточки, во все уголки, все клеточки организма.

И вот они собирались в Отель «Бунгало», где круглыми сутками, не переставая, топили печку, главным образом, набранными в овраге остатками всяких мебел'ей, а также коробками и выброшенным после ремонтов деревянным старьём.

Здесь, в четырех стенах, не ленись, так и в лютый мороз не замёрзнешь!...

Однако телевизор показывал страну за страной, засыпанных снегом и почти сразу затопляемых взбунтовавшимися водами, разрушаемых ураганными ветрами. Применительно к погоде день за днем с экранов звучало слово *аномальная*, наконец к середине января дошло и до России: сообщили – замерзает Якутия, минус 50, на Колыме, в поселке Омсукчан разморозило отопление, но дети всё равно пошли в школу, потому что хотят учиться.

В Отель «Бунгало» электричество питается от «Колхозника». Когда-то в деревне были столбы, провода, а ныне всё кинуто, всё похерено, но кое-как восстановили, а питания нет. А вот на зиму кооператив отключается. Пытались пристроиться к Госконюшне. Но там требуют, чтобы платили. Многое хотят!... Отрубили за неуплату. Сидим при свечах. Телек от батареек работает.

Автомобильный аккумулятор. Искусники у нас ещё те – многое могут!

- Ты чо, Валёк! – говорит Федосей. – Многое, если не всё!

Прибрёл Прудник. Сытый. Вторую неделю ест кур, которых целую машину свалили в овраг. Скотинка списанная, но не воняет, не протухла никак. Никто не удивляется: списали, кто при деле, – сколько могли, то разобрали по домам, остальное пустили под откос к нам, а сами заказали новую порцию, денежки вот они. Срок годности подтасовать – пара пустяков, будто такой спрос вялый, что покупатель сырый, капризный, заелся...

Повспоминали про то, как дурят нашего брата. Потом Прудник-собакоед, рассказал, как ему снился снег, прогоняемый ветром перед фарами. Тоже ездил с товаром и за товаром. Машину водит, хотя прав нет. В лагере были курсы, там учили вождению и давали права, потому что никаких вольняшек на все чистые работы не напасёшься.

После потерял, как многие теряют.

- Там наш папка был в заключении, еще при Берии, - сказал Валентин. – На Колыме. Кого только в нашей семье не было, кого только ни вспоминаем, каких несчастненьких... Омсукчан – имя для нас, не совсем чужое. Сусуман близко?...

Вася Прудник: - Как тебе сказать – близко, не близко. Колыма – особая планета... До материка – как до Марса. А так – близко...

- Двенадцать месяцев зима, остальное лето...

- Да жил я и там, и там. И в Верхоянске, где полюс холода, - жил. В Оймяконе... Юношу нелегкая везде носила, в сучьих кутках, на крайнем кочевье, где люди бесследно пропадают, – и там жил..

- Ну, и чего? Много собак съел?

- А там собак не едят. Там на собаках ездят.

- Сейчас, поди, вездеходы собак прикончили? И вертолёты: сел, зажужжало, полетел, и через час – прибыл туда, куда на собаках и в сутки не доберешься. Ага?

- Сейчас не знаю. Техника на Севере не так работает, как на материке. Люди выживают, а техника не вся выдерживает. Морозы за шестьдесят – железо летит, собачки в снег зарываются, тепло ищут... Собаки – вот тебе и вся техника... Вертолётов – ни на одном не покатался. Видел несколько раз в небе, в отдалении – летит такой, военный, со звездами...

Федосей: - Лагерники – чтобы собак не ели?

- Было: и собак едали, и другую скотинку, двуногую, некоторые на зубок пробовали. Но этот зверь людоедствующий уже человеком обратно никогда не сделается. Порченный навсегда будет, от него держись подальше... Голод не тетка. Но ты тоже сказок наслушался, Федосей, сам сочинитель, и от других ждешь того же.

Уклончив Прудник. Не любит разговоры о не свойственных нашим дружелюбным широтам кушаньях. Старый зэк, он старый зэк и есть, и, как бы на свободе вольным ни прикидывался, все равно прикид выплывает рано или поздно...

Как у змеи ног – про них сказано.

А ты поищи, гусарик, хорошо поищи, может, и у змеи ноги вырастут, и отыщутся.

Никола Курицын: – Я на Колыме не был, слава Богу. – Перекрестился. – А на Дальнем Востоке помотался. Но заезжал не дальше Владимира.

Перегоняли машины из Владивостока через Хабаровск. Три грузчика. В кузовах – по три легковых. Как это ни дорого, а всё равно дешевле, чем здесь, где и купишь, да не то. А там без пробега – целенъкие. Можно поместить в сетку – и на поезд. Но мы решили своим ходом. Три шофёра и три грузчика.

Два раза нападали. Под Уссурийском и под Хабаровском. Берут в коробку – 4 машины. У них хорошие машины: джипы, две подставные, но две отличные. Последний отсекают, но наш прёт прямо на них. Мы постреляли. Менты на выезде, на ГАИ:

- Вы что стреляете?

- Наведите порядок ...

Менты с ними работают в паре. Такса: 350 долларов с грузовика, 200 с той, что в кузове. А мы не платили – пёрли, и всё.

В Хабаровске, на въезде, одного нашего оштрафовали. Он пошел в ГАИ. Там стоял мент с телефоном. «Три фуры, в кузовах» - передавал. Повернулся.

- Вам что?

- Штраф уплатить.

Жулики. 300 метров от поста – напали. Менты стояли в 50 метрах – не вмешались. Пропустили нас просто, а то бы надо было регистрировать.

Курицын Никола, водитель, бывший дальнобойщик, на сходке у старых приятелей Валентина и Ромика, появился специально, побывать с непьющими для укрепления духа в трезвости.

- Корейцы едят собачатину. Для них это как для нас курица или свинья. А у нас – попробуй, тронь собачку, такой вой поднимется... Как бы решить злую проблему? Чтобы не препятствовали ловить и утилизировать собак - что для этого надо сделать? Подключить депутатов?

- Так на кого нарвешься, - поясняет Федосей, многое знающий о государственном мироустройстве. - Депутаты ездят на вольво, собачьи шапки не носят, но собачьи парикмахерские на Рублёвках заводят, ресторанчики для собачонок теперь не только в Нью-Йорках, у нас тоже скоро такой появится. А надо тебе полакомиться молодой псиной, пожалуйста, в корейском ресторане подадут на серебре, и все довольны.

- Ты, Никола, от властей держись подальше и обходись своими силами, - посоветовал Рома Семьянов.

- А как это – своими силами? – спрашивает Никола. – Я и так вроде сам себя обслуживаю.

- К природе прислонись поближе, и вопросы отпадут. Я, например, лесом пользуюсь, как предприятием, где не надо платить аренду и давать взятки охранникам на проходной.

Собираю ягоды, грибы на продажу.

- Я тоже, - поддакнул Саша Огород, гость, любитель в городе пощеголять в остроносых туфлях, африканской водолазке с двумя крокодилами, что пляшут прямо на сашином брюхе, довольно объемистом. И в брюках в полоску. По той же, трезвенной причине, забрёл с Николой Курицыным. - Насобирал с понедельника по пятницу на 600 рублей без пяти. Собирал землянику и чернику, 100 рублей в день. Давал девчонкам на базаре, которые торгуют фруктами. Баночка литровая 30 руб. Им дашь грибов, тех же ягод, деньгами - нет. Дочь любит собирать, внук ест, молоко не любит.

Белые грибы когда отходят, разломишь, он уже трухлявый.

Ларку бросил на чужого мужика – запилась совсем. В 18 лет она родила. Вначале пивко с ней попивали. А после того, как родила дочь, через год - как сбесилась. Через 17 лет развод. Я платил алименты. Хотя жил с дочерью, алименты платил.

Курицын жаловался:

– На лечение к Доктору буду приходить к 10. Я должен отгулять собаку. Уролог прописал травки, пошёл к терапевту: «Вот и пейте. А про водку забудьте». И забыл бы, но не дают. Зовут: «Давай, прими немножко!» В гараже стоят два ящика. К утру полно бутылок. Я сдаю те, что из-под пива, черные, по рублёвке. Сдам, куплю «кешу» - мороженое старушке... В гараже стоят четыре газели, с каждой хозяин имеет по 800 рублей в сутки, кладёт деньги на счет в банке.

В командировку послали. Надолго. Дней 5 проездим – в Томск, оттуда в Барнаул, Кемерово. Машины - знаешь, как взят кока-колу. На 50 миллионов. Двое сопровождающих. С берданкой - с автоматом... Начальнику платим 800 рублей в день. И у нас, шоферов, навар. Он за год окупил, что потратил на гараж.

...И Федосей в природу влип. Ударился в рыбалку. Лес познал, как дом родной. Словно в детство вернулся.

- Люблю, - говорит, - рыбалку.

Самая хорошая рыбалка – когда лёд маленький. Рыба наверху... В ноябре ходил - уже лёд крепкий. Снега нет и не было. Лёд – как зеркало. На море вдалеке видна ещё вода. Когда лёд большой, – рыба уходит. Ходил в начале ноября, когда лёд стоял ещё всего три дня. Лёд нарастает – надо идти далеко. На море рыбачить не хочу. Полтора километра туда, полтора километра обратно – это не для меня.

Брат ушёл на море на 6 километров, заблудился. Встретил мужика. «Ты куда?» «В Васильково. А ты?» - «И я в Васильково». А идут навстречу друг другу.

А рыбаки уходят. Рыбаков метель не держит. Рыбаков так много, что они в середине водоёма будто остров образуют. Соблазна уйма. Есть щука, лещ, судак, у плотины – стерлядь, нельма, налим. Все базары завалены свежей рыбой. У нас край болотистый, озёрный. На болотах – карась, на озёрах – окунь...

- Клещ видно, не на всех нападает, - рассуждает Саша Огород. - С детства, сколь себя помню, они со мной. Снимаю, но не кусают. Выходит, я им невкусный.

Есть друг в деревне. Его не кусают. А другой – в гидрокостюме идет рыбу ловить, и лес вроде не близко от берега – снимает костюм, под ремнём, на голове, из-под резинки лезут.

Собрали папоротник. Пошёл в деревню Васильковую. Взял самогону, выпил, завалился под дерево - *чемирен деревенский* – меня и клещ боится.

Их полно. Снимаю, отбрасываю – чик, чик...

Жили в Юнгородке, ходили в лес. Черника выросла – море!.. Иду по склону овражка. Баба моя чувствует под лопatkой – как иголка кольнула – тоненько закричала: - Меня клещ укусил! – Я подошёл, взял его, раздавил на ключе. Никому ничего не было. Не заболели.

На льду в отдалении от береговых обрывов сидят над лунками, потом оттуда идут в город.

Нагруженные до зубов. Рассказывают, поясняют:

- Там озеро, на льду. Один ко мне из-под Васильков притопал, там ловится лучше.
- Какая хоть рыба-то?
- Карась, судак. Основная рыба ещё в феврале ушла. Погода неопределённая, туда-сюда. И сети же ставят. Рыба пугается, уходит.

Рыбы килограмм поймаю – ну, что это? Ходить не стоит.

С Гэса воду бросают – ей хорошо... У берега глубина по пояс. Топко. Один рыбак – ботинок оставил и рюкзак: дно засосало, сам едва спасся. А я в воду не заступаю. Лёд в марте ещё крепкий, но полыни появляются. Там, где рыбаки бурили, лёд быстрее тает.

Кто в середине марта едет по береговой кромке, по дамбе, тому в окно машины видно, как далеко на море, по льду идет человек. А уже предупреждают по ТВ об опасности. Настойчиво оповещают, часто.

– Рыбачк`и! – скажете. - Не боятся!

И шофер, постоянно наблюдающий самоубийственную картину, со сдержаным неодобрением заметит:

- *Самураи!*

Рыбаки сидели далеко на льду. Будто серый остров на гладкой, зеленоватой поверхности катка – ежели издалека смотреть.

Насиделись досыта, стали подниматься, собирать добычу и оснащение.

В полном облачении, как рыцари, вошли в маршрутку.

При каждом, подобно рабочей форме, - рыбакские доспехи: пимы с глубокими калошами, теплые полушубки или трехслойные куртки на синтепоне, меховые рукавицы, на голове, поверх вязаных шерстяных шапочонок нахлобучены тяжёлые меховые шапки.

Говорят о местах, где лучше берёт рыба:

- Народ через косу переваливает. Под Васильковое уходят.

Пассажирка:

- А рыба где?
  - В мешке.
  - Надо показать.
  - Долго развязывать.
  - Там пустые бутылки.
  - Явно прискребается.
  - Не завидую вашему мужу.
  - Чего ему завидовать? Такой же фанат. Лечить вас надо.
  - Мы и лечимся. На льду. Природой, воздухом. Отдыхом от жен.
  - То-то вы все красные. Рожи красные, как медный таз...
  - Не от того, о чём вы думаете. Вот он (показывает на товарища) лежал на берегу, спал. Получил ожог лица – всё было в волдырях.
  - Сейчас проходят, - успокоил тот, с ожогом.
  - Бывают такие ожоги. Солнце открытое, не спрячешься.
  - Она:** - Пьяный не лежи... Мой лечился, семь лет не пил. Решил попробовать безалкогольного пива. Выпил две бутылки, пошёл за чекушкой. Там, где чекушка, – понятно, что потом было... Тоже повалился на солнце, волдыри, брови совсем сгорели, белые, на лице не видно...
  - А рыбку-то хоть принёс? Чтоб вы его не сгрызли вместо судака или, там, нельмы?
  - В магазине купил, я его вычислила...
  - Точно, как в анекдоте... Во-от такая рыбина! (показал, какая – размаха рук не хватило).
- Действительно, лица наших зимних рыбаков ни с какими не спутаешь.

В магазине так называемой *дискаунтовой* (удешевлённой) торговли мужик в подержанном, потертом куртоне и вязаной черной шапке, давно небритый, бледный, однако не совсем уж истощённый, быстро, по-деловому, не глядя по сторонам, набрал полную с верхом корзину пакетов с чёрным чаем, самым дешевым, ничего другого не взял, и, не сворачивая никуда, прямиком двинулся на кассу, потом к выходу.

Кассирша долго считала пакеты, их было не меньше сотни.

Было неясно: где станут гужеваться?

В эту эпоху, в Миллениум, зимой, при любом холодовом режиме бездомным совсем худо пришлось. Воробышки такие, полузамерзшие... Психобольницы, и те стали лечить за деньги, да и не берут таких, уже совсем опущенных любителей *цифира*, ибо у этих точно никаких денег нет. Прежде, в совке они могли в той же психушке даже перезимовать, - чего там, всё бывало...

Подвалы нынче почти все заперты, туда, чтобы жить, не пускают. Прежние, хотя и редкие, всё же существовавшие уличные туалеты, переоборудованы – один, ни много, ни мало, под магазин спортивной одежды, другой чёрт знает подо что ещё. Оба для бродяжни навсегда потеряны. В столовую пить тоже не пойдёшь, публика чистая, спиртное не водится, только расположишься, глотнуть не успеешь, менты – вот они, позваны. Словом, не жизнь, а мрак несусветный...

Должно быть, для той компании нашлась какая-никакая выморочная хатёнка, что ли...

Летом-то им хорошо. Привольно. Ещё сохранились городские закоулки, тупички с густым кустарником, там, в глубине, на полянках за чужими глазами устраиваются лежбища, жгутся костры, бродяжня живёт, питается, чем Бог пошлёт, ночью спят. В общем-то жириют, к зиме жирок набирают, чтобы потом, в холода растрясти до косточек...

Кочевники, понимаешь, цыганы пушкинские...

Вот выползла из кустов немытая бабёнка, лицо опухшее, глаз не видно, стоит с протянутой рукой:

- Одолжите денег, три дня ничего не ела.

Врёт с пустыми, бесцветными глазами. Проговаривает заученный, затверженный текст.

Пристаёт к прохожим, а те не сочувствуют: подумаешь, три дня не ела она, а чего ради? От нищеты, что ли?

Не ела, потому что пила. И явно не три дня, а побольше того.

Невдалеке, в тех кустиках гудёж. Одни мужские голоса.

Гудёж, балдёж...

- Алку спросим!.. Алка, сюда иди, сучка, где пропадаешь?!

Пропились, выслали лазутчицу, авось словит у прохожих сотенку на опохмелку. Да что-то долго не идёт к ним обратно. Заподозрили, что деньги словила, - словить-то словила, да утаила. Сама похмеляется, подлая, а нами гребует... Ну, погоди, заяц, появишься, так и схватишь за свои подвиги!...

- Алка, подь сюда, дура!

Не идёт. Взялись браниться, склонничать – кому подниматься, забирать Алку лазутчицу, чтобы не уползла куда не надо с подаянием. Да все тяжёлые, никому не хочется.

Такие они, парни – цыгановатые, да ленивые.

Алка Голыгина так и пропадет, что ли, ни за грошик, ни за сотенку?

Дэн вдруг поднялся посреди ночи. Встал на все четыре, напружинился, голову повернул к востоку, глаза широко раскрыты, левое, поврежденное ухо поднялось первым, за ним второе, целое, стоят торчком. Зубы сжаты, морда приподнята, ноздри ходуном ходят, ни малого запашка не упускают. Кто бы увидел из людей, даже не собачник, и тот бы понял: чего-то учゅял пёс, умница. Чего надо-то? Или неведомым двуногому люду способом телепатическим уловил послание хозяина?

А что бы вы думали? Животные чутьё имеют не чета человеческому, и что у них на уме, мы не знаем: не говорят, и речи не произносят, и скверные слова ежели услышат, то загорюют, а что бы сами произнесли – так ни-ни...

Но это (насчет дуновения от хозяина) всё-таки была иллюзия. Скорее смутное воспоминание, чем реальное ощущение.

Но и того хватило, чтобы освободиться наконец от привязи.

Интересно, видят ли собаки сны? Есть ли об этом у академика Павлова? Его интересовали, впрочем, вопросы низменные – рефлексия на пищу.

Безупречный нюх Барри и теперь серьёзно подпорчен той чудовищной гадостью, что была подброшена на дороге ради умерщвления его и ему подобных. Но Барри не умер, его спасли студенты, отъезжавшие на практику, покатали маленечко в тентованном камазе, но потом как-то вот взяли и отпустили.

Барри бежал без оглядки, куда глаза глядят, но у него не только самый главный – обонятельный – орган повредился. Ослабело, и сильно, ощущение пространства. Лабрадор перестал ориентироваться на местности. Вместо того, чтобы бежать домой, к хозяину, он петлял по городу, и, сильно оголодав, имел немало шансов опять заглотить смертельную наживу или попасть под колеса, или провалиться, допустим, в незакрытый рабочими канализационный люк. Да мало ли какие ловушки подстерегают в городе собаку, из-за отравления лишившуюся обоняния и пространственного ощущения местности...

Суммируем: Барри из-за того порошочка утратил обоняние, потерял способность находить нужные места. Наконец его подобрал Валёк Беспалов. Оценив по достоинству, прибрал к рукам, приголубил, не давал в обиду. Но опасался, что рано

или поздно сведут со двора и используют для еды и/или для пошива шапки, рукавиц, либо унтов.

Ночью Валёк поднимался - вставал посмотреть, сидит ли пёс на цепи. А собака, страдальчески урча, со стонами бессонно грызла неподатливое железо. Кожаный ремень давно бы перепилила зубами. Но Валёк нашел обрывок металлической цепочки, и заржавленная привязка оказалась Барри не по зубам.

Прудник наш - человек в сущности неопасный, однако собачатину любит, ни на какое иное мясо не променяет, на конину, там, или на свинину, говядину, даже коли такой вот выбор представится, непременно возьмёт собачатину.

Валёк доверял обещанию Прудника, но сам тревожился. Тёмный человек, сам себе не хозяин. Лучше его остерегаться.

А пёс всё завывал на новом месте. Взлаивал, всхрапывал, взвизгивал. Пугающие звуки издавал. Не давал спать новым хозяевам – Вальку и Ромику.

Барри тосковал, скулил, плакал. Просто стал хрипеть. Вот-вот зачахнет. Валёк не мог понять, в чем дело. Ромик подсказывал: тоскует по хозяину.

- Так долго, Ром?

- А всю оставшуюся жизнь – не хочешь?

Глава сорок первая. Фортуна

В Клуб «Решето» всё реже и реже, но, ещё бывает, иной раз на огонек подходят проживающие на квартале отставные военные, некоторые стажированные тренеры, ветераны спорта. Супермены, как правило, не бросающие тренировок. Они где-то у себя бьют рекорды: в ходу отжимания от пола, подтягивания на перекладине на спор за численность (50 раз, и 100 бывает), купания в проруби, а здесь, у нас, посещают занятия на тренажёрах, сражаются на бильярде.

Завсегдатаев осталось всего несколько, но они очень давно знают друг друга, им интересно разговаривать на профессиональные темы. Студентов и молодых преподов, живущих в общежитии тоже не прогоняют. Так что Стюарда здесь нередко подменяют дружинники. А если никого нет на дежурстве, «Решето» просто закрывается и пишется объявление: *«Никого нет. Приходите завтра»*. Безропотно принимается.

Сожалеют об уходе тренера Крюгера. Хвалят Стюарда за то, что смог отговорить Рудика от продажи тренажёров.

Предприниматели Шайкин и Комиссаров, например, находят удобным обсуждать здесь свои деловые вопросы. Дядя Цезий с ними уже познакомился, нашёл, что с такими людьми интересно иметь дело, но острым нутром разведчика ощущал, насколько с игроками следует быть осмотрительным, а то как бы и тебя самого не разыграли в рулетку.

Мужские игры ему импонируют. И он не любит, чтобы ему давали фору, а наборот хотел бы вести дело сам от начала и до конца.

Зато небезразличен к употреблению в названии клуба слова «Фортуна» в добавление к слову «Решето».

Основывали «Решето» Доктор с Елизаветой Петровной, а также и с группой откликнувшихся пациентов и не без помощи сторонников, заинтересованных в идее выхода из пьянства через коллективные действия..

- Из каких соображений выбиралось имя для клуба? - полюбопытствовал Стюард. - «Решето», что такое? Окружено тайной. Двусмысленность не без подтекста, можно догадываться? Так у нас клубы не называются.

И Доктор поведал ему историю своего миссионерства.

Дело в том, что миссионерство – громко сказано. Мы просто присоединились к традиции колLECTивизма, существовавшей здесь несколько раньше. Именно: собирались на стройке люди, ощущавшие свое призвание создать на земле что-то новое, грандиозное – другим не подстать, а сделать прорыв можно только всем вместе, и тут взаимная поддержка, взаимовыручка возникали естественным путем, а низменные качества, всякое недружелюбие сразу не проявлялись, это уже впоследствии природа человеческая брала своё...

Когда-то, в коммунистические годы, в бараке, где помещался Клуб строителей, два близнеца устроили небольшой спортивный зал. Братья были боксеры. И направление избирали поэтому – бокс. Фамилия тех легендарных ребят Фортунатовы, и первое наименование своему Клубу, не мудрствуя лукаво, сами же и присвоили «Фортунат». Позже сочли, что это будет более похоже на блатную (или собачью) кличку, и кроме того их же двое, тогда уж лучше бы говорить Фортунаты. Но такое у нас в практике не заведено, не встречается. Кто-то из первоначальных посетителей – студентов – однажды разъяснил братьям, насколько выгодно будет и красиво, если от названия изъять последнюю буковку, всего одну букву «т»! Ведь получается-то Фортунат! «И что же это такое?» «Удача!»...

Специальность их – бокс классический и кик-боксинг. До тайского бокса в то время дело не доходило. Руки-ноги не дотянулись. Да и кик-боксинг практиковать тоже было нельзя – потолки слишком низкие. Поэтому братья вскоре разочаровались, и след их прости.

Осталась легенда - вставочка в местный *Декамерон*....

Мы эту байку только слышали – на уровне героического фольклора Юнгородка.

В «Решете» кто-то из старожилов рассказывал.

В «Решете» клубмен, избранный председателем, с горечью сетовал, когда выбирали название клубу трезвости:

- Что это за имена у наших товарищ в разных местах Советского Союза – по минеральным камням: Алмаз, Аметист, Изумруд... Стоматит... – Все вежливо улыбнулись его шутке. – Мы же не геологи-стоматологи, у нас другое. Давайте назовёмся иначе. Наша жизнь утекает сквозь пальцы. Так?

- Через решето! – подхватили с полуслова.

- Можно, я продолжу? У решета могут быть разные по величине ячейки. Нам нужно, чтобы дырочки, сквозь которые проваливаются проваливались! – дни и годы нашего существования, были не шире, а как можно `уже.

-Как можно мельче.

-Все уже и уже, - сказала анонимная женщина-клубмен и пальцами изобразила, какие миниатюрные дырочки ей привиделись.

- Но под таким именем нас никто не призн`ает.

- Не утвердят...

- А нам и не нужно!

- Так давайте останемся верными друг другу и нашей цели, - сказала Елизавета Петровна. Она всегда подведет именно тот итог, лучше которого не бывает.

- Для всех станем клубом «Верность», - сказал председатель. Для внешнего мира – так. А для себя останемся «Решетом».

И всем понравилось: тайна, конспирология, но с позитивным знаком.

А происходило это ровно за два десятилетия до описываемых событий. И никого из первых клубменов сейчас никто, кроме Доктора и тети Лизы с Захаровной, не помнил. А иные поумирали. Однако помещение для целей общественности сохранилось.

Основная часть клубменов, те, кто спасались под крышей славного «Решета», переживали издержки возраста и прошедших биографических особенностей (сиречь пьянства). Но заходили и люди помоложе. Из этих Гоша Красавин не мог заставить

себя обращаться к Елизавете Петровне по имени-отчеству. Его почтительность проявлялась в том, что он говорил ей: *тетя Лиза*. Доктору особенная теплота интонации нравилась.

Она же и правда для всех здесь, как мать родная, – тетя Лиза...

Качалка оставалась, и её никто не трогал, потому что сначала о деньгах речи не велось (был социализм, когда всё общее, если кто не помнит), потом, при обвальной приватизации, спохватились, но здание ведомственное, со своих деньги брать как-то неудобно, и Крюгер кроме всего с подростками занимался, что властями всегда поощряется, но вот проректор Пастушков, как только заступил на должность, так сразу решил исправить положение и поломать халяву. Где только смог в обширном университетском хозяйстве, куда железная рука дотянулась, наводил порядок. Так под раздачу попали те, кто арендовал или платил субаренду по копейкам...

Иные съезжали, иные пол`опались...

А вот «Решето» еще теплится.

Итак, платило ведомство, которому принадлежит общежитие. Ретивая начальница ЖЭУ Алевтина Пригоршнева, поощряемая и побуждаемая (прямо-таки понукаемая) Пастушковым, проректором, тоже больше не желала мириться с бесхозностью.

- А зарегистрированы или нет, и платите налоги или задолжали государству, - сказала она Стюарду, - мне, знаете ли, до лампочки.

Потребовала платить, и чтобы вовремя рассчитывались. Так и попались ей под недобрую руку Юлий Августович и Максим Березин.

Хорошо еще Крюгер со своим предприятием взял и отъехал.

Виктория вдруг захотела выучиться бильярду.

Сменила гнев на милость, появилась в клубе.

Максим и рад стараться.

- Опасная вещь, - предупредил. - Втянешься, забудешь про диссер.

- Могу, - согласилась Виктория. – Я азартная девушка.

Стюард, не упуская из виду стол с шарами, искоса посматривает на экран. Вставленный в дивидишку диск показывает красочные, движущиеся сцены с далеко не детскими похождениями взрослых персонажей.

Виктории – нет бы не обращать внимания. Однако не смотреть – как? Раздражается, просит:

- Не пялься на баб.

- Это невозможно – не пялиться. Они же для этого созданы, сознают это и стараются сделать так, чтобы на них пялились как можно больше народа и как можно продолжительнее по времени.

Но делает чего проще: шевельнул пультиком и выключил ту дешёвку.

Одобрила:

- Вот и правильно. Не нужно. Учи бильярду.

- В свою очередь позволь спросить: а ты разве на мужиков не пялишься?

- Нет, я равнодушна к внешности. Разве если уж совсем уроды попадаются. Тогда неприятно смотреть.

- А, понимаю. Ты из тех женщин, которые утверждают, что в мужчине будто бы ценят в первую очередь ум?

- Ум, а отсюда уже всё остальное: долг и мужество, и верность, и порядочность, и разные уменья.

- Внешность – нет?

- Уродство шокирует. Неопрятность... Кто зубы не чистит. Или не лечит, если больные. Отрощенные, ухоженные ногти – брр, с души воротит. Так и представляю: щипчики, пилочки...

- Маникюрный набор.
- Мужчина должен быть мужчиной, а не подражать женщинам. Так, по-моему. Ногти, коротко подстриженные. Почти под подушечку пальца.
- Мне нельзя ногти отрачивать – из-за тренировок. Чтоб не ломались. И не царапались.
- Вот именно – чтоб не царапаться. А женщинам нужно – чтобы царапаться.
- Зубы нынче почти у всех с детства нездоровые. Стоматологи без работы не сидят.
- От сладостей.
- О присутствующих не говорят? – спросил Стюард.
- У меня зубы здоровые. Хотя и леченные есть. Матушка во-время озабочилась.
- И у меня в порядке. И без матушки. Как-то само собой. В Азии на фруктах натуральных зубы долго не старятся.
- Мама говорила: во рту каждый закуток должен быть здоров. Между прочим, правильно говорить: зак'уток, а не закут'ок. Правильная речь. Как бы ты сказал?
- И действительно: наше дело телячье – поел, и в зак'ут. Женщины в носочках бывают, такие беленькие носочки, прозрачные. Комично. Старушечки гольфы на варикозных ногах – совсем ни к чему. Мне кажется, если бы я увидел такое чудо, не знаю – наверное, посмеялся бы.
- Смеяться над чужим бесвкусием не стоит, – сказала Виктория. .
- А в мужчине?
- Ботинки с прошлогодней грязью. Мыть и чистить хотя бы один раз в день.
- Облупившийся лак на ногтях у дамы, – продолжал он перечислять. – А зубы должны быть вычищены до блеска.
- Многие тратятся на зубы, последнее не жалеют. Успех и белые, красивые зубы неразделимы. Американцы, видишь, как скалятся? Улыбка – фирменный знак. Никто не стесняется показывать открытый рот. Потому что заблаговременно вылечили, выбелили, выровняли все зубы. А ты как думаешь?
- Пока ещё не приходилось раздумывать над такими вещами, – признался он. – Не выбили бы, по случайности либо с намерением, вот и вся забота.

- Богатый человек может одеться в старый свитер, ношенные джинсы, но никогда не допустит, чтобы у него зубы налезали друг на друга, чтобы пломбы и небрежно пригнанные протезы торчали. Потолкуй с Юлием Августовичем, он тебе все объяснит на пальцах. У нас на кафедре работает доктор наук Каримчак Матвей Эммануилович, воевал на фронте, после войны прошёл через лагеря, но какие-то из зубов сохранились. Он так объясняет: «У меня свой секрет, как сохранять зубы. Пасты всякие – ерунда. Слюна, я накапливаю слюну. В ней есть вещества, дезинфицирующие пространство рта и носоглотки – лизоцим известный».

Виктория подсознательно отвлекает Максима от просмотра скабрезностей. Похоже, что удалось. И тактично просит:

- Кассеты всё же лучше смотреть которые без этого самого. Да ведь?
- Прости, пожалуйста. Видимо, кто-то из клубменов забыл убрать диск из дивиди. А какие надо? У нас есть хороший набор фильмов о природе. Хочешь, поставлю?
- Про природу – хорошо. «Нэшнл джиогрэфик», допустим. Да ведь? Обещаешь изъять дурь из обращения?
- Изымем.

Как она эти два коротеньких словечка скажет «да ведь?» – какая еще, к чёрту, дурь на диске?.. Спрятать подальше от пожилых клубменов, да и точка...

Дома пусть развлекаются, а в «Решете» нравы строгие.

С некоторых пор.

Но до каких пределов примерно? Люди наши хотят быть свободными, цензура их раздражает, из-за ерунды перестанут сюда ходить – вполне реальная перспектива.

Но не хотелось бы.

Глава сорок вторая. Заговор двоих

Стюард ушел прогуляться с Викторией: в кои веки у обоих высвободился вечер. Ключи оставил Шайкину и Комиссарову, с тем, чтобы, когда наиграются в бильярд, не забыли отключить чайник, помыть за собой посуду и закрыть клуб на замок, а ключи чтобы сдали на вахту в общежитии.

Однако Шайкин отложил газету, но за кий отнюдь не взялся, а задумчиво сказал Комиссарову:

- Что наша жизнь? Игра!

- Славное предисловие. Во что наконец опять заиграем, мсье Шайкин? – отозвался заскучавший было мсье Комиссаров. – Я начинаю оскудевать в ментальности – давно не разминал креативные косточки. Застой, стагнация – падение интеллекта. Тебе не кажется?

- Как раз таки кажется. Я вот о чем: нам угрожает предсказуемый идеологический прорыв радетелей родной природы. Не совсем авторитарщина, но кое-кому, возможно, придётся потесниться. Смотри, какой заголовок: «Зоозащитники идут в политику». Все наши нежные побеги экофанаты потопчут огненными копытами, такова неизбежность.

- Почему ты полагаешь, что возникает реальная угроза? - усомнился Комиссаров. - В России от таких спичек костры не пылают.

- Не скажи. Россия перестала быть исключением из всеобщих правил.

- Остапа несло, - заметил Комиссаров. – Повеяло Ильфом и Петровым. Поконкретней, пожалуйста. Киса, где ваши стулья?

- Да. Вот именно: где стулья, Киса?... Подведём под наши замыслы теоретическое обоснование. Возьмём ФРГ. Зелёные в данном процветающем государстве играют важную роль, но, если прежде они упоённо сражались за место под солнцем, то теперь, как бы они ни рвались за отвоёванные рамки, электоральные ограничители не всегда пускают их вытаптывать чужие посевы. На всех выборах получают свой процент в парламенте, и ведь тем довольствуются! Однако именно устойчивостью и делают погоду. В Европейском Союзе тоже у зелёных значительная и влиятельная фракция...

- Со временем муть оседает. ФРГ долго противилась их приходу, - напомнил Комиссаров. - Мешают же бизнесу – там не дымы, здесь не трубы. Сюда толкай, отсюда не выпускай. И так далее.

- Они уже более-менее насытились властью. А россияне по всем статьям голодные, и, бесконтрольно пробиваясь локтями, могут наломать немало дров. Слушай, а если их повернуть на нашу сторону? Экологов? Пока не поздно.

- Любопытно. Я настороживаюсь. Каким образом осуществлялся бы означенный поворот?

- Активный человек, он и в Африке активный, и в Германии. А мы в России тоже хной не красимся. Не рыжие...

Активист в России больше, чем активист, - продолжил рассуждения Шайкин. – Недооцениваем наш потенциал!.. А попробовать хорошенько взяться, так получится не камень, а пластилин – умелыми руками лепи, что угодно. Сегодня утром у активиста

собаки на уме, вечером, глядишь, вектор изменился радикально. Вечером, допустим, уже не собаки, а кошки.

- Как бы короче? Уже потянуло на лепку.

- Предположим, у тебя котельная, и у меня котельная. У тебя дымит, и у меня из трубы точно такое же чёрное облако. Однаковое и по колориту, и по интенсивности, и по химическому составу. Но у меня в парламенте сидит активист, а ты о таковом или не озабочился, или не успел протолкнуть туда своего протеже.

Опять же, предположим, послезавтра распределяется бюджет. У нас на каждого по строчке, но на твоей ты сам себе режиссер, а на моей поперёд меня прёт агрессивный эколог с матюгальником и с плакатиком на людной площади. Против твоей трубы выступает, а мою не трогает. Именно поэтому дело повернётся таким образом, что от твоей строчки отщипнут кусман, и на мой шампур навесят. Затем другой, ну, там, третий, четвёртый ... В результате у меня получится сочный инвестиционный шашлык, а у тебя всего лишь крохотный бюджетный огрызок на один зубок.

- Начинаю врубаться. Активисту по большому счету неважно, кого, что и от кого - чего защищать, так же и в нападении. Нужно себя проявлять, самоутверждаться - вот во что выливается у активиста постоянный зуд действовать, навязывать себя обществу.. Можно выстраивать игру. Но ведь и дураков среди этой публики, как собак нерезанных.

- Умные тоже попадаются, - флегматично сообщил несколько утомленный длинными монологами Шайкин.

- Где найти подходящий пластилин? И чтоб не фанат, а диалектически мыслящий, по твоей методе.

- Искусниками в лоббировании не рождаются, а становятся. Подучим, морковку впереди подвесим. А горло драть они без нас умеют.

- У тебя есть конкретная кандидатура?

- Догадался. Очко тебе.

- Кто?

- Танька Вольнаренкова. Чем не депутат? И фамилия красавая – своего рода намёк на свободолюбие. Что электоратом всячески приветствуется. Независимый кандидат – наш кандидат.

- Коли её собачьей богадельне подкинуть малость хрустящей зелени, так Таньша по любому в доску расшибётся. Не ей лично, а её несчастному детищу, - подхватив, развивал креативные мысли друга Комиссаров.

- Лично тоже не помешает. Но вот уж у кого к ладоням точно ничего не прилипнет. С другой стороны, – прикидывал Шайкин, - бдеть надо насчет Таньки, как бы она не увлеклась, и от рук не отбилась. Вдруг, да придется какое-нибудь наше задание не по праву, да попадёт возжа под хвост, вот и получится один шухер вместо дела.

- Сначала не прилипает, - вздохнул Комиссаров, - потом и без особого прилипания умненькая головёнка скумекает, куда соваться не следует, а где наоборот вкусные пироги пекутся.

- Считаешь всё же, Танька доросла до таких премудростей?

- Как бы не переросла. Ты всего можешь не знать, а я с ней работал. Таньша, прежде, чем утопнуть в своём приюте, сходила в антиглобалисты. Съездила даже в Геную, или в Венецию, точно не помню, в каком из итальянских городов у них была демонстрация.

- В Палермо?

- Не. Все-таки в Геную. Да без разницы. Потом сообразила, или ей подсказали, что из такого движения надо поскорее уносить ноги, а то чего доброго причислят к террористам, и за всю жизнь никогда не отмоешься... А ты спрашиваешь, не придурашная ли? Увлекающаяся, это при ней, но умом Бог не обидел. Кандидат наук, не пришёй-пристебай.

- Вот за это надо уцепиться! За танькино кандидатство! – возликовал Шайкин. - В нашем горсовете подавляющее большинство ребят вроде бы не от сохи, но с нормальным дневным высшим образованием, в основном технари, экономисты, юристы.

- Таньша –математик. Технарь, по твоей номенклатуре.

- Неважно. Важно, что кандидат. Ну, там есть заметная прослойка тех, кого воспитывало трудное детство, но и эти славные ребята в нынешней обстановке стараются приобрести дипломы не мытьём, так катаньем. Что в наше зеленеющее время труда не составляет. Однако при любом раскладе Танчюра наша – единственный статистический кандидат наук на всю компанию. Так что...

- Так что - рискнем! - резюмировал Комиссаров.

- Кто не рискует, того девушки ни разу не целуют, - уточнил Шайкин, и взялся наконец-то за кий.

И Комиссаров, облапивши кий, как указку, тоже прицелился к шарикам.

Так у Стюарда в клубе «Решето» однажды поздним вечером пообщались между собой плечистый, приземистый и склонный к полноте Комиссаров и сухопарый, длинноногий Шайкин. И родилось у них, разбогатевших на составлении компьютерных программ креативщиков, новое предприятие с нацеленными на дальнюю перспективу последствиями.

Политические страсти в городе между тем закипали.

Предвыборное время – оно пошло!..

Максим с Викторией

Побыли на дискотеке. Станцевали. Стюард оценил обстановку, как спокойную: естественно, воздух наэлектризован, но наркотой не пахнет, таблеточников на замечено, шприцы не валяются.

Тусуется молодёжь мирно – глаз осоловелых не видать тоже. Пьяных нет, агрессия не предвидится.

Дружинники бдят.

Телефоны у всех заряжены.

И Максим дал добро своим оставаться до конца.

- Хочешь, просто побродим, как неприкаянные? - сказала Виктория.

- Не против.

- Мы и есть неприкаянные.

- Почему? Вроде у каждого – и у тебя, и у меня – хоть какой-то угол есть.

- Я не о том.

- О чём же ты, Вики-Вики?

- Знаешь, Максим, дорога к себе – самая длинная. Скажи лучше, что ты обо мне думаешь? Ты можешь рассказать, какое впечатление я на тебя произвела при первом знакомстве?

- Могу. Но лучше не сходу. Надо подумать. Было так мимолётно...

- Подумай. Потом скажешь. Да ведь?

- Хорошо. Только не торопи. Как созрею, сам поделюсь.

- Как ты относишься к Шекспиру? - спросила Виктория.
(И что у нее за вопросы?)

- Никак не отношусь.

- Поясни.

- Лучше ты. Не совсем понятно, что хочешь спросить.

- Бывает, скажут – отторжение. Или наоборот: восторг.

- Ни то, ни другое. Просто имеются на земле предметы, которые не требуют однозначной и простой оценки. Они всегда были, есть и будут. Вехи планеты и человечества.

- Например?

- Ну, скажем, океан. Его изучать надо, а никак к нему не относиться... Или Эверест-Джомолунгма, или Антарктида. Так же и Шекспир. И Пушкин. Какое мнение ты хотела услышать? Можно развивать с эпитетом «самое, самое». Надо?

- Нет. Более или менее понятно. Ты не хочешь рассуждать о некоторых масштабных вещах в оценочных категориях. Они существуют отдельно от твоего отношения к ним, и этого тебе достаточно. Недостижимые образцы. Замахиваться на них не следует.

- Именно. Может ли усматриваться аналогия с пьянством? Точнее с алкоголизмом. Не хорошо и не плохо. Диапазон широк и вечен – от наслаждения до прямого убийства. Аналитика безразмерна... Но пьянство, как таковое, оно вечно.

- И что из этого следует?

- Другое дело – как с этим работать. Тут можно говорить о подходах и методиках, и всё будет ладно.

- А как ты работаешь? Доволен результатом?

- По конкретным людям можно чего-то добиться. Но в целом картина будто с места не движется. Нужен какой-то крутой поворот истории. Но не прямые, лобовые запреты.

- Да? Не они?

- Не запреты, Вика, дорогая, нет. Пустяки эти запреты, раздражают народ, а в долгосрочном плане у всего общества только усиливают потребность в выпивке.

- Ты уверен, что хочешь потратить на это жизнь?

- Не знаю. Некоторые тратят. Вот Доктор - такой.

- А ты?

- Пока я хотел бы потратить жизнь на наши с тобой отношения.

- Любишь громкие слова?

- А ты не любишь?

- Я человек дела. Хотя профессия требует и вербальных усилий.

- Громко говорить – тоже профессия. У наших лекторов. Но не моя. И ты из меня профессора не сделаешь.

- Вижу, что и на доцента не вытянем. Даже с моей помощью. Так что молчим, пока говорить больше не хочется?

У него на щеке катнулся круглый желвачок, уже знакомый.

И так они ходили по весеннему, талому городу.

И дождь им не мешал, - потому что дождя не было. А было тепло и влажно, и терпко пахли оттаявшие прошлогодние листья.

И те двое молчали. И обоим не хотелось прерывать молчание.

Всё-таки приходилось.

Но лишь поцелуями.

Татьяна

- Послушай, что скажу, Татьяна, - назавтра говорил в сквере на собачьем выгуле, энергично удерживая на поводке непоседу-ротвейлера, Шайкин, бывший ее однокурсник с физматфака, ныне успешный предприниматель. - Близится предвыборная компания. Мы тут с Комиссаровым посовещались, и решили помочь тебе и твоему собачнику. Не прямо помочь, а как бы косвенно. Нам бы не помешал свой человек в горсовете. Желательно такой, как ты, немного одержимый. В общем тематический, идейный. Темпераментный, с управляемым здоровьем. Не

обременённый семьей. И замуж сходила, опыт заимела. Будешь поосторожнее с этим, что тоже немаловажно.

- Добавь ещё: маленького роста.

- Во-первых, не такая уж крошка, - польстил Шайкин. – Во-вторых, *маленька, дробненька* – фольклор... У тебя как раз идея прикольная – борьба за благополучие собак и кошек. Ты всё это изведала вдоль и поперёк, ты профессионал. И язык хорошо подвешен, и кандидатская степень. И ноги-руки растут, откуда надо. И спортивная, цепкости хватает.

- Не жалуюсь. Но это же сколько денег надо, чтобы избраться? А по существу я до сей поры у мамы на шее сижу, и ноги свесила. Благо, мама для нас двоих зарабатывает достаточно. Но это ж не вечно.

- Вот-вот, и мы про то же. Зелёненьких, сколько потребуется, мы подкинем, пусть у тебя голова о деньгах не печалится. Не твой вопрос. На оплату избирательной компании средства найдутся. Наймёшь себе помощников, таких же малохольных энтузиастов, как сама. Или других, поопытней в работе с избирателем. Ну, не знаю, побашковителей, спокойнее, - как угодно рассчитывай. Я не диктую, но при отборе в команду надёжных и проверенных ребят посодействуем, можешь не переживать.

- А что я тебе и твоим приятелям, то есть спонсорам, за вложенные в меня денежки, - как полагаю, серьезные, - буду *должной*? И какова ответственность, если вклад не окупится? С меня, вероятно, будет спрошено. Не за просто так же вы меня сватаете, а за какие-то коврижки.

- За так, не за так, никто на тебя давить не собирается. Выиграем, окей, спасибо, а окажемся в проигрыше – тоже никто линчевать не кинется. Народ поставил, народ снимет, народ и поддержит при любом развитии ситуации. Депутат – слуга народа, так ведь утверждалось в учебниках марксизма-ленинизма? Просто, как виноград. Эксперимент же, Таня. Но мы не можем проиграть, вот стержневое правило во всей истории.

- А что придётся делать в случае победы?

- Хороший вопрос. В определённых рабочих ситуациях каждый народный избранник присоединяется к той или иной позиции, или выдвигает от своего лица как бы собственную..

- А если покажется, что правы оппоненты, и я не смогу молчать?...

- Ну, зачем же заранее страхи наворачивать? Всё будет хорошо, вот увидишь.

- Боюсь, как бы вы с вашими дружками не разочаровались. У меня кроме собак и приюта ничего в голове не бродит.

- Что и требовалось доказать. Факт остается фактом: ты от общественной работы не устаёшь, а ещё больше распаляешься, и при встрече с препятствиями не стесняешься пободаться и набить себе на лбу шишек.

- По гороскопу - баран.

- Вот и будешь говорить в совете преимущественно про свой приют. И про другие подобные. Развивать приютное направление. А что? Приютное – приятное. Привет собакофильству и смерть догхантерству, ура, товарищи!

- Хохмишь ты, Шайкин.

- Совершенно серьёзно – совершенно секретно. Чем плохо заполучить трибуну, да ещё и с недурным жалованьем? А мы тебе новые темки подкинем, также важные для общества и небезынтересные тебе самой. И приюту сделаешь хорошо, и нам посодействуешь кое в каких направлениях... Обтешешься, пройдёшь горнило, станешь погибче. Навык - дело наживное...

- А чего сами-то не идёте в депутаты?

- С нашими фамилиями, да с нашими рожами – в избирательном округе просто не поймут. Мы – опора, фундамент. Группа поддержки... Не переживай, из нашей среды люди тоже идут, но и нейтральные деятели очень востребованы. Те, что со стороны. Самотёк, так

называемый. Самовыдвиженцы - на бумаге. А на деле – естественно, представители чьих-то интересов. Нормальная мировая практика.

Комиссаров издалека заслушался разглагольствованиями товарища. «Остапа неслось», подумал, но, подойдя к ним, цитировать Бендера раздумал.

Шайкин между тем продолжал:

- Парадоксальная, но выгодная нам ситуация: на этом, начальном этапе предвыборной компании мы впереди. Ибо ещё никем не выдвигается ни одной женщины. Непорядок? Да, неравенство, которое по умолчанию подлежит преодолению. Гендерный кризис... А ты приметна, своё дело отстаиваешь, и тебя в городе уже немного знают. А будут знать больше. Власть – дело сложное, но привлекательное. И ты, Таня, ведь человек далеко не простой? Не простой же, так?

- Я в политике не секу.

- Сечёшь. Ещё как сечёшь. За границей, надо полагать, посещала не одни вернисажи с выставками художников-авангардистов...

- Да уж... Напосещалась...

- И теперь в политике крутишься. В ней, сердечной, утонула с ручками. Собачья тема, она же политическая.

- Соглашайся, Таньша, - включается Комиссаров, между прочим, тоже выходец с благословленного того курса, а ныне компаньон Шайкина по фирме и партнёр по содержанию любимой собаки. Руки у Комиссарова свободны от поводка, поскольку ротвейлер Скаут у них с Шайкиным в общей собственности, и сейчас очередь выгуливать не у Комиссарова. – По глазам вижу, согласна.

- А, была не была. Уговорили, повели меня, такую молодую. Только вы меня не бросайте, коллеги мои дорогие, ласковые!..

- Да ни за что!- заверяет Шайкин. – Ни в жисть не бросим, Танечка!...

- Момент подходящий, - добавил усиления Шайкин. - После, как все места обозначатся, уже к избирателю не подступишься. Жизнь полосатая: там, где сегодня полный вакуум, завтра может образоваться оживленная толкучка. Как нас учили товарищ Ленин: брать власть сегодня ночью. А он разбирался.

На Ленина Татьяна не отреагировала, а спросила для верности:

- Правда ли, что депутатам обеспечивается неприкосновенность? Не сказки? Стреляют ведь...

- Истинная правда, Таньша. Уж с этой-то стороны ты подстрахована. У тебя двойная защита – законом и нами, твоими друзьями.

- Стреляют тех, кто подставляется, - уточнил Комиссаров. - Депутатов разного уровня по стране тысячи, а гибнут от подлой руки злодеев - один-два, и обчелся.

- Когда начнём заниматься делом?

- Считай, что уже начали. Продолжаем завтра, - сказал Шайкин. – Я позвоню. В семь тридцать утра не рано?

- Давайте в семь тридцать.

Назавтра утром в шесть тридцать по телевидению объявлено очередное занятие школы начинающего собаковода. Татьяна Вольнаренкова уже на ногах, и, занимаясь собой, одним глазком посматривает на экран. И ухмыляется нужной информации, просто и безыскусно изложенной.

Три её собаки ночуют в приюте, завтра надо их вести к ветеринару на вакцинацию.

Ведущий НТВ: - В последнее время по стране прокатилась волна отравления собак. Принимать брошенную на улице еду равносильно самоубийству.

Затем он показывает молодой семейной паре, как пользоваться радиоошейником. Всегда можно связаться с собакой, где бы она ни находилась. Ловко надевает, положив собаку на бок.

Хм, в последнее время, усмехается Татьяна, смотри-ка, только встрепенулся, дядя!..

Шайкин, лёгкий на подъём, снабдил Татьяну некоторыми адресами и телефонами, дал краткие характеристики их владельцам и обозначил будущие совместные интересы. Предложил ей первоначальный статус человека, претендующего на выдвижение в депутаты городского совета.

- Так и представляйся. Ссытайся на меня. Рекомендовал звонить, мол, господин Шайкин, а так, дескать, сама додумалась, прямо с улицы... Шла по тротуару, переходила дорогу на зеленый, тут, мол, и осенило: идти в депутаты!.. И давай, двигай, моё сокровище!

Татьяна от переизбытка чувств искала, с кем-то надежным поделиться, чтоб не проболтались. Поделилась с Викторией. В случае, если у опекунов дело выгорит, кого-то же и на приюте оставлять придётся. Ульяна выдохлась, устала, почти в старуху превратилась, торчит на больничном не понарошке, а потому что руки трясутся... А тут – хоп, вот она и Виктория в кафешке под лестницей.

- Пойдем-ка прогуляемся, - предложила Татьяна. – У меня конфиденция. Доверять могу одному человеку на свете – тебе, Виктория.

Отправились в рощу, в учебное время совсем пустую. Никто не подслушивал. Ни случайно, ни намеренно. Просто никого не было. Татьяна – человек открытый, всё выложила с подробностями и своими сомнениями, которые, впрочем, почти что уже иссякли.

- Шайкин с Комиссаровым в точку ударили: я политикой интересовалась и продолжаю интересоваться. Ходила на митинги, часто не выступала, но несколько раз перед публикой засветилась.

На последнем, не слишком многолюдном митинге у какого-то сильно замёрзшего юноши я взяла бесплатную газетку, не толстую и без рекламы – подарок от местного комсомола. Других газет и распространителей в тот раз на площади не нашлось.

В листке расхваливали Ленина и Троцкого, а о Сталине, как ни странно, у молодых коммунистов не было сказано ни единого слова.

Ленина и Троцкого я пропустила мимо себя, не до них же. Но вот мне показалось интересным узнать из газетки о том, как где-то в Подмосковье власти арестовали некоего Ивана, причём в заметке намекалось – взяли будто бы за то, что он организовал комсомольскую первичку и занимался благотворительностью, именно «при всей своей занятости находил время помогать бездомным животным – пристраивал десятки бродячих собак и кошек».

Мне показалось, что для этого не надо было создавать первичку. И в принципе даже не обязательно было вступать в комсомол. Мы вот с моими волонтерами никуда не вступаем, а результат примерно тот же – отрицательный. Меня госпожа Сероштанник только чудом не посадила в тюрьму, хотя, вероятно, не остановилась бы перед такой перспективой, если бы могла с этим справиться.

Однокурсники почти вселили уверенность в том, что я, как депутат, смогу реально помочь приюту, и к тому же обрету неприкосновенность, и поэтому никакая Сероштанова до меня не дотянется, а, напротив, если не перестанет соваться, то я, как представитель власти, её на место поставлю.

Пожилой, по-старомодному одетый мужчина, читавший рядом со мной ту же газетку, прокомментировал заметку про Ивана и бездомных животных чуть ли не моими словами:

- Интересно, куда это они пристраивали собак и кошек. Только что на живодерню, так для этого не нужно быть комсомольцем. Или собирали для спекуляции – в это я тоже поверю.

- Тимуровцы, - со сдержанным презрением сказал другой.

- А я читал, - заметил первый мужичок, - будто где-то под Москвой (в Пушкинском районе, возле города Ивантеевка) защитники животных нашли 39 собачьих трупов. Кто поубивал животных, неизвестно, но шум подняли немаленький. По опыту смею сказать: ничего не докажут.

- Не знаю, верно ли я делаю, что соглашаюсь, - призналась Татьяна. – Слушаю твоё мнение.

- Окажись я в таком положении, скорее всего пошла бы, - отозвалась Виктория. – Я вроде тебя авантюристка, а тут нечто неизведанное, терра инкогнита – борьба, политика...

- С другой стороны - меня и в собачнике-то неудачи преследуют, а ставится такая задача, что на порядок увесистей. Вдруг пристрелят где-нибудь, закопают, и знать никто не будет.

- Сразу не пристреливают. Сначала предупреждают. Врагов не наживай, и целой останешься. Наконец – ты разве у нас трусиха?

- Мой дедушка прошёл всю войну – от Сталинграда до Калининграда, рассказывал скрупульно, но я от него слышала: кто не знает страха, тот или дурак, или врёт напропалую. Вторых, по его словам, больше.

- Поняла.

- Тезис насчёт толерантности - не новость, с этим я сроднилась. А ты бы за приют взялась, если я вынуждена буду его оставить?

- Неожиданный вопрос. Вот уж о чем не помышляла, так это о твоём приюте. Я человек не свободный. Мама больная... Так или иначе диссертацию штурмовать надо. Защищаться придется, чем скорее, тем лучше. На кафедре работы – начать и кончить... Диссер почти на выходе. Куприянов уже подобрал удачный учёный совет.

- Но ты так ретиво искала того лабрадора... Спрашиваю для разведки. Не факт, что кто-нибудь из волонтёров наверняка возьмётся. Здесь нужен человек зрелый, испытанный. А они, мои-то все, - как на подбор, молодые, не оперившиеся до конца, почти дети. Девочки и мальчики, старшеклассники и младшекурсники.

- Я сейчас не отвечу. Никак не готова к такому повороту событий.

- Но можно, я по крайней мере буду иметь тебя в виду?

- Да, - по самой крайней мере иметь в виду можно.

- И на том спасибо. И ещё спасибо тебе, Виктория, что выслушала и помогла хотя бы душу облегчить.

Случился в эти дни и суицид из-за собак, но, к счастью, незавершённый.

В приют «Верный друг» просто так пришла за помощью девушка с хорошим старинным именем Степанида. Больше податься ей некуда.

Служительница Наташка ее приютила в однокомнатной избушке без сеней, которая служит и директорской, и приёмной, и сразу же комнатой отдыха, и кухней.

Наташка угощала и приговаривала:

- Хочешь, подолью чаю, ты не стесняйся, бери конфету, пряник пожуй, пряничек свежий. Мало что не хочешь есть, аппетит знаешь, когда приходит? Во время еды. На собак посмотри, они редко себя сытыми чувствуют.

- Бывает, что и насыщаются...

Взглянув на бледное, неулыбчивое лицо девушки, Татьяна заранее стала её жалеть. Наташка, тоже сердобольная душа, обрадовалась появлению начальницы:

- Татьяна Владимировна, скорее посмотрите, кто к нам пришёл!.. Здесь вот Стеша. Она заблудилась по жизни. Просится побыть среди собак.

- Так пусть побудет. Надолго ли к нам?

- Хоть на сколько! Хоть до самой старости, - объясняла Наташка.

- Почему?

- Она выписалась из больницы, и вот не знает, куда себя деть.

- Что с тобой произошло, Стеша?

- Я, как Маугли, выросла среди животных. А дома мама не позволяет к ним притронуться – боится, что занесу инфекцию. Разводит дорогие породы, торгует.

- Тебе сколько лет, Стеша?

- Шестнадцать.

- Какую болезнь-то лечила?

Стешина бесхитростная повесть звучала так:

- Выпила бутылку портвейна, после чего нажралась таблеток. Сторож позвонил по поль-два: пьяная девчонка, спит на объекте. Милиция взяла с площадки долгостроя, увидели, что без сознания, увезли в больницу.

- А как ты оказалась в том долгострое?

- Мы часто туда ходим с ребятами и подругами, Перелезем через забор, спрячемся за сараем, бухаем, глотаем таблетки, курим. Музыку громко не включаем, зачем будить сторожа? У всех наушники... Сторож где-то спит, нас не прогоняет.

- Почему тебе жизнь так не милой показалась?

- Мама не позволила ночевать дома.

- А где?

- Посылает к тёте Алле Голыгиной. А тётя Алла бухает, шалманы водит. Я не хочу у неё бывать.

- У тёти своих детей нет?

- Почему? У нее Лариса и ещё четверо от разных дяденек. Лариса работает в клинике, дежурной сестрой. Врачи к ней плохо относятся, обзывают проституткой. А она наоборот, ни с кем романы не крутит. За два года ни с одним не переспала. Ночью клиника делится на две половины – больные отдельно, а сёстры с врачами отдельно, сёстры спят с врачами.

- Тётя старая?

- Тридцать шесть лет. Ларису родила в шестнадцать. Лариса рано пошла работать, санитарила, выучилась на медсестру, закончила вечерние курсы. Тётя бухает с сожителем. Сестра всех кормит. Наварит кастрюлю, всем хватает...

- У тебя с твоей мамой квартира такая маленькая, что тебе негде ночевать у себя дома?

- Почему? Квартира двухкомнатная, как у всех...

- Так что же?

- У мамы 10 собак. Им нужно место.

- А мама хоть знала, где ты ночуешь, и что с тобой вообще происходит?

- Мама не знала. Мама горевала: пекен`ес умер. К тому же у лабрадора некроз держался две недели. Мы ездили с ним на остановку Госбанк...

- Понятно. Ветеринарная клиника «Друг».

Татьяна перечисляет:

- Вакцинация, терапия, хирургия, стрижка собак, вызов на дом. Приём в рабочие дни с 9 до 18 часов. Суббота, воскресенье с 10 до 14. Телефон 123-17-11.

- Всё правильно. На остановке Госбанк за операцию, сделанную собаке, отдали 5000. Маме покупатель уплатил 2000. Такие убытки мама понесла на собаке по имени Фара.

- А вместе с тем тебе спать негде?
- Мамин бизнес предполагает издержки.
- И ты попадаешь в это число?
- Мама считает, что прибыль оправдывает все расходы.
- А на тебя у неё ни сил, ни средств не хватает?
- Я маму люблю.
- Но жить тебе негде.
- Жить негде...
- Ну, что же, сегодня у нас переночуешь. Вон на том диванчике. Понравится тебе в приюте, примем на работу. Где-нибудь поселим.

И вот поэтому сделка с ребятами едва не расторглась.

Человек гибнет, надо вытаскивать, устраивать... Требуется время.

Татьяна Вольнаренко несколько минут размышляла под несмолкаемый аккомпанемент визгливо-лающих приютных звуков.

Так всё и начинается. Ещё не депутат, а уже нависают стратегические задачи. Очевидно, что приют нужен не только для собак и кошек, но и для отчаявшихся людей. Идти в депутатство, чтобы добиваться подобных целей, только тогда овчинка стоит выделки.

Но тут же и другой голос нашёптывал:

- Если позволят, Татьяна, если позволят... Антиглобалистское движение отчасти силой подавили, отчасти перекупили, переформатировали под чьи-то глобальные меркантильные интересы. Не абстрактные чьи-то интересы, известно же - чьи...

Ах, не отвлекайся, Татьяна, не уходи в сторону...

Меня же не для того туда сватают, чтобы выбивала деньги на богоугодные заведения. Шайкин с Комиссаровым мягко стелют, а на лежачок на жёсткий укладывают. Власть затем и выбирается, чтобы делить деньги...

Но не всё же по карманам рассовывается. И в конце концов стешина жизнь на данный момент в моих руках, не в чьих-то, не в маминых, не в милицейских или, там, каких-то врачебных.

Внезапно Татьяна ощущала, как в ней снова пробуждается неумолимое, почти отчаянное стремление быть в гуще событий, то чувство, что обернулось властным поступлением в разноязыкую, буйную толпу всемирных манифестантов, отборных бунтарей, собирающихся из разных концов планеты, чтобы добиваться единственно заслуживающей самопожертвования (как они считают) цели – истинной справедливости.

У каждого своя биография по преодолению трусости.

Друг мой, Шайкин, знаешь, быть может, самое большее, что ты пережил - в тебя стреляли, и ты отстреливался, и ты стрелял, и от тебя отстреливались. Тоже, ох, как не мало... Возможно, тебя пугали, и ты пугал тоже. А дальше опять страх, но уже и некоторая опытность с ним справляться.

Или выходить из тех ситуаций, где страх обязательно присутствует.

Но ты, Шайкин, не был рядом со мной на настоящей войне в Европе, а я прошла через это, когда вооруженная монолитная масса неумолимо движется на другую массу, сознательно не вооружающихся людей, и вот я вижу у своего лица озверелые физиономии полицейских в тяжелых, средневековых одеждах, в прозрачных, непробиваемых масках и в шлемах, и грозные машины, двигающиеся на меня, чтобы раздавить, расплющить в лепешку, и товарищей, только что шедших рядом, с плакатами и песней, а через минуту окровавленных, избитых, валяющихся под полицейскими сапогами, под палками, под грозным колесом бронеавтомобиля, под

танком, сбитых ледяной струёй из брандспойтов и отравленных ядовитыми газами, и непонятно, живые ли они или уже убиты, а газ туманит всё вокруг, и кашель разрывает лёгкие, сознание уплывает, и вот она – смерть...

Подлинное преодоление трусости, инстинкта самосохранения, присущего любому человеку, – удел немногих, но именно они верят в победу, и снова поднимаются с загаженного асфальта, и собираются вместе, и боятся за справедливость, но никогда не стреляют сами, и расчетливо не допускают в свои ряды тех, кто хотел бы орудовать исключительно пистолетом и автоматической пушкой.

Знаешь, страх страху разница, у одного и того же человека. Пушкин был решительный, неустранимый дуэлянт, и не поколебался вызвать на поединок Дантеса, когда узнал о его подлом поведении. Не дрогнул под дулом пистолета, но сильно смущился, по словам Пущина, когда в ссылке пришёл его контролировать специально назначенный для этого низенъкий, рыжеватый монах. Так что разные бывают обстоятельства.

Стратегия выбора. Я с вами, люди. Нищие, несчастные, горюны всех стран и бесприютные всех окраин, поверьте мне, я с вами...

Так собираясь же с силами, Татьяна Вольнаренкова, приказала она себе, мобилизуйся и немедленно берись за работу. Хватит отсиживаться в глухом углу приюта для брошенных животных. Хватит сражаться с полуразумной, злой старухой Сероштановой, она и без тебя споткнётся и скучожится...

А кроме всего прочего, уважаемая кандидат наук и кандидат чего-то там ещё (скажем, возможности быть подсаженной на депутатство) Татьяна Вольнаренкова, ни в коем случае не следует докладывать о посетившем тебя пафосном настроении ни господину Шайкину, ни господину Комиссарову.

Так, твёрдо решив оставить при себе и пафос, и боль, и комплексные элементы страха и сомнения насчет электоральных предпочтений, она, при сладостно тревожном сопровождении визгливо-лающего приютного звучанья выложила перед собой листок с фамилиями абонентов, рекомендованных Шайкиным, и включила мобильный телефон.

Глава сорок третья. Дебош тёти Лизы

Виктория с тёти Лизой пришли в правление дачного кооператива.

Спросить, как и что насчет переоформления и купли-продажи участка – если надумается. (На всякий случай, вдруг у мамы на даче что-то не срастётся, ей будет особенно тяжело, и придется её забирать, а с дачей уже теперь полностью расставаться).

В тот день по расписанию бухгалтерша принимала плату. Как всегда, председатель сидел на лавке – она на стуле за столом, он в торце, сбоку от неё, делал пометки в блокноте: фамилии, суммы.

В правлении скопилась небольшая очередь. Один мужик заплатил 3200, очень много, тогда как у меня и у соседки около двух тысяч за всё про всё. Ещё один рассуждает: что сделать с тем, кто отказывается платить за дачу вообще: не буду, и всё. Выселить не получится, за квартиру-то не платят, и то не выселяют. С судами не хотят связываться – не обязательно выиграть, можешь и проиграть, все боятся юридической стороны. Наконец ещё один обращается к преседателю и бухгалтерше:

- Господа начальники, с каких пор у нас Центральная улица превратилась в место свалки? Валят всё, что попало, муhi зелёные летают, пищевые отходы гниют. А пищевые отходы надо закладывать в компост, травы сверху накидал, и хорошо. Мне семьдесят три года... Я семьдесят три года в компост закладываю. Ты малину вырезаешь, так не выбрасывай. У тебя же баня, возьми, сожги. Мясные обедки, сожги а бане, кости – сожги, истолки, сожги, какое будет удобрение!

- Сами дачники не хотят следить за порядком. Возьмите, позвоните, - рекомендует председатель. – Телефон же есть, приедет – заберёт.

Мужик ещё что-то говорит. Председатель строго:

- Не мешайте бухгалтеру считать.

Ничего толком здесь им не сказали: решайте, а бумаги на приватизацию оформляются через районную администрацию.

Вот и поезди туда, в райцентр.

Тетя Лиза оставляет Викторию пить чай. Виктория достаёт из сумки сладости, ветчину и сыр.

Заслушивается, как и все, рассказами Елизаветы Петровны.

Одна её хорошая знакомая пытается спасти внука, но уже поздно. Тяжелый наркоман, лечиться не хочет, она даёт ему денег без меры. Богатая... Он с ней скандалит. Она хочет получить для него права, готова уплатить любые деньги. Купила ему машину - япошку – для начала. А прав нет. Боится, что он без прав разобьётся. Рисковать дать права за взятку никто не хочет. Но она ищет и скорее всего найдет. «Рая, не делай этого: и его погубишь, и человека под монастырь подведешь».

Виктория спросила:

- Что это у вас такое с пальцем, Елизавета Петровна?

- Палец порезала. Отвалила кусок, сложила. Надо тщательно приложить. Смазать спасателем, употребить масло, никакого йода, ни капли воды. Своя кровь поможет... Коробом стоит... Замотала, к ладони прижала. Ночь не спала. Галке позвонила. Говорит: иди в приёмник, в больницу. Ночь, 11 часов. Не пошла. К хирургу не пошла – будет новая боль... Главное – бинт не намочить.

Так и зажило...

Тетя Лиза

Дождик припускает так несмело. Я ему шепчу:

- Ну, давай смелее, - а он так несмело моросит, а потом как припустит, не без задоринки... – ну, мать моя, вся в саже!..

- Собаки грызутся второй день. Лисичка попала под машину – у неё ножки нет... Ей достаётся: у Лисички вся морда искусана, кровища... один глаз вырван. Жульетка, которую прикормили на Диспетчерской, - из-за неё. Целая стая. Ночевали, видимо, у двора, на улице. Они же голодные. Жульетка – собака рыжая и лахудристая - за мной идёт, к ноге прижимается, скулит, плачет. Тоже вся искусанная. Прямо лезет в сумку, а у меня там колбаски да курочка – на обед же. Я прогоняю:

- Отойди, Жульетка!

Но что-то ей уделяю. Отмахнуться же нельзя.

Так и у людей. У меня был парень, с другого конца деревни. А наши – Андреев и Потылин – не хотели, чтобы он со мной ходил. Вот мы с Надькой пошли, я говорю:

- Пойдём туда, там этот парень будет.

За нами Андреев с Потылиным увязались. Мы забежали в дом к Катьке. Её у нас *переходницей* звали. Всё время на второй год оставалась. А звали так потому, что в деревне корову стельную зовут этим прозвищем, если она перехаживает свой срок.

Мы забрались на русскую печку, сидим. Застыли, Катька нас занавеской закрыла. Они зашли:

- Где Лизка?

А мы замерли, ни живы, ни мертвые. Дыхание затаили, вши замерли.

Они везде посмотрели, потом отдернули занавеску.

- Слезайте, вот вы где!

- Твой парень пусть приходит, - Андреев говорит. – Мы с ним разберёмся.
- Ты только посмей его тронуть – тебе не поздоровится. – Я ему пригрозила. Ну, ничего и не было. А все в одном классе учились.
- Елизавета Петровна, почему вы не педагог? У вас бы получилось. Все вас так любят.
- Рано замуж вышла.
- И муж вас не понимает.
- Знаешь, как ухаживал? Цветы приносил, в рестораны приглашал. Слова знал какие-то. Я от него взрослого таких слов за всю жизнь ни разу не слыхивала.
- Сколько же вам лет было, когда замуж вышли?
- Только-только 18 исполнилось, и можно стало брак регистрировать, вот, едва дождалась, сама потянула: пошли расписываться, за так гулять больше не буду. Училище закончила уже замужней. В институт идти он меня отговорил – дети, дом, у него работа опасная, зарабатывал хорошо, так и время потекло. Побежало время-то, Вика.
- А я думаю: почему вы не педагог?
- Не училась, потому и не стала.

Сосед Соболев на даче перепахал всю свою землю и бросил, она заросла. Пашет соседскую, голимая глина, холмы наделал и сажает картошку. Наносил всякой арматуры, шины, роет колодцы, закладывает шины. Выстроил вышку, заливает туда воду, *побежок* из бочки, хотя можно просто из шланга поливать. Увалы наделал.

Приветствует, раскланивается. «Я, Елизавета Петровна, здесь отдыхаю». Этот Соболев, с бородкой, в прошлой жизни ученый, кандидат наук, мало что на двух дачах горбатится, так еще подметал на Кольце. «Я вот о чем думаю, Елизавета Петровна. На трех работах получаю 600 рублей, к пенсии маловато будет...»

Какую оказию наладил – насос. Тарасов, сосед, сделал насосы – мне и себе. Я ему поставила бутылку пива – полтора литра. Жена его сидит на крылечке, в шляпке – ничего не делает.

- Какая у вас прекрасная семья – любовь, детки.
- Все было, Елизавета Петровна, и любовь, и измена, и опять сошлись.

Колодец бетонированный у меня смотрел, себе делает. Ко мне все ходят за водой. У всех вода мутная, у меня – как слеза. Тарасов такой же делает. Нанял человека. До плывуна рабочий докопался. Стало засасывать, едва вытащили. Хорошо, что день был воскресный, мужиков на дачах много, а то бы плохо могло закончиться.

Избушонку Мишкину не достроила. Печка развалилась – не до печки.

Иду ночевать в мишкину квартиру. Он владеет пополам с бывшей женой, родня мешает: квартира выставлена на продажу, покупатель нашелся, да та сторона тормозит.

Трансляция мировых чемпионатов продолжилась.

И тетя Лиза, все переделав, позволила себе небольшую передышку.

Она сидела у телевизора, смотрела спортивную передачу, и снова плакала: жалко наших ребят. Ну, почему к русским так придираются?!

Необходимо отметить, что над своими собственными делами, куда более страшными, она давно перестала лить слезы. Эта реальность обратилась в мучительную, но рутину. И здесь по определению требовались не сантименты, а неустранимость, терпеливая выносливость, уверенность и недремлющая сила.

Карина вернулась. Моя подруга – вернулась же из деревни.

- Не прижилась, Лиза. Собирались насовсем. Ты знаешь, продали квартиры, девушку здесь, и в Омске однушку. Думали, устроимся как следует, основательно.

Взяли дом в деревне. Там такие – финские. На двух хозяев – у каждого отдельный вход, три комнаты, кухня. Прежние хозяева нам все оставили – баки, мебель, козу за полторы тыщи. У них там дети. Внучки учатся в Барнауле.

Год пожила, засомневалась.

- Кто бы раньше сказал мне, Лиза, что я – в деревню? Чт’о я там не видела? Снег, вода – сколько выпадет, столько убирать. Дрова… Газ – дорого. Вода только холодная. Мне от той холодной воды на всю жизнь боли хватит …

Вернулась. Жалуется: «У меня, Лизок, руки покорежило. Руки болят. Смотри, мосолки какие разбухшие. Суставы раздались, хрустят».

- Полиартрит – обороны, Господь! – крестится тетя Лиза. И сразу – рецепт: настоять мухоморы и втирать в кожу. Боль проходит.

И вот уж кому не наскучит слушать про Витьку. Карине.

Карина, подруга, опять увидела чужих в одной из соседских избушек. Говорит Тамаре Петровне:

- Там пацаны. Я их боюсь. Надо Лизу звать. Она их прогонит.

Соседки не рискнули идти дальше – сопроводили её, забоялись и стояли в стороне. Не ожидали такого развития событий, которое произошло. Тамару Петровну с ведром и Карину тётя Лиза оставила на дороге – в заложниках.

Но Виктория, случайно здесь оказавшаяся, не забоялась.

- Беда, барин, буран.

Насчет Елизаветы Петровны – всё верно, палочка-выручалочка.

- Иду одна вечером, навстречу троем. Раз – и за кусты спрятались. Меня боятся…

А мне их жалко. Потеряли всё: квартиру, семью, работу, себя. Они после тюрьмы никому не нужны. В советское время им давали работу, сейчас и хороших прогоняют или не принимают. А уж про этих никто не вспоминает. Откинулся, и живи, как сумеешь… Полезешь туда, где не ждут, определят опять за Хозяином. Туда кости и бросишь. Вариантов нет.

Елизавета Петровна

Перво-наперво она устанавливает обидчиков. Это не сложно.

– Пойдем к Ахмеду – выяснить. Он, кто же ещё? Залез в чужой дом, там живёт.

Сказала: «Уходи. Я тебя предупредила».

А тут ещё один, неизвестный. В штанах и в майке.

Он весь до подбородка спереди и до затылка сзади – в картинках, среди их множества есть даже и щит со свастикой.

Кто бы это мог быть? Из блатных.

Я повторила предупреждение. По-хорошему. Убеждала, чтобы поняли: милицию поднимать не стану, но уйти им придётся.

Ахмед проникся.

- Мы никуда не лазим, обижать никого не собираемся. Мы рыбаки. Кроме рыбы ничего не ищем. Но, раз уж вы просите, переберёмся куда-нибудь, ты, мать, не моги сомневаться.

Быть может, и переберутся.

Идём с дачи с Кариной – моя приятельница, по соседству со мной её дача. Я говорю:

- Пойдём по лесу.

- Там полно клещей.

- Да что ты, откуда клещи? Мы пойдём по дороге. Лес голый: первые дни марта.

С Кариной идем. Я говорю:

- Хорошо, что мы не на обратном пути. А то бы устали.
- Ноги не идут, Лиза.
- А то бы не шли совсем.
- Так как жить будете? С Витькой.
- Как все живут. И кошка живёт, и собака живёт. Возможно, видишь меня в последний раз. Грозит: «Убью. Там вместе лежать будем». В 6.15 на первой маршрутке приезжаю. До восьми иной раз ещё посплю.

Мишке, конечно, про блатню рассказала. В прошлом году. Был на свободе. Посмеялся. «Тётя Лиза, не отступай. Они сейчас перед выбором. Или будут стороной обходить весь ваш закуток. Или станут мстить».

Не мстили. Нынче посмотрим, как оно получится. .

Пошли. И вот оно, моё одеяло, развешано на верёвке. Там кругом дачи. Порядок целый брошенных дач, селится всякая *стремь-брень*. Ну, вот, моё одеяло, красное.

- Глянь, Карина! Моё одеяло!

- Брось, Лиза! Разве одно такое в магазине продаётся?

- Нет, моё!

Подошла, схватила. Иду к ним в дом. В сенках встречает алкашка. Рожа испитая.

- Тебя как зовут?

- Галина.

Потом выяснилось, что соврала – она Зойка. Ее Карина узнала, всё время на базаре отирается.

Я ворвась в дом. Алкаш лежит на подстилке, на куче одежды, я вижу, моя скатерть. Я потянула, выдернула, он даже не повернулся. И девка там же валяется, тоже испитая. Молодая. Ответила правду, как зовут: Ольга.

Вижу – всё моё белье, моя посуда. Стала громить.

- Ах, вы, паскудники, суки, убью! Вы жить недостойны на земле. Вы мусор планеты!..

Откуда слова такие взялись?

Карина узнала свою печку-буржуйку. Они у нее тоже всё *стъюздили*.

Она Ольгу давай стыдить:

- Ты молодая, как ты могла свою жизнь так испортить.

Та огрызается:

- Моя жизнь. Как хочу, так и проживу.

- Да ты как с ней разговариваешь? Ты её огрей по роже, тогда она поймёт. Кнутом семиколенным, цыганским.

Карина говорит:

- Давай печку положим на носилки и утащим.

- Нет. Ты не таскала чугун, а я таскала. Можно только волоком. Завернуть в одеяло...

Пошли за Радыгинами – их вещи там же увидели. Костя у них копался в огороде. Пошли с нами Тамара Петровна и Герман.. Герман отшвырнул эту Ольгу, вошёл в избушку. Своё увидел.

Я взяла доску, все крушила, била по дому, орала. Наверно на весь поселок было слышно. Там второй этаж, чердак. Доску взяла и крушила.

- Я своё отжала. Я вас порежу... - прямо такими словами говорила. – Я знаете, чья тётка? Мишкина!.. Мне за вас ничего не будет. Я ничего не боюсь. Тюрьма мне не страшна. Отсижу, но и вы земной шар поганить не будете.

С ножами на них пошла. Жалею, что не забрала три тесака, которые там валялись. Один настоящий нож – с таким, правда, на человека ходить. Орала, материлась, себя не помнила. Второй этаж – надо подняться. Гера обошел дом, на задней стороне – вот она, лесенка. Поднялась, он подержал. Все мои вещи! Половики постелены, коврик.

- Ты зачем мои вещи украла?

- Я не тащила.
- Ах, ты... – по-матерному. – Ты не брала?... Вы мусор земного шара, вам жить не надо!

Но им негде жить. Сейчас к 9 мая ещё амнистия объявлена. Куда же их девать? Им жить негде, есть нечего. Работа им тоже не приготовлена.

Тамара Петровна потом сказала:

- Вы отвязались, как та судья на малолетних.
- Она на малолеток не отвязывалась, только на взрослых. Малолеток воспитывала. Накричит, нашумит, нотации читает – охрипнет, а срок не даёт, только условное наказание. Если уж сильно натворил – зверски избил, украл не по мелочи, а по-крупному, подлянку кому-то заделал, девчонок насилиничал – тогда разговаривает мало, статья, срок – и до свиданья.

Меня, правда, всю трясло. Я бледная была. Вчера весь день в лёжку лежала, голова болела.

- Надо было хорошо выспаться.
- Хотела, да сон не идёт.
- А как ваш Виктор Капитонович? – спрашивает Виктория.
- Пьёт. Ему дача, как заноза в глотке: «Тебе надо, ты и занимайся».
- Она с ним настрадалась, – прокомментировал событие Стюард. – Вот и сражается с отпетыми. Всё неспроста.

Тамара Петровна 20 лет проработала с Лизаветой в поликлинике:

- Я эту женщину никогда не видела такой.
  - (А уж она-то нашу тетю Лизу могла наблюдать в самых напряжённых ситуациях).
  - Я вас убью!... Я вас зарежу! – и с дубиной на них...
  - Уголок же, – уточняет Елизавета Петровна. – Взяла уголок – железину, а не дубину деревянную.
  - Тетя Лиза за бомжем с ножом погналась. Виктория, узнав обо всем, ее спросила:
  - Могли бы убить?
  - Что ты? Я и курицу не могу убить... Последний отпуск. Из отпуска не выхожу. Я устала, Вика.
  - Выдохлись?
  - Я от жизни устала, Вика.
  - Рановато?
  - Усталость не спрашивает... Я тебя, Вика, сведу с настоящими собакоедами. Я так не считаю, что они все негодяи или все садисты. Не буду рассказывать, они сами тебе всё выложат, и ты сделаешь выводы, какие тебя устроят. .
- Василия мне найдут, и он будет здесь. Поговорите.

Глава сорок четвертая. Явление собакоедов.

Дэн едва не попал в супчик Васе Пруднику. Валёк Беспалов каким-то хитрым способом отговорил Василия – поймали взамен Дэна другого пса. Этого добра кругом навалом.

- Я твоих собак не трогаю, – сказал Прудник-собакоед Валентину Беспалову. . – Покуда других достаточно. Но может наступить кризис, и мне ничего другого не останется, как браться за твоих животных.

Так посулился.

Пёс, получивший в Отеле «Бунгало» кличку Дэн, пока что караулит дом Валентина и Ромы. Верный, хороший сторож. Однако ночью Валёк на всякий случай выходит проводить собаку. А то – мало ли что, увести пса при нынешней технике этого дела

пара пустяков. Вася Прудник на словах добрый, отзывчивый, душа нараспашку. А сам – зэк прожжённый, меченый, удумает зло какое ближнему сделать, не поколеблется. А после отопрётся, как ни в чем не бывало, тебя же и обвиноватит.

Прудник Василий - мужчина уютный такой, аккуратненький. Кто бы заглянул в его хижинку в Медвежкином Логу, тот бы увидел такое устройство: тумбочка в порядке, газеткой сверху накрытая, неизмятой, чистенькой, вместо скатёрочки. Койка заправленная. Простынка стиранная – сам умеет, не ленится. Далее: курточка сильно поношенная, умеренно обветшавшая от частых стирок, но почищенная, выглядит свежо и опрятненько. Возраст Василия неопределенный, вроде значительный, судя по биографии, но он далеко не выглядит стариком - сухопарый, кости и мускулы тощие, но крепкие, как железо, и жира ни граммчика. Наколки еще старинных сюжетов – церковные купола, кот в сапогах, надписи всякие ... В общей сложности 19 лет провел в лагерях.. Изведал и Колыму в том числе. Омсукчан и Сусуман – названия не чужие....

- Первый раз сел по малолетке. На радиозаводе стереоголовки воровали. Меня подставили. 6 тысяч рублей мать выплатила следакам – все равно посадили. 161 человек судили. Собрали из разных мест по одному делу. Как убили депутата-правдоискателя, закололи в подъезде, то всех *ножевых* зэков собрали, откуда только могли, по всем статьям пособирали, допрашивали. Обвинили директора другого завода, дескать, попал под разоблачения, и заказал разоблачителя. Директор уже ходит свободный, таких выпускают, денег много. Ну, мне добавили срок, но не по этой беде – я к тому времени умудрился еще наследить, а там пошли судимости, и набралось – мешок порядочный...

Вася Прудник

У Валька смотрели по телику - там вот что на сей раз показывали: в Китае мясо крыс и лис продавали под видом говядины. Мясо крыс и норок продавали под видом баранины. С 25 января выявлено 382 случая, изъято 20 тонн некачественного мяса. Арестовали 100 человек, работавших на этом производстве. Они в филе мяса впрыскивали воду, добавляли опасные химикаты, хранили в антисанитарных условиях, долго, - говорят следователи. Аферисты заработали более полутора млн долларов. О жертвах пока неизвестно.

Ранее сообщалось: в Европе под видом говядины продавали конину.

- Так-то делают – нехорошо. Не славно людей обдуривать. Надо правду говорить. Собака друг человека, ты и говори так: друг человека. Даёт человеку мех и шкуру, чтобы тепло было, мясо – печень восстанавливать опять же.

У собаки утилизируется всё: мясо, шкура - для человека, а требушина отдаётся другим собакам. Высмотрел Василий пса Дэна у Вали Беспалова, но смилиостивился, отступил. Наверное потому что в это время к нему прилабуился мальчик Владыченский, и его обучали ремеслу излавливания собак.

- Смотри, - говорит он мальчику Владыченскому. – Так её освежевывают. А так чистят шкуру. А так её варят... Луковицу почисти-ка... - А так вот к столу приглашают.

- Прошу к нашему шалашу есть лапшу, - говорит мальчик Владыченский, который старательно учится тому, как будет вести себя там, за колючкой.

К такому учителю, каков Прудник Василий Павлович, нельзя не прислушаться.

И вот наконец Васю Прудника на машине привезли к тёте Лизе на разговор – как жить дальше. Сюда же притащился мальчик Владыченский – по той же побудительной причине. Он загорелся, и разузнал, кто где живёт.

Вася хотел бы поместиться в чьей-то полуброшенной даче – вроде как в аренду на лето, но не платить, а так, будто он сторож. А, если повезет, и на зиму тоже. Модное слово: «по лизингу». Вася за модой следит. А то в Логу чёртовом промёрзли косточки, Колымой потраченные.

Согласовать с Елизаветой Петровной, не то удачи не будет.

Она не против.

Станут на посёлке по меньшей мере двое зимовщиков: к Тарасову Прудник добавится.

Тогда уж и грабежи на дачах обязательно прекратятся.

Прудник лечился от алкоголизма. Теперь заинтересован никоим образом не дать в обиду Елизавету Петровну. За добро платить добром – понятия никто не отменял.

Предприниматель Прудник – собакоед, миссионер. Заказывает собак – для пищи, для меха на шапки и унты. Имеет лицензию на малый бизнес, платит налоги, не задолжник – вот как Прудник в жизни устроился. А живёт за оврагом, в Медвежкином Логу, в худой хибаре.

А вон там *тачка* стоит, новенькая *япошка*. На ней Васю Прудника ребята привезли к Елизавете Петровне. На разборки, касающиеся его приятелей. После того, как тётя Лиза на них шороху нагнала.

- Вика, это Василий Павлович Прудник, познакомься, - представила Елизавета Петровна. - Он тебе с подробностями расскажет про то, что ты у меня спрашивала.

- Здравствуйте, Василий Павлович. Я Виктория, работаю в университете. Можно, я задам вам несколько вопросов?

- Хоть сто вопросов, любезная гражданка.

- Спасибо, Василий Павлович.

- Учите студентов, значит. Я учителей уважаю. А докторов считаю. Если они правильные. Осипович у нас правильный доктор. Фамилия, известная в определенных кругах...

- И как ваш Осипович к собачьему мясу относится?

Не это обдумывала Виктория. Но пошла вслед мыслям Василия Павловича. Разговор впереди не короткий. Успеется спросить о главном.

- Осипович признаёт пользу.

- А что вы владельцев обкрадываете – про это с ним говорите?

- Обижаете, гражданка Виктория. Плохое слово: обкрадывать. Если пёс бездомный, хозяином оставленный по какой-то из причин, то для самого животного лучше не мучиться на свободе, а помочь другу его человеку сохранить здоровье. Разве не так?

- Не знаю. Думаю, вы упрощаете. Сводите проблему к выбору из чёрного с белым.

Сейчас бы вот взять и брякнуть – где, мол, наш Барри?

Но аккуратный мужичок Вася Прудник перехватил ниточку.

- Вы просто не задумывались. Не ваш вопрос. А я, госпожа Виктория, ежели хотите, то могу прочитать лекцию. Позовите, к вашим студентам, устройте мне с ними встречу, так назавтра все они станут искать собачек поздоровее, чтобы восстанавливать гемоглобин.

- Зачем же студентам восстанавливать гемоглобин? Они и так молодые, здоровые.

- Студенты не все здоровые. Большинство больные, только не все чувствуют, другие чувствуют, но не говорят. А кто с большой печенью из университета выходит, те вам не открываются. Я видел студентов: все бледные, в лице ни кровиночки, спят мало, бывает, что совсем не спят, еда вся неживая, из баночек да из коробочек, студенты чахнут над книгами, над конспектами. Сидел я со студентами, знаю.

- Там, где вы со студентами знакомились, должно быть, и другие постояльцы так выглядели? Да ведь?
- Да хоть бы вы и сами – разве всё про себя знаете? Какой ваш гемоглобин?
- Точно не знаю. Зачем знать, пока не болит?
- А, как заболит, уже будет поздно. У вас есть друг?
- Да, есть. Он спортом занимается, и насчет гемоглобина тоже как-то не озабочен.
- А зря не озабочен. Я в лагере книгу читал. Юрий Власов, штангист такой был, великий, – может быть, слышали? Чемпион мира. Так он как раз печень и надорвал, Кислородное голодание ей устроил. Превратил себя в калеку. Потом выправлялся долго, но рекорды уже не ставил. Вот, гражданка Виктория, и ваш друг...
- Хорошо, пока я вас в университет не позвала, читайте мне вашу лекцию.

И так вот ведёт Василий свою тему, и возвышает собственное призвание, а Виктория словно и не собирается задать решающий вопрос: полакомился ли Василий мясом от прекрасного пса с порубленным левым ухом?...

... А Прудник про собачье мясо знает всё.
О таких прежде говорили: ходячая энциклопедия.
Вот он нас всех и просвещает.

- Собачья печень восстанавливает гемоглобин, собачье мясо тоже так действует, но в меньшей степени.

Я сдаю кровь. За два года умудрился 68 раз. Сдаю в Институте кардиологии, восстанавливаюсь, еду в Клинический городок, потом в Чеминяевке, в Василькове.. Врач говорит: «Этого быть не может - столько крови».

Пошатываюсь, как перестаю пошатываться, значит, гемоглобин восстановился. Печень... Иду к другу, восстанавливаю печень: «Давай мясо».

Там всегда есть собака. Друг живёт этим. Берёт домашних, диких не берёт. Сырое мясо, строганина, из холодильника. Печень собаки – добрая вещь. Он шкуры делает, шьёт шапки – бизнес хорошо идёт.

Говорю: «Пойдем к Осиповичу. Хороший человек, и на нас искоса не смотрит, как некоторые».

Чай. Теперь *купца* пью, как Осипович посоветовал. *Чифир* настоящий - вот какой: мясо бросишь в стакан, через два часа растворилось начисто, - а мы пьём. В зоне на работу отправляли, привозили две фляги, пили, кто сколько хотел. Когда нет, трусит, как с похмелья, выпьешь *чифир*, через пятнадцать минут бежишь бегом.

Чифир растворяет мясо за два часа вчистую.

Друг мой и компаньон шьёт шапки – собак ест только домашних, они здоровые.

На нас большинство людей смотрят искоса. А он, *Осипович, Доктор*, не см'отрит на нас, зэков, как некоторые, будто все мы придуриваемся, чтобы получить освобождение или попасть в больничку на отдых. Я бы рад не придуриваться, но здоровым оттуда никто не выходит.

- Подлизываешься к врачу, Василий, - говорит Доктор. - . По лагерной привычке – заискивать перед *ленивой*.

- Да нет. Мне от вас, Осипович, ничего не нужно. Не гоните, а привечаете, я ценю...А так – у вас *миссия* делать добро, и у меня *миссия* – быть донором.

Спасать людей.

... А Барри где?

А как был вопрос незаданный, так незаданным и остался.

И вроде бы напрасно Елизаветра Петровна старалась, устраивая им свидание. Но тётя Лиза так не думает.

Глава сорок пятая. Испытание Федосея

Эмоциональная женщина **Лидия Курасова**, бригадирша на подсобном производстве, боролась ещё при Советах с пьяницами на производстве. Доборолась – сына чуть не потеряла. Он уже одной ногой на том свете. Ушёл в наркоту, покуда мамка пьяниц воспитывала. Кому теперь спасибо сказать – Доктору? Так он наслушался… Но мамка верит в силу общественного воздействия – такая вот утопистка. Потому вместе с Ниной Георгиевной и стояла у истоков организации «Семья против наркотиков».

Вскоре умерла от рака желудка. Пыталась вылечиться супером. Вера неистребимая:

- Моя мать лечилась, но не сделала всё до конца, а то осталась бы жива.

Её рассказ, по запискам Доктора :

- Спустились инопланетяне. Они среди нас давно. Вы не знаете? Значит, у вас глаза закрыты. Ими положен огромный круг, невидимый обычным зрением. Он поднят над землей. Время от времени вытягивается оттуда механическое щупальце, похожее на те, ну, знаете, которыми на свалках в американских фильмах подхватывают и отправляют под пресс не годные по каким-то причинам или попросту устаревшие автомобили. Этот хобот притягивает кого-нибудь из наших детей, утаскивает туда, на круг, обозначенный, как плаха. Инопланетяне бесплотны, бесчувственны, они проводят эксперименты. Им человеческая жизнь ничто, нужны человеческие души. Интерес распространяется на самых молодых, расцветающих, доверчивых и любопытных. Из них вытягиваются кровь, силы, всё живое. Обездушенных выбрасывают обратно – к нам, матерям, отцам – умирать.

- Вы так серьёзно говорите. Обездушенных?

- Иначе мне трудно объяснить, что за чудовищная сила в этих проклятых наркотиках. Разваливаются душа и тело, смерть постоянно стоит за плечом. Родители, к наркотикам, конечно, не причастные, медленно умирают, видя, как гибнут их ненаглядные детки, в то время, как сами они, родители, бессильны, беспомощны.

- Так дети реально исчезают?

- Внешне вроде бы остаются с нами, но фактически утянуты на круг, и там остаются до полной деградации.

- Что же делать, вы как считаете? Что делать государству, обществу, специалистам? На этот зловещий круг есть же наконец армия, войско…

- Человечество еще не достигло таких возможностей. А надо бы побывать на круге, да с бомбой. Взорвать… Так ведь это иная цивилизация. Её, впрочем, и цивилизацией не назовёшь. С нашими возможностями их оборону пробить немыслимо: на них это даже не игрушки типа погремушек для маленьких детей. Просто песчинки, бактерии не болезнесторные.

- Про Атлантиду какие ваши сведения?

- Атлантида и есть тот самый круг, сопутствующий человечеству. Только в те времена он не зависал в воздухе, как сейчас, а плавал в море.

Доктор - Пшеничному:

- Рассказ, конечно, не самостоятелен. Образная ткань носит на себе отчёлливый отпечаток времени, насыщенного настроениями, прежде, - в рациональные эпохи, - относимыми к суевериям. Сейчас рациональность отодвинута в сторону. Зато источники информации разительны и безотказны: телевизионная реклама достигает мистических степеней, специальные передачи о привидениях, барабошках, полтергейсте и просто элементарной чертовщине сменяются экстрасенсами, и всё подается в полную величину, с видимой достоверностью. Сюда же пристёгнуты бесконечные сериалы со сквозными сюжетами, герои в них экзотичны, это

латиноамериканцы, с не нашими страстями, яркие цвета и краски, трогательные, сентиментальные судьбы. Равно удалены от нашей реальности инопланетные *пришельцы* из всякой наукообразной попсы.

Кроме того, о круге, куда их вытягивают, как о реальности, говорят и многие наркоманы.

Вырваться из круга они хотят, но не могут и складывают руки. Подобно тому, как алкоголику, впавшему в паническую депрессию, выход видится через овал, и это петля... Игорь Тимофеевич, наши пациенты!

- Телевидение – сплошь коммерция, - отозвался Пшеничный. - Медицинские передачи – тоже о том, какое лекарство сколько стоит. Прейскурант, а не медицина. Не лечение, а услуги. У нас услуги, мы привыкли. А поликлиника – какая же это услуга...

А Федосей, послушав эмоциональную женщину Лидию Курасову, гостью в доме Елизаветы Петровны, потом так выразился:

- Красно говорит, но говорит не по делу.

- А как по делу, Одиссей? – интересуется Виктория.

- А вот вы послушайте, и погодите смеяться.

- Внимательно слушаю...

- Нам мешают. Кто – не знаю, и не пытай, не скажу, истинно так – не знаю, выдумывать не стану. Тёмные силы, по имени их никто не установил.

- Запад – нет?

- Запад, Восток – напридумывали всякого. Есть версия – ига не было...

- А что было вместо иги?

– Была империя.

– Как же тогда понимать нашу историю: с кем Русь боролась? Об этом в летописях сказано, в былинах. Чем занимался Илья Муромец?

– Было, как и сейчас – одна группа подавляла другую, а простые люди страдали...

- Значит, Илья хороший, а Соловей разбойник, видать, плохой?

- Партия Ильи победила и написала былицу, где Соловей плохой. Если бы победил Соловей, то былица читалась бы с противоположным знаком. И был бы Илья разбойником, а Соловей – богатырём. .

- Ну, ты совсем нас запутал, - возражает Елизавета Петровна. - Вот враги так и поступают, добираются до самого начала. Всё смешают, и выдадут нам с тобой: нате, кушайте.

- А мы давимся...

- Лучше о Пугачевой. Как ей там живется с Киркоровым? А, что ни говорите, мне она нравится. Сама пробилась. Как ей ни мешали, палки в колёса вставляли, в гостиницу не впускали, а все скандалы обернула в свою пользу и всех положила на лопатки. Разве не героиня?.. И пусть живёт, с кем захочет. Хоть с этим, хоть не с этим! Я ей не судья. Её дело, имеет право!...

У Валентина, в *хижине дяди Тома* собирались книжки из бора по сосёнке, и набралась небольшая библиотечка: книжки, кто приносил с собой и оставлял здесь, кто подбирал выложенные на лавочки у подъездов. Валёк и Рома не гнушались выбирать и возле помойных куч. Нужно отдать должное домашним ликвидаторам семейных библиотек: как правило, ненужные книги выкидывались не в мусорные кучи непосредственно, а стопками складывались рядом с отбросами. Так что особой грязи подобранные книги с собой не несли, встречались и потрепанные, с изрисованными страницами, но и совершенно целые, незамусоленные, чистые, совсем новенькие.

Брат Федосей свои размышления об Атлантиде и атлантах первоначально получил от Пушкина. Его потрясли строки из «Руслана и Людмилы»:

*Там лес и дол видений полны;
 Там о заре прихлынут волны
 На брег песчаный и пустой,
 И тридцать витязей прекрасных
 Чредой из вод выходят ясных.
 И с ними дядька их морской...*

Спорили: витязей не тридцать, а тридцать три богатыря, и с ними дядька их морской, кто-то видел мультишки: Черномор с огромной бородой, летает, уносит богатыря – Руслана? Но с текстом не совпадает:

*Тридцать три богатыря,
 В чешуе, как жар, горя...*

- Ну, и что? У Пушкина всё совпадает! – отстаивает своё божество брат Федосей. - Витязи и там, и тут – везде богатыри... Другое дело, что непонятно – почему это: «как жар»? Жар издаёт огонь, значит, они не горят.

- А потом – куда они делись? - спрашивает Вася Прудник, заведомый скептик. - Ушли обратно – тогда зачем приходили?

- С нашими девками пожить, и след оставить... Пушкин знал. А мы не знаем... Пушкин был из Атлантиды. В него карма вселилась. Не успел рассказать. Или ему не позволили? Вызвали на дуэль, и рот навсегда заткнули.

- Кто это сделал?

- Враги Атлантиды.

- Ты говоришь – алкоголики все родом из Атлантиды. Тогда Пушкин почему оттуда?

- Карма не вселяется. Она переселяется. Кто-то умрёт, кто-то родится – получает карму умершего. Но не знает, чью карму унаследовал. Карма есть у каждого, и появляется при рождении.

- При зарождении в утробе матери?

- Да. Карма – это судьба.

- Но ты на вопрос не ответил: алкаши и атланты у тебя люди одни и те же. А Пушкин при чём?

- А не знаю. Пушкин, он и есть Пушкин. Один. Другого нет.

Глава сорок шестая. Кафедральные поиски

Стюард с Викторией:

- Где твой шеф, Вики-Вики? Давно не видел вас вместе с ним.

- Мой профессор уехал в командировку на Ньюфаундленд. Жду его возвращения. Должен скоро вернуться, и сразу – к своим в экспедицию. Хоть что-то от него узнаем, если перехватим по дороге.

- Тяжёлый характер у твоего командира?

- Характер скорее лёгкий, правило – никого не обидеть. Однако, бывает не прочь отпустить острое словцо по поводу чьей-то глупости. И так припекатает, что долго будут чесаться.

- Можно пример?

- Последнее, что я от него слышала на семинаре: *брэд ов сив кэйбэл..* К счастью, не я удостоилась.

- И часто ему приходится так поступать?

- Что часто? Так выражаться?
- Часто вы ему даёте повод для этого?
- Да сплошь и рядом.
- Тогда почему он с вами работает?
- Ни у него, ни у нас нет выхода. Цитирует: *у меня нет для вас другого народа.*

Виктория со Стюардом:

- Бабская кафедра, ассистентки не старые, но зубастые. Чувствую, проверяют на костомойстве. Надо реагировать. А я моему шефу через неделю работы сказала: «Я не буду заниматься наблюдением над моими коллегами». Наверное вышло резковато. Зато определённо и по крайней мере порядочно.

- Он разве тебя просил об этом?
- Нет, я по своей инициативе. Чтобы сразу расставить все точки над i.
- Почему?
- Потому что кто-то уже подсевнул. Заметила, как он поморщился. И хитро подвёл к этой теме. Очень издалека. Но все поняли, что ему нравится, а что не по душе...
- И он тебя прогнал?
- Попросила оставить, но с соблюдением этого условия. Другие согласились, некоторые даже с радостью.
- Вообще он не из таких, кому нужны сексоты?
- По-моему, он брезглив. И доносчиков не поощряет. Но, как человек деликатный, не грубит, не пресекает в открытую ничьих выходок.
- Считай, что повезло тебе с ним.
- Считаю, мы с шефом скомпромиссили.
- Скомпромиссили, да. А шеф твой ст'оит того, чтобы за него держаться?
- Он ст'оит. Понимаешь, там есть одно сложное обстоятельство – экспедиции. Заносит в самую глушь, экстремальные обстоятельства. Вроде сплава по рекам, восхождение в горы, блуждания в тайге. Подобное. Но пока такая напряжёнка только имеет историческое значение. Пять лет денег не давали. Считали Куприянова авантюристом, терпели из-за международного признания. И вдруг у министра что-то там не сработало, коробочка приоткрылась, дали денег на поездку. Но мне такой радости не досталось: нынешним летом надо оставаться на кафедре. Защита на носу.
- Что ещё про Куприянова? Твои восторги?
- Я тебе суть говорю. Люди ему нужны проверенные, открытые. Предательства не терпит. О небрежности: враг приходит в город, потому что в кузнице не было гвоздя. Значит, коней не подковали, сопротивляться пешим строем не смогли.
- И этим всё сказано.

Стюард с Викторией:

- Слушай, почему от тебя пахнет травой?
- Пахнет хорошо или плохо?
- Скорее хорошо. Свежая трава, сено – волнует... Ты случайно, тут у меня травку не покуриваешь?
- Ну, вот, приехали! Голодной куме куры на уме. Чуть что, - травку курила!..
- Ладно, не курила. А что делала?
- Я ночевала в нашем ботсаду. В гербарии. Среди сушёных растений. Видимо, пропиталась испарениями.
- Чего тебя туда занесло?
- Органолептика. Изучаем гипотезу о возможном попадании растительных спор из космоса на землю, это же возможно и сегодня, а не только миллионы лет назад. И вот я

хочу испытать на себе эмоции, которые, возможно, испытывают те, кому доводится пережить столкновения с иными даже не цивилизациями, а просто внеземными артефактами...

- И как – было приятно?
- Казалось, что ночью на кладбище.
- Среди венков?
- Быть может. Предупредили, что там много мышей. Но я на полу ни одной не видела.
- Боишься мышей?
- Мышей все боятся. Мне они неприятны – бегают, нехорошо пахнут. Но там ни одной не встретилось.
- А как ты там вообще оказалась? Зачем?
- Задачу себе поставила. Чувственное отношение к истории... Знакомая тётичка – там работает – меня устроила на ночёвку.
- А конопля могла проникать из космоса? Вопрос не праздный. У нас там один товарищ, уже старый, на полном серьёзе рассуждает о космосе и Атлантиде. Почитывает книжки, газетки, где про это пишут. Утверждает, будто водка изобретена в Атлантиде, а конопля чуть ли не из космоса проникает и нынче, не только в древности.
- Федякин, я с ним знакома... Таких рассуждений масса. Все на уровне макросферы. А жизнь путешествует даже не на уровне микроскопическом. Субстанция – хорошо, если молекулярная, скорее атомарная. Споры, как мы считаем, – частицы вещества на уровне бактерий, а скорее даже вируса. Пока что никто не доказал обратного.
- Про коноплю не зря говорю. Послушай, расскажу историю. Вчера попал к нам на дежурство такой Сергуня... Жил полгода на даче, где выращивал и поглощал коноплю. Приторговывал, само собой.
- Достали менты?
- Захотят, достанут. Подошлют наркошу, сами за углом притаятся. И таки достали – накрыли с поличным. Но два лета жил себе спокойно, значит, с кем-то делился. Темны дела твои, Господи!...
- Дерзил, противился, когда брали. Пьяный, да обкуренный. Укусил мента за палец. Вот уж чего делать, ну, никак не следует. Такая сдача будет – не возрадуешься. Забудешь, где у тебя когда-то зубки находились...
- Куда ночевать? К нам, за трезвостью.
- Свиридов, принимая, пообещал:
- Он петушок. Ничего. Мы ему гребешок причешем.
- В 9 утра из медвытрезвителя – прямым маршрутом в ИВС. Морда опухшая, синяки, царапины. Антонина Захаровна йода не пожалела, и зеленки тоже. Весь в пластыре...
- Но скорую не вызывала. Показаний недостаточно...
- Дальше – дело техники: суд и срок.
- Не надо мне такого рассказывать.
- Почему?
- Мне неприятно.

Виктория со Стюардом:

- Работала на кафедре. Привезли тираж сборника. По итогам последней межотраслевой конференции. Сделали в типографии на kleю, клей некачественный, книжка по корешку рассыпается.
- И как ты вышла из положения?
- Посадила книжку на степлер.
- Он обнаружил знакомство с темой.
- Чем неожиданно ее приятно удивил.
- Одна скрепка?

- Три.
- Так много?
- Одна – будет плохо. Зачем я буду делать плохо, когда могу делать хорошо!
- Твоя статья там есть?
- Три. У всех по одной, а у меня две авторских и одна с Куприяновым.
- Ты у нас будешь учёная дама?
- Ещё не знаю. Я без шуток. Синий чулок – это как-то не очень современно. Пройду через защиту – можно будет говорить о чём-то.
- Какой смысл сегодня уходить в науку? Я студент, ты аспирантка. Не продуктивно. Наука не кормит. За рубеж сваливать не с чем. Рудик позвал, но здесь он такой, а там – не известно, каким сделается. Уехать, чтобы выкарабкиваться самому, в одиночку, спасибо, я уж лучше здесь...
- Наука не кормит. Да. Хотелось бы знать, на что жить будем?
- Что-нибудь придумаем. До сих пор не пропали поодиночке, а уж на пару-то и подавно не пропадём, Вики-Вики.
- Не пропадём, да ведь? Но я не о внешних факторах.
- Так. Дальше?
- Ты *человек Солнца*. А я *человек дождя*. Что у нас получится, одному Богу известно... Огонь ли воду иссушит, вода ли зальёт огонь и погасит?
- То и другое ещё не скоро. И не обязательно. Чего голову забивать помыслами ни о чём? Опыт – лучший учитель...
- Если состоится опыт, - не упустила вставить словечко Виктория.

Спрашивает Стюарда:

- Ты не задумывался, почему собаки на мужиков бросаются, а на девушек очень тедко, в виде исключения?
- На собачьих мужиков?
- На человеческих.
- Так-таки очень редко?
- Очень, очень.
- Почему же?
- Они ревнуют. Бросаются кобели.
- Не пойму никак. Ревнуют к своим женщинам - собакам, что ли?
- Возможно, да.
- На курсе судебной психиатрии всякая казуистика приводится, но чтобы мужчина интересовался собакой, как дамой сердца, - даже из серии анекдотов про извращенцев не вырисовывается. - Считаешь за достоверное?
- Не на сто процентов, но близко к тому. И еще - сильно злятся, если им смотреть в глаза. Воспринимают, как агрессию. И тоже могут наброситься и покусать.
- Читал рассказ, как одного советского военнопленного в концлагере в камере закрыли вместе с собакой, кажется, овчаркой, надеялись, что она его загрызёт. Пленный стал ей смотреть именно, как говоришь, прямо в глаза, собака не выдержала первой, успокоилась, не стала терзать человека. Через пять суток открыли и увидели, что спят в обнимку человек и пёс, который должен был его уничтожить. Сказка или быль, трудно сказать, но написано убедительно.
- Я очень долго боялась собак. Один раз меня преследовала псиная, всё мордой тыкалась в голень, хватала, но не кусала... Жили с мамой на квартире в доме – деревянный, трехэтажный, с улицы два этажа, а со двора еще и третий, с мансардой. В соседнем дворе устраивались собачьи бои. Приезжали дяденьки на джипах, до неба ростом – такие. Мальчишки со всего посёлка по крышам сбегались смотреть. Зрелище не для слабонервных, скажу тебе.
- И ты смотрела?

- Я - нет. Жестокость не приемлю по жизни...
- А по телеку?

- Кажется, я пока не дожила до того возраста, когда изучают жизнь по телевизору. И когда проживают её вместе с телевизором. В обнимку с ним... Если проживу столько лет, тогда и стану отвечать на такие вопросы. И вот теперь хочу собаку. Чтобы изживать комплексы.

Глава сорок седьмая. Революция сытых

В аудитории 118 скамьи и пюпитры амфитеатра поднимаются вдоль огромного окна.

У Виктории сегодня слово *окно* употребляется в другом значении - перерыв между *п`арами*. Взяла ключ на вахте, расписалась в журнале, открыла помещение, забралась на верхотуру. Штора отдёрнута, в окне – солнце, в аудитории пусто. Мирно, спокойно, счастливый миг – университетское захолустье. Родное ...

Уселись, читает – проверяет рефераты. Помаленьку заходят студенты. Садятся внизу, о чём-то вполголоса переговариваются, кто-то листает страницы формата А-4. Постояли в очереди на сканирование, буквально на-днях у нас открыли копировку – водрузили в коридоре киосочек, аккурат рядом со 118-ой. Удобно, хотя и дороговато, но, если студенту надо сдать зачёт, деньги на конспекты как-то всегда находятся.

В пустой аудитории каждый располагается, как желает, мало-помалу образуются группки по интересам.

О ней, - что преподаватель, - вряд ли догадываются: тоже не старая. Это второкурсники, её предмет – на четвертом. Сидит себе человек наверху, весь в бумагах, голова склонена. И пусть себе сидит, никто никому в 118-ой не мешает.

Парней мало – гумфак, в основном, факультет девиц. Потому большинство *персингуют* – колечки, у кого в носу, у кого в губе, у иной в ушах вместо серёжек, а одна живот с колечками возле пупа никак не прячет. Подробности подобные Виктория и, не разглядывая, видит. Давно ли сама была такая?

Но персинговать Викторию никакая мода и тогда не заставила. Хотя некоторые коллеги – ассистентки – вроде бы взрослые тётки уже, но моду не отвергают, ходят с колечками.

И началось.

Стали разговоры разговаривать.

Но ей не мешают.

Пусть мелет Емеля, авось из трёпа что-нибудь рациональное повылезет.

Студентам палец в рот не клади.

- Кто намолчался, давайте просто-напросто выговариваться. Раз языки чешутся...
- О чём речь?
- А вот новость в 118-ой аудитории, Повесили гардины.
- На высокие окна – шесть метров – гардины. Зачем? Пусть бы свет был.
- Красоту наводят. Новый проректор-захвозд, старается, прихорашивает. Слышала, как преподы подсчитывают, сколько для себя денег наварил.
- Как так наваривают? Я бы ни за что не воровала.
- Так ты и не покупаешь гардины для университета. Давайте, дальше говорите. Игра такая, кому что в голову взбредёт, то и обсудим.

Креативщики, болтуниздзы, трепачи огородные, - негодует про себя Виктория. Всё-таки отвлекают, но подниматься и уходить не хочется.

- Нести что попало?

- А что попало – то и нести?

- На полтона ниже можно? – требует та, что листает страницы формата А 4.

Можно, но не более, чем на полторы секунды, понимает Виктория.

Никакого пиетета. И, раз уж никого из преподавателей с ними нет, начинают кости перемывать тому, в ком находят пищу для высмеивания. Но долго пребывать на поверхности им скучно. Надо нырять, где поглубже.

Юноша с бархатным голосом - девушкам про смешное:

- Чувствуется - у него оскомина от этих лекций. Сам засыпает, и группа спит.
- А хоть дело говорит?
- Вообще он рассказывает интересные вещи. Но речь медленная, едва язык во рту ворочается.
- О чём, например?
- Мальтус из всех ученых самый продвинутый – предсказал, будто люди так быстро размножаются, что скоро есть будет нечего. Всю планету сожрут.
- Ваш препод хоть сам понимает, что от его рассказов мухи дохнут?
- Понимает. Отличник – и тот заснул с закрытыми глазами. Меня препод и попросил: «Разбудите соседа, сейчас будет интересное место».
- Мальтус загнулся. Не подумал, что когда-нибудь научатся готовить пищу синтетически!
- ...Стало быть, грядет не голод, а Великая *соматическая* революция – вслед за революциями социалистической, криминальной, сексуальной...
- Психоделической...
- В Америке соматическая революция уже состоялась, и теперь население пожинает плоды. Одни толстяки бал правят...
- Революция сытых – утопия или реальность?
- Вся Америка бегает, прекращает курить...
- И тем не менее толстеет!... Жирные – через одного. В дверь не пролезут, идут, пыхтят...
- Едят напичканную гормонами пищу, от того толстеют.
- И к нам доходит *революция сытых*. Моя бабушка была в оккупации у немцев – ребёнком. Еды совсем никакой не было. Ходили в поле, собирали остатки прошлогодней картошки. *Лындали*. Клубни эти мороженые, полугнилые так и называли – *лындики*. А мы? Мяса не хочу, молочное не буду, пшённая каша – пусть её свиньи едят ... А мне бы тортика, чипсов с кока-колой – вот пища...
- Скоро будем все толстые, в дверь не пролезем...

Разбились на группки. Обсуждают каждая своё. Виктория тихо, тихо сидит, чуть дышит. И между делом словно запустила брайншторминг, смотрит, что же из этого выйдет. Вот же находка – студиозусы меня игнорируют как препода, и откровенничают... давно ли опять же и я сама ...

Вот в одном углу:

Он такой: - Знаешь билет?

Я такой: - Знаю.

Он такой: - Ладно, типа, давай, рассказывай!

- И не выгнал?

- Поставил четыре.

- А ты знаешь, почему я завалил? Преподаватель поймал. Через задачу. Не тем способом решил, а дальше всё то же – весь ход рассуждений от этого способа. На другом экзамене сделал правильно, и ход, и ответ, но тем способом, который ему не нравится.

А вот идут дебаты посущественней.

Философирование – экзерциция на тему: *кто умнее – мужчина или женщина?*

Вопросы неразрешимые.

- По-разному..

Виктория: Я могла бы им подсказать, дурашкам. И не надо никаких гороскопов, чтобы выявить совместимость и несовместимость. Полушария головного мозга!... Пол не при чём. В зависимости от того, какое полушарие головного мозга превалирует. Правополушарные – у них превалируют эмоции, чувства, у левополушарных - ум, логика... Однако ведь в живой мозг не залезешь. Судим по результатам – а результат проявляется поведением. Да здравствует его величество Поступок.

Стюардик, дорогой, ау, где ты у меня!

Внизу у студентов между тем заговорили о леворуких. Тема случайная, как всегда, а интерес искренний и практический.

- А кто у нас Левша? .

- Я. Меня переучивали. Было очень неприятно.

- А меня мама не стала отдавать на переучивание.

- И учительница не навалилась: делай, как все?

- Учительницы умные попадались. Тебе надо левой рукой писать, так и пиши, как природа распорядилась.

- У женщин правое полушарие превалирует. Поэтому они мыслят творчески, а не логически. В школе они отстают по математике. Из них не сделаешь математика, зато художник или поэт получится. Они инстинктивно подражают соученикам, стараются учиться писать правой рукой. Часто и выучиваются.

- Знаменитая женщина-математик Софья Ковалевская...

- Одна всего и прославилась. Зато Сафо – поэтесса на все времена. А за ней – ряды и ряды...

Незаметно перешли к обобщениям.

- Мужчины властствуют над миром.

- Хорошо, принимаем за истину. Но почему они так плохо всё устроили?

- А женщины бы сделали лучше?

- Да, лучше. Правили на Цейлоне, в Пакистане, в Израиле – и ничего, справлялись не хуже мужчин... Сейчас – в Латинской Америке, где страны после свирепых военных диктатур одна за другой выбирают в руководительницы женщин....

- А Индию Ганди убили.

- Не потому, что она женщина. Там клановые разборки. Посягнула на клановую систему. Это и мужик бы не уцелел.

- И сына её Раджива кокнули.

- Женщины связаны физиологией – беременности, роды, и, там, извините, месячные. Всегда ли до политики?..

- А если уже не молодые? Когда ни подмываться, ни тем более рожать уже не нужно – однако политикой заниматься, как подобает, с полной самоотдачей, уже вроде бы поздновато. С другой стороны – пожилые женщины мудрые.

- Всё равно, женщин из политики уводят раньше, чем мужчин. Разными способами. Та же Индира Ганди. Поуправляла, и долой.

- Одно из величайших изобретений в истории человечества – игла. Швейная игла. Наверное, следующее по значению после колеса, а, может быть, и впереди него. Но и игла используется во зле, как шприц в руках наркомана.

- А колесо? Одни роскошные машины бандитов, приобретённые на деньги, отнятые нередко у людей, ими ограбленных или убитых...

- Колесо не при чём.

- Колесо не при чем, игла не виновата. Так договоримся до автомата Калашникова – не стреляет, пока не положишь палец, куда надо, и не нажмёшь на то, на что надо нажать.

- То же – и телевизор. У кого в руках телестудия – у того и ассортимент во рту.

- Заказчик всегда прав?...

Звонок. Виктория собирает свои бумаги. Позанималась, сколько дали. Дети у нас вон какие эрудиты – что с ними сделаешь?

А вот и он. Стоит, моя радость, голову вверх задрал, высматривает – а вдруг она здесь!

«Да здесь я, здесь, родной, поднимайся. Садись, милый. Тебе интересно, да ведь?»

- Ты у меня телепат настоящий. Разыскал. Останешься на лекцию? Да ведь?

- А кто будет читать?

- Крайнев.

- Это тот, что дружит с Куприяновым? Ты поэтому его хочешь послушать?

- Крайнев и сам по себе интересен. Есть у тебя время?

- Хорошо, послушаем Крайнева. Времени у меня полный мешок. Но, если не выдержу, то потихоньку смотаюсь. Договорились, Вики-Вики?

- Держать не станем, ни я, ни Крайнев.

Профессор В. Р. Крайнев подступил к аудитории, когда самые нетерпеливые уже перестали его выглядывать. Постоял, послушал, что о нём говорят.

О нём не говорили.

И профессор, разочаровавшись, и оттого успокоившись, отошёл, повернулся, сделал несколько шагов в обратную сторону, и тогда уже вновь развернулся, дабы двинуться на лекцию, и вплыл в 118-ю вместе с тростью.

Вступил в аудиторию, где вместе со студентами на верхотуре примостились аспирантка, готовая к защите кандидатской, Виктория Ступицына и студент Максим Березин.

Глава сорок восьмая. Профессор И. Ветта-Джонс, Канада

Перелёт из Квебека в Сибирь мучительно долг для нетренированного пассажира, но Лев Куприянов себя к таковым не относил. Однако и ему обратный путь из Канады показался более напряжённым, чем тот, который он одолел, направляясь в командировку. Тогда жил предвкушением радости от предстоящего общения с наиболее интересными, по его мнению, людьми на земле.

Ожидания не только не обманули, но подарили столько счастья – не расплескать бы... Теперь же остались одни воспоминания, лишённые вещественной досягаемости.

Воспоминания – суррогат текущей жизни, замена живого чувства осмыслением пережитого раньше.

Вместо восторга – впереди опять рутиня обыдёнчины, повседневная, сухая жвачка...

Итак, путь выпал усложнённый, через пол-мира, с пересадками, последняя из которых в Москве. Многие из летящих со мной пассажиров скорее всего добираются из столицы не далее, чем в мои родные пенаты, но, как всегда, по-видимому есть и те, кому надо лететь дальше, с новыми остановками.

Место Куприянову досталось возле прохода, бок о бок с женщиной бальзаковского возраста, а у стенки, возле иллюминатора поместился мальчик лет десяти, её сын. Соседка и ребёнок подремывают, - видимо, сильно устали в ожидании самолёта в аэропорту. Или, что проще, наслонялись по Москве, набегались, и теперь

вознамерились в самолете основательно передохнуть. Четыреочных часа впереди, можно успеть...

В самолёте воцаряется почти всеобщая благостная дремота, лишь изредка прерываемая хождениями в туалет. Но некоторые мужики с первых минут рейса потягивают коричневое пойло из плоских посудин, в которых явно содержится нечто покрепче пива, - коньяк или виски. Такие типчики за время полёта набираются либо дополнительной сонливости, либо наоборот немалого градуса оживлённой активности. Что в нашем надземном положении, к тому же вынужденно стеснённом рамками самолётного интерьера, скорее всего предвещает мало хорошего.

Впрочем, посмотрим, какая обстановка сложится в полёте.

Ему-то как раз не спится. Смена климатических особенностей, часовых поясов и аэропортов скорее возбудили его, чем успокоили, а уж не утомили тем более. Но ни читать, ни дремать не хочется. А чего желалось, то пресекли сразу же, в Канаде, еще до взлёта. Вышла стюардесса и нежным, проникновенным голосом после извинений за причиняемое неудобство на трех языках попросила отключить мобильные телефоны, в связи с угрозой террористических актов.

В Москве повторилось, но только на единственном, русском.

На семинаре-симпозиуме о терроризме почти не говорили, разве что вскользь. Собрались для того, чтобы разработать сообща принципиально новую парадигму: феномен возникновения и гибели цивилизаций в привязке с чередованием геологических эр. Остались пирамиды, египетские и те, что в латинских странах, Стоунхендж, и четко выстроенный анти-Деникен (непризнание мифологии о космических пришельцах в качестве научно установленного факта). Доказательства этого автора относительно палеовизита инопланетян не выдержали испытания новейшими построениями фольклористов и геологов.

Всё собранное по крохам, просеянное на решете, как золотые крапины, подлежит осмыслинию. Но это после, дома.

Сейчас – о последних трёх сутках, о приключениях в путешествии с Инну.

На русский она сама перевела. Он оговорился, она перевела:

- Хорошо, я буду для тебя – Инна... Тебе удобней?

О том, насколько велико в западном мире беспокойство по поводу терроризма, пишут обе газеты, подбор нескольких номеров которых заботливо уложен в карманчиках кресел самолёта компании Эйр-Канада, – англоязычная «Глоб энд мейл», издающаяся в Торонто, и выходящая в Монреале на французском «Ла Пресс».

Главные материалы СМИ посвящены террористическим актам, происходящим в различных точках земного шара. Интерпретация событий и отношения к ним властей и населения – тема самая тревожная, как будто всё это происходит или вот-вот произойдёт где-нибудь под боком у канадцев.

Читать не хотелось. Апокалиптического контента вполне достаточно и у нас на родине. Ещё насмотримся, наслушаемся, начитаемся. Сегодня – не надо.

Легко представлялось то, с каким нетерпением ждали его звонка на канадском северо-востоке, но сможет ли догадаться Инна, что связь прервана не по вине Куприянова?

В столицу штата Ньюфаундленд его доставили из Квебека частным самолетом, и тотчас по прилётке, он, только поселившись в номере, приняв душ, уже за завтраком в ресторане отеля встретился с коллегами, и все сразу, без лишних бюрократических ритуалов перешли «на ты» и включились в работу.

Дорвались до дела.

И друг до друга...

Куприянов

Но обо мне можно сказать и точнее. По существу меня взяли в работу уже в роскошном аэропорту Квебека, где переместили из огромного боинга, принадлежащего компании Эйр-Канада, в маленький четырёхместный частный самолёт. Высланный университетом для встречи значительного гостя студент-геолог из университетского колледжа узнал меня среди прилетевших в Квебек и, не раздумывая, подошёл с вопросом:

- Прошу извинить. Вы профессор Лев А. Куприянов из России?
- Да.
- Я за вами. Я Серж. Мне поручили помочь вам во время пребывания в столице штата.
- Буду благодарен. Мои действия?
- Пожалуйста, идите со мной. В мой самолёт доставят ваши вещи. И мы не потеряем времени. К утру будем на месте.

Непонимания ни на миг не возникло. Долговязый юноша с пышной рыжеватой шевелюрой, обсыпанный веснушками, в очках, одетый легко и удобно, будто только что с тренировки, допустим, по баскетболу, говорил на вполне приличном русском языке с приятным акцентом, одновременно английским и французским.

Серж продолжал говорить и во время перемещения по залам аэропорта (экскурсия), и в баре, куда зашли слегка перекусить, и в самолете, совладельцем которого он в числе прочих своих качеств представился.

Неумолчный такой Серж оказался.

Он познакомил Куприянова с пилотом и не замедлил сообщить, что имеет сертификат на право управления воздушным кораблём, и в случае необходимости может сесть в кабину и вести машину.

- Русский язык преподается в вашем колледже? – спросил Куприянов. – Вы так хорошо говорите, как будто он вам родной.

- Мой дедушка со стороны отца – выходец из вашей страны. Во время второй мировой войны он оказался заключённым в немецком концентрационном лагере, сумел остаться живым, и попал в число перемещённых лиц, но в Россию не вернулся, не стал задерживаться в Европе, а продолжал перемещаться, и так в конце концов попал на северо-восток Канады. Здесь он женился на моей бабушке, коренной канадке французского происхождения. У нас дома говорят на трех языках, и русский звучит не реже, чем английский и французский. Потому что никто из близких ни сами не хотят забывать о том, как разговаривали наши предки, ни нам, молодым, не желают этого.

Зовут его Гарри Хитидмен. Казалось бы, ни имя, ни фамилия никак не напоминают его русское происхождение. Да нет, очень даже напоминают. Уже дедушке пришлось преиначить имя на английский лад. Так Игорь Жаров превратился в Гарри Хитидмена (Heatedman).

И по его предложению внука тоже нарекли Гарри, в честь дедушки.

Дед жив и бодр. Недавно ему исполнилось 79 лет, и он самый первый из поселившихся здесь россиян. Пожалуй, если не считать довольно разветвленной фамилии Лавровских, которые также считают себя почти аборигенами, поскольку укоренились более полувека тому назад, то русских в городе всего шестнадцать семей, восемьдесят один человек. Образовывается, таким образом, растущая российская колония. Естественно, все знают друг друга, некоторые породнились браками, сильна взаимопомощь.

Почти все основатели семейств прибыли сюда уже при Горбачеве, когда выбираться из СССР стало значительно проще, чем прежде.

Дети продолжают рождаться, и, судя по настроению в семьях, ничего не имеют против того, чтобы считать Канаду своим отчеством.

Сегодня Хитидмены – далеко не последние люди в штате. Они сообща владеют солидным автосервисом с внушительной прокатной базой, личным аэропортом, сетью магазинов и круизным теплоходом «Россиянин», преподают, лечат, пишут в газетах.

Серж находился в числе специалистов, собранных впервые в истории практически со всех континентов. Руководство взяла в свои маленькие, но крепкие ладони представительница аборигенного населения госпожа Инну Ветта-Джонс. Серж был у нее в помощниках, и вместе с двумя такими же, как он, долговязыми, студентками исполнял всю черновую работу. Действовали ребята довольно расторопно.

Серж, который вырос на две головы выше миниатюрной госпожи Ветта-Джонс, старался по возможности, сколько позволял этикет (в моем понимании), сидеть в ее присутствии, тогда ей не нужно было тянуть вверх глаза и подбородок, чтобы лучше разглядеть собеседника.

Поскольку мы все жили в одной гостинице, затруднений в общении, так же, как и намёка на казёнщину не было, и мы интенсивно разговаривали все пять дней семинара-симпозиума. Кроме того я был нарасхват в русских семьях, где угощали блинами с икрой, водкой и местными деликатесами, главным образом состоящими из оленины и различных рыбных блюд. Расспрашивали о далекой родине, но в самих расспросах этих чувствовалась некоторая отстранённость. Все-таки старшее поколение отвыкало от России достаточно долго, а младшие относились к ней так же, как, скажем, к Исландии, Норвегии, Гренландии, словом, разным высокосиротным регионам, в России же их более всего занимала обстановка на Колыме, Чукотке и Камчатском полуострове. Требующейся информацией я обладал сполна, поскольку провёл не один год на золотоносных формациях Яно-Колымского пояса.

Об этом периоде моей биографии расспрашивали особенно подробно.

Последние три дня отводились на знакомство с местностью, и эти трое суток меня перевернули. Жизнь возвратилась во всей полноте!..

По моему предложению на семинаре-симпозиуме в числе прочего рассматривалась парадигма Флоринского: религиозное мышление, как непреложная база наших научных построений.

Флоринский выступал категорически против теории происхождения человека, относящей его предков к приматам. Он брал за истину: из рассуждений сторонников этой гипотезы вытекает отрицание Творца.

У меня всегда были сомнения: на мой взгляд, убеждённость Флоринского в божественном происхождении рода человеческого нимало не противоречила взглядам его оппонентов, искавших предка современного человека на ветвях древа эволюции («дарвиновский человек», уничтожительно определял Флоринский, не отступая, впрочем, ни на йоту от принципов корректности в научной полемике, и, в частности, ни в коем случае не переходя на личности).

Бог, создав человека (суть парадигмы), наделил его тягой к развитию. Человеческие сообщества проходят все фазы индивидуума: рождение, детство и отрочество, молодость, зрелость, увядание и - старость, дряхлость и смерть. Но ведь и наши представления о геологической эрозии земной коры, пертурбациях и катализмах в ней построены по той же схеме.

Такова парадигма Создателя, проигнорированная, на мой взгляд, обеими сторонами в полемике, которую вёл Флоринский.

Заявления Флоринского казались безупречно выверенными, тогда как у тех, кого он считал оппонентами, концы с концами объективно никак не могли сомкнуться. По-видимому, ненайденное недостающее звено в эволюционной цепочке человеческого рода навсегда так и оставит её разомкнутой.

Нашего героя отталкивало считавшееся непреложным энциклопедическое определение человека, который «в зоологическом отношении составляет отдельное семейство отряда приматов (обезьяны и человек) класса млекопитающих». Не очень-то эстетично, надо сказать.

Тем более, что к тому времени, когда работал Флоринский - вторая половина 19-го века, - ещё не находили нигде ни одного скелета, «достоверно принадлежащего к третичному периоду», а «мысль о осуществлении в каких-либо геологических эпохах общего родоначальника человека и обезьян» считалась неподтверждённой.

Я же, бывший геолог, изучавший связь рудообразования с геосинклинальным процессом, солидарен с теми, кто привязывает движение человеческих сообществ к земным катаклизмам: идея идеей, но и бежать от катастроф приходилось. Благо, мир велик, и было куда спасаться.

Дискуссии девятнадцатого и двадцатого столетий теперь, при парадигме возникновения не одного, а нескольких вариантов человеческого вида, переносятся в принципиально другие плоскости.

Голод и безопасность – две коренные физиологические потребности живого организма. Но так же и всепоглощающая любознательность, и определяющее поведение человека стремление заглянуть за линию горизанта, проникнуть через плотную завесу непознанного мира – всё это, как предмет изучения...

Что до вражды между вариантами вида Человек, то мы хорошо знаем её причины: земля, ресурсы и женщины. Добавим четвертый компонент: помехи в обследовании пространства со стороны конкурентов.

На банкет в одном из своих ресторанов семья Сержа пригласила всех 12 участников встречи. Сидя за столом рядом с Инну, я попросил разрешения заменить одну букву в ее имени и называть ее на русский лад Инной. Ей понравилась. Позже она приписала новацию самой себе, и это обстоятельство в свою очередь я оценил по достоинству, как шаг навстречу нашим будущим отношениям.

Канадские русские гордятся своим, по их словам, самым северным городом на планете. Я спрашивал:

- А Аляска?

- Там золото портит непосредственность общения с природой.

- Как же тогда мы должны понимать жизнь в Норильске и в Магадане? - Слова непостижимым образом застревали у меня в горле. Собеседники знали историю, и проявляли деликатность, уходя от темы.

– У нас же ничего такого нет, кроме рыбы, да бродячих собак, которых мы бережём и научились уживаться с ними.

Тут уже я уводил в сторону, дабы не бередить незаживающие раны.

- Я слышал, что открыли нефть.

Они защищались наперебой, и картина складывалась, на мой непросвещённый взгляд, несколько наивная, но им, конечно, виднее.

- Запасы установлены. Но мы не торопимся приступить к её массовой добыче. Жадность в освоении месторождений чревата авариями. Поэтому мы сделаем всё, чтобы не допустить разлива нефти с платформ, как случилось в Мексиканском заливе. У нас хватит духа, чтобы остановить варварство. А прожить как? Да хоть бы за счёт рыбы и охоты на морского и другого зверя, как и случилось от основания. С полным учетом экологических факторов. Восстановление природы на Севере происходит на несколько порядков медленнее, чем в тропических широтах. Поэтому – нефть не добывать!..

Сотни лет потребуется, чтобы возродить экологию половины Арктики в случае такой катастрофы.

Никто из коллег не отказался от заманчивого предложения побывать в отдалённых уголках канадского Северо-Востока, где в небольших посёлках проживают добравшиеся сюда с крайнего северо-запада страны инуитские семьи.

Коллеги образовали группу, и укатили с надёжным проводником.

Серж крутился всё время возле меня. Это не осталось незамеченным руководительницей семинара.

- Отдайте мне наконец вашего русского, Серж. Я не хуже вас покажу ему и город, и побережья острова Ньюфаундленд и полуострова Лабрадор.

- Я буду сожалеть, уступая вам профессора Куприянова, Инну,- вполне искренне ответил студент.

- Хотите стажироваться у меня? – неожиданно спросил я Сержа.

- О, да...

- Я пришлю приглашение.

Так мы с ним расстались.

Я действительно собирался вскоре опять поработать вместе с ним, но теперь уже у нас в университете.

В согласии ректора у меня не было ни малейших сомнений. Другой вопрос, возможно ли это осуществить за счет обмена на кого-либо из наших учащихся. Совершенно очевидно, что университету будет не под силу содержать даже одного человека здесь, в Канаде, хотя бы в течение двух семестров. Но я не унывал, питая надежду на родителей. Неужто не найдётся какого-нибудь скоробогача, желающего учить за границей сынка или дочурку?

Будем искать.

И вот мы едем с Инной в её машине, отлично приспособленной для службы потребностям любых экспедиционных задач и условий.

Ей было удобней говорить по-английски. Мне тоже: французский я знаю хуже.

- Хочешь, я расскажу тебе о моей жизни?

- Не отвлечет ли это тебя от дороги?

- Не более, чем если бы я всё время молчала.

Меня катает сорокалетняя энергичная женщина, чья судьба знаменует появление второго поколения коренных северян, наследников отважных воителей за равный статус индейского народа, народа инуитов. Мать моей спутницы смогла вырваться из первобытного состояния (выражение Инну), получила университетское образование (эколог), пережила несчастливую любовь с собственным профессором. К сожалению, на тот момент в среде учёных - даже среди них, казалось бы, свободомыслящих, лишённых предрассудков, тем более расистских убеждений! - господствовало глубоко пренебрежительное отношение к туземцам. Вот и отец Инны, поначалу пробовал отстаивать своё право жениться на индианке, но в дальнейшем бесславно уступил общему настроению, поддался давлению окружающих, и ради карьеры пожертвовал любовью. Мать вернулась в стойбище, но не к прежней изматывающей борьбе за выживание в Арктике. Она вступила в политические бои с предрассудками, организовала что-то вроде парламентской партии и получила депутатский мандат. Она и её сподвижники потребовали от правительства подлинного равноправия для аборигенов крайних полярных широт. Им не нужно ничьё покровительство, они желают быть не опекаемыми, а полноправными гражданами своей страны Канады!... И, уступая шаг за шагом, правительство сполна обеспечило им доступ ко всем достижениям цивилизации. Ныне отношения между канадцами англоговорящими, франкоговорящими и инуитской частью населения уже скорее партнёрские, чем патерналистские. Смешанные браки нередки, и никто не посмеет произнести вслух слова «грязный индеец». Инна воспитывалась в интернате, училась за счет государства

в университетах Канады и Штатов, а ее девятнадцатилетняя дочь – ни много, ни мало студентка Сорбонны.

Обо всём этом пишутся романы...

Три года назад муж Инны в составе альпинистской группы погиб под лавиной во время археологической экспедиции далеко в Кордильерах.

Столичный город, хаотично разбросанный по холмам и скалам, изобилует крутыми подъемами и спусками. Поэтому всё время, пока вы едете, кажется, что машина вот-вот ухнет куда-нибудь в яму, не сейчас, так после, не в эту яму, так в следующую. Но моя водительница преодолевала препятствия с такой храбростью, будто и родилась исключительно ради этих подвигов.

Меня радовали цветные домики, в большинстве рубленые, сложенные из брёвен, как и наши, кое-где еще сохранившиеся и в деревнях, и в городе. Здешние строения все ярко расцвечены, причем краски не повторяются. У каждого здания свой собственный колер.

Инна вела машину виртуозно, и, похоже, могла бы дать фору какому-нибудь маститому испытателю на автотреке или даже любому из партнёров знаменитого автогонщика Шумахера на международном ралли где-нибудь в барханах Сахары, а то и самому великому Михаэлю. С той лишь разницей, что наша с ней дорога прыгала с одного стоящего едва ли не отвесно, гранитного утеса на точно такую же скалу буквально через считанные километры. Приходилось то резко опускаться по крутизне, то единым рывком вскарабкиваться на очередные взъёмы.

Могу признаться: за несколько плотных дней семинарских дискуссий я соскучился по рулю, к тому же stoически отмалчиваюсь, когда при мне кто-то начинает хаять отечественное бездорожье – зрячное сострясение выоздуха, мы, российская шоферня, воспринимаем дурные дороги, как данность, и вместе со стажем приобретаем навыки существования в экстриме, идущем от отечественного дорожного неустройства.

Скорее всего я справился бы и с вождением на здешних взгорках. Но тут почувствовал сильное опасение спасовать в глазах моей амazonки, и удержался от того, чтобы выпросить у неё разрешение побить за рулем. Оставался пассажиром.

Сдаётся мне, что и она не испытала недовольства от моей скромности.

Никаких сомнений в надёжности мотора у нее, конечно, не было, но, приступая к поездке, Инна как бы автоматически опоясалась ремнём безопасности и с мимолётным вопросом глянула в мою сторону. Я тоже не замедлил.

Дома редко, но случается ездить в такси. Шоферы всё чаще стали докучать просьбами *накинуть верёвочку*. По большей части, зная, что впереди таятся гаишники. В отличие от России, здесь дорожной полиции не видно, хотя она несомненно есть, и бдит ничуть не хуже. Техника контроля иная: нарушения правил фиксируются автоматами, практически не заметными водилам.

Крайнев считает меня законопослушным гражданином. «Твоя приверженность буквоведству стоила потери собаки». Крайнев прав.

Но В. Р. прав всегда и неизменно. Что ж, Барри, если бы не тот проклятый намордник... который не нашёлся, зато ты потерялся...

Работа в геологических поисках приучила меня к строгой режимности сначала в экспедиционной жизни, затем во всей остальной. Люся Сангайлова меня раскусила, да что тут поделаешь... Начальник партии по закону снабжается огнестрельным оружием, ему следует владеть хотя бы простейшими, примитивными приёмами физической нейтрализации преступника. Про выработку адекватной реакции на неожиданность, аналитической способности разбираться в острой ситуации – и говорить нечего..

Должно быть, когда-то и срывы последуют... Как писал Евтушенко: *Рано или поздно все мы умрём, но лучше всё-таки, если бы попозже...*

- Начинаем смотреть страну, - заявила Инна.
  - Канаду?
  - В той ее части, штата Ньюфаундленд, где живут инуиты.
  - Их много?
  - В этом штате, согласно прошлогодней оценке, 493 человека.
  - Это много или мало?
  - Тех, кто первыми обживают новые территории в сравнении с теми, кто остаются на прежних, всегда не много. Но до последних лет в Ньюфаундленде не было вообще ни единого инуита.
  - Можно ли понимать проникновение инуитов, как экспансию?
  - Они никому не мешают, и так же хотят, чтобы их не останавливали.
  - Государство прислушивается?
  - Мы добились прекращения продажи алкоголя. В посёлках ты не увидишь ни капли спиртного. Если кто-то попадается на этом, его ждут большие неприятности. Мы живём в благоустроенных домах, с отоплением, водопроводом и прочим, Ты едешь в машине, где соблюдается весь комфорт. И я, инуитка со смешанной кровью, располагаю средствами на приобретение подобного экипажа. Таков результат нашего взаимодействия с правительством на протяжении всего двух поколений.
  - Без войны и агрессии?
  - Моя мать принципиально отказалась от защиты исконного туземного промысла китов и дельфинов...
  - Продолжается ли процесс расширения территорий, отведённых народу ину божественным Промыслом, как предусматривает парадигма Флоринского?
  - Мы движемся в широтном, но не в меридиональном направлении. Народ ину имеет право на земли, которые называет своими..
  - А если бы я приехал сюда, чтобы остаться навсегда?
  - Тебя ждёт работа в любом из университетов Канады. Я помогу тебе получить контракт.
  - Навряд ли я буду полезен народу ину...
  - Наука под силу любому народу. Одного никому не позволительно по отношению к народу ину: произвольно требовать, чтобы мы вступали в противоречия с нашим укладом жизни, нашим историческим поведением.
  - Да боже упаси! – вырвалось у меня по-русски.
  - Я поняла. Мы воспринимаем прогресс, но не давление...
  - А если бы кто-то попробовал?
  - Не получается.
  - Если бы я? Меня бы убили?
  - Нет.
  - Что ожидает того, кто стал бы насилием насаждать в стране ину чуждую власть?
  - Ему объяснят.
  - Не всякий послушается.
  - Его не примут.
  - И всё?
  - Не примут, - повторила она.
- И я замолк, потому что быть в неадеквате более не имело смысла.
- Смотри не на меня, а в окно! – приказала Инна.
- За окном догоняла машину стоголовая черная химера, неслась вдогонку нам, рядом с нами, быстрее нас.
- Ты хотел их видеть, - сказала Инна. - Вот и они, смотри... Дикие ньюфаундлендские собаки.
- У меня перехватило дыхание. Они были черны и огромны. Их бег был ровен и быстр. И все они до единого походили на утраченного мной персонажа...

Машина резко затормозила. Инна попросила меня извлечь из-под сиденья кожаный, плотно набитый мешок явно не заводского изготовления.

- Здесь сушёная рыба. Сиди в машине.
- Почему?
- Тебе опасно встречаться с ними лицом к лицу.
- А тебе?

- Мне - нет. Я заодно с ними.

Она отдала стае всю рыбу, и, пока собаки набросились терзать пищу, быстро вошла в машину, захлопнула за собой дверь, и мы стремительно отчалили.

Новые стаи появились не скоро.

Я рассказал ей про Барри. Правой рукой она держала руль, а левой погладила меня по щеке.

- Ты плачешь...
- Это от ветра, Инна.
- От ветра в тёплой машине, да... А хочешь, я подарю тебе щенка из нашего приюта в Торонто? Вышлю его специальной почтой?
- Не знаю... не знаю...

Действительно я не знал.

Чем дальше мы пробирались, удаляясь от города, тем более узкими и необустроенным становились дороги, и вот я увидел прибрежную кромку льда, и, при остановке, покинув машину, как бы встроился в потрясающую картину неба, покрытого узорами из переплетённых зеленоватожёлтых сияющих полос, и в некотором отдалении массивную ледяную гору, и Инна взяла меня за руку и сообщила про колоссальную глыбу с плоской вершиной:

- Дрейфующий айсберг надолго остановился здесь, так как вмёрз во льды. Ледяной остров посреди ледяных полей... Наступит лето, и остров поплыёт себе дальше...

Смоляная коса, уложенная на затылке и темени, прибавляла ей роста, но всё равно Инна едва доставала мне до плеча. Не знаю, как бы выглядели мы оба, если бы она, по обыкновению наших модниц, встала на каблук десяти- или двенадцатисантиметровой высоты. Думаю, и в таком случае эта кроха так же смотрела бы на меня снизу вверх, и оттого коричневаточёрные глаза казались бы вобравшими в себя новые краски, и отливали бы такой же синей бесконечностью полярных небес и колоритом насыщенных электричеством спол`охов.

Но Инна носила мягкую замшевую обувь без намёка на каблуки, и ступала легко, упруго, не западая на пятку.

- Я должна проплыть немного. Так велит женщине бог Селье, когда огненной картиной открывает пути в глубины неба. Ты останешься здесь, пока я переоденусь в машине.

- Да, но где ты увидела воду среди сплошного льда?
- Лёд не везде. Присмотрись, и ты тоже разглядишь полынью, достаточную для того, чтобы в ней искупаться.
- Возьмёшь ли меня поплавать вдвоём?
- Нет. Обычай относится только к женщине. Мужчина находится на берегу под присмотром Селье. А я кроме того хотела бы, чтоб ты оставался здесь, в Канаде, но без воспаления лёгких.
- Я не очень боюсь получить простуду от пребывания в холодной воде. Располагаю опытом.
- Не принуждай меня отступать от заветов Селье.
- Хорошо, я возьму кинокамеру, чтобы сделать съёмки. Кто пойдёт первым в машину?
- Прошу тебя, не надо снимать!

- Почему ты испугалась? Фотография, кинокамера – это так просто, это же обыденность, никому не мешающая!
- Селье не любит, когда снимают купающуюся женщину.
- Ты суеверна, Инна? Ты, ученый специалист с мировой известностью и непредвзятыми взглядами...
- Иди, бери свою камеру. Снимай небо и ледяную гору, но только не меня. Сделаешь то, чего прошу не делать, причинишь мне зло.
- Меньше всего я хотел бы причинить тебе зло, Инна.

Хочет, чтобы я оставался в Канаде? Так?..

И вот она выбежала из машины в одном бикини, разрисованном некрупными красноватооранжевыми листьями клёна.

Я непроизвольно взялся за камеру, но Инна требовательным взглядом остановила моё движение. Маленькое смуглое тело не казалось хрупким. Отточенная систематичным спортом фигура никак не тянула на сорокалетний возраст, чёрная коса не лежала узлом, а, распущенная, легла за плечами широким веером, свободно покачиваясь в такт босому бегу, бесстрашно несшему женщину по каменистой, неровной поверхности прямиком к проливу и ярким сполохам. Вот она подступила к отмели, вот, миновав ледяную перемычку, бросилась в воду и поплыла... Её рискованные упражнения показались мне достаточно долгими, хотя длились всего четыре минуты.

Бег, плавание, снова бегом, хорошо, что я успел снять куртку, собираясь укутать Инну... но кожа ее была тёплой, хотя маленькое, гречески пропорциональное тело всего секунды назад погружалось в такие глубины, какие не могли присниться ни одной Афродите на свете...

Я не замедлил шепнуть ей про Афродиту, выходящую – но не из воды, а изо льдов Арктики на фоне волшебных полотен, начертанных искусствой дланью небесного электрика. Слушая, она улыбалась, пока я, завернув её в свою куртку, нёс к нашему импровизированному дому на колёсах.

Мои губы вобрали несколько капель солёной океанской влаги, которые долго ещё оставались на лице и волосах Инны.

У двери я, сколько мог бережно, опустил её на землю. Минуту спустя она, уже в брюках и свитере, позволила мне войти. Запирая дверь, невозмутимо сообщила, что иначе ревнивая богиня Седна может ворваться в наше жилище, и унести меня от неё к себе в океанские бездны, а она, Инна, такого вторженья не выдержит...

Давно не испытывал того, что чувствовал во время путешествия с Инной: сердце иногда уходило вниз, а ушные перепонки закладывало так же, как на алтайских или колымских высотах и междугорках.

Океанский ветер усиливался, намечался шторм. Машину могло опрокинуть и даже унести ураганом. И на предельной скорости Инна везла нас на относительно спокойную ночёвку в известное немногим укрытие.

И так мы силой мотора уносились в глубину страны, удаляясь от берега и полыни среди льда, откуда ради меня поднимается к моим рукам подобная Афродите женщина народа ину.

Ужин, молниеносно разогретый в микроволновой печи, состоял из чрезвычайно вкусных консервов. Мы просмотрели прогноз погоды на завтра и послезавтра и связанные с этой темой новости по четырём каналам – обоим канадским, вещающим на двуязычии, и двум американским.

После чего она отстегнула от стен койки, накрыла постели меховыми одеялами, достала спальники и спросила:

- Как проведём ночь – в мешках или вместе?

Я был готов к любому варианту.

Она еще успела включить отопление.

Следующие двое суток мы скоротали в поездках по инуитским посёлкам с ночлегами в хорошо прогревшемся автомобиле.

Глава сорок девятая. Инциденты на земле и в воздухе

В первой жизни его звали Барри, во второй он просуществовал Дэном.

Однажды над ним сотворили смертельную штукку, но уморить не смогли, и он выжил, потерпев немалый ущерб со стороны здоровья. Второй хозяин дал ему кличку по своему усмотрению, прошло время, и пёс начал на неё отзываться.

Теперь наступала третья полоса жизни, возможно, скоро и она оборвётся, и чуда спасения более уже не произойдёт.

Покинув конуру в Отель «Бунгало» и одолев немалое расстояние от Медвежкина Лога до аэропорта, пёс прибежал туда и долго бродил вокруг, переживая странное мучительное чувство, о котором люди сказали бы, что это голод. Но он когда-то получил запоминающийся урок, и знал, что ничего съестного, валяющегося на дороге, хватать нельзя, и мирился со свойствами вычищенной местности при аэродроме, которая не предназначена к тому, чтобы люди оставляли там для голодных собачек остатки недоеденной пищи, к примеру, мясные кости.

Оба неулыбчивых кинолога вместе с собаками обежали пространство вокруг самолёта. В свете прожекторов их деловитые фигуры бесшумно скользили по серому покрытию взлётной полосы. Командир следил взглядом за ними, не выпуская однако из поля зрения – бокового зрения – подходов к трапу слева и справа. Наконец по трапу стали торопливо спускаться люди, потом вынесли носилки, на них лежало покрытое с головой человеческое тело, И вдруг сквозь оцепление, задев Командира горячим боком, точно снаряд из пушки, рванулось огромное чёрное существо, такая Собака Баскервилей, и, с негромким, грозным урчаньем кинулось к носилкам, а, достигнув их, пёс принял позу человека, вставшего на колени, положив обе лапы на край носилок.

Лапами держал мёртвого, покрытого тканью.

И несколько следующих мгновений бежал рядом с носильщиками.

Отбросив лапами покрытие, пёс длинным, выбиравшим язком лизал остывающее лицо покойника.

Остановился, поднял голову, завыл, и вой его был хрипловат и скрипуч, словно звук ножа, скоблящего железо. .

Командир отреагировал мгновенно. Приложив рацию к пересохшим губам, отдал команду по принадлежности:

- Собаку не трогать! – и чуть погодя, для верности: - По собаке не стрелять!

А сам держал руку на рукоятке револьвера, скрытого в кармане куртки.

Хулиганов, уже в наручниках, потащили туда, куда следовало.

Руки взяты в оковы завернутыми назад, оттого ничего не стоило его бугаям из спецподразделения согнуть конвоируемых в три погибели, и так, подтаскивая за руки, заставили бежать вместе с ними к автозаку. Там подтянули к машине, впихнули внутрь. При этомшибко саданули в спину, чтобы скорее уже проваливали из поля зрения скопившейся публики

Отдавая приказ не открывать стрельбу, командир отряда прикидывал, чт'о бы это событие могло значить в полном объеме. Уж он-то хорошо знал, каким образом в подобных ситуациях бывают использованы животные. В его команде не случайно работают кинологи с собаками, тренированными на поиск взрывчатых веществ и наркотиков.

Сейчас собаки в тревоге, они хотели бы завыть, однако намордники мешали, - четвероногие бились на поводках.

Командир был осведомлен о том, что, например, израильские коллеги настоятельно рекомендуют до последней крайности избегать выстрелов по нападающим собакам. На тело пса террористы могут прикрепить мину или бомбу, могут наркотики. Но и медлить нельзя, поскольку преступники, как правило, стремятся управлять гранатой или миной на расстоянии, по радио.

Возможно, собаку выпускают для того, чтобы отвлечь внимание от пробирающегося с поясом шахида убийцы.

Здесь всё было проще. Пьяный дебош в самолете. И – нет терроризму!..

Командир однако продолжал не отнимать кисть руки от рукоятки револьвера, готовый в любой момент вырвать оружие и сделать прицельный выстрел.

Настал момент, когда следовало включаться кинологам. И командир негромко сказал в телефон:

- Сороковой пошёл! Нейтрализовать собаку!

И тут же:

- Сорок второй пошёл! Обследовать корпус!.

Когда подбежали кинологи, пёс повернулся к ним, с угрожающим лаем он защищал прикрытое простынёй содержимое носилок. И тотчас незаметно для себя получил практически безболезненную инъекцию. Таким образом кинологи прервали собачью разборку в самом начале, не допустив и намёка на грызню и потасовку

- Сорок третий! - позвал командир. - Убрать усыплённого пса!

Всё было кончено.

Но Командир медлил отнимать руку от ребра револьвера.

Вышедшие из самолёта последними, члены экипажа двигались, вжав головы в плечи.

И Командир утвердился в предположении о том, что же именно произошло на этой опасной территории: собака узнала хозяина!

Но ладонь его всё так же покоилась на рукоятке оружия.

Собирались вопросы: каким образом собака незамеченной проникла в порт, подобралась к оцеплению, и наконец смогла прорваться к носилкам.

И не выпрыгнет ли ниоткуда ещё одна Собака Баскервилей?

Истекло отпущенное на выжидание время, вернулись из салона сапёры, и миновали несколько дополнительных минут, рассчитанных Командиром от себя лично. И только тогда Командир дал разрешение аэродромной обслуге принять самолёт.

Предстояло разбираться с кинологами и персоналом аэропорта. Но этим займутся уже другие специалисты.

При анализе ситуации.

Тем же днём Командир пришёл поздравить свою первую и самую любимую учительницу Эмму Прохоровну с днём рождения.

Как всегда в этот знаменательный день, Командир покупает любимые ею розы и каллы. Непременная, очень дорогая коробка конфет. Билет на концерт «звезды» 70-х годов, на сей раз это Василина Парфёнова, поэт, композитор, певица в одном лице.

В гостях у Эммы Прохоровны обычные милые подружки – пожилые учительницы Алёна Венедиктовна и Кристина Геннадьевна.

Все они рады его визиту, как ликовали бы появлению кого-нибудь из собственных детей.

Эмма Прохоровна суетливо снимает с окна вазон, наливает заранее отстоенную воду, ставит цветы. Она выставляет еще один чайный прибор. На столе конфеты, печенье, тортик. Она распечатывает коробку, принесенную Командиром, и, как принято, хвалит его неизменно отличный выбор.

Он с первых дней в школе отличался хорошим вкусом.

- Мой лучший ученик, - привычно рассказывает она. - Привели, не поверите, маменьского сыночка, в отглаженном костюмчике с большим бантом у горлышка. Кто бы мог подумать, что впоследствии в этих руках окажутся человеческие жизни?

Учительницы улыбчиво кивают. Командир знает: они все немало навидались подобных маменькиных сыночков, нашла кого удивлять, однако...

Но у Эммы Прохоровны любимчик безусловно лучше других.

- Он так быстро освоился в классе, никогда не испытывал затруднений в учебе, постоянно старался помогать другим,

Она прослезилась. Достала альбомы. Показывала фотографии. Старушки привычно улыбались, вздыхали и охали. Естественно, добавляли:

- А вот у меня...

- А вот мои...

Пенсионерки, бывшие в гостях у Эммы Прохоровны, дружат с незапамятных времен. Не первый раз видят Командира. И ждут от него рассказов о той беспрекословной службе, о которой они мало что знают, и поэтому строят много догадок и предположений.

Они обеспокоены случившимся инцидентом в аэропорту, И признаются, что весь вчерашний день почти не отходили от экрана, где смотрели новости по всем каналам.

Старушки расспрашивают Командира, и он, заранее зная, что его будут расспрашивать, отвечает дружелюбно, он максимально предупредителен, нерезок в словах, подробностям практики предпочитает экскурсы теоретические, сообщениям о собственной работе – занимательные рассказы из чужой жизни.

Он также абсолютно уверен, что по условиям задачи ни разу никоим образом не мог засветиться ни в чьей журналистской камере, а, ежели и был случайно пойман в заблудившийся фотик, то маска надежно укрыла лицо Командира от нескромных лицезрений. В нужных местах в его речи проскальзывают шаблоны, но ни у одной из собеседниц (две из них – чистые филологини) не поворачивается язык сделать замечание.

-- Происшествие развивалось по обычному сценарию. Очевидно, соответствующие службы включились быстро и своевременно. Один человек погиб, трезвый... Пьяный хулиган должен будет ответить по всей строгости закона..

- Но на его месте мог быть террорист! – воскликнула Алёна Венедиктовна..

- Банда террористов! – уточнила Кристина Геннадьевна.

- Тогда бы сюжет разворачивался по иным правилам, - терпеливо объясняет им Командир.

Алёна Венедиктовна: - Он так спокойно говорит!.

Кристина Геннадьевна: - Но он же закалённый воин!

Пожалуй, перебор: «воин», «закалённый»... Военнослужащий, офицер, да, но мало ли таких вокруг, что называется, пруд пруди...

Бывший директор школы Виталий Францевич смотрит с портрета с лёгкой укоризной: Командир, отчего бы тебе не приподнять маску, в которой ты был вчера на площади в оцеплении? Пожилые так любопытны, сделай приятное старушкам, они тебя обожают, и никаких тайн ты им всё равно не откроешь.

Мысленно ведя диалог с проницательным наставником, Командир слышит вопрос Эммы Прохоровны:

- Правда ли, что у погибшего в самолёте пассажира были совершенно белые, как у альбиноса, виски? В передаче звучало. Тогда бы я предположила, в чём дело с собакой, и, возможно, попала бы в точку.

Для ответа у Командира считанные секунды, и следует, обойдя истину, удержаться от совсем несложной комбинации слов: *я там был, и сам видел, что виски действительно седые...*

- А как показывали на экране? – отвечает он на вопрос вопросом.

И милые старушки наперебой говорят о том, что увидели на портрете, показанном по телевизору, нахваливают поступок отважного пассажира, но и не удерживаются от критики, поскольку экран им подсказывает и это: при угрозе террористического акта действовать могут только сотрудники спецслужб, но от пассажиров требуется соблюдать абсолютное спокойствие.

Алёна Венедиктовна: - Он же герой, да?

- Смерть всё искупает. Но как вам сказать... В принципе-то посторонний, неподготовленный человек, неумеха может своим необдуманным поведением значительно осложнить обстановку.

- А вот вы, например, – герой?

- Я и мои товарищи – мы скорее чиновники. Нам государство платит жалованье, за это мы исполняем некоторые функции, нужные тому, кто нам платит. Работаем, как врачи в больнице или как учительницы в школе. Всё просто.

Кристина Геннадьевна: - Действительно, я смотрела, как в Америке убийцы врываются в школы и расстреливают учителей и учащихся.

Алёна Венедиктовна: - И в больницы...

- Но это же исключительные случаи.

- Не так уж редкие, Эмма Прохоровна, - солидно уточняет Командир. Но похвалы ему продолжаются.

Кристина Геннадьевна: - Вы рискуете жизнью всякий день.

- Во-первых, далеко не всякий день, как вы говорите... Во-вторых, риск – функциональная обязанность специалиста моей профессии. Риска можно избежать или сильно уменьшить его методами подготовки и основательным тренингом. Так что военнослужащий в мирное время рискует лишь ненамногим больше, чем любой другой госслужащий, поверьте.

Алёна Венедиктовна: - Не прибедняйтесь, пожалуйста. Мы же смотрим, как показывают опасности, подстерегающие ваших сослуживцев и такого, как вы, офицера, соответственно. И в сериалах, и в новостных программах без конца показывают. ...

- Многое преувеличено. И репортёры, и авторы сериалов не всегда знакомы с реалиями сюжетов, которые они берутся снимать и показывать. Гонят романтику, в надежде на доверчивость зрителя.

Стоя в оцеплении, Командир координировал всю операцию, и, когда группа захвата ворвалась в самолёт и сделала своё дело, и лишь в момент, когда вынесли носилки из самолёта, где произошел дебош пьяного экс-чиновника, вообразившего, что он пуп земли, то на 90 процентов уверился, что опасности теракта удалось избежать.

Тем не менее, до установления момента истины все-таки необходимые десять процентов имеются в виду. Сведения о происшествиях в воздухе всегда заведомо противоречивы, и в данном случае у специалистов последние сомнения тоже отпали полностью только время спустя, после опроса членов экипажа и очевидцев из числа пассажиров.

Тогда окончательно выяснилось, что в событии по своей инициативе активно засветился один из пассажиров (фамилия, имя, отчество, прочие паспортные данные всех участников события достоверно установлены).

Вот пьяные разбушевались, и он поднялся с кресла, повалил и связал одного из дебоширов, и, не боясь быть убитым, если у тех подонков (либо - у террористов!) там есть сообщники, двинулся к второму дебоширу (вмиг разобрался, что к дебоширу!).

Вот, не говоря ни слова, спокойно схватил хулигана, приподнял, поставил, не выпуская из рук, и, видимо, заученным приёмом нейтрализовав, передал пилоту и стюардам. После чего прошёл обратно к своему креслу, но то ли от травмы, полученной в драке, то ли от внезапного головокружения, начал оседать, грудью упал на подлокотник, резко побледнел и повалился набок.

Корреспондент интернет-портала ЗЖ (защита животных)

Что ж, наконец-то мне подвернулся случай с интепретацией, бесспорной для главреда-Главвреда и приемлемой для любой пассии хозяина нашего СМИ. Собака – друг человека, и вот вам факт в подтверждение: преданность пса, момент хоть для кого умилительный. Оправданный расчёт на слезу зрителя, особенно престарелой зрительницы, чей голос, как ни крути, немало значит в повышении рейтинга доблестного портала ЗЖ.

Он, корреспондент, будет первым, кто донесёт информацию до потребителя.

Но для полноты изложения необходимо описать обстоятельства происшествия с начала до конца.

Сегодня нашему корреспонденту везёт: ему удаётся выявить, удержать и обстоятельно расколоть бывшую соседку погибшего пассажира по креслам в самолёте, вытрясти из неё всю информацию.

– Я долго собиралась, и наконец накопила денег – билеты нынче безумно подорожали. Поехала к бабушке Феоктисте. Ей 86 лет, и это свидание скорее всего последнее. Так вот. Навестила бабушку Феоктисту, и лечу обратно. Внезапно, вроде бы ни с того, ни с сего, в самолёте завязалась эта драка. Два пьяных идиота взбаламутили весь самолёт.

Сначала все подумали, что против нас предпринимается теракт. Даже не сомневались, потому что в последнее время так много кругом говорится о терроризме, телевизор только и знает, что сообщает о захвате самолётов. Ну, страх обуял: и нас захватят, чего им стоит!..

Шум, драка, крики, голос проводницы... тут откуда-то сзади топот, вопит какой-то дядька:

- Такие, сякие, не троньте Влада?!. Я вам!..

Ага, бьют Влада на высоте сколько-то тысяч метров!..

Мне стало малость спокойней – такие террористы не бывают. Этот, второй, дошёл до нас, и вдруг споткнулся и упал. На ровном месте. На самом деле мой сосед ему подставил ногу, тут же поднялся, схватил крикну за шиворот и взялся обуздывать. За этим занятием на весь самолёт громко, внушительно приказал:

- Стрелять не будут! Оставайтесь на местах! Стрелять не будут! Всем оставаться на местах!

Видимо, он был военный, иначе почему бы действовал так умело? Как думаете?

- Да, военный, возможно, бывший спецназовец, – поддакнул корреспондент, ни жив, ни мёртв оттого, что боялся, не сбилась бы она, тем самым не повредила бы его рождающемуся на глазах забойному тексту, бестселлеру. - Они же известно, какие...

- Вот-вот, я же видела по телевизору!..

Корреспондент, авторитетно и солидарно: - Бывших спецназовцев не бывает. Только ведут себя по-разному.

- Да уж. Что по-разному, то по-разному.

- ... Но тут слушались его не очень-то, - вернулась она к тексту, и корреспондент мысленно передохнул. - Беспокойство никуда не денешь, телевизор все смотрят, скорее всё-таки поверят в террор, чем просто в пьяный скандал. Дети ревут, взрослые кричат: «Не верьте! Это теракт!» «Не сопротивляйтесь!» «Не злите их». Кто-то наоборот успокаивал: «Это пьяные, никакого теракта, сидим спокойно!» И так далее. Кошмар, мрак и ужас...

Сосед наш быстро снял с лежащего пьяного ремень, завернул за спину и связал ему руки. Представляете, один справился! Тот вопит: «Я спецназ! Убью!» И гонит всякую матерщину. Первый алкаш тоже права качает. Со своего места в третьем ряду мне видно, что схватил стюардессу за волосы, головой ударил парнишку проводника, совсем молоденького. Вышел из кабины пилот, пытается унять пьяного, а тот и с ним дерётся, орёт: «Пусти в кабину! Я поведу самолет. Ты не можешь! Отдай мне управление!». Кровища, представляете, всё измазано.

Что-то у меня от волнения стёрлось в памяти, какой-то эпизод потерялся...

Помню только, что у соседа в лице ни кровинки, и он как-то неестественно падает... У меня всё внимание на моего Аркашеньку, мальчик побледнел, не лучше соседа, но не плачет, держится ребёнок. Ещё меня же и успокаивал: «нас освободят, нас обязательно освободят...». А как ворвались наконец спецназовцы настоящие, тихо так шепчет мне на ухо: «Ура, ура! Говорил же, освободят...».

Я никогда не видела, как умирают люди, и сильно испугалась. Тут неизбитая стюардесса подбежала к соседу, стала оказывать помощь – их этому учат. Но было уже поздно...

Корреспондент: - А как они все выглядели?

- Мой сосед – мужчина лет под пятьдесят, виски совсем седые, похоже, что человек тренированный, спортсмен. Пьяница первый, тот, что рвался в кабину, пузатый, как все пивники, рожа отёчная, весь побагровел, голос хриплый. Второй, тоже такой пухлячок, бес из пивной бочки, весь из себя важный. «Я начальник! Меня знают в правительстве! Всех засужу!» Или «засажу» - не разобрать.

- А дальше? Это они убили вашего соседа?

- Утверждать не буду. Может быть, он сам надорвался... или упал, ударился, точно не скажу... Вроде бы тот, с кем он боролся в проходе между кресел, изловчился, толкнул его, а он ударился грудью о сиденье, охнул и потерял сознание. Дальше не помню отчетливо. Очень было страшно. Казалось, от криков и толкотни самолёт разломится на части или весь целиком рухнет на землю.

- Как же удалось утихомирить дебоширов?

- Пилот и проводники повязали, и, к нашему облегчению, объявили посадку. На земле спецназовцы вошли в самолёт, вытащили тех гадов, успокоили нас всех. Тем и кончилось. А если бы и вправду теракт? И самолет бы угнали. И что? Могли взорвать с собою вместе, взять в заложники...

Корреспондент: - Одну жертву мы уже имеем. Вашего соседа.

- Да уж... Хулиганов будут ли судить или по головке погладят, как у нас бывает? Вы как думаете? Он же, видите ли, входит в правительство. Вдруг не соврал... Наглый, как танк.

- Мы напишем в газетах, пошлём в суд распечатку с информации в портале.

- Надо таких наказывать. Я бы их на пожизненное...

- Ну, уж и на пожизненное! Наказание будет, но что-нибудь попроще. Спасибо вам за подробный рассказ. И будьте здоровы.

Здоровенный детина лет сорока в легоньких очках и в медицинской маске на волосатом лице, творил свое действие, надевая длинный клеёнчатый фартук поверх белого халата, из которого он давно вырос. Огромными ручищами в длинных резиновых перчатках он привычно разбирался с останками мужчины, погибшего во

время событий в гражданском самолете. Замечания врача по ходу дела со специфически пристальным вниманием слушали два заинтересованных сотрудника учреждений немедицинского профиля.

- Брожденная патология - аневризма аорты, - пояснял судмедэксперт Командиру и следователю прокуратуры. – Почему так, а не иначе? – спрашивал он сам себя и присутствующих, заранее находя ответ: - Дык, а потому... - И, умело раскладывая на специальном столе (такие бывают у нас только в моргах, да разве что еще и в залах анатомических театров, где обучаются студенты-медицики, впрочем, это ведь тоже не что иное, как те же морги), – фрагменты посмертного материала, неопровергимо набрасывал – покамест в устной форме – детали будущего протокола экспертизы.

- Жил себе человек, и жил, как вдруг... Такие люди обладают повышенной энергичностью, часто весьма импульсивны, но живут не очень долго и погибают от какого-нибудь сверхусилия или травматического шока.

- Можете для наглядности привести примеры? – спросил следователь.

- Да сколько угодно. Знаменитые артисты – Миронов, Папанов. Закон парных случаев, если хотите...

- На предумышленное не тянет? – с надеждой спросил следователь.

- Нет. А почему? Дык, а потому... Смотрите сюда: вот, вот и вот изменения, исключающие самую возможность нанесения удара... Таким образом, признаки насильственных действий не обнаружены. А травма, способствующая разрыву аорты, подтверждена. Запишем вежливо: «...выявленным изменениям могла способствовать полученная в результате падения на ручку самолётного кресла травма». Достоверно установлено при производстве аутопсии. *

*Вскрытие тела умершего (мед.).

- Если дойдёт до эксгумации?.. – предположил следователь. - Родственников, заинтересованных в суровом наказании виновных, пока не выявлено, но человек известный, и всё такое...

- Рулетка, игра, - философически заметил эксперт.

Командир молчал.

Его дело – сторона.

В теперешних обстоятельствах.

Он даже в свидетели не годится, поскольку в момент столкновения в самолёте находился на улице.

Максим: - Смотри, Вики-Вики. Самое удивительное во всей истории то, что ни у кого рука не поднялась выстрелить в собаку...

Ребята, стоявшие в оцеплении, не имели никаких примет, и, конечно, не знали, не могли знать, кто такой Барри, и у какого профессора однажды пропала собака. Наши объявления их не колышат... Применили дедуктивный метод, и не ошиблись: твой Барри встретился наконец с хозяином.

Но не стреляли.

И, понимая, что жизнь прервалась, Барри стушевался: ведь и ему теперь уже, как верняк, остаётся только отправиться к праотцам.

Виктория: - Или он уже туда отправился. Не съели, хоть так утешимся.

Мои объявления никто не срывает. Ни один хвостик не взят, вся бахромка так и висит, как новенькая. Наоборот, оно, как магнитом, притягивает к себе аналогичную информацию. Рядом с моим появились другие, похожие. А прошло уже времени порядочно... Я скопировала. Читай, что пишут.

Он читает.

Объявления:

1. Потерялась собака, сука, девятимесячная. Данные обстоятельства такие. Бежали дети, собака побежала за ними. Хозяйка побежала за ней, но не могла бегать, беременная. Поехала на машине, но не догнала. Ребенок плачет, ждёт собаку. . Если найдут, то могут убить. Телефон (номер). (Приписка ручкой: - И правильно сделают – надо водить на поводке, так положено).

2, с картинкой: Найдена собака, примерно девяти месяцев, похожа на овчарку, но коротколапая, уши торчком. Потерявшему звонить по телефону (номер)...

Виктория: - А я вот записала несколько сюжетов наводнения, показанных в новостях. Посмотрим вместе...

И составившийся таким образом небольшой фильм показывает Стюарду, в надежде побудить его к долгожданному согласию на покупку щенка лабрадора.

Символом поведения людей и их спутников при страшном бедствии может считаться, по всеобщему мнению, показанная по ТВ собака четы Авдеевых Полкан. При срочной эвакуации хозяев из-за наводнения собака потерялась. Супруги решили, что пес мог оставаться только в пределах их подтопленного дома. Спасатели повезли их туда на моторной лодке.

И верно, пес терпеливо сидел на пороге и никого не подпускал к оставленному жилищу. Увидев хозяев, Полкан вскочил, завилял хвостом, громко, восторженно залаял, - обрадовался, как только может быть счастлив людской сподвижник, в самых жутких условиях сохранивший верность семье и дому.

Показанная история Максима почти добивает.

Но не до конца.

Малая толика сопротивления ещё не исчезла.

Глава пятидесятая. Я принимаю твоё наследство...

Профessor В. Р. Крайнев опаздывает. Виктория, убрав недочитанные рефераты в сумку, наблюдает, как студенты раз за разом выглядывают в коридор.

Наконец – с облегченным вздохом:

– Идёт!

Он появляется, величественный, всё ещё яркий, несмотря, что немолод. Темные (но не абсолютно черные) очки в тяжелой роговой оправе несколько укрупняют его значительное лицо, на котором весьма уместно серебрятся усы и бородка. Шея, повязанная вместо галстука ярким шелковым платком, не оказывает морщин, дорогой современный костюм не несёт изъянов, и по-особому интеллигентно профессор управляет с элегантной тростью.

Оглядывает аудиторию, громко здоровается. Задерживает взгляд на той девице, что примостилась на галерке, снова проходится по рядам глазами в темных очках с тяжелой роговой оправой, и сходу начинает разговаривать с аудиторией. Голос обволакивающий, густой. Речь льётся свободно, нужные слова сами собой складываются в последовательный, увлекательный текст.

Он мэтр, он университетский патриарх, глашатай правительственных реформ - берётся поведать и о своем видении университетского образования и о перспективах такового образования в нашей стране вообще.

Он элегичен, несколько сентиментален. Гибель друга наводит его на размышления о тщете всего сущего. Он говорит о своем погибшем друге, совершившем героический поступок. Но надо ли так рисковать своей бесценной жизнью, принадлежащей стране, университету, истории? Он не уверен в этом. И завершает цитатой из автора, которого, можно ручаться, никто из присутствующих не знает, и знать никогда не будет:

- Я принимаю твоё наследство, как принял бы Францию прусский король! - И, помедлив, дабы дать улечься впечатлению от его эрудиции, добавляет: - Илья Сельвинский - на смерть Маяковского.

Заявление, рассчитанное исключительно на меня, догадывается Виктория. И, как бы в подтверждение, Крайнев, поглядев на галёрку, склоняет голову, но жест скоротечен, и тоже ясно: афишировать безволосое темя профессору совсем не хотелось бы.

Крайнев между тем переходит к собственно теме лекции.

- Сегодня речь пойдет о трудах Канта, о его вкладе в науку. В миропонимание.

В наших представлениях о великих немецких философах 19-го века грандиозная фигура Канта заслоняет многих, и прежде всего Гегеля.

- Защитим ли мы Гегеля без связи с Марксом? Гегеля от Канта? – вопрошают лектор.

- Такая постановка вопроса и по сей час порождает немало спекуляций. Наследники гениев стараются перегрызть друг другу глотки. Маркс нынче не в чести. Всё переменилось. Раньше ученый мог пострадать от пренебрежения (пренебрежения – на взгляд гонителей) Марксом, от недостаточного цитирования Маркса, теперь же напротив – от обращения к трудам Маркса, к самому имени Маркса!.

А мы ничего не боимся. Своё отбоялись...

Карл Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала» писал:

«Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiurge (творец, созидатель) действительного... У меня же, наоборот, идеальное есть не иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

- Абракадабра, - шепчет Максим Виктории.

- Что? – не расслышала она.

Шептаться неприлично. Лектор заметил. Сделал небольшую паузу.

Стюарт написал в тетради: «Набор слов».

Она отписалась: - «Дослушай до конца. Лектор на Марксе воспитан. Но не помешан. Терпи. Увидишь и оценишь, как В. Р. станет выпутываться.»

«Зачем?». Тут она положила руку на его ладонь и чуть прижала к парте. И вынула у него из пальцев ручку, и отложила в сторонку.

Ей интересно всё, что принадлежит парадигме: человека ведут за пищей не столько пища как таковая, сколько идеи по её добыванию. Идеализм. Хорошая у нас эпоха: такой ярый идеалист, как Лев Куприянов, жил на свободе, преподавал без помех, да еще и получил недешевую командировку в Канаду!..

В.Р. Крайнев: - Значение Канта колоссально. Не с кем сравнивать. У Гегеля своя стезя, и об этом в недалеком будущем мы ещё скажем. Но тем не менее без убедительных сравнений нам не обойтись и сейчас.

Итак, теперь об этих проблемах я могу говорить совершенно спокойно, чего в прежние годы делать не следовало.

Но прежде, чем рассуждать о Гегеле, Фейербахе и Канте в современных истолкованиях, мы должны принять за исходное общественную потребность в философии, как таковой, в наше время ниспровержения истин, ещё лет двадцать назад считавшихся непреложными.

Именно в наше время, когда вместо учений предлагаются доктрины, а их переменчивость подобна смене картинок в стремительно вращающемся калейдоскопе!..

Знаете ли вы, например, о том, что сегодня не во всех школах дети изучают систему умножения. Да, да, в некоторых перестали изучать. Зачем, когда есть калькуляторы? Поиграл кнопками, и получаешь готовый результат, и не нужно ломать голову над расчетами!..

Куда уж нам прорываться в этот вакуум с Кантом наперевес!...

Произнеся удачную, на его взгляд, метафору, Крайнев на минуту остановился, окинув взглядом аудиторию: все ли поняли его мысль? Она там, на галёрке, судя по лёгкой улыбке, по-видимому уловила. И Крайнев решил усилить впечатление, задав сидящим в амфитеатре риторический, но грозный вопрос:

- Так будем пробовать?

И задорно ответил:

- А давайте!

Очевидно скоро современные светочи мысли придут к выводу о бессмыслице университетского образования, коль скоро всё равно обрушены установки и сметена долой вся былая доктрина!.. Не пора ли искать фундамент не в Канте и Гегеле, не в Шеллинге и Фейербахе, тем более не в максимах Карла Маркса, но в схемах устройства компьютеров и мобильной связи, кишках автомобильного мотора и циклопических поделках типа синхрофазotronа и швейцарского коллайдера?..

Разумеется, ни я, никто из моих коллег не ставим вопросы в столь обнажённой форме. Но многие согласятся с тем, что в иерархии и самом перечне изучаемых наук после изъятия марксовых постулатов необходимы поправки. Круг преподавания большинства предметов – гуманитарка, во всяком случае, - должен быть поневоле сужен и, к сожалению, де-факто это уже происходит.

И Крайнев не без остроумия указывает на очевидность сложившегося положения.

- Таким образом, определённый смысл в освоении классической философии был и остаётся, но количество adeptов и последователей данной дисциплины становится, увы, всё меньше и качество их всё слабее. И так будет продолжаться до тех пор, пока указанное количество не снизится до определенной критической массы, без которой уже никак не обойтись, дабы не утратить связи наук и совокупности предметов изучения.

Смысль всегда есть, но открывается не для всех, и с этим надо смириться, чем скорее, тем лучше!

И В. Р. Крайнев не страшится утверждать, что он горой стоит за элитное образование, востребованное временем и страной.

В. Р. Крайнев: - ... Ибо, не зная Канта, мы не поймём, в частности, космогоническую гипотезу происхождения солнечной системы. Оба предложивших её философа – и Кант, и Лаплас – признают, что около пяти миллиардов лет назад на месте Солнца и планет существовала туманность, которая по непонятной причине начала сгущаться. Мы же, забегая вперёд, скажем, что новейшие учёные, включая Эйнштейна, предложили характеризовать подобные явления, опираясь на теорию так называемого «большого взрыва».

Согласно утверждению Канта, первоначальная туманность состояла из холодной пыли и из нее-то путем сгущения образовалось холодное центральное тело, Солнце, впоследствии раскалившееся до предельных температур. Планеты, по Канту, появились позже. Лаплас же считал исходный материал горячим, и признавал первичным появление Солнца, а возникновение планет – вторичным. Несмотря на позднейшие многочисленные исправления и модификации, гипотеза Канта – Лапласа дожила до наших дней и признаётся основополагающей.

- Здесь неуместно вдаваться в подробности учений *astronomov* и физиков – *atomistov*. Однако спросим себя: не повлияют ли наш продекларированный отказ от знания первоисточников, равно как и наша подмена классической философии прагматическим машиноведением, на освоение Луны и Марса, и в целом космического пространства? Не потому ли падают, не долетев до цели, наши ракеты и самолеты, что строятся они не по Канту!?

За старомодным слайдпроектором сидит ассистентка крайневской кафедры **Ульяна** и по просьбе шефа без перебоев меняет картинку.

- А что значит выстраивать свою жизнь по Канту? Пожалуйста, поставьте нам тот слайд, где изображена ратуша Кёнигсберга! – просит Крайнев. – Вот они, знаменитые часы на ратуше, которые ходили по Канту. Смотрите. День Иммануила Канта был расписан по часам и минутам, и даже по секундам. В одно и то же время он выходил из дома на прогулку, минута в минуту, секунда в секунду начинал ее и заканчивал. И жители города, привыкшие к педантизму философа, сверяли время не по часам ратуши, а эти самые часы проверялись по распорядку дня знаменитого философа. Часы в Кёнигсберге шли по Канту. Вся жизнь шла по Канту. Так спрашивается, что лучше, скажем, для экспедиции на Марс: выстраивать ли полёты по Канту или проводить их не по Канту? Вопрос риторический.

А вот, на следующем слайде, читаем текст, характеризующий то самое знаменитое высказывание, то самое, что легло в близкую к бессмертию гипотезу Канта-Лапласа:

19 апреля 1791 года. Кант - Гензихену

...я уже давно утверждал нечто весьма близкое к результатам недавних наблюдений – я имею в виду образование кольца Сатурна и его сохранение согласно законам центростремительных сил. Это получило теперь убедительное подтверждение и объясняется следующим образом: вокруг некоего центра (являющегося одновременно и центром Сатурна) движется газообразное вещество, состоящее не из неподвижных, а из свободно врачающихся частиц, совершающих свое круговое движение в течение различного времени в зависимости от их расстояния от центра...*

* Цит. по кн. И. Кант. *Трактаты и письма*. М. 1980.

- Следующий слайд, пожалуйста.

Кант – Гензихену (продолжение):

... Это подтверждение образования кольца Сатурна из газообразного вещества, движущегося по законам центростремительных сил, позволяет объяснить на основании тех же законов и образование больших небесных сил.*

* Там же.

- Кант – не астроном, - заметил Крайнев с некоторым интеллектуальным кокетством, - а всего только философ.

И, сделав многозначительную паузу, предложил очередное:

- Следующий слайд пожалуйста. Рассмотрим деятельность философов, которых профессор Зиген из Берлина еще на заре истекающего двадцатого столетия отнес к единой группе «спиритуалистов, идеалистов».

Очень метко характеризует этих представителей философии профессор Зиген:

- Это философы, которые ещё в настоящее время фантазируют об абсолюте и посредством логических фокусов выводят из своего абсолюта весь мир и ещё кой что. Это застойные наследники Гегеля, который из своих спекуляций вывел, что звёзды не небесные тела, а абстрактные световые точки: «световая высыпь», что ленточные глисти это «послабления организма, из которых часть отделяется для самостоятельной жизни», что кровяные шарики только выдуманы физиологами, что чувствительность это только «внутренняя дрожь жизненности» (...) И с этим направлением естественно-научная полемика совершенно излишня. Оно должно исчезнуть вместе с распространением естественно-научных знаний.

** Цит. по кн. Ziegen. *Отношение мозга к душевной деятельности.* СПБ, 1902

-Увы, не исчезло! Застойные наследники Гегеля – прекрасно сказано. Хотя относительно самого Гегеля – перехлест, конечно.

Их несправедливо приводить в связь с Кантом. Они с ним не имеют ничего общего. Это великолепно представлено на одной старой карикатуре. Прошу показать слайд.

Смотрите. Кант умер и возносится на воздушном шаре на небо, Гегель и сподвижники смотрят на поднимающийся шар и простирают умоляюще свои руки. Но Кант не бросает им ничего, кроме своего парика, палки, зонта, и, следовательно, большего они сами не восприняли из учения Канта.

Научная и околонаучная полемика не проясняет и не в состоянии объективно выяснить вопрос. Но актуальность темы не вызывает сомнений. Скажу парадоксальную вещь: покойным Львом Александровичем Куприяновым рассеивалось то самое суеверие, та мгла, что покрывает суть происхождения человека и общины.

Крайнев неожиданно ввернул посмертный комплимент Куприянову потому, что, увидев куприяновскую ассистентку с её парнем, он вспомнил, что и раньше мельком видел их вместе. До студенческой кафешки В. Р. не снисходит. Но, проходя - флансируя по коридору с кем-нибудь из собеседников, - целенаправленно всё и всех замечает. Стало быть, сей друг – её постоянный пассионар.

В куртках они все одинаковые. Ничего выдающегося.

Не совсем шкал, но и на особого интеллектуала тоже не тянет. Парнишка простенький, нынешнего пошиба. Здоровый лоб, и потому с Кантом ему скучновато. Не врубается, не в теме. Таких мягко зовут середнячками, жёстко – дебилами. Спорт, пиво, кое-как сданные экзамены и зачёты, вымученные из преподавателя или купленные за деньги, натянутые дипломы. В дальнейшем - посредственный работник, скорее лентяй, чем трудяга. Так было еще в недавних выпусках.

Но сегодня роли переменились. Такие типы быстро прилипают к деньгам. Раньше говорили: деньги можно заработать или украсть, но на них нечего было купить, ибо нужных товаров нет в продаже, а в магазинах полки заняты всякой непокупаемой чепухой отечественного производства. Сейчас добавилась дополнительная компонента, по большинству стоящая уже на первом месте: деньги можно отнять, отобрать, выбить, а уже потом украсть или – что совсем уже бездарно – заработать.

Интересно: у этого хмыря что на первом месте? Боюсь – отнять, отобрать. Чтобы ловко своровать и не попасться, ума не хватит. Заработать? Нет, ишачить такие личности не созданы.

Диплом, а после терпят неудачи, в итоге либо спиваются, либо заводят семьи, и служат где-нибудь в конторах и фирмах до самой пенсии. И жены обретают с ними спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Либо, если женщина более-менее с интеллектом, она вовремя расстанется с таким неудобным человеком, а там в одиночестве воспитывает ребенка, изредка переспит с кем-то, кто, как правило, её моложе, и тем довольна... либо удача последует, но куда реже...

У этого что-то интеллектуальное в лице как будто проглядывается.

Уловить бы...

Крайнев преображается, когда читает лекции. Особенно при виде хорошеных женских мордашек, которые не всегда наличествуют в аудитории. Зачем эта ассистентка забралась на самую верхотуру, да ещё со своим дебиловатым напарником? Не зря же... Профессору, дабы получить должный импульс, приходится задирать голову, что раздражает. С удовольствием переманил бы от Куприянова такую стервочку, сидела бы в первом ряду, как миленькая...

У неё же на лице никакой реакции. На Крайнева - никакой реакции!. Тем не менее, интерес к его выступлению не наносный, а вполне осознанный, в подобных нюансах он хорошо разбирается. Возможно, любопытство к нему, как яркому мужику, одному из самых заметных в университете.

Стратегически необходимо перехватить лёвкину кафедру, и девочка автоматом станет его сотрудницей. Крайнев уже забрасывал ректору удочку на поминальном банкете памяти Льва Куприянова. Ректор обещал подумать о слиянии кафедр, но просил не торопить события.

И Крайнев старается.

Он – в ударе!

Но трость, но тяжесть при ходьбе, но вязкое опасение за сердце и за сосуды мозга... Вечное, неотвязное побуждение беречь себя. После инсульта, микро, но всё равно инсульта, ты уже не тот Крайнев, как ни старайся.

Будто бы невзначай, будто бы сценарием предусмотрено говорить сидя за столом, он так и делает.

Боком, с деланной непринужденностью, присаживается к столу.

Аудитория не из тех, удобных для галёрки, длинных классных комнат, а наоборот устроена амфитеатром. Так что лектор виден отовсюду, и даже слушателям удобней, что он сидит, а не рассеивает их внимание своим снованием, расхаживанием, как любят некоторые, и любил тот же Лёвка Куприянов.

В. Р. Крайнев: -...И, продолжая тему Канта и Гегеля.

Вот недавно я говорил с физиологами. В свете новейших веяний им приходится часто сталкиваться с рассуждениями о душе. Бехтерев, например, занимался опытами по передаче мыслей на расстояние, искал в психике проявления материальных законов. Павлов же проводил строго приземлённые эксперименты на собаках, подвергая их жёсткой вивисекции, и ни о какой психике в понимании Бехтерева или, ещё дальше, Фрейда не хотел и слышать.

Застойные наследники, по-нашему прихлебатели высекают на арену в моменты поисков идентичности у множества серьёзных исследователей. В следующий раз у нас появится случай потолковать и об этом.

Заканчиваю.

- Мне поступило несколько записок. Одна из них такова:

«А вы как думаете?».

- А вот о том, как думаю я, доложу в следующих лекциях.

Так говоря, В. Р. Крайнев намеренно оставлял аудиторию в недоумении. Пусть остаётся непонятным: поддерживает ли он Маркса или стремится избавиться от его наследия. Как бы то ни было, В. Р. считал себя самостоятельным ученым, а отнюдь не собирался причисляться к сонму застойных, ныне проигравших наследников данного (марксова) направления философской мысли.

Также он полагал, что особа, накропавшая цидульку, захочет познакомиться с ним поближе и подойдёт.

Должна, должна подойти.

Она не подошла. И, сделав вид, что замешкался у слайдпроектора, профессор В. Р. Крайнев с легким сожалением покинул 118-ю аудиторию.

Глава пятьдесят первая. Назавтра в университете

Звонок по сотовому.

- Из приёмной ректора. Здравствуйте, Виктория Борисовна. Вы сейчас в университете?

- Да. Я на кафедре, Марианна Юрьевна.

- Тогда, если вы не очень заняты...

Крохотная выжидательная пауза.

- Не больше, чем обычно.

- Ректор хотел бы вас видеть.

Ещё пауза со значением.

- Очень важный вопрос. Относительно увольнения Матвея Эммануиловича, в связи с отъездом на ПМЖ за границу и о делах на кафедре.

- Идти сейчас?

- Вчера.

- Бегу.

- Одна нога здесь, другая там.

- Да, Марианна Юрьевна.

Четыре минуты, и она в приёмной.

- Отдышись, детка. Павел Савельевич просил принести чай. Видишь, я завариваю. Нарежь-ка лимончик. Для важных разговоров он просит, чтобы был лимончик. Да ты не волнуйся, страшное позади. Лев Александрович ушел навсегда, что может быть ужасней...Разве что для университета с такой потерей может сравниться отъезд нашего корифея Матвея Эммануиловича. Ваш Каримчак сегодня весь день увольняется, бегает с обходным, наносит прощальные визиты по кафедрам.

- Мы его проводили. Прощались...

- Увольняется и уезжает к детям за кордон...Старейший профессор нашего университета, хранитель традиций, и всё такое... Ректору – удар за ударом. Отдышалась? Вперёд!..

Ректор стоял в своем яхт-уголке, перед моделью, сзади него на стене – старинная литография: пароход «Вега» Норденшельда, справа на тумбочке спортивная парусная яхта, модель, а, используя оригинальный вариант, они с Куприяновым работали в нашем яхт-клубе. Дружеские отношения между ними способствовали тому, что Виктории приходилось присутствовать на межкафедральных совещаниях в этом кабинете, пожалуй, чаще, чем кому-либо другому из факультетских, а, не исключено, что и в целом из университетских ассистентов.

И вот сейчас он немного нервничал, о чем говорило задумчивое стояние в яхт-углу. Так называл эту позицию и это настроение Лев Александрович.

Ректор говорил тихим голосом, жестом показал ей садиться.

- В связи с увольнением Матвея Эммануиловича ваша кафедра оказывается фактически обезглавленной. Из четырех ассистентов одна Эльвира Степановна имеет кандидатскую степень и состоит на должности старшего преподавателя. Но она ни за что не согласится заведовать хотя бы один день. От руководства шарахается, как чёрт от ладана.

Марианна Юрьевна за два прихода принесла на подносах большой фарфоровый чайник с кипятком, высокий кофейник с заваркой, коробку кофе, блюдца с нарезанным лимоном, вазочку с конфетами (Бельгия), крекеры и рафинад кубиками. Поставила чашки...

Лицо бесстрастное, возможно, так и надо: уже всё знает в системе вопрос-ответ, мне бы ваши знания, бесценная моя доброжелательница Марианна Юрьевна...

- Виктория Борисовна, – он берёт быка за рога, – вы, сколько мне известно, не собираетесь покидать университет, несмотря на сравнительно небольшую зарплату.

- Я, можно сказать, здесь выросла.

- Тем более. И у вас есть хорошие перспективы дальнейшего роста. Покойный Лев Александрович видел в вас безотказного товарища, дорожащего наукой и

преподаванием. Без лишних слов: я намерен поручить вам временное руководство кафедрой. Хотя бы на период одного учебного года.

- На кафедре несколько достаточно опытных сотрудников. Они стоят в очередь на заведование. Остепененные. В отличие от меня.

- А вот и не стоят!.. Степень – дело наживное. Поторопимся с защитой, это в наших силах. Дело нескольких недель... Объясняю. Все ваши коллеги проходят проверку практикой. Выясняется, что без дополнительного вознаграждения никому не любопытно выйти из своего очерченного круга. А у меня нет резерва для совместительства. Вы же не потребуете оплачивать каждый шаг сверх учебной программы?

- Я не алчна ...

- Я так и думал.

- Вы полагаете, у меня получится?

- У вас – да. Дело ещё и в том, что мы получили письмо от профессора из Канады госпожи Ину Ветта-Джонс. Она уже знает из газет о скоропостижной смерти Льва Куприянова. А у них во время его командировки состоялась договорённость о том, что она приедет к нам, чтобы прочитать курс по своей теме исследований. Отменить такой вояж безусловно не так уж сложно, но ведь как обидно! Я не буду этого делать. Кроме вас встречать Ветту-Джонс и ухаживать за иностранкой, и сопровождать её у нас в городе некому. Можно, разумеется, кому-то навязать в повинность, но впечатление будет не то.

- Сочту за честь.

- Теперь о заведовании. Если вы не согласитесь, то мне в сегодняшней обстановке ничего другого не останется, как слить вашу кафедру с направлением Вадима Романовича Крайнева. На нас давят сверху в смысле экономии средств, и мне довольно трудно отстаивать те направления, которые кому-то на Олимпе кажутся чересчур академичными, не дающими конкретного сиюминутного выхода в практику. Палеоэтнология – украшение университета, но финансисты – прагматики. Они только фыркают, засыпав об этом.

Виктория почувствовала, как у неё становятся горячими мочки ушей, в горле пересыхает, а от щёк наоборот отливает краска. Крайнев? Тот, кто поедает её глазами, рисуется, манипулирует с тростью, кокетничает ударениями в словах «астрономы» и «атомщики»...

- Только не Крайнев, Павел Савельевич! Я тогда уволюсь.

Он озадаченно смотрел ей прямо в глаза, молчал. Оставалось только продолжать.

- Профессор Крайнев был близким товарищем Льва Александровича. Они часто встречались. Но я догадывалась, что научные интересы их не имели между собой ничего общего. И, если бы такая возможность представилась при жизни Льва Александровича, Крайнев бы проглотил нашу кафедру, как законную добычу...

- Пожалуйста, продолжайте. К сожалению, я не имел времени вникать в такие тонкости на вашем факультете.

- Я специально ходила на лекции профессора Крайнева. Он великолепно образован, у него есть чему поучиться, но мне было бы тяжело находиться под его началом. Он авторитарен. А я считаю себя человеком свободным. Мы не сработаемся.

- Стерпится – слюбится? Не так?

- Мне бы не стерпелось. И в этом, плохом варианте я невижу себя продолжающей работу в университете и дело Льва Александровича. А я очень хочу не дать завянутуть его посеву.

- Хорошо. На этом этапе остановимся. Далее. Вы замужем?

- Нет. Я одна.

- Стало быть, в течение года не собираетесь стать матерью. Извините за не совсем скромный вопрос. Но я администратор. Мне часто приходится в нашем, более, чем наполовину женском, учреждении спрашивать об этом.

- Я понимаю вашу озабоченность.

- Обстоятельства самые крайние... Давайте пить чай.

Разлил чай по чашкам, положил ломти лимона, толсто нарезанные Марианной Юрьевной.

Куприянов тоже так разделял лимон.

Толсто надо резать лимон, чтобы плод чувствовался в чашке, а чего ж тонкие-то ломтики...

- Во всяком случае, если вы мне доверяете, то я полагаю справиться и с работой, и с приёмом зарубежной гостьи... Но других сложностей, о которых вы меня спрашиваете, пока что я не ожидаю

- В таком случае, Виктория Борисовна, я вас поздравляю с первым в вашей жизни назначением на командную должность. Пожалуйста, не затруднитесь оформить дальнейшее в отделе кадров.

Виктория встала первой

Он тоже поднялся, сделал шаг навстречу, протянул руку. И она почувствовала полное спокойствие, и краска к лицу её вернулась.

Ректор проводил Викторию до выхода из кабинета.

Приёмная за время посещения ректора ассистенткой Ступицыной наполнилась всяkim деловым народом.

Марианна Юрьевна оторвалась от экрана монитора. Но к разговору не пригласила. Только понимающие глянула и покивала.

- Я позвоню, - пообещала Виктория. И, опустив глаза, быстренько, чтобы ни с кем не пересечься, ретировалась из приемной.

Она не помнила, как добежала, прыгая через ступеньку, до кафедры. К счастью, там было пусто. Быстро оделась, подхватила сумку с бумагами, которые так и не успела вытащить и разложить на столе.

И – хвостик трубой, мои милые!..

А ректор... Он рисковал, конечно же, назначая на заведование кафедрой неостепененную аспирантку. На вырост. Но не за взятку же, а во имя друга. Ради науки.

Про все удары сегодняшнего дня не смогла доложить своей любимице Марианна Юрьевна. Не успела, да и правильно: не след, никак не след дополнительно загружать девочку, и так ошарашенную неожиданным и резким поворотом судьбы.

А было то, чего она давно ожидала. С тех пор, как появился в университете месье Пастушков, жалобы накапливались вместе с проблемами. Особенно заметны сделались шашни проректора с нашими общагами.

Некоторые деятели ничего не стесняются.

Общежития, и прежде раздутые, как футбольные мячи, при Пастушкове понемногу стали откровенно превращаться в гостиницы. Места значительно вздорожали, по выбору Пастушкова селили кого попало, в частности, толпами внедряли туда восточных рабочих. Просочились новости про расценки – от пяти до пятнадцати тысяч за одно место. И коррупционная механика более-менее проявила себя: становилось известно, как, сколько, через кого поступали деньги.

Возле проректора постоянно кучковались какие-то тёмные личности.

Пахло утечкой немалых бюджетных денег.

Мебель списывают почем попало. Заменяют старье на современную дорогую офисную. Казалось бы, хорошо, но отчего-то поставщик один и – близкий родственник проректора Пастушкова.

Под сурдинку избавляются от мебели совсем сохранной, куда потом это девается, никому неведомо.

Так вот и дожили, достукались: пришёл юрист и принёс пухленькую папочку с неким внушительным досье. Как таковое, дело пока не заведено, и юрист наш, университетский, справляется, однако вот-вот, как пить дать, и посторонние появятся, и как бы не в погонах. Пятно на университет и ректора, на весь ректорат. И будем пятнистыми, как леопарды, а кое-кого и в клетку загонят. Субсидии и субвенции – долой, как пить дать, не говоря уж о грантах...

Вот какие страхи не дадут нынче уснуть секретарю ректора Марианне Юрьевне.

А девочка – её утешение. И что – не защищенная? Пока до министерства дойдёт, остеинится. Но кафедра – в целости...

Поздно вечером, выходя из своего кабинета, запирая на ночь дверь приёмной, ректор в глубине коридора увидел двоих, стоявших в обнимку, плотно прижавшихся друг к другу. Их поцелуй издалека показался ему нерассчитанно более глубоким и продолжительным, а объятие куда фривольней, чем простое приветствие хороших приятелей. То были его последние крестники, его выдвиженцы – командир дружины и та, неостепенённая ассистентка, которую он пригласил на временное заведование кафедрой взамен погибшего Льва Куприянова.

Ректора целующиеся не заметили, или скорее сделали вид, что не заметили. Во всяком случае тотчас, как он появился на горизонте, с места снялись и доброй иноходью метнулись к лестнице, шустро спустились, и, пока ректор добрался до выхода и попрощался с охранником, их уже и близко не было.

А говорит, что не замужем...

С другой стороны, можно быть не замужем, но не одной. В университете такие пары, увы, сплошь и рядом. Скорее норма, чем исключение. И ведь при завязке романа не у всех незамедлительно появляются дети – также резон доверять её признанию.

И вот, направляясь к выходу по длинным, полутёмным, безлюдным сейчас коридорам своего университета, ректор пытался разгадать задачку, заданную ему перспективной ассистенткой покойного Льва Куприянова. Всё хорошо, ну, влюблена, ну, женихается, ну, собралась под венец – в прямом или переносном смысле. Рано или поздно это случается с каждым.

Неясно другое: зачем было меня обманывать? Единственное оправдание, которое можно считать адекватным ситуации: Ступицына дала понять косвенным образом, что ректор может на неё положиться. В течение года декретного отпуска от неё не будет, и ректору не придётся в пожарном порядке искать ей замену или губить лёвину кафедру.

Возможно ли, что Ступицына прожжённая карьеристка? Почему нет?

Её же теперь для быстрейшего завершения диссертации и защиты нельзя бросать на произвол судьбы, а надо брать к себе в аспирантуру, карьеристов же я всегда опасался, как излишнюю докуку.

Быть может, не создавать себе новой заботы, объявить конкурс на должность заведующего кафедрой палеонтологии, профессора или доцента а эта аспирантка пусть самостоятельно ищет себе научного руководителя? Захочет, найдёт...

Тоже некрасиво. В память о друге долг велит позаботиться о его ученице.

Нет, будь Ступицына такой подвой, Лев бы не стал с ней возиться так, как он это делал.

Остановившись на этой утешительной аргументации, ректор прошёл к машине, сел в неё, включил зажигание, и тотчас приступил к обдумыванию ситуации, куда более головоломной: как ему выходить из положения, развивающегося вследствие грязноватых проделок проректора Пастушкова.

К сожалению, здесь, при весьма ограниченном объёме информации, угроза высовчивалась куда более злой и жестокой.

Хотя, если отнестись к себе объективно, развитие событий было вполне прогнозируемо, просто иногда следует своевременно отойти от чистоплюйства и доверительности по отношению к своему ближайшему окружению.

А, если кому-то ректорство становится не по силам, тогда снимите поскорее со своей усталой головы шапку Мономаха, повесьте её на гвоздик где-нибудь в чулане и объявляйте досрочные перевыборы...

Глава пятьдесят вторая. Ну, так и что, мой мальчик?..

Заводчица Ульяна всё прокляла, когда согласилась на уговоры любимой подруги и соратницы Татьяны Вольнаренковой подстраховать её, став заместительницей в приюте «Верный друг».

-Я, знаешь, Виктория, к Таньке отношусь хорошо, лучше некуда. Мы с ней подруги. Но Вольнаренкова может уговорить кого хочешь и взять себе в союзники в любом деле. Мы с ней ещё в глобалистах прохлаждались, и, если б она не отступилась, то и сейчас бы там были. Так и с собаками: сыграла на том, что я их с детства люблю, впрягла в работу. Но я же никакая не зоозащитница. Ты меня понимаешь?

- Тебя понимаю. Сама чуть не поддалась на эту удочку.
- Вот. У Таньки дел по горло и ещё выше. Она не хотела меня подставлять.
- Ты уверена?
- Сто процентов. Она на подлянку не способна. Но так получается, что она организатор. Ей бы людей расставить на места, и чтобы всё крутилось.
- Почему-то в приюте не закрутилось?
- Возможно, я не смогла удержаться на высоте...
- Или стеченье обстоятельств.
- За собаками в приют приходят дамы, потому что модно. А вообще защиты как таковой нет и не было. Они же ни малейшей властью не обладают. Благие намерения понятно куда ведут.
- Где-то же есть приюты, у которых и власть, и спонсоры, и вроде никто не ставит палки в колеса. В интернете не только ругачкой занимаются. Кого-то и хвалят.
- К сожалению, у нас не так, Вика. По-моему, Вольнаренкова тебе предлагала сменить её на посту в горячей точке?
- Именно в горячей. Ничего из трудностей не скрыла. За что ей благодарность.
- А ты?
- Честно? Должно быть, выгляжу в её глазах слабачкой. Правда же, боюсь обжечься. Но с другой стороны и решимости отказаться наотрез не проявила.
- А ты прояви. Ты прояви, Вика. Себя пожалей. Меня приют по сути испортил, в жуткой склоке здоровья точно лишилась. Вольнаренкову не виню, но и тебе, и никому не посоветую браться за безнадёжное дело.
- И что, положение совсем безвыходное?
- Одна возможность улучшения, жутко сомнительная...
- Какая?
- Если вдруг найдётся сумасшедший фанат с деньгами, выкупит нас...не нас уже, нет, прости, оговорилась по старой привычке, мы и такую фантастику с Танькой обсуждали.
- И что потом?
- Ну, как? Станет заводить породистых собак, иметь доход, и с того уделит уголок и нашим бездомным...
- Нереально.

- Поэтому я берусь за прежнее своё ремесло, У меня столько денег нет и навряд ли будет. Я заводчица индивидуальная. Здесь получается. Главное – не обманывать клиентов, хранить репутацию. И накапливать экспертную эрудицию. Два фактора: талант и время.

- Насчет таланта, полагаю, я им наделена в минимальной степени...

- Я так, с потолка сказала. Опытность приходит, было бы желание.

- Со временем ещё хуже. Нету ни капельки. Оттого и в колебаниях – брать ли лабрадора, по примеру покойного учителя и в память о нём, либо подождать до лучших времён.

- А они наступят?

- В том-то и вопрос: лучшие времена – те, которые мы проживаем сегодня. Так говорил Куприянов, учитель.

- А твой парень, Максим, как настроен?

- Говорит, что он лично на себя такую ответственность взять не может.

- Вот и я про то же. Заведение собаки – дело архисерьёзное. Прежде, чем принять решение, необходимо определиться с тем, способен ли ты взять на себя обязательство тратить время, и не всегда лишь частицу времени, а в некоторых ситуациях всё своё время не столько на себя, сколько на собаку, отдаваться этому целиком и полностью. И, заметь, мы толкуем пока всего лишь об одной собаке. А если их несколько? Виктория, собаки любят уход. И ценят. Потому что время, потраченное на собаку, пропорционально её состоянию.

- Ректор предложил мне временно заведование кафедрой, притом навырост.

- То-то оно и есть, что расти будешь.

- А ты?

- А мне одного ассистентства у Крайнева за глаза хватит. Он человек не прижимистый, не педант. Требования минимальные – лояльность к нему и выполнение программы. Остальное – занимайся, чем хочешь, и как умеешь.

- И ты?

- Я реализуюсь в любви к животным. Сейчас я держу двух собак, большую и маленькую, очень дорогие, с ними занимаются кинологи. И всё мне мало... Ещё у меня три кошки, одну подобрала на улице. Варим ведро еды – животным и людям – мужу, себе, бабушке и няньке. Что сами едим, то и наши звери. А как иначе, Вика?

- У тебя муж покладистый.

- Смирился с судьбой. Мужик мой вначале боялся собак, не подходил к ним, сейчас привык, даже какашки подтирает.

- Но ты же не всецело заводчица?

- Сыну 4 года, ходит в садик. Ванечке готовлю отдельно... Бабуля у нас не здоровая, нянька приходящая, когда нужно, зову, не отказывается. Как-то в доме устроено.

- Ужасно хочу ребенка. Пообещала ректору, что подожду хотя бы год.

- И всё-таки, Вика! Всё-таки! Хочешь, буду твоей заводчицей? У меня на выданье чудесный риджбек. Я тебе его отдам. Условия обычные. Юридически собака остается в моей собственности, но это не обременительно. Ты мне должна отдать одного щенка, первенца, и то - если сука, - остальные остаются твоими. Кота не предлагаю, это на любителя. У меня огромный котище Магнус, пушистый, уши с кисточками, беру его на руки – едва помещается.

- Красивая у тебя жизнь, Уленька. А у соседей?

- Так, ничего. Соседи присмирили, не пикнут. Собака воет, когда меня нет дома. Неудобство, но все знают, что мы строимся, и, как переедем в коттедж, то им станет совсем комфортно.

Самая проблемная соседка - тетя Настя, настоящая психобольная. Не сразу поняли, что она такая. Сосед по даче у нее воровал огурцы. Якобы. «Быть может, вы ошиблись?» «Нет, я считала. Через одного пропадали». Встретила мою маму на

лестнице. «Зачем вы про моих детей наговорили гадостей, что они воры, наркоманы, проститутки?». Мама, такая: «У вас есть дети?» Настя запросто наговорит – детей-то как раз нет и никогда не было.

Собака бросила палку у её двери. «Вы хотите меня извести, палку подбросили, порчу наводите через палку. В розетки – газу напускаете». Гости у меня. «Музыку крутите, хотите меня извести». Из общей двери, закрывающей площадку, вывернула замок, чтоб нам было плохо.

Я выводила собаку гулять. Что моя собака перед дверью бесится? Открыла, а там пьяный валяется. У нас девятый этаж. Сразу вызвала трезвяк. Не быстро, но приехали.

Виктория

- Ну, так и что, мой мальчик?
  - Насчет чего – и что, Виктория?
  - Насчет собаки.
  - Просто не знаю, как ответить? Забыл сказать, что мне дядя Юра собирается подарить свою машину.
  - Ничего себе – забываешь...
  - Ещё не факт. Когда оформит, тогда и будет о чем докладывать.
  - А как же он сам?
  - Он себе подбирает другую, с его позиции поинтересней. У него хонда не сильно подержанная, вообще почти без износа, ты на ней каталась. Притом же договорился с начальником райотдела Дроздовым, я тебе о нем говорил, мировой мужик, - чтобы у меня был компетентный инструктор по обучению и сдаче на права - из гаишников. Поверь, я блатом не пользуюсь. Он сам решает, дядя Юра.
  - Где ставить будешь машину?
  - Где все ставят, там и я.
  - Все ставят возле дома. Скоро уже одну на другую загонят, столько их развелось. Верхом друг на дружке поедут. И так дышать нечем, а эти коробки без конца газуют и газуют.
  - Ты, Вика, против автомобиля в принципе?
  - Я как-то не очень большая его поклонница, правда что...
  - Я же не говорю, что я не хочу лабрадора. Но когда-нибудь позже. Позже – давай, а, Вики-Вики?
  - Когда он тебе дарит?
  - Может хоть сейчас, но не хотел бы себе брать подержанную.
  - А чего это он так расщедрился? Денег куры не клюют?
  - Сказал буквально следующее: «Совесть замучила, сколько у тебя брал на бензин. Откупаюсь машиной...».
  - Соизмеримо разве одно с другим?
  - Ни в малейшей степени. Но дядя Юра знает, что сказать и как объяснить...
  - Хочу понять мотивацию. Берёт тебя на работу? Переманивает дорогим подарком?
- Не из одних же родственных чувств машинами швыряются.
- Не знаю, не знаю, но виды на будущего юриста, должно быть, имеет.
  - Тебе сколько еще учиться осталось? Полтора года?
  - Три семестра.
  - Тогда всё ясно.
  - Что тебе ясно, Виктория, когда я сам в тумане?
  - Ясно, Максим, что с лабрадором в доме мне не светит.
  - Зато машина...
  - Ах, ладно, мой милый, люби меня только, и никогда не обманывай, а всё остальное – на потом. Да ведь?

- Вот уж как ты скажешь «да ведь», больше и слов не надо... Иди-ка лучше сюда, моя радость...

Максим

Лежу, просыпаюсь.

- Максёныш, ты не хочешь поставить гладильную доску?

- Не хочу.

- Ты сам не знаешь, чего ты хочешь.

Лежу, сображаю, что бы это значило.

Необходимо, секунды не теряя, подняться, подойти к шкафу, вытащить довольно-таки громоздкое устройство для гладильного белья, развернуть, не ошибиться и вогнать перекладину именно в тот паз, который подходит к росту Вики-Вики, проверить, сложить и поставить.

Главное – немедленно включаться. Потому что в нашем обиходе единожды сказанное больше не повторяется. Напоминать не в её правилах. Скорее сама всё сделает. Но тебе от этого легче не станет.

Не так-то уж и страшно, держит в тонусе, добрый тренинг.

Но – при других обстоятельствах. Только бы не сейчас.

Потому что я тоже не лыком шит. Вот я и говорю, не поднимаясь:

- Есть варианты.

- У тебя всегда варианты. Какие на этот раз?

- Подойдёшь ко мне, так скажу.

- Какие у молодожёнов варианты? У всех одни и те же...

- Ты-то откуда знаешь, какие у всех?.. У всех... тоже мне скажет...

Предвижая, что будет дальше, поколебалась, но подошла.

- Банально, - произносит она, - банально, Стюардик... Как ты банален, друг мой...

- Тупой, да?..

- Тупица... Еще какой...

- Да. Такой...

Виктория

Утром молодая мама посыпает двоих детей – мальчика и девочку – в садик. Для того, чтобы туда попасть, надо перебраться через дорогу.

Она убедилась, что машин с обеих сторон нет. Командует:

- Впир-рёт-т!

И они идут. А мама вдогонку:

- Смотрите, не упадите!

- Мы уже упали!

Она обескуражена: идут же. Хоть вдогонку бросайся.

Один спохватился:

- Я не упал!

- И я не упала!

Я быстро закончила дела в университете. Тороплюсь домой – засесть за работу. И размышляю.

- Что я скажу моему Стюарду? И что он ответит?

Пожалуй, надо сразу и отрубить признанием:

- Мне не хочется подводить ректора, но я решила покинуть университет. Я не вижу себя в науке – после смерти Льва Александровича его направление скорее всего замрёт. Законсервируется, впадёт в анабиоз. Полностью не исчезнет, не сотрется из

памяти. Но и никак не двинется к новым горизонтам, мне это виднее, чем кому бы то ни было... Созданная им палеоэтнология возобновится лет через тридцать, не раньше. По крайней мере, у нас в стране.

- А ты не могла бы продолжить дело учителя? – спросит Максим.
- Времени было мало, чтобы сделать его своим учителем. И вот я спрашиваю себя: готова ли я посвятить жизнь такому подвигу, как сделал это он?
- И что ты себе отвечаешь?
- Скорее – нет, чем да... Мне было интересно, но я не настолько подготовлена, чтобы немедленно перехватить инициативу. На это может уйти много лет, а я не хочу стариться в достижении не слишком выстраданной цели, в неизбежных дрязгах с карьеристами по дороге. Я не настолько романтична.
- Во что себя превратишь, отказавшись от науки и научной карьеры? Что будешь делать?
- Учить детей. Или завести псарню, как Ульяна. Но делать немедленные шаги, хотя бы принимать приют у Тани Вольнаренковой тоже пока не хочется.
- Со мной – в юристы? Давай?.. Второе высшее, пока молодая? Из тебя хороший адвокат получится.
- А судья?
- Может, и судья.
- Ну, это совсем уж попусту прожигать жизнь. Абсолютно не моё!..

И вот так я иду и мысленно конструирую диалог с моим Стюардом, который всё дальше уходит в собственные и совершенно чуждые мне сферы борьбы с криминалом.

Максим интересен, но я уже от него с его службой устаю временами, а дальше-то что будет? Его привлекает всё грубое, резкое, он имеет стойкий иммунитет к той жестокости, что избрана им как профессия. Присутствую ли там я, с моими метаниями, с моим интересом к древностям и одновременно к прогнозам на будущее, к выстраиванию единой цепочки в непрерывности человеческой истории?

Мне нужен руководитель, но не навязчивый, – готов ли этот в сущности мало известный мне человек на такую роль?

Я прочитала целую библиотеку, я две библиотеки перечитала!..

А он... Разобраться в его чтении трудно. С другим в нём – куда легче. Вскочить с места по зову извне, лихорадочно натянуты на себя свитер, джинсы и куртку – по первому сигналу телефона!.. И рвануться вон из дома, как будто меня нет вовсе, а его здесь по крайней мере чуть ли не моей рукой кто-то за штанину держит, – и умчаться туда, где ловят, имают, вяжут, стреляют и рисуют быть подстреленными, убитыми ножом... где боль, и где кровь и слезы – тут весь он. И так всю жизнь?

Что же остаётся для бедной Виктории, учёной девушки?

Дети, конечно же, дети... Всё?..

- Еду из университета в маршрутке. На соседних сиденьях – с родителями девочка лет двенадцати. Судя по разговорам, она откуда-то приехала, возможно, из лагеря, хотя как будто ещё не время. На поводке маленькая собачка, вроде таксы, но не такса.

- Играет бровями, вроде подмигивает, – говорит пожилая дама, видимо, обожающая собак. – Играет...

- А кошки у вас нет?

Мать: – Есть, но они не враждуют.

- Нет аллергии?

Девочка: – Если бы была аллергия, я бы не приехала. ...

Собачонка бросилась, ласкается, облизывает руки. Хозяйки очень долго не было. Скучала.

- Какая порода?

Не знают, кто такая, ни дитя, ни родители. .

Еще один пассажир выводит из затруднения:

- Каштанка. Помесь таксы с дворняжкой. Чехова не забыли?

И вот я иду по своему парку и по двору, и не устаю вбирать впечатления от, казалось бы, виденного, перевиденного тысячи раз, и крепкая ткань жизни - картина за картиной - открывается моему взору.

Гуляют женщина лет сорока пяти и две девочки не старше четвёртого класса. У взрослой на поводке большой тёмнокоричневый пёс. Тут же свободно бегает беспородная метиска - маленькая, рыженькая, волосатая симпатяга.

Вот большой пёс ухватил с земли что-то, грызет. Хозяйка велела девочкам отобрать. Одна приласкала пса, гладит, лезет ему в пасть, с большим усилием вынимает недогрызенную вещицу, показывает:

- Кость.

- Выбрось! Ему нельзя хватать что попало.

Предполагая, какой породы предмет их заботы, Виктория на всякий случай решает уточнить:

- Это кто?

- Лабрадор шоколадный.

- Сколько ему?

- Пять месяцев. Щенок.

- А ей?

- Два года, - отвечает девочка. Хозяйка, снисходительно: -Пенсионерка.

Девочка, надув губы:

-Вы будете пенсионеркой, она вокруг вас побегает!...

- Дерзишь.

Все шутят. И всем комфортно.

А у меня мороз по коже. Лабрадор Барри – ты, должно быть, отправился вслед за хозяином, на те поляны, на те камни, откуда нет к нам возврата?...

Ты не был шоколадным. Ты не был сладким. А был ты горючим и бродягой, и где ты кончил свои одинокие дни – не знаю и знать не хочу... Такая боль...

- Вот так вот – взять и купить щенка лабрадора. Щенка не овчарки, не дворняшки, не догини-богини, не чеховской помеси таксы с дворняжкой. Именно лабрадора, только его, и чтобы был мальчик... Увести к себе. Куда бы это – к себе? В мамины квартиру или в ту, что на-днях мы сняли с Максимом? И как отнесется мама? Или хозяева?

Или Стюард Максим? Так у нас ещё нет собственного угла. А в арендованной квартире такого большого товарища вряд ли позволят держать.

Ещё по нашему парку прогуливаются две молодые женщины с ребёнком лет не больше двух. Мальчик явно не очень давно научился ходить и теперь гоняется за собачкой чау-чау. Она небольшая, рыженькая, поводок тащится по земле, и не делает больших усилий, чтобы оторваться от блондинистого ребёнка, который, между прочим, не слишком-то превосходит ее ростом.

Мама и её подруга поощряют эту пару призывами:

- Миша, смелее! Ерофей, быстрее! – и совершенно искренне веселятся.

Спрашиваю:

- Кто Миша, а кто Ерофей?

- Угадайте.

В это время мальчик упал. Взрослые поднимать его не торопятся, и он спокойненько, без рёва и криков, посапывая, сам поднимается, становится на ножки, и продолжает охотиться за собачкой.

-Угадайте, - повторяют..

- Ну, наверное, Миша это тот, кто упал?
- Вот и не угадали. Это Ерофей. А то – Миша.

Чем сейчас сидеть в четырёх стенах, я так и стояла бы праздно, и бродила бессмысленно - по двору, по городу, где угодно, неспровоцированно подглядывая за безыскусным чужим счастьем.

Но это же стыдно. Макс так не скажет, но для меня, самонадеянной, и самые мысли его прозрачны.

Заведи собственных детей, и становись в один ряд с другими родителями, так нет же, Виктории подавай дело по душе, подавай карьеру.

Люби мужа, казалось бы, и опять-таки живи, как все! Ради него, ради семьи... Что-то мешает.

И он тоже ведь неспособен играть в поддавки, он убегает, он там, среди грубиянов и циников, считающих себя рыцарями прогресса. А я не свыкаюсь и мне никогда не сблизиться с этой спецификой, которой слегка хлебнула в нежном отрочестве.

Всего и зачерпнула-то чайной ложечкой, но оказалось на всю жизнь достаточно...

-Ты, Стюард, в качестве рыцаря, когда уйдёшь в поход, то на себя натянешь серебряные латы, а свою прекрасную даму оставишь обречённой носить железную опояску. А ключик заберешь с собой...Не так ли?

- Нет, что ты. Я тебя люблю, а ты меня нет, если способна на такое предположение.

- Уже и пошутить нельзя?

- Можно. Шутить можно. Сколько угодно. Шути себе, пожалуйста, на здоровье!...

А у самого опасный желвачок на щеке катается.

И как сказано!.. С вызовом.

Потому что для него служба табуирована для критики.

Возможно, я, Макс, уйду от тебя когда-нибудь в обозримом будущем, и мы расстанемся. И не для того, чтобы видеться хотя бы время от времени, даже если будем находиться поблизости друг от друга, а вот так, как удалился Рудольф Иванович Крюгер - за рубеж рванул, и дело с концом.

Но ещё не завтра.

Потому что завтра у меня ответственный семинар, и мне просто для самоутверждения необходимо прочесть и усвоить не менее полутораста страниц убористого текста по-русски, по-английски, и порядочно времени покорпеть над французским со словарем, поскольку пришли две ярких публикации из Канады, из Квебекской провинции. И госпожа И. Ветта-Джонс напечатала их на французском языке.

А я перед госпожой И. Ветта-Джонс не могу ударить в грязь лицом.

Мы никогда не виделись воочию, тем не менее у нас с ней особые отношения.

И от меня не отступает вечно терзающая, когтистая забота: ну, где, где на всё взять время?

Занять бы у кого-то, да всем и самим нужно, никто не поделится, ни мама, ни рыцарственный Стюард, ни даже абсолютно бескорыстная Елизавета Петровна. Точно так же, как ты не создан для того, чтобы, сделавшись моим мужем, и на этом всецело сосредоточась, носить за мною портфель и хозяйственную сумку, и тем быть довольным...

Кто мы такие? Кто ты? И кто я?

И почему так сложилось, и так сплелось, и так неразрывны во времени и пространстве - **ты и я?..**

Я в жизни никогда не пл`ачу. Как ни тяжело на сердце, слез нет.

Но дважды рыдала, громко, взахлеб, и слезы всё заливали так, что исчезало зрение...

В первый раз, когда схоронили бабушку. Вообразила, что осталась одна-одинёшенька на всём белом свете. Да так оно по сути-то и было.

Стояла в дворовом тупичке за сараем, среди пустых картонных коробок и ящиков, и вся отдалась плачу. Услышала мой рёв Паулина Карловна, не поленилась, прошла в мой глухой угол.

Не сентиментальничала, скорее наоборот, сказала почти сурово:

- Хочешь жить долго? Привыкай к утратам.

Хочу жить долго. А привыкать к утратам, естественно, нет, не хотелось бы. К ним как привыкнуть?

Узнала о гибели Льва Александровича.

Засела у него в кабинете, был поздний вечер, и университет опустел, и ректор уже ушёл, и Марианна Юрьевна, добрая фея.

И вот опять я захлебывалась слезами. Но не нашлось на тот час Паулины Карловны, ибо уже в незапамятные времена мне довелось и её приписать к растущему перечню своих утрат.

И с кем-то делить горе не получилось.

Не звать же Стюарда: тот мой рёв был спонтанным...

Есть переживания, которые не облегчаются от чужого вмешательства.

Не у каждой беды – своя Паулина Карловна...

Послесловие. Из переписки по электронной почте

№ 1. Наша справка

По данным на второе полугодие 2014 года имеем следующее:

1. *Третье тысячелетие наступило в обозначенный срок с астрономической точностью, и существует по Земному Шару с обычными для данного региона Вселенной особенностями и приключениями. Свежее впечатление от буднично промелькнувшего Миллениума быстро стерлось. Планета не погибла, движение жизни не прерывается. Наше ТВ отряхнулось, и, как ни в чем не бывало, запрыгало дальше.*
2. *Наличие медицинских вытрезвителей в системе МВД признано нецелесообразным. Учреждения закрыты. Однако адекватная функциональная замена по сей день отсутствует.*
3. *Российские университеты сегодня принято делить на эффективные и не приносящие практической пользы. Чёткие критерии водораздела, насколько можно судить по прессе, не до конца разработаны. Описываемый нами вуз в гонке на выживание, похоже, не проигрывает. Более того, получил солиднейший приз в виде постройки новых корпусов.*
4. *Общественные организации типа нестандартного клуба «Решето» фактически окончательно прекратили существование, лишившись хоть какого-то финансирования и утратив интерес к ним былых приверженцев. Эти последние выходят из игры отчасти по возрасту с присущими тому немощами и нездоровьем, отчасти же, увы, в связи с кончиной. И кроме того у каждого бесспорным поводом в жизни окончательно стал телевизор, а у большинства ещё и интернет.*
5. *Проблема «животные в городе», пущенная на самотек властями и гражданами, по-прежнему представляется трудноразрешимой. Жизнедеятельность приютов*

- для бездомных животных, как и раньше, во многом зависит от энтузиазма, энергии и профессиональной выносливости их активистов.
6. Сословие бомжей (они же бродяжня и люмпены, маргиналы) вымирает, новые персонажи рекрутируются туда почти что штучным числом, по многим причинам, но главные таковы: относительное насыщение населения едой и одеждой, ограничения, накладываемые на неуправляемые контингенты различными охранными и защитными мерами, и, разумеется, стремительное развитие транспорта. – вот магистраль, отбрасывающая и перемалывающая людей с обочины. Характер обращения с транспортными средствами и соответствующее законодательство исключают управление и обладание ими (транспортными средствами) для лиц, неспособных командовать даже самими собой по причинам умственного и/или физического неблагополучия.
7. Ибо народная мудрость, высказанная устами брата Федосея, гласит:
- Не буди лихо, пока оно тихо!..
- С дополнением от дяди Юры:
- Всякому овощу свое время.
- А темя Лиза подумает, но из деликатности промолчит:
- Беда, барин, буран.

№, допустим, 3

Многоуважаемая госпожа И. Ветта-Джонс!

Господин Ректор нашего университета и я, Виктория Ступицына, сердечно благодарим за присланное Вами тёплое письмо с соболезнованиями по поводу трагической кончины нашего общего друга Льва Александровича Куприянова, о которой Вы узнали из сообщений мировых средств массовой информации. Скорбим вместе с Вами.

По Вашему запросу направляем подробный некролог для опубликования в возглавляемом Вами журнале.

Надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество между нашими университетами.

Господином Ректором мне поручено подтвердить Вам приглашение в будущем учебном году прочесть Ваш авторский курс у нас на факультете естественных наук.

Очень сожалеем, но в настоящий момент выбранный Вами для профессора Куприянова и подготовленный к отправке в Россию щенок породы «лабрадор ритрайвер» нами не может быть принят по объективным причинам.

Буду с нетерпением ожидать Вашего приезда.

С уважением

Виктория Б. Ступицына,
ассистент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой
палеоэтнологии.

№ 53 (предположительно)

... и вот здесь-то, ангел мой Вики-Вики, создание мое Виктория, дитя неповторимое, дозволь мне тебя оставить. Дабы не препятствовать более тебе и без помех, и с полным доверием обратиться к твоему Стюарду. Он тоже не молчун, а парень не промах и, верь мне, человек надежный. И наверняка не хуже меня сможет развеять недоумение твоих вопросов.

Я же, так и быть, умолкаю.

Устал.

Б. Тучин, твой автор.

01.07.14

Последние редакции. 11.03.2018, 20.02.2019

Отдельные издания 2014, 2019

Оглавление

.....

.....

Статистика:

страниц 255

слов 114 158

знаков с пробелами 628 829

Библиография:

Борис Тучин. Вернуть лабрадора. Роман. – 472 с. Новосибирск. 2014